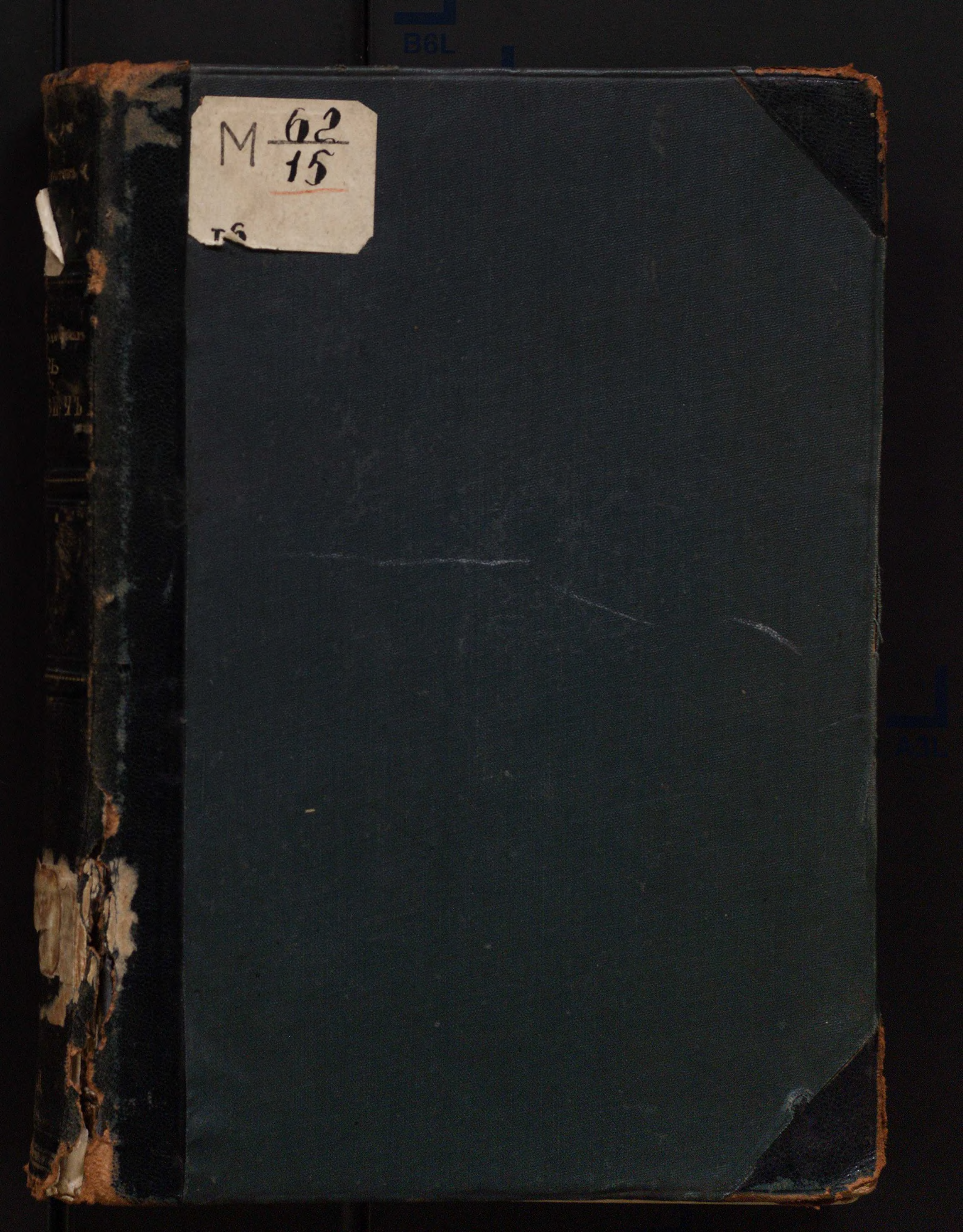


ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ

ПАСКЕВИЧЪ

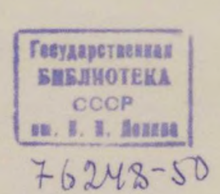
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

По неизданнымъ источникамъ составилъ
Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ
Князь Щербатовъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

1848—1849 гг.

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, собственный домъ, № 14.
1899.



Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

Оглавленіе шестого тома.

стр.

стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Страницы.

Страницы.

Страницы

Страницы.

Глава I.

1848 годъ.

Вліяніе заграничнаго броженія на умы жителей Царства Польскаго.— Польскія мечтанія.—Опасность революціоннаго движенія въ Германіи, Австріи и Венгріи для спокойствія края.—Переустройство Германскаго союза; Франкфуртскій сеймъ.—Мятежъ въ Берлинѣ.—Выступленіе войскъ.— Либеральное министерство.—Возмущеніе въ княжествѣ Познанскомъ. — Отзывъ Государя о прусскомъ королѣ. — Усиленіе военнаго надзора на прусской границѣ.—Приготовительныя мѣры для приведенія дѣйствующей арміи въ военное положеніе.—Осложненія въ Австріи.—Возстаніе Ломбардіи и Венеціи. — Волненія въ Галиціи. — Вопросъ о продовольствіи войскъ.—Истощеніе казны Царства Польскаго.—Настроеніе прусскихъ войскъ.—Польскіе легіоны въ Познани.—Заговоръ въ Варшавѣ.—Реакціонная сила нѣмецкаго населенія въ Познани.—Настроеніе Государя.—Шлезвиго-Датскій вопросъ.— Временное правительство въ Килѣ. — Помощь со стороны Пруссіи.—Вмѣшательство Швеціи и Россіи.—Начало учрежденія военныхъ агентуръ.—Прусскія войска въ Даніи.—Генералъ Врангель.—Его ослушаніе, затѣмъ подчиненіе приказу короля.—Мальмеское перемиріе.—Революція въ Вѣнѣ.—Національная гвардія.—Собраніе представителей по законодательнымъ и административнымъ вопросамъ.—Временное правительство въ Прагѣ.—Помощь возстанію въ Ломбардіи сардинскимъ войскомъ.—Радецкій.—Совѣты Англіи и папы.—Уступки австрійскаго правительства Венгріи.—Удаленіе императора въ Иннсбрукъ.—Побѣда Радецкаго при

Кустоцць.— Требованія южныхъ славянъ.— Банъ Елачичъ.— Реакція общественнаго мнѣнія въ Берлинѣ.— Подавленіе возстанія въ Прагѣ.—Вооруженіе Венгріи.—Кошутъ.—Неистовство черни во Франкфуртѣ.—Мятежи въ южныхъ государствахъ Германіи. — Просьба о помощи короля прусскаго.— Отвѣтъ Государя.—Консервативное министерство гр. Бранденбурга.—Отъѣздъ императора австрійскаго въ Ольмюцъ.— Бунтъ въ Вѣнѣ. — Подавленіе его войсками Виндишгреца и Елачича.—Министерство кн. Шварценберга. — Кремзирскій сеймъ.—Отреченіе отъ престола императора Фердинанда.— Распущеніе прусскаго національнаго собранія; королевская конституція. — Расположеніе Государя къ Франціи. — Политическое настроеніе различныхъ слоевъ населенія Царства Польскаго. — Экономическое благосостояніе края. — Введеніе русскаго уложенія о наказаніяхъ.

Управленіе фельдмаршала князя Варшавскаго установило спокойствіе и положило прочное основаніе экономическому развитію Царства Польскаго, но не могло устранить, въ средѣ его населенія, вліянія заграничнаго революціоннаго броженія. Дѣятельная и сильная денежными средствами польская эмиграція, находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Царствомъ, постоянно волновала шляхту и духовенство, поддерживая мечтанія о возстановленіи независимой Польши. При значительномъ протяженіи нашей западной границы, полицейскія мѣры не въ состояніи были прекратить эти сношенія, что сознавалъ какъ Государь Николай Павловичъ, такъ и его намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ. Только время и развитіе въ странѣ политическаго смысла могли выяснить полякамъ несбыточность эмиграціонныхъ мечтаній.

Конечно, въ началѣ 1848 г. въ Царствѣ Польскомъ никто не осмѣливался помышлять даже о возможности мятежа, но вся шляхта готова была во всякое время присоединиться къ той враждебной и сколько-нибудь значительной революціонной силѣ, которой удалось бы ворваться въ западныя владѣнія наши. Твердая рука фельдмаршала убѣдила населеніе Польши и даже эмиграцію, что борьба съ Россіею имъ рѣшительно не подъ силу, но мечтанія о вмѣшательствѣ враждебной Россіи иностранной силы въ политическія судьбы Польши все еще волновали умы поляковъ.

Французская революція, внезапно охватившая въ февралѣ 1848 г. Парижъ, а слѣдовательно и всю Францію, не возбудила опасеній русскаго правительства ни въ Варшавѣ, ни въ Петербургѣ и не усилила надеждъ польской эмиграціи. Какъ справедливо находилъ Государь Николай Павловичъ, Франціи было много дѣла у себя дома и симпатіи ея къ Польшѣ, въ крайнемъ случаѣ, могли выразиться не болѣе какъ нѣсколькими ораторскими фразами депутатовъ крайнихъ революціонныхъ партій.

Правительство, созданное на развалинахъ монархіи Луи Филиппа, домогалось только признанія республики Европейскими Державами и заботилось о мирныхъ съ ними сношеніяхъ. Зато послѣдовавшее затѣмъ революціонное движеніе въ Германіи, Австріи и въ особенности въ Венгріи не могло не возбудить и въ Царствѣ Польскомъ надежды на возстановленіе независимой Польши, и если упованія эти подъ твердой рукой фельд-

маршала явно не проявлялись, тѣмъ не менѣе напряженіе умовъ въ ожиданіи политическихъ осложненій несомнѣнно захватывало всѣ высшіе слои населенія Царства Польскаго.

Для болѣе яснаго изложенія обстоятельствъ того времени и того вліянія, которое они оказывали какъ на правительственныя сферы Петербурга и Варшавы, такъ и въ средѣ населенія Царства Польскаго, необходимо въ главныхъ чертахъ напомнить о революціонномъ движеніи, въ то время окаймлявшемъ наши западныя границы.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Берлинѣ и во Франкфуртѣ на М. правительство задавалось переустройствомъ Германіи изъ союза государствъ въ союзное государство. Въ дѣйствительности хотѣли устроить то, что позднѣе, черезъ 23 года, было создано покойнымъ императоромъ Вильгельмомъ I-мъ. Прокламація въ этомъ смыслѣ была подписана прусскимъ королемъ, наслѣдникомъ престола (впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I-й) и министрами.

Во Франкфуртѣ на М. для этой цѣли собрались депутаты отъ всѣхъ союзныхъ государствъ и приступили къ пересмотру конституціи Германскаго союза. Начинанія эти, исходившія отъ престоловъ германскихъ государей, были предприняты подъ давленіемъ революціонныхъ партій, намѣренія которыхъ не ограничивались созданіемъ только Германской имперіи, но въ особенности стремились къ учрежденію представительныхъ правительствъ со всѣми его естественными послѣдствіями (свобода печати, свобода слова, судъ присяжныхъ и т. д.),

и, какъ всегда при усиленномъ движенiи революцiонныхъ партiй, ко всѣмъ конституцiоннымъ требованiямъ присоединялось еще анти-монархическое республиканское направленiе. Вся Германiя была охвачена такого рода броженiемъ. Въ Берлинѣ, вслѣдъ за королевской прокламацiей 12-го марта, у дворца собрались народныя толпы благодарить короля. Король вышелъ въ радостномъ настроенiи. Въ это время на площади, оглашаемой народными привѣтствiями, случайно изъ рядовъ незначительной части войскъ, стоящей у дворца, раздались 2 выстрѣла, — вѣроятно даже холостыми зарядами, такъ какъ никто въ народѣ не былъ ни убитъ, ни раненъ. Въ ту же минуту какъ изъ земли выросли баррикады, при вопляхъ: „измѣна, къ оружiю“.—Нѣтъ сомнѣнiя, что баррикады эти были заранѣе приготовлены революцiонной партiей. Началась уличная свалка. Войска твердо проявляли свою традицiонную преданность королю и порядку. Мятежъ вездѣ отступалъ передъ войсками, какъ вдругъ, около 2-хъ часовъ дня, послѣдовало отъ короля приказанiе войскамъ отступать и наслѣдный принцъ, считавшiйся общественнымъ мнѣнiемъ главою крайне консервативной партiи, долженъ былъ выступить изъ Берлина во главѣ гвардiи и берлинскаго гарнизона.

На другое утро образовалось либеральное министерство. Объявлена была полная амнистiя. Король объявилъ, что Пруссiя сливается съ Германiей, и созывалъ народныхъ представителей.

Одновременно въ Познани вспыхнуло возстанiе, либеральнымъ прусскимъ правительствомъ даже нѣсколько

поощряемое. По этому поводу фельдмаршалъ доносилъ Государю: „Самыя неожиданныя и разрушительныя „событія совершаются съ неимовѣрною быстротою. Изъ „представляемой у сего записки Ваше Императорское „Величество изволите усмотрѣть, до чего дошли дѣла въ „Пруссіи. Обстоятельства, сопровождавшія освобожденіе „Мирославскаго и его сообщниковъ, вѣнчаніе ихъ цвѣтами „въ присутствіи короля и объявленное ими, что Польша и „Пруссія будутъ другъ друга поддерживать противъ Рос-„сіи—неоспоримо доказываютъ изступленіе умовъ, коимъ „правительство не можетъ уже поставлять никакихъ „преградъ. Это оказывается и на самомъ дѣлѣ. По послѣд-„нимъ рапортамъ изъ Калиша, почти все Познанское „княжество въ возстаніи, всѣ носятъ польскія кокарды, „толпы вооружаются косами, мѣст. Милославъ взбунто-„вано Домбровскимъ, на граничныхъ столбахъ выстав-„лены польскіе орлы. Необузданная шляхта познанская „можетъ быть черезъ нѣсколько дней будетъ со всѣхъ „сторонъ стараться проникать съ шайками въ Царство „Польское и вскорѣ образуются для сего сильные отряды. „Тому, что будетъ дѣлаться въ Познанскомъ княжествѣ, „будутъ вѣроятно подражать и въ Галиціи, и мы будемъ „подвержены вторженіямъ и съ запада, и съ юга. Нельзя „даже не опасаться, чтобы съ открытіемъ сейма въ Бер-„линѣ правительство не было принуждено объявить намъ „войну“ *).

Среди этихъ обстоятельствъ король прусскій, опи-

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

сывая Государю революціонное броженіе въ Германіи, просилъ Государя подвинуть русскія войска къ границамъ Познани, дабы угрожать возстанію этой провинціи. Въ это время Государь былъ крайне возбужденъ двойственностью и слабостью короля прусскаго и писалъ фельдмаршалу 15-го марта: „Сегодня, вечеромъ, „узнали мы про декларацій короля Прусскаго, гдѣ онъ „объявилъ, что становится главой Новой Германіи и „уничтожаетъ Пруссію. Посмотримъ, кто послѣ подобныхъ „его дѣйствій захочетъ признать его за своего главу!“

„Геройскому поведенію прусской гвардіи видѣть подобную награду, подобное униженіе—взрываетъ всякое „благородное сердце!

„Мы всѣ поражены какъ громомъ!

„Король теперь слѣпое орудіе демагоговъ, которые „имъ ворочаютъ какъ куклой и все его заставятъ сдѣ-„лать, даже самое подлое“ *).

Тѣмъ не менѣе, по настоятельному представленію фельдмаршала, часть войскъ была подвинута къ познанской границѣ и тогда же фельдмаршалъ приступилъ къ приготовительнымъ мѣрамъ (въ особенности по продовольственной части) для приведенія дѣйствующей арміи въ военное положеніе. Государь писалъ фельдмаршалу, что „если возстаніе въ Познани не будетъ укрощено „или укротятъ одними польскими обѣщаніями, тогда „близко будетъ къ войнѣ“ **).

Въ то время начинались политическія осложненія и въ

*) См. прилож. I, 5.
**) Тамъ же.

Австріи. Въ Ломбардіи, въ Венеціи вспыхнуло возстаніе, поддержанное королемъ Сардиніи. Галиція также волновалась.

Фельдмаршалъ, по мѣрѣ того какъ обстоятельства сосѣднихъ государствъ выяснялись, еще не ожидалъ войны, но настаивалъ на необходимости оградить наши западныя владѣнія отъ вторженія сильныхъ вооруженныхъ шаекъ и, для этой цѣли стягивая войска къ границамъ австро-прусскимъ, принималъ дѣятельныя мѣры для подготовленія запасовъ въ предвидѣніи всегда, при такомъ смутномъ положеніи дѣла, возможныхъ и неожиданныхъ обстоятельствъ. Для этой цѣли фельдмаршалъ находилъ нужнымъ стянуть войска 2-го и 1-го корпусовъ, 10-ю и 12-ю пѣхотную и 4-ю кавалерійскую дивизіи на тѣсныя квартиры поближе къ западнымъ нашимъ границамъ и писалъ Государю, что „нѣтъ запасовъ для столь значительныхъ массъ въ стѣсненномъ пространствѣ“, и притомъ объяснялъ, что обыкновенная система заготовокъ въ настоящее время едва ли возможна. Приходилось дѣйствовать быстро, а при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія въ Литвѣ и Россіи ни коммисаріатскій, ни подрядный способы не были пригодны, тѣмъ болѣе, что кромѣ продовольственныхъ запасовъ для войскъ, поставленныхъ на тѣсныя квартиры, приходилось на всякій случай приготовить запасы въ предвидѣніи неожиданныхъ обстоятельствъ, потребующихъ движенія нашихъ войскъ за границу. Соображенія эти побудили фельдмаршала предложить систему реквизицій въ самой странѣ, установивъ постоянную годовую плату за про-

віантъ, фуражъ, мясо и водку. Кн. Варшавскій предполагалъ распространить эту мѣру не только на Царство Польское, но и на Литву и Волынь. Такой необычный пріемъ составленія запасовъ уже не разъ вполнѣ удавался фельдмаршалу, такъ, напримѣръ, подъ Варшавою для обезпеченія войскъ въ 1831 году.

Государь неохотно соглашался съ предложеніями фельдмаршала, находя эту мѣру крайней: „мнѣ бы очень „хотѣлось", писалъ онъ фельдмаршалу, „избѣгнуть ея „до-нельзя"; но фельдмаршалъ настаивалъ, объясняя, что если жителямъ будутъ платить по хорошимъ цѣнамъ чистыми деньгами, то мѣра эта „непремѣнно привяжетъ къ намъ народъ матеріальными выгодами". Но вмѣстѣ съ тѣмъ появились и финансовыя затрудненія. Польша продовольствовала свыше 100 т. армію и одновременно уплачивала въ казначейство Имперіи 3,150,000 рублей. Неурожаи послѣднихъ трехъ лѣтъ, вмѣстѣ съ необходимостью усилить военные запасы въ Царствѣ, поставили фельдмаршала въ крайне трудное положеніе. Фельдмаршалъ писалъ тогда Государю: „Въ первое время послѣ „бунта, когда я объявилъ, что казначейство Имперіи „будетъ ежегодно получать изъ доходовъ Царства Польскаго по 3,150,000 рублей, графъ Канкринъ считалъ „это несбыточнымъ. Вотъ уже 16 лѣтъ какъ предположеніе мое исполняется, и только послѣдніе три года, „причинившіе общее въ народѣ бѣдствіе, довели до того, „что въ 1848 году казначейство Царства не будетъ въ „состояніи уплатить нѣкоторой части этой суммы" *).

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

Государь настаивалъ на уплатѣ этихъ денегъ Имперіи: „Я никакъ не могу согласиться, чтобы слѣдующіе „постоянно отъ Польши Россіи 3 м. или 21 м. злотыхъ „были уменьшены. Это вѣчная дань Царства Имперіи, „потому этотъ расходъ долженъ предшествовать всѣмъ „прочимъ внутреннимъ расходамъ Царства. Ежели не-„достаетъ способовъ, должно ихъ найти наложеніемъ или „новаго налога, или убавкой штатовъ, или даже убав-„кой пенсіоновъ, но деньги Имперіи должны быть свято „выплачены, во что бы ни стало“ *).

Однако дѣло обошлось безъ тѣхъ крутыхъ мѣръ, на которыя указывалъ Государь; но пришлось въ Царствѣ Польскомъ собирать продовольственные запасы для войскъ, уплачивая по раскладкѣ въ опредѣленные періоды времени и фельдмаршалу удалось при весьма строгихъ и точныхъ экономическихъ расчетахъ окончить эти поставки безъ пособія внутреннихъ займовъ.

Въ это же время дѣла въ Познани осложнялись. Въ Берлинъ прибылъ извѣстный кн. Чарторыйскій и вмѣстѣ съ нимъ все демократическое эмиграціонное общество; ожидали прибытія въ Познань польскаго легіона. Кн. Адамъ Чарторыйскій предлагалъ назначить эмигранта 30-хъ годовъ генерала Хржановскаго начальникомъ польскихъ войскъ, которыя въ Познани уже формировались. По этому поводу Государь сообщалъ фельдмаршалу, что нашъ посланникъ въ Берлинѣ Мейендорфъ

*) Письмо къ фельдмаршалу отъ 12-го (24-го) января 1848 г. Прил. I, 1.

писалъ, что „въ Познань шлютъ прусскія войска, чтобъ „удержать порядокъ; что къ нему, Мейендорфу, прихо-„дятъ отъ войска положительныя увѣренія, что они „противъ насъ драться за поляковъ не хотятъ, и что „отъ публики и даже народа тѣ же увѣренія. Однако „все это доказываетъ, что мы должны быть на все „готовы, что и дѣлаемъ“.

Въ 20-хъ числахъ марта въ Варшавѣ получилось свѣдѣніе, что въ Познани уже образовались польскіе легіоны, хотя плохо вооруженные и вовсе не дисциплинированные, но доходящіе приблизительно до 12 т. человѣкъ. Фельдмаршалъ находилъ, что при такихъ обстоятельствахъ и при растянутости нашихъ западныхъ границъ, весьма возможны прорывы значительныхъ шаекъ. Эти извѣстія сильно волновали Польшу и хотя вооруженное возстаніе было невозможно, но начались заговоры, по выраженію фельдмаршала, „къ несчастію, вызывавшіе крутыя мѣры“. Такъ, въ Варшавѣ, въ началѣ апрѣля, открытъ былъ заговоръ преимущественно мастеровыхъ, имѣвшихъ намѣреніе ночью обезоружить всѣ гауптвахты Варшавы (въ то время довольно многочисленныя, при которыхъ всегда находились особенные дозорные отряды изъ пѣхоты и кавалеріи), броситься съ оружіемъ на улицу и перерѣзать чиновниковъ и русскихъ служащихъ. Было схвачено нѣсколько купцовъ, тайно приготовлявшихъ палки съ кинжалами и шпагами. Но добиться отъ нихъ указанія главарей и тайныхъ руководителей не удалось, такъ какъ каждый зналъ лишь троихъ и много пятерыхъ изъ своихъ соумышленниковъ, какъ это установлено было

правилами „новаго массонства, т. е. тайной революціонной организаціей“ *).

Но въ то время, какъ бы для назиданія нашего, выяснилась сила германскаго населенія среди славянства. Познанское нѣмецкое населеніе, не раздѣляя стремленій поляковъ образовать враждебно-наступательную силу противъ Россіи и утомленное безпорядками польскаго населенія, вмѣстѣ съ войсками прусскими принудило поляковъ обезоружиться. При томъ, хотя начальникъ прусскихъ войскъ генералъ Коломбъ и дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, но реакціонная сила сосредоточилась главнымъ образомъ въ нѣмецкомъ познанскомъ населеніи.

Обезоруженіе это происходило нѣсколько медленно, мятежники не преслѣдовались, благодаря въ особенности слабымъ дѣйствіямъ одного изъ командовавшихъ прусскими войсками въ Познани генерала Виллизена. 15-го апрѣля фельдмаршалъ писалъ Государю: „Познанскіе поляки, собравшись въ трехъ мѣстахъ, все еще „держатся въ оныхъ и не хотятъ обезоружиться и расходиться. По сегодняшнему рапорту Реада, пруссаки намѣрены атаковать, но какъ это намѣреніе не въ первый разъ „объявляется, то можно и сомнѣваться. Генералъ-лейтенантъ Виллизенъ писалъ къ нашему генералу, который командуетъ на границѣ, письмо, въ которомъ „увѣряетъ, что по его настаиванію наконецъ все кончилось и поляки разошлись. Я велю ему отвѣчать, „насмѣшливо поздравляя съ симъ прекраснымъ резуль-

*) Письмо фельдмаршала къ Государю отъ 24-го апрѣля и 5-го мая 1848 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

„татомъ. Между тѣмъ Реадъ думаетъ, что они, уходивши „отъ пруссаковъ, бросятся въ наши предѣлы; почему „я и приказалъ придвинуть еще 1½ баталіона въ Коло, „гдѣ у насъ лазаретъ..." *).

Крайне любопытно настроеніе въ то время Государя Николая Павловича и отношеніе его къ королю прусскому.

„Сегодня", писалъ 20-го апрѣля Государь фельдмаршалу, „еще въ первый разъ по революціи, жена „моя получила письмо отъ короля и—ни слова про все „бывшее, какъ будто ничего не было. Однако говоритъ, „что поляки мошенники и что онъ желаетъ, чтобы они „попались тебѣ въ руки, чтобъ ты ихъ могъ повѣсить! „Вотъ тебѣ образчикъ его головы! Затѣмъ хвалитъ „насъ за наше долготерпѣніе и проч. Стыдно и жалко „читать...

„Кажется, расположеніе къ полякамъ въ Германіи „быстро измѣняется на ненависть; но ругательства на „насъ не прекращаются. Я этимъ презираю и все еще „не вижу повода къ войнѣ. Австрійское правительство „намѣрено всѣми силами удерживать порядокъ въ Га-„лиціи, сколько сіе возможно при теперешнемъ порядкѣ „вещей, а Краковъ непремѣнно удержать" **).

Хотя войска подготовлялись для военнаго положенія и кн. Варшавскій на всякій случай готовилъ ихъ ко всякимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, но войны ни Государь, ни онъ не ожидали.

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.
**) Прил. I, 11.

Но назрѣвшій тогда Шлезвиго-Датскій вопросъ придалъ обстоятельствамъ болѣе острый характеръ и опасенія внѣшней войны стали болѣе вѣроятными. Герцогство Шлезвигское, въ средніе вѣка считавшееся страною германскою, въ началѣ нынѣшняго столѣтія было почти на половину населено датчанами и уже издавна принадлежало датской коронѣ. Когда на престолъ датскій вступилъ, послѣ смерти Христіана VIII, послѣдній представитель Глюксбургской династіи, Фридрихъ VII, то въ Шлезвигѣ проявилось сильное стремленіе значительной части его населенія (нѣмецкой) къ присоединенію къ Германіи, до такой степени, что когда въ мартѣ мѣсяцѣ новый король призвалъ въ составъ своего правительства датчанъ, признававшихъ Шлезвигъ за неотъемлемую собственность датской короны, то нѣмецкая партія въ Килѣ учредила временное правительство и выслала своихъ депутатовъ во Франкфуртъ въ среду представителей Германскаго союза. Вмѣстѣ съ тѣмъ временное шлезвигское правительство образовало шлезвигъ-голштинскую армію. Это была толпа, плохо вооруженная и мало обученная, но въ ряды которой стали поступать волонтеры изъ Германіи.—Прусское правительство приняло подъ свою защиту возмутившееся противъ законнаго своего короля Шлезвигское герцогство. Конечно это навлекло на Пруссію и ея короля еще большее негодованіе Государя Николая Павловича и ожиданіе войны Россіи съ Пруссіей получило нѣкоторое вѣроятіе. Вотъ что писалъ по этому поводу 28-го апрѣля Государь фельд-

маршалу: „Положеніе дѣлъ въ Европѣ становится день „отъ дня хуже и хуже. Король прусскій, слѣпое ору„діе революціонной партіи, вдался въ несправедливую „войну противъ Даніи и тѣмъ принудилъ уже Швецію „и меня объявить, что мы не можемъ сего допустить, „но примемъ сіе за объявленіе намъ войны, и уже „король шведскій посылаетъ 15 т. войска въ Данію „на помощь. Желаю, чтобъ сіе предвареніе остановило „безсмысленность короля, но опасаюсь, что онъ слиш„комъ съ ума сбрелъ, чтобы остановиться, и тогда война „неминуема. Для того настоятельно прошу тебя велѣть „1-й легкой кавалерійской дивизіи слѣдовать на Литву „ближайшимъ путемъ, дабы корпусъ имѣлъ свою кава„лерію при себѣ; сіе необходимо, дабы въ случаѣ войны „мы могли бы наводнить Пруссію кавалеріей, дабы не „дать имъ очнуться и собраться“ *).

Но Пруссія не помышляла о войнѣ съ нами, а фельдмаршалъ, съ своей стороны, былъ убѣжденъ, что принцъ прусскій (будущій императоръ Вильгельмъ I) не допуститъ до разрыва съ Россіею. Вообще фельдмаршалъ былъ высокаго мнѣнія о будущемъ императорѣ германскомъ и находилъ, что въ Пруссіи онъ одинъ только обладаетъ тѣмъ политическимъ смысломъ, который можетъ служить залогомъ спокойствія и благосостоянія государства. Въ то время положеніе прусскаго короля тѣмъ болѣе было затруднительно, что не только Австрія, но и Союзный сеймъ въ Франкфуртѣ,

*) Прил. I, 12.

и южно-германскія государства отказались признавать въ немъ главу Германіи.

Тревожное политическое положеніе Европы, постоянныя ожиданія въ Петербургѣ Европейской войны тогда же побудили фельдмаршала пріискивать средства для полученія точныхъ и постоянныхъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ Европейскихъ державъ, и это была первая попытка ввести при нашихъ дипломатическихъ заграничныхъ посольствахъ военныя агентуры. Нововведеніе это впослѣдствіи приняло характеръ постояннаго учрежденія при всѣхъ Европейскихъ миссіяхъ. „Дѣла принимаютъ такой видъ“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „что должно елико возможно быть готовыми къ всѣмъ „случаямъ сего необыкновеннаго положенія, въ кото„ромъ находится „Европа. Г. канцлеру я пишу, чтобы „имѣлъ счастье испросить мнѣ у Вашего Император„скаго Величества позволеніе имѣть свѣдѣнія отъ на„шихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ,—имѣть „отъ нихъ свѣдѣнія насчетъ войскъ, ихъ числа, гдѣ они „находятся и также крѣпостей, ихъ снабженія; магазей„новъ,—перемѣны, которыя безпрестанно бываютъ въ „войскахъ, ихъ размѣщеніе. Я же, съ своей стороны, „такъ же буду стараться узнавать о сихъ предметахъ, „дабы быть готовымъ на всѣ случаи, которые могутъ „встрѣтиться, если мы должны будемъ объявить войну“*).

Такъ какъ министры наши при Европейскихъ Дворахъ не могли удовлетворить требованіямъ фельдмар-

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

шала, то уже тогда стали посылать офицеровъ въ наши заграничныя посольства. Съ тѣхъ поръ началось постепенное и повсемѣстное учрежденіе военныхъ агентуръ, первая мысль о которыхъ всецѣло принадлежитъ кн. Варшавскому.

Между тѣмъ датскія войска почти уничтожили военныя силы Шлезвига и король прусскій рѣшился послать въ Данію, подъ начальствомъ генерала Врангеля, корпусъ прусскихъ войскъ, который, взявъ штурмомъ Даниверскія укрѣпленія съ помощію контингента гановерской арміи, принудилъ датчанъ отступить на острова. Побѣды нѣмцевъ были, впрочемъ, мало имъ полезны: не имѣя флота, они не могли защищать свои берега, и морская торговля Германіи должна была прекратиться. Притомъ Швеція вмѣстѣ съ Россіею снова объявили Пруссіи, что продолженіе несправедливой войны съ Даніей они примутъ за объявленіе имъ войны. Шведскій король готовилъ 15-ти тысячный десантъ, а Государь Николай Павловичъ предлагалъ ему свой балтійскій флотъ, для транспортированія шведскихъ войскъ. Тогда прусскій король приказалъ генералу Врангелю, очистивъ Шлезвигъ, отступить въ Пруссію.

Національное нѣмецкое настроеніе и слабость прусскаго правительства до того всѣмъ выяснились, что Врангель рѣшился не повиноваться королю. Государь по этому поводу писалъ фельдмаршалу: „Сейчасъ велѣлъ написать королю прусскому, что я держусь смысла „намѣренія его, которое высказалъ, давъ Врангелю при„казаніе заключить перемиріе и возвратить войска. Съ

„омерзѣніемъ узналъ объ ослушаніи Врангеля и ожидаю, „что король велитъ прямо своимъ генераламъ, вѣрнымъ „долгу, не слушаться его, а воротиться съ войсками. „Иначе, повторяю королю, что шагъ дальше будетъ „сигналомъ войны съ Россіею. Послѣ обѣда при- „были письма изъ Берлина отъ Мейендорфа, Бенкен- „дорфа и самого короля, къ женѣ. Король внѣ себя, „послалъ генералъ-адъютанта Неймана къ Врангелю съ „повелѣніемъ слушаться и воротить войска, или что „его отставитъ“ *). Съ своей стороны, эрцгерцогъ Іоаннъ Австрійскій, признанный во Франкфуртѣ намѣстникомъ главы Германскаго союза, прислалъ приказаніе Врангелю изъ Ютландіи не выходить и возобновить по возможности военныя дѣйствія — и все-таки прусское правительство не осмѣливалось смѣнить Врангеля. Послѣ долгихъ колебаній, внушеній и просьбъ, присылаемыхъ изъ Берлина, Врангель наконецъ рѣшился исполнить требованіе короля прусскаго и 14-го (26-го) августа на шведской территоріи въ Мальме было заключено перемиріе, въ силу котораго шлезвигъ-голштинскія войска распускались, въ Голштиніи и Шлезвигѣ назначался датскій королевскій намѣстникъ, а правительство назначалось изъ депутатовъ датскихъ и прусскихъ. Государь писалъ тогда фельдмаршалу, что „король прусскій, обманутый и обиженный выборомъ (въ „намѣстники) эрцгерцога Іоанна, до того разочаро- „ванъ насчетъ мнимаго германизма, что сбросилъ съ

*) Письмо отъ 11-го (23-го) іюля 1848 г. Прил. I, 20.

„себя германскую кокарду и явно ее осмѣиваетъ. Что „послѣ того думать еще объ немъ!!!“ замѣчаетъ Государь и продолжаетъ далѣе: „Король пишетъ женѣ, что „только ждетъ возвращенія своихъ войскъ изъ Голштиніи, чтобы ввести ихъ въ Берлинъ и укротить анархію, „и что ежели отъ стороны Германіи ему будетъ тогда „опасность, то надѣется на насъ! Каково это?“ *).

Въ то время какъ Пруссія переживала очерченные нами тяжелые дни, положеніе Австріи было не менѣе тревожное. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. въ Вѣнѣ вспыхнула революція. Глава австрійскаго министерства, представитель идеи самодержавія, кн. Меттернихъ бѣжалъ. Растерявшееся правительство вынуждено было выдать бюргерамъ и студентамъ оружіе, хранившееся въ императорскихъ арсеналахъ, и такъ какъ въ Вѣнѣ въ то время войскъ было мало, то, подъ предлогомъ охраны порядка, революціонная партія образовала національную гвардію. Слово конституція еще тогда не было произнесено, но императорскимъ министерствомъ были созваны выборные представители изъ всѣхъ подвластныхъ земель Австріи „для совѣщанія по законодательнымъ и административнымъ вопросамъ“.

Въ Богеміи чехи враждовали съ нѣмцами и образовали временное правительство съ цѣлію возстановить прежнюю славянскую Чехію, въ то же время итальянскія владѣнія Австріи (Ломбардія и Венеція) были въ полномъ возстаніи. Въ Трансильваніи бродили мятеж-

*) Письмо отъ 11-го (23-го) іюля 1848 г. Прил. I, 20.

ническія шайки, подъ начальствомъ польскаго генерала Бема. Въ Италіи дѣла осложнялись еще тѣмъ, что сардинскій король Карлъ-Альбертъ, поддерживая революцію сѣверной Италіи, 26-го марта занялъ войсками своими Миланъ. Хотя въ Веронѣ въ это время стояла австрійская армія, подъ начальствомъ энергичнаго генерала Радецкаго, который, послѣ сраженія при Санта-Лючіи, принудилъ пьемонтцевъ отступить, но въ рядахъ арміи Радецкаго не было больше 30 т. чел., а потому онъ и не могъ предпринять рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ Англія и папа Пій IX писали императору австрійскому, что такъ какъ онъ не въ состояніи „завоевать сердца“ своихъ подданныхъ въ Ломбардіи и Венеціи, то надлежитъ итальянскія его владѣнія отдѣлить отъ имперіи, образовавъ изъ нихъ самостоятельную республику, и либеральное вѣнское правительство готово было согласиться на такого рода отчужденіе.

Пользуясь столь тяжелыми для имперіи обстоятельствами, Венгрія добилась отъ императора Фердинанда ряда уступокъ, какъ, напримѣръ: особаго сейма и самостоятельнаго министерства, во главѣ котораго сталъ Людвигъ Кошутъ, оппозиціонный ораторъ и журналистъ.

Въ Вѣнѣ дошло дѣло до того, что министерство, образованное изъ оппозиціонной партіи Пилендорфомъ (министромъ внутреннихъ дѣлъ), не въ состояніи было сдерживать революціонные безпорядки толпы и императоръ Фердинандъ, сомнѣваясь въ своей безопасности, въ началѣ мая выѣхалъ со своимъ семействомъ и дво-

ромъ въ Иннсбрукъ, въ Тиролѣ. Государь Николай Павловичъ довольно благодушно отнесся къ бѣгству императора австрійскаго: „Вчера вечеромъ", писалъ онъ 10-го (22-го) мая фельдмаршалу, „по телеграфу узналъ я о „бѣгствѣ изъ Вѣны императора и (его) семейства въ „Иннсбрукъ. Это опять неожиданно; понимаю, что они „ищутъ быть среди вѣрнаго народа и избѣгнуть плѣна „или диктаторства каналій. Покуда армія вѣрна и ежели „успѣхи Радецкаго продолжатся, то можетъ быть это „къ лучшему" *). Въ Галиціи и въ Краковѣ, какъ мы уже имѣли случай высказать, польская революціонная партія сумѣла захватить управленіе, не прибѣгая къ вооруженному возстанію и безъ явнаго разрыва съ вѣнскимъ правительствомъ. Зорко слѣдя за дѣлами австрійской имперіи, князь Варшавскій надѣялся, что они не вызовутъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи и что только непредвидѣнныя обстоятельства могутъ насъ вынудить перейти наши границы съ вооруженной силой, но онъ совѣтовалъ, и Государь согласился, занять войсками Молдавію, для обезпеченія юго-западной Литвы отъ вторженія шаекъ Мирославскаго, дѣйствовавшихъ въ Трансильваніи, и даже Англія одобряла это рѣшеніе наше. Но въ то же время, въ Иннсбрукѣ, англійскій посолъ, по приказанію лорда Пальмерстона (главы англійскаго министерства), усиленно совѣтовалъ императору Фердинанду отказаться отъ своихъ итальянскихъ провинцій. „И это въ то время", замѣчаетъ фельдмаршалъ,

*) Прил. I, 13.

„когда еще, кромѣ Милана, ни что не завоевано; вотъ „награжденіе за 80-лѣтнее дружество Австріи къ англичанамъ, —и тѣмъ хуже, что симъ раздѣломъ англичане „уменьшатъ силу Австріи, но Италія отъ сего не была „бы довольно сильна, чтобы противустоять одной Франціи или Австріи“ *).

Но вслѣдъ затѣмъ 13-го (25-го) іюля фельдмаршалъ Радецкій разбилъ наголову пьемонтскую армію при Кустоцдѣ и 12 дней спустя занялъ Миланъ. „Побѣды Радецкаго“, писалъ Государь 12-го (24-го) августа фельдмаршалу, „приносятъ ему величайшую честь, какъ и „арміи его, ибо въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ „они умѣли вѣрностію и храбростію спасти честь имперіи; „они одни сохранили въ себѣ чистую, старую монархію— „честь и слава имъ. Старика я почтилъ 1-мъ Георгія, „и въ знакъ уваженія къ нему и къ арміи его“ **).

Въ то же время южные славяне Кроаціи и Далмаціи потребовали независимости отъ правительства мадьярскаго и непосредственнаго подчиненія вѣнскому министерству. Императоръ Фердинандъ, опасаясь неудовольствія мадьяровъ, отказалъ славянамъ отдѣлить ихъ отъ венгерской короны, вслѣдствіе чего банъ славянскихъ земель Елачичъ двинулъ славянскія войска въ Венгрію, требуя отъ венгерскаго министерства того права, въ которомъ ему отказала Вѣна.

Но зато извѣстія изъ Берлина были крайне не-

---

*) Письмо къ Государю отъ 29-го іюня (11-го іюля) 1848 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Прил. I, 24.

утѣшительны. Съ начала мая въ Берлинѣ засѣдало національное собраніе изъ 350 депутатовъ, большинство которыхъ принадлежало къ крайне демократической партіи. Правительство было слабо и терялось передъ притязаніями собранія. Возвращеніе войскъ генерала Врангеля (7-го іюля н. ст.) только обострило отношеніе королевской власти къ народу. Къ счастію для короля, берлинское національное собраніе крайними мѣрами вызвало сильную реакцію, оскорбляя безцѣльно жившую еще въ народѣ преданность династіи Гогенцоллерновъ. Такъ, напр., какъ пишетъ историкъ Іегеръ, національное собраніе, при обсужденіи конституціи, вычеркнуло изъ королевскаго титула слова: „Божіею милостіею", чѣмъ не только безцѣльно оскорбило короля, но и народное чувство. Реакція еще не проникала въ правительственныя сферы, а покуда сосредоточивалась въ довольно вліятельной печати, въ особенности въ „Новой Прусской газетѣ" (Neue Preussische Zeitung). А королевская власть все-таки оставалась въ приниженной бездѣятельности. „Какъ всѣмъ честнымъ людямъ", писалъ фельдмаршалъ Государю, „наконецъ не потерять тер„пѣніе; какъ арміи остаться вѣрной при такомъ уни„женіи; право это сверхъ силъ человѣческихъ" *).

Тѣмъ не менѣе, въ августѣ мѣсяцѣ, благодаря побѣдамъ Радецкаго и прекращенію безпорядковъ въ Познани, фельдмаршалъ находилъ, что „теперь можемъ мы „подумать о нѣкоторыхъ сокращеніяхъ по военному по-

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

ложенію арміи“ *), и затѣмъ сталъ, съ согласія Государя, подготовлять отпускъ безсрочныхъ и продажу подъемныхъ лошадей. Государь въ особенности былъ доволенъ этими предположеніями фельдмаршала, который все-таки не прекратилъ подвозъ запасовъ, такъ какъ, по мнѣнію князя Варшавскаго, запасы эти, обновляясь годичнымъ продовольствіемъ войскъ, въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ обезпечатъ армію. Дѣйствительно, уже 1-го (13-го) сентября Государь писалъ фельдмаршалу, что „дѣла могутъ принять оборотъ къ войнѣ“ **), и снова предположенія о сокращеніи арміи были пріостановлены. Обстоятельства, которыя такъ быстро измѣнили, по мнѣнію Государя, надежды на мирный исходъ дѣлъ, заключались въ слѣдующемъ: хотя князь Виндишгрецъ энергическими мѣрами потушилъ въ Прагѣ вооруженное возстаніе, но въ Вѣнѣ партія анархистовъ получила столь значительное преобладаніе, что даже созванный императоромъ австрійскимъ сеймъ находился подъ терроромъ анархическихъ клубовъ и черни, а императоръ Фердинандъ, вернувшійся въ Вѣну въ началѣ августа, едва могъ разсчитывать на безопасность свою и своего двора. Венгрія волновалась и формировала венгерскія войска и народную рать гонведовъ. Въ іюнѣ Кошутъ потребовалъ формированія 200 т. арміи и кредита въ 42 м. гульденовъ. Требованія его были утверждены, тѣмъ болѣе, что банъ Елачичъ занялъ уже южную часть Венгріи. Борьба эта впослѣдствіи не имѣла

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Прил. I, 27.

особеннаго значенія, но при этомъ ярко выразились двойственность и слабость австрійскаго правительства. Опасаясь и недовѣряя венгерскому министерству и венгерскимъ войскамъ, австрійское правительство вполнѣ сочувствовало Елачичу, официально признавая его мятежникомъ. Но уже тогда было очевидно, что движеніе южныхъ славянъ противъ венгерцевъ не въ состояніи сломить и даже ослабить венгерцевъ и что венгерскій сепаратизмъ воспользуется слабостію Австрійской имперіи. Одновременно во Франкфуртѣ высказывалось настроеніе, объ которомъ Государь писалъ фельдмаршалу: „во Франкфуртѣ бѣснуются и все идетъ къ скорому „разрыву сѣвера Германіи съ югомъ. Вотъ и Union „germanique!" *).

Во Франкфуртѣ дѣйствительно происходили въ то время уличные безпорядки, народъ дрался на площадяхъ съ правительственными войсками, прусскіе депутаты Ауэрсвальдъ и кн. Лихновскій были растерзаны чернью. Поводомъ къ этимъ безпорядкамъ послужилъ Мальмескій договоръ, который радикалы сейма утвердить не хотѣли и обнародовали воззваніе призыва къ оружію. Въ южныхъ государствахъ Германіи, какъ, напр., въ Баденѣ, вооруженныя толпы мятежниковъ дрались съ войсками, требуя то республики, то немедленнаго введенія конституціоннаго правленія. Фельдмаршалъ писалъ Государю 19-го (31-го) іюля, предупреждая Его Величество „что король прусскій можетъ обратиться къ Вамъ за помощію" **).

*) Письмо отъ 1-го (13-го) сентября 1848 г. Прил. I, 27.
**) Сем. арх. кн. Паскевича.

Несомнѣнно, что кн. Варшавскій опасался именно этого исхода, вполнѣ сознавая, что германо-нѣмецкія безурядицы, покуда онѣ не возбуждаютъ польскаго движенія въ Познани, не имѣютъ прямого, непосредственнаго отношенія къ Россіи. Фельдмаршалъ зналъ, что анархическая партія Германіи и Пруссіи, хотя питала ненависть къ Самодержавной Россіи, но вовсе не была расположена къ внѣшней войнѣ и готова была отстаивать преобладаніе Германіи въ Познани.

Государь въ этомъ отношеніи имѣлъ нѣсколько иныя воззрѣнія, и когда дѣйствительно король прусскій въ сентябрѣ мѣсяцѣ писалъ Государю, „что проситъ его по-„мощи въ виду трехъ возможныхъ случайностей: 1) ежели „не сладитъ въ Берлинѣ; 2) ежели сладитъ въ Берлинѣ, „но возстаніе будетъ общее и Германія на него обра-„тится; 3) ежели и Франція на него обратится“ *) — то Государь отвѣчалъ 14-го (26-го) сентября, что „помощь „Россіи будетъ Пруссіи только въ томъ случаѣ, если „король вернется къ старымъ самодержавнымъ тради-„ціямъ, Россія всегда будетъ вѣрной союзницей своего „стараго друга—доброй, старой и лояльной Пруссіи,— „какъ Вы ее называете,—когда она воскреснетъ. Если „когда-нибудь подъ старое прусское знамя опять ста-„нутъ старые пруссаки, но не нѣмцы подъ знаменемъ „баррикадъ, русскій орелъ будетъ возлѣ него, потому „что Россія умѣетъ забывать оскорбленія, она не нару-„шаетъ своихъ трактатовъ и не отрекается отъ своихъ

*) Письмо Государя къ фельдмаршалу отъ 15-го (27-го) сентября 1848 г. Прил. I, 29.

„традицій. Вѣдаетъ Богъ, удастся ли намъ еще когда-„нибудь увидѣть это счастье!“ *). Въ случаѣ же провозглашенія республики въ Пруссіи Государь полагалъ, что русская армія будетъ вынуждена перейти границу, но что она, само собою разумѣется, какъ писалъ Государь королю Фридриху-Вильгельму IV, „не возстановитъ конституціонную Пруссію, а ту Пруссію, какой „она была въ славныя царствованія Вашихъ предковъ „и какою она была передана Вамъ Вашимъ покойнымъ „обожаемымъ отцомъ“ **).

Содержаніе отвѣта своего королю прусскому Государь немедленно сообщилъ 15-го (27-го) сентября фельдмаршалу и хотя въ отвѣтѣ этомъ сквозила возможность внѣшней войны, но фельдмаршалъ былъ убѣжденъ, что начавшаяся идейная реакція въ Германіи скоро охватитъ и прусское правительство. Дѣйствительно, впечатлѣніе письма Государя было настолько сильное, что вскорѣ образовалось въ Берлинѣ консервативное министерство гр. Бранденбурга. Въ Франкфуртѣ, въ засѣданіяхъ Собранія, шли обсужденія относительно созданія Германской имперіи. Австрія, мечтавшая, въ лицѣ эрцгерцога Іоанна, захватить въ свои руки движеніе нѣмецкаго націонализма, съ каждымъ днемъ теряла въ этомъ дѣлѣ всякое вліяніе. Хотѣли создать имперію исключительно нѣмецкую, въ составъ которой не могла войти разноплеменная Австрійская монархія.

Несмотря на нерѣшительность короля прусскаго, на

*) Мартенсъ, кн. 8, стр. 377.
**) Тамъ же, стр. 378.

опасенія его возбудить неудовольствія Австріи и въ особенности Россіи, въ Франкфуртскомъ Собраніи, при дѣятельномъ участіи представителей Пруссіи, дебатировалось избраніе короля прусскаго императоромъ Германіи.

Между тѣмъ, возвращаясь къ послѣдовательнымъ событіямъ того времени, т. е. къ осени 1848 г., необходимо снова обратиться къ происшествіямъ, волновавшимъ разслабленную уже безпорядками и войною Австрійскую имперію. Мы уже говорили, что Елачичъ, во главѣ южныхъ славянъ, предпринялъ военное дѣйствіе противъ Венгріи. Елачичъ, офиціально признанный въ Вѣнѣ мятежникомъ, дѣйствовалъ въ смыслѣ австрійскаго монархизма. Вѣна, хотя продолжала офиціально признавать венгерское министерство и считала вооруженіе венгерцевъ дѣйствіемъ законнымъ, тѣмъ не менѣе сознавала, что побѣды Елачича надъ венгерцами уничтожаютъ надвигающуюся опасность для имперіи отъ націонализма мадьярскаго. Положеніе было дѣйствительно довольно странное и возможное только въ Австріи. Признанный правительствомъ мятежникомъ, банъ Елачичъ былъ опорою Австрійской монархіи, а венгерское правительство, признанное въ Вѣнѣ законнымъ, въ общемъ сознаніи, являлось несомнѣнною опасностью Австрійскому государству! „Конечно Елачичъ", писалъ фельдмаршалъ Государю 4-го (16-го) сентября, „можетъ ниспровергнуть всѣ „намѣренія венгерцевъ, ибо онъ можетъ идти на Пештъ „и потомъ дать помощь въ Вѣнѣ и перемѣнить все, что „до сихъ поръ въ Австріи было но кто, можетъ отвѣ-

„чать за обстоятельства войны?“ *). Но покуда Елачичъ вооруженной рукой добивался независимости южныхъ славянъ отъ мадьяризма, въ Вѣнѣ положеніе дѣлъ дошло до того, что императоръ снова долженъ былъ бѣжать, въ началѣ октября, изъ Вѣны къ нашимъ границамъ, въ Ольмюцъ, главный городъ Моравіи.

Въ Вѣнѣ возстаніе было почти всеобщее, войска выступили изъ столицы, отдавъ ее въ руки мятежниковъ, при чемъ военный министръ гр. Латуръ былъ растерзанъ народомъ. Государь писалъ 12-го (24-го) октября фельдмаршалу: „Нетерпѣливо жду развязки въ Вѣнѣ; слухи „оттуда и депеши столь неполны и противорѣчивы, что „ничего понять нельзя. Одно положительно, какъ кажется, „что кн. Виндишгрецъ пошелъ на Вѣну съ богемскими „и моравскими гарнизонами. Теперь армія венгерская, „ежели есть армія, а не просто сбродъ, пошла ли въ „тылъ Елачичу и Ауэрспергу—нельзя еще понять; во „всякомъ случаѣ подъ Вѣной, кажется мнѣ, рѣшится: „быть ли Австрійской имперіи или исчезнуть.

„Присутствіе императора въ Ольмюцѣ заставляетъ „меня полагать, что, быть можетъ, въ случаѣ неудачи, „онъ не обратится ли къ намъ. Въ такомъ случаѣ дай „мнѣ сейчасъ знать и вели его принимать со всѣми по- „честями и, ежели пожелаетъ ѣхать въ Варшаву, вели „его помѣстить въ Бельведеръ. Назначь къ нему отъ „моего имени ген.-адъют. Дьякова и сына твоего, а къ „императрицѣ дежурить по очереди фрейлинъ. Ни за „что ручаться нельзя, что быть можетъ“ **).

*) Сем. арх. кн. Паскевича.
**) Прил. I, 33.

Тѣмъ временемъ мятежъ, господствовавшій въ Вѣнѣ, укрѣпляя предмѣстье столицы, готовился къ оборонѣ, а на Вѣну шли имперскія войска: Виндишгрецъ изъ Праги, а съ востока славянскія и моравскія войска, подъ начальствомъ Елачича. Уже войска эти подходили къ Вѣнѣ и дружнымъ натискомъ могли бы овладѣть ею, но Виндишгрецъ вступилъ въ переговоры съ мятежнымъ вѣнскимъ правительствомъ. Тѣмъ временемъ венгерскія войска шли въ тылъ Елачичу, при чемъ венгерское правительство объявило, что оно не враждебно Австрійской монархіи, а, считая Елачича мятежникомъ и измѣнникомъ, направляетъ свои военныя дѣйствія исключительно противъ него. Виндишгрецъ объясненія эти не принялъ и, сосредоточивъ всѣ войска, принудилъ венгерцевъ отступить за рѣку Лейту. Это было первое столкновеніе имперскихъ войскъ съ венгерцами, при чемъ полнаго разрыва съ Венгріей еще не состоялось, хотя уже, казалось, не было никакого сомнѣнія, что мадьяры вскорѣ объявятъ независимость Венгріи. 31-го октября австрійскія войска ворвались въ Вѣну и послѣ кровавой уличной битвы мятежъ былъ подавленъ и учреждено было консервативное министерство съ кн. Феликсомъ Шварценбергомъ во главѣ. „Нельзя намъ, солдатамъ, не радоваться", писалъ 4-го (16-го) ноября Государь фельдмаршалу, „видя съ какимъ умомъ, твердостію и умѣніемъ „кн. Виндишгрецъ исполнилъ долгъ и какъ каждый, „начиная съ Елачича, исполнилъ долгъ подчиненнаго — „примѣрно и надо уважать и начальниковъ и армію" *).

*) Виндишгрецъ и Елачичъ были награждены русскими орденами. Прил. I, 34.

Хотя въ Вѣнѣ учредилось консервативное министерство съ кн. Феликсомъ Шварценбергомъ во главѣ, но уже тогда выяснилось, что и консерватизмъ Австріи былъ возможенъ только при учрежденіи представительнаго конституціоннаго правительства. Созванный Шварценбергомъ рейхстагъ въ небольшомъ моравскомъ городкѣ Кремзирѣ открылъ свои засѣданія обсужденіемъ новой конституціи. Первое сообщеніе кн. Шварценберга этому собранію состояло въ томъ, что императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола 2-го декабря н. ст., а братъ его Францъ-Карлъ отказался быть его преемникомъ и корона перешла къ 18-ти лѣтнему сыну послѣдняго Францу-Іосифу.

Государь Николай Павловичъ надѣялся, что перемѣна эта выразится въ учрежденіи стараго самодержавія въ Австрійской имперіи. „Разстроенное государство", писалъ онъ фельдмаршалу, „въ самыхъ основаніяхъ „своего существа требуетъ новаго образованія; при столь „разнообразномъ составѣ, нужно будетъ сохранять раз„личныя народности, не разстраивая единства управле„нія. Оно существовать только можетъ, по моему мнѣ„нію, въ самодержавной власти, иначе не понимаю, вся „надежда на вѣрную армію" *).

Но тогда же, въ Берлинѣ, Государь могъ убѣдиться, что конституція несомнѣнно водворяется въ западной Европѣ. Несмотря на то, что прусское національное собраніе было перенесено изъ Берлина въ Бранденбургъ

---

*) Письмо отъ 15-го (27-го) декабря 1848 г. Прил. I, 37.

и утратило въ странѣ свое прежнее вліяніе и значеніе, такъ что въ концѣ ноября было распущено безъ всякаго волненія (при чемъ правительство объявило, что оно твердо рѣшилось покончить съ революціей), прусскій король въ декабрѣ мѣсяцѣ обнародовалъ новую конституцію, установившую въ его владѣніяхъ народное представительство. Это успокоило волненіе умовъ въ Пруссіи и водворило тотъ порядокъ, благодаря которому Прусское государство развило свое благоденствіе и силы и подготовило почву для будущей Германской имперіи. Но въ то время Государь Николай Павловичъ отнесся къ этому дѣлу крайне недовѣрчиво. 6-го (18-го) декабря Его Величество писалъ кн. Варшавскому: „конституція въ Пруссіи положила вѣнецъ всѣмъ глупостямъ, „которыя ознаменовали послѣднее время. Надежда, будто „будущія камеры отвергнутъ ее и возродятъ власть королю, мнѣ кажется одной химерой“ *). Вообще Государь не довѣрялъ прочности введеннаго въ Пруссіи представительнаго правительства. Такъ, напр., вслѣдъ затѣмъ, 15-го (27-го) декабря, Государь писалъ фельдмаршалу: „Въ Пруссіи я ничего не понимаю, что быть можетъ; „развѣ данная конституція—одна игранная фарса, дабы „выиграть время и потомъ сбросить личину! Достойно „ли это государственной власти“.

Кн. Варшавскій не вполнѣ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи мнѣніе Государя, но онъ тогда еще надѣялся, что Россія не будетъ вовлечена въ войну ни съ Германіей,

---

*) Прил. I, 36.

ни вообще съ западной Европой. Тѣмъ болѣе, что въ то время установились отношенія петербургскаго кабинета съ французской республикой. Президентъ Каваньякъ пользовался расположеніемъ Государя какъ за энергическое дѣйствіе (во время іюньскихъ дней) диктаторской власти, такъ и за то, что онъ не желалъ вмѣшательства Франціи въ дѣла Австрійской имперіи и не сочувствовалъ политическимъ стремленіямъ сардинскаго короля Карла-Альберта. Даже слухъ о томъ, что будущій императоръ французовъ Луи-Наполеонъ домогался президентства, не произвелъ на Государя непріятнаго впечатлѣнія. „Кажется, во Франціи Луи-Наполеонъ будетъ президентомъ", писалъ онъ 15-го (27-го) декабря фельдмаршалу: „ежели только держаться будетъ „въ политикѣ правилъ, соблюдавшихся Кавеньякомъ, „то намъ все равно и признать его можемъ. Но ежели „за симъ онъ будетъ искать короны или завоеванія, — „мы его не признаемъ и можетъ быть война. Надо, чтобъ „все это объяснилось. Какъ ни тяжело, но покуда никакихъ уменьшеній не признаю возможнымъ или осторожнымъ теперь уже допускать. Распускать и продавать „не долго, но сбирать и покупать крайне хлопотно".

Государь не объяснилъ, почему возстановленіе имперіи во Франціи могло бы вызвать Европейскую войну; но несомнѣнно, что Его Величество предполагалъ, что имперія во Франціи не можетъ удержаться безъ воинственныхъ стремленій ко внѣшнимъ завоеваніямъ.

Тревожный 1848 г. окончился для Царства Польскаго среди полнаго спокойствія въ краѣ. Незначитель-

ные заговоры, о которыхъ мы упоминали, не имѣли серьезнаго значенія и вообще благоденствіе поддерживалось хорошимъ въ странѣ урожаемъ и легкимъ и выгоднымъ сбытомъ сельскихъ продуктовъ, способомъ реквизиціи собираемыхъ въ продовольственные запасы. Фельдмаршалъ находилъ, что всѣ крестьяне „въ нашу пользу" и съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчалъ полную благонадежность польскихъ гражданскихъ чиновниковъ. „Гражданскіе чиновники", писалъ кн. Варшавскій Государю, „при сихъ бунтахъ 1846 г. и въ 1848 году „вели себя очень хорошо, а многіе показали самоотвер-„женіе". Только въ средѣ дворянской князь Варшавскій усматривалъ остатки революціоннаго броженія и крамолы, при томъ, заканчивая свой обзоръ о политическомъ настроеніи умовъ Польши, отмѣтилъ, что еврейское населеніе сторонится не только отъ всякихъ замысловъ революціонныхъ, но и старается выказать свою политическую благонадежность.

По отношенію собственно къ реквизиціи слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе всего 1848 года Царство Польское представляло изъ себя громадный продовольственный магазинъ. Провіантъ и фуражъ доставлялись, согласно предположеніямъ фельдмаршала, польскими помѣщиками и крестьянами, и какъ тѣ, такъ и другіе отличались въ этомъ дѣлѣ большою исправностью; а такъ какъ поставки оплачивались наличными деньгами и цѣны были хорошія, то присутствіе въ краѣ большой арміи содѣйствовало обогащенію жителей.

Среди политическихъ тревогъ и занятій по приведе-

нію арміи на военное положеніе фельдмаршалъ въ теченіе 1848 года продолжалъ заботиться о возможномъ объединеніи управленія Царства Польскаго съ учрежденіями имперіи. Такъ, съ 1-го января 1849 года было введено въ Царствѣ русское Уложеніе о наказаніяхъ. Съ этого времени, приговоренные судами Царства Польскаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ или на заводахъ— отправлялись въ Сибирь; только приговоренные къ работамъ въ крѣпостяхъ могли отбывать наказаніе въ Царствѣ, по указанію военнаго начальства, въ тѣхъ крѣпостяхъ, при коихъ были учреждены арестантскія роты.

Глава II.

Поздравленіе Государемъ фельдмаршала съ новымъ 1849 годомъ. — Ложная тревога австрійскаго генерала Гамерштейна. — Полк. Веселитскій; ген. Фрейтагъ. — Отзывъ кн. Шварценберга о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Австрійской имперіи. — Ожиданіе Государемъ новыхъ смутъ въ Германіи. — Постановленіе франкфуртскаго собранія. — Взглядъ Государя на попытки создать Германскую имперію. — Приготовленія къ войнѣ. – Взглядъ фельдмаршала на положеніе дѣлъ въ Германіи. — Слабость Австріи. — Возстаніе въ Трансильваніи; секлеры. — Бемъ. — Отступленіе ген. Пухнера. — Вступленіе войскъ ген. Лидерса изъ Валахіи въ Кронштадтъ и Германштадтъ. — Отряды Скарятина и Энгельгардта. — Отступленіе Бема. — Дѣло у с. Будамеръ. — Распущеніе Кремзирскаго парламента. — Австрійская конституція. — Нападеніе Бема на Германштадтъ. — Отступленіе Скарятина. — Оставленіе Трансильваніи войсками Энгельгардта. — Переписка по этому поводу фельдмаршала съ Государемъ. — Избраніе короля прусскаго германскимъ императоромъ. — Его отказъ. — Битва при Новарѣ; отреченіе отъ престола сардинскаго короля Карла-Альберта; перемиріе Радецкаго съ королемъ Викторомъ-Эмануиломъ. — Радость Государя; награжденіе Радецкаго. — Просьба кн. Шварценберга. — Предложеніе фельдмаршала занять Галицію, Буковину и Трансильванскіе проходы. — Вопросъ о назначеніи главнокомандующаго русскою арміей. — Планъ кампаніи для россійскихъ войскъ. — Мнѣніе Государя. — Объявленіе Габсбургско-Лотарингской династіи лишенною навсегда венгерской короны. — Отступленіе австрійцевъ въ долину р. Ваагъ. — Значеніе поляковъ въ венгерской арміи. — Новый планъ содѣйствія

Австріи вооруженною силою.—Объяснительное письмо фельдмаршала. — Отвѣтъ Государя. — Прибытіе въ Варшаву австрійскаго уполномоченнаго. — Новое измѣненіе плана, въ виду продовольственныхъ затрудненій.—Критическое положеніе австрійцевъ.—Гр. Кабога съ письмомъ къ фельдмаршалу кн. Шварценберга.—Отправка въ Вѣну по желѣзной дорогѣ сводной дивизіи Панютина. — Несочувствіе Государя этому распоряженію.—Назначеніе главнокомандующимъ фельдмаршала.—Полк. Лобковицъ.—Манифестъ 28-го апрѣля 1849 г.—Прибытіе въ Варшаву Государя и австрійскаго императора Франца-Іосифа.—Конвенція. — Условіе sine qua non для движенія русскихъ войскъ.

Государь, поздравляя фельдмаршала съ новымъ 1849 годомъ, писалъ: „Молю Бога, чтобъ сохранилъ тебя для „блага и славы Россіи и прошу продолжать мнѣ 30-ти-„лѣтнюю вѣрную дружбу, которую цѣню отъ глубины „благодарнаго сердца. Мы болѣе другихъ обязаны Бога „благодарить за то, что спасъ насъ отъ гибели, постиг-„шей другихъ, и помогъ стоять стѣной противъ. Ты „зодчій сей стѣны, ты ея блюститель. Какъ же мнѣ „послѣ Бога не благодарить тебя, что далъ намъ за твоей „защитой прожить спокойно еще годъ. Что дальше — „въ рукахъ Божіихъ“ *).

Одновременно получено было извѣстіе, что австрійскія войска, подъ командою князя Виндишгреца и бана Елачича вступили въ Пештъ, и тогда же явилось предположеніе, что революціонная мадьярская партія бросится на югъ и скроется въ предѣлахъ Турціи. По этому поводу Государь писалъ фельдмаршалу: „Жаль, ежели

---

*) Прилож. II, 1.

уйдутъ отъ заслуженной казни". Но именно въ тотъ день, когда Государь писалъ эти слова, т. е. 2-го января, фельдмаршалъ доносилъ Государю, что командующій австрійскими войсками во Львовѣ генералъ Гамерштейнъ далъ знать командиру 4-го корпуса Чаодаеву, что Бемъ съ венгерско-польскими войсками вторгнулся въ Буковину и подходитъ къ Черновицамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Гамерштейнъ увѣдомлялъ Чаодаева, что онъ не въ силахъ остановить движеніе Бема, и просилъ содѣйствія и помощи русскихъ войскъ. Начальникъ штаба 3-го корпуса полковникъ Веселитскій за своею подписью отвѣчалъ ему, что безъ особыхъ повелѣній войска наши не могутъ перейти границу, но что „Государь вѣрно дастъ руку помощи своему союзнику".

Фельдмаршалъ велѣлъ арестовать полковника Веселитскаго, „дабы не бралъ на себя власти, которой не имѣетъ", и съ своей стороны далъ знать генералу Гамерштейну, что на границахъ будутъ собраны наши войска, „чтобы встрѣтить мятежниковъ, буде они осмѣлятся направиться въ предѣлы Россіи".

Фельдмаршалъ не ограничился этимъ распоряженіемъ. Онъ послалъ въ 4-й корпусъ генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи, Фрейтага, съ секретнымъ приказаніемъ: „если мятежники приблизятся къ нашей границѣ, „съ явнымъ намѣреніемъ перейти оную, то, не ожидая „дальнѣйшихъ ихъ дѣйствій, двинувъ войска наши противу главныхъ ихъ полчищъ, атаковать ихъ, а затѣмъ „немедленно возвратиться въ предѣлы Россіи" *).

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

Государь вполнѣ одобрилъ данныя фельдмаршаломъ 4-му корпусу приказанія и подтвердилъ ихъ особымъ повелѣніемъ: „Я приказалъ генералу Чаодаеву", писалъ Государь фельдмаршалу 5-го (17-го) января, „сходно „данному отъ тебя повелѣнію, буде непріятель появится „близъ границъ нашихъ, не ожидать, чтобъ онъ къ намъ „приблизился, но, перейдя границу, идти навстрѣчу и „истреблять его" *). Но затѣмъ выяснилось, что на этотъ разъ тревога поднялась изъ-за излишней осторожности генерала Гамерштейна. Посланный въ Галицію фельдмаршаломъ адъютантъ его графъ Шуваловъ донесъ, что Бемъ, командуя 20-ти тыс. войскомъ въ Трансильваніи, атаковалъ одинъ австрійскій пѣхотный полкъ, стоявшій на позиціи на границахъ Буковины, и преслѣдовалъ его кавалеріей, въ числѣ приблизительно 600 всадниковъ. Гамерштейнъ почему-то заключилъ, что Бемъ двинулся со всѣми силами въ Буковину, и сталъ просить содѣйствія русскихъ войскъ, но, убѣдившись, что войска Бема остались въ Трансильваніи, онъ передъ графомъ Шуваловымъ отказался отъ сдѣланныхъ имъ сообщеній командиру 4-го корпуса.

Несомнѣнно, что въ то время австрійское правительство еще не помышляло просить помощи и содѣйствія русскихъ войскъ. Князь Шварценбергъ увѣрялъ нашего посла въ Вѣнѣ, графа Медема **), что содѣйствіе рус-

*) Прилож. II, 2.

**) Изъ письма Государя къ фельдмаршалу отъ 18-го (30-го) января 1849 года (Прилож. II, 3) и изъ донесенія гр. Медема гр. Нессельроде отъ 5-го (17-го) января 1849 года (Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

скихъ войскъ въ предѣлахъ Австрійской имперіи онъ считалъ бы болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Вступленіе русской арміи въ предѣлы Австрійской имперіи произвело бы, по мнѣнію князя Шварценберга, весьма тягостное и для Габсбургской династіи невыгодное впечатлѣніе на всѣ народности, входящія въ составъ владѣній императора Франца-Іосифа.

Фельдмаршалъ въ то время ожидалъ, что венгерскія войска, сосредоточиваясь въ сѣверной части Венгріи, при наступленіи австрійскихъ войскъ отступятъ въ Карпатскія горы и будутъ отброшены къ нашимъ границамъ. Въ виду этихъ возможныхъ обстоятельствъ фельдмаршалъ, стягивая часть нашихъ войскъ къ южнымъ границамъ Царства Польскаго, предполагалъ ограничиваться тѣмъ же способомъ дѣйствія, который онъ указалъ командиру 4-го корпуса Чаодаеву, на случай появленія Бема у нашихъ юго-западныхъ границъ. Государь, вполнѣ раздѣляя мнѣніе фельдмаршала *), сожалѣлъ, что дѣла Венгріи, затягиваясь, отвлекаютъ всѣ силы Австріи отъ дѣлъ германскихъ. Слѣдя за политическими событіями Германскаго союза, Государь опасался, что не смуты Австріи, а германскія дѣла вовлекутъ Россію въ войну. — „Дѣла Германіи", писалъ Государь фельдмаршалу, „принять могутъ самый сумасбродный видъ. Въ Пруссіи я еще ничего путнаго не „предвижу и въ Германіи, мнѣ кажется, все ближе къ „междоусобной брани, чѣмъ къ какому-либо порядку.

*) Письмо Государя фельдмаршалу отъ 18-го (30-го) января (Прилож. II, 3).

„Эта неопредѣлительность, это невозможное пред-„видѣніе близкаго конца, намъ крайне тяжело, истощая „наши денежные способы; но дѣлать нечего, должно „ждать и вытерпливаться, стоя подъ ружьемъ“.

Не только революціонное броженіе Германіи озабочивало Государя, но и дѣятельность партіи нѣмецкихъ націоналистовъ, стремившихся создать Германскую имперію, вызывала опасенія для Россіи внѣшней, европейской войны.

Между тѣмъ, въ началѣ 1849 года, франкфуртское собраніе постановило: обнародовавъ вновь выработанную конституцію, создать центральную правительственную власть для союзнаго нѣмецкаго государства и съ титуломъ императора (наслѣдственнаго) поставить во главѣ нѣмецкаго союза одного изъ царствовавшихъ въ Германіи государей. Созданіе Германской имперіи Николай Павловичъ считалъ для Россіи, въ политическомъ отношеніи, крайне невыгоднымъ и внѣшняя наша, въ то время, политика заключалась, между прочимъ, въ сохраненіи равновѣсія между Австріей и Пруссіей и въ охранѣ самостоятельности мелкихъ германскихъ государствъ. Кромѣ того, революціонное направленіе, положенное въ основу всѣхъ дѣйствій франкфуртскаго собранія, не соотвѣтствовало строго консервативнымъ убѣжденіямъ русскаго Государя. Существовало убѣжденіе, что созданная при такихъ условіяхъ Германская имперія не только нарушитъ существовавшій союзъ Россіи съ Пруссіей, но и проявитъ враждебность къ Русскому государству. Государь разсчитывалъ энергично

поддержать противодѣйствіе въ этомъ дѣлѣ Австріи — Для Австріи несравненно болѣе, чѣмъ для Россіи, созданіе нѣмецкой имперіи было опасно; но внутреннія смуты, захватившія всѣ ея силы, затрудняли ея противодѣйствіе проектамъ франкфуртскаго собранія. Партія національныхъ имперіалистовъ въ Германіи именно хотѣла воспользоваться слабостію Австріи, чтобы создать сильную національную Германскую имперію. Нужно только было найти того германскаго императора, который рѣшился бы на борьбу съ сильною Россіею и слабою, въ то время, Австріею.

При такомъ положеніи дѣлъ, Государь Николай Павловичъ готовился къ войнѣ, ожидалъ ее, хотя не могъ опредѣлить, при какихъ политическихъ осложненіяхъ она вспыхнетъ.

Относительно германскихъ дѣлъ фельдмаршалъ не вполнѣ раздѣлялъ опасенія Государя, онъ былъ убѣжденъ, что большинство владѣтелей Германіи примкнетъ къ интересамъ хотя и слабой Австріи и что какъ въ франкфуртскомъ собраніи, такъ и въ Пруссіи и средней Германіи вліяніе республиканской партіи будетъ противодѣйствовать національнымъ имперіалистамъ.

Фельдмаршалъ, какъ кажется, скорѣе ожидалъ междоусобія въ Германіи, чѣмъ созданія имперіи. Сообщая Государю свои, въ этомъ отношеніи, предположенія, фельдмаршалъ заканчивалъ ихъ, добавляя: „насчетъ „Царства Польскаго я совершенно спокоенъ, ибо чего-„либо важнаго у насъ произойти не можетъ. Но отно-„сительно Германіи нельзя не имѣть большихъ опасеній.

„Направленіе, взятое въ послѣднее время франкфурт-„скимъ сеймомъ, скорѣе можетъ способствовать къ рас-„пространенію раздоровъ, чѣмъ къ ихъ уничтоженію“ *). Государь, соглашаясь съ фельдмаршаломъ, признавалъ однако, что успѣшныя дѣйствія республиканской въ Германіи партіи могутъ также вызвать вооруженное вмѣшательство Россіи. „Надо на все быть готову“, писалъ Государь фельдмаршалу 21-го февраля (5-го марта). „Признаюсь тебѣ, что я въ Германіи ничего добраго „не предвижу; жду междоусобія и рѣзни. Ежели Австрія „будетъ вести дѣло твердой рукой и дома и за грани-„цей, она одна можетъ взять въ ней верхъ, Пруссія же „никогда — помни мое предсказаніе“ **).

Но именно въ это время Австрія не проявляла твердости „руки своей“. Австрійскій главнокомандующій въ Трансильваніи фельдмаршалъ-лейтенантъ Пухнеръ, въ февралѣ мѣсяцѣ не въ силахъ былъ противодѣйствовать возставшему народонаселенію и наступленію войскъ Бема. Въ особенности секлеры ***), принявъ сторону венгерцевъ и сформировавъ народное войско, затрудняли положеніе австрійскаго отряда въ Трансильваніи ****).

Первыя дѣйствія Пухнера въ декабрѣ были удачны,

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Прилож. II, 6.

***) Племя, обитающее въ Трансильваніи, сродное мадьярамъ, по преданіямъ, остатки гунновъ. Они сформировали 16-ти тыс. отрядъ пѣхоты и гусарскій полкъ.

****) У Пухнера было два отряда: 1) южный, которымъ онъ самъ командовалъ (13 баталіоновъ и 15 эскадроновъ) и 2) сѣверный, подъ командою генерала Каліани ($8^1/_2$ бат. и 1 эскадронъ).

но въ январѣ и въ началѣ февраля отрядъ Бема (10 баталіоновъ), соединившись съ войскомъ секлеровъ, угрожалъ городамъ Кронштадту и Германштадту. Послѣ ряда столкновеній, болѣе или менѣе неудачныхъ, войска Пухнера въ безпорядкѣ отступили къ Германштадту. Тѣмъ не менѣе австрійское правительство изъ Вѣны сообщало европейскимъ кабинетамъ, между прочимъ, и въ Петербургъ (и то же самое было напечатано во всѣхъ газетахъ Австріи), что Пухнеръ одержалъ побѣду надъ Бемомъ. Одновременно Пухнеръ посылалъ курьера за курьеромъ, прося генерала Лидерса спасти Трансильванію, занявъ русскими войсками города Германштадтъ и Кронштадтъ *). Согласно мнѣнію фельдмаршала, Государь разрѣшилъ выслать отрядъ изъ корпуса Лидерса для занятія вышеуказанныхъ городовъ. 15-го (27-го) февраля фельдмаршалъ писалъ Государю: „Я получилъ „рапортъ генерала Лидерса о вступленіи нашихъ войскъ „въ Кронштадтъ и Германштадтъ. Они вступили въ сіи „города какъ бы въ нарочно выбранное время для спасенія австрійскихъ отрядовъ и пріобрѣли нашему оружію честь. Наконецъ дѣла, какъ кажется, оканчиваются въ Венгріи, ибо Бемъ совершенно разбитъ возлѣ „Германштадта. Странно! Въ газетахъ говорятъ, что „наши войска своимъ прибытіемъ помогли австрійцамъ, „а въ ихъ реляціи этого не говорятъ: видно они не „хотятъ благодарны быть“ **).

*) Корпусъ ген. Лидерса, по соглашенію турецкаго правительства съ русскимъ, въ 1848 году, былъ введенъ въ Дунайскія княжества для противодѣйствія мѣстной революціонной партіи.

**) Сем. арх. кн. Паскевича.

Между тѣмъ не малую благодарность заслужили отряды корпуса Лидерса, вступившіе въ Трансильванію. Выслано было два отряда: первый, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Скарятина (4 баталіона, 5 сотенъ казаковъ и 8 орудій), направился къ Германштадту, а второй, подъ начальствомъ генералъ-маіора Энгельгардта (3 баталіона, 2 сотни казаковъ и 8 орудій),—къ Кронштадту. Когда Скарятинъ, 4-го февраля, подходилъ къ Германштадту, Пухнеръ, атаковавъ позицію, занятую Бемомъ (у деревни Вицъ-Акна), былъ отброшенъ и преслѣдуемъ венгерцами до Германштадта. Скарятинъ, неожиданно появившись на флангѣ венгерскихъ войскъ, принудилъ ихъ отступить столь поспѣшно, что самъ Бемъ едва не попался въ плѣнъ. Въ тотъ же день Энгельгардтъ отбилъ 6-ти тысячный отрядъ секлеровъ отъ Кронштадта и отбросилъ ихъ за р. Алуту. Приблизительно тогда же по большой дорогѣ изъ Мишкольца въ Пештъ у с. Будамеръ произошло столкновеніе между 1-мъ корпусомъ Шлыка и войсками Дембинскаго (38 т. чел.), — столкновеніе нерѣшительное: венгерцы отступили въ полномъ порядкѣ и австрійцы не осмѣливались ихъ преслѣдовать.

Въ это же время, рейхстагъ, созванный въ г. Кремзирѣ, постепенно увлекаясь направленіемъ революціоннымъ, проектировалъ конституцію, въ дѣйствительности уничтожающую императорскую центральную власть. Въ концѣ февраля рѣшено было рейхстагъ распустить, но это оказалось возможнымъ сдѣлать только 6-го марта (новаго стиля), когда въ г. Кремзиръ прислано было

два баталіона пѣхоты, которые во-время появились въ залу засѣданія рейхстага. Послѣ того вѣнское правительство обнародовало свою конституцію отъ 4-го марта (новаго стиля) 1849 г. Всѣ австрійскія земли, съ Моравіей и Венгріей включительно, объявлялись единой нераздѣльной конституціонной монархіей. Обнародованіе такой конституціи еще болѣе обострило положеніе внутреннихъ дѣлъ Австріи. По этому поводу фельдмаршалъ писалъ Государю: „роспускъ этого (Кремзирскаго) сейма „надлежало сдѣлать тотчасъ по укрощеніи бунта въ „Вѣнѣ; но, къ сожалѣнію, правительству недостало „духа вырвать тогда зло съ корнемъ въ одинъ разъ. „Теперь же мѣра, вынужденная дерзостію сейма, болѣе „или менѣе воспалитъ умы и можетъ дать поводъ къ „новымъ безпорядкамъ.

„Все это", заключаетъ фельдмаршалъ, „поставляетъ „меня въ такое положеніе, что не смѣю помышлять о „выѣздѣ изъ Варшавы: ибо нельзя ручаться, чтобы по „сосѣдству нашихъ границъ вдругъ не вспыхнуло что-„либо, требующее безотлагательныхъ и рѣшительныхъ „мѣръ. Нельзя почти разсчитывать и на два дня спо-„койствія ни въ Силезіи, ни въ княжествѣ Познанскомъ, „ни въ Краковѣ, ни въ Галиціи, ни даже въ самомъ „Берлинѣ. О западной же Германіи и говорить нечего; „можно считать особымъ счастіемъ, что по сіе время „анархія не взяла тамъ верхъ" *).

Пребываніе въ Трансильваніи русскихъ отрядовъ

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

было крайне непріятно Государю и фельдмаршалу. Войска Пухнера не внушали большого довѣрія, а составъ русскихъ отрядовъ былъ слишкомъ незначителенъ для противодѣйствія венгерцамъ. Но послѣ первыхъ успѣховъ Скарятина и Энгельгардта Государь 7-го (19-го) марта писалъ фельдмаршалу: „Кажется, дѣла „идутъ въ Венгріи къ развязкѣ, но крайне тихо и не-„рѣшительно, да и трудностей много; въ Трансильва-„ніи генералъ Пухнеръ рѣшительно отвѣчаетъ намъ, „что безъ нашихъ войскъ онъ обойтиться не можетъ. „Отнимать же ихъ было-бъ съ нашей стороны безбожно, „сколь мнѣ оставлять ихъ долго и ни противно"*). Но вскорѣ обстоятельства, помимо воли Государя, принудили отряды корпуса Лидерса возвратиться обратно въ Валахію.

Пухнеръ, послѣ быстраго отступленія Бема, не преслѣдуя его и давъ ему возможность занять крѣпкую позицію у Шегешвара, не рѣшился атаковать его съ фронта и предпринялъ дальній обходъ на лѣвый флангъ позиціи. Бемъ воспользовался этимъ движеніемъ, чтобы всѣми силами броситься на Германштадтъ, который оборонялъ слабый отрядъ Скарятина. Цѣлый день 27-го февраля (11-го марта) Скарятинъ выдерживалъ натискъ войскъ Бема, поджидая Пухнера. На другой день Скарятинъ въ полномъ порядкѣ отступилъ къ границамъ Валахіи, все время отбиваясь отъ наступающихъ за нимъ венгерскихъ войскъ. Остановясь на крѣпкой позиціи у

---

*) Прилож. II, 7.

с. Томкога, Скарятинъ ожидалъ Пухнера. Наконецъ 1-го (13-го) марта Пухнеръ, возвращаясь изъ Шегешвара (гдѣ онъ конечно Бема не засталъ), далъ знать Скарятину о своемъ обратномъ движеніи и предлагалъ ему принять участіе въ нападеніи на Германштадтъ, занятый Бемомъ. Скарятинъ согласился, но Пухнеръ заболѣлъ и уѣхалъ въ Валахію, а отрядъ его къ Германштадту не двинулся. Тогда Скарятинъ, видя передъ собою въ пять разъ болѣе сильнаго непріятеля и нѣсколько разъ отбиваясь отъ него, перешелъ границу Валахіи. Вслѣдъ за тѣмъ генералъ Лидерсъ, получивъ свѣдѣніе, что преемникъ Пухнера, Каліани, отказывается защищать Кронштадтъ и безъ боя самъ идетъ въ Валахію, приказалъ Энгельгардту выйти изъ Трансильваніи *).

Такимъ образомъ русскіе отряды, двинутые для спасенія Трансильваніи, должны были уйти обратно, потому только, что австрійскія войска отказывались дѣйствовать. Этого не ожидали ни Государь, ни его намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ. Посылая донесеніе генерала Лидерса, князь Паскевичъ 19-го (31-го) марта писалъ Государю: „фельдмаршалъ Виндишгрецъ оставляетъ всѣ свои дѣйствія. Они ничего не дѣлали и вотъ „до чего дошли, что наши войска принуждены на границѣ отступить, выдержавъ сраженіе съ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. Это весьма можетъ и въ другихъ мѣстахъ случиться, ибо кто можетъ беречь линію „отъ Малой Валахіи по границѣ всей Венгріи. Наше

*) Энгельгардтъ прикрылъ отступленіе Каліани и бѣгство жителей Кронштадта, не желавшихъ подчиниться управленію Бема.

„войско можетъ компрометировано быть, благодаря не-„способности австрійскихъ генераловъ. Непріятель уже „пользуется льготою, которую ему главная армія даетъ, „и хочетъ ворваться въ Буковину, черезъ Молдавію“ *).

Государь отвѣчалъ фельдмаршалу письмомъ отъ 20-го марта (1-го апрѣля): „Я совершенно раздѣляю мнѣніе „твое насчетъ безтолковости австрійцевъ въ Венгріи; „плачевные тому плоды вчера еще разительнѣе намъ „оказались бѣгствомъ генерала Пухнера съ другими 5-ю „генералами, бросившими свои войска. Послѣдствіемъ „того было, что войска, брошенныя своими генералами, „безъ обуви, безъ снарядовъ и голодныя, въ числѣ 8 т. „съ 36-ю орудіями, безъ боя ушли въ Валахію, и вся „Трансильванія въ рукахъ мятежниковъ поляковъ. Слава „Богу, отрядъ Скарятина дрался славно и въ порядкѣ „и, ничего не потерявъ, успѣлъ уйти и занять ущелье, „ведущее въ Валахію изъ Германштадта, а отрядъ Эн-„гельгардта, безъ боя, составилъ аріергардъ, спасъ „остатки австрійскаго корпуса и несчастныхъ жителей „Кронштадта отправилъ къ намъ. Теперь нѣтъ сомнѣ-„нія, что поляки устроятся въ Трансильваніи, какъ въ „крѣпости, и ежели самыя скорыя и рѣшительныя по-„бѣды не увѣнчаютъ Виндишгреца, то дѣло протянется „и вдаль, и будетъ весьма трудно его задушить“ **).

Въ серединѣ марта дѣла германскія возбудили всеобщее вниманіе. Франкфуртскій сеймъ избралъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV императоромъ гер-

*) Сем. арх. кн. Паскевича.
**) Прилож. II, 8.

манскимъ. Но германское единодушіе не проявилось и въ данномъ случаѣ. Изъ 538 присутствовавшихъ членовъ сейма, только 290 человѣкъ подали голоса, остальные 248 членовъ отказались отъ голосованія. „Теперь", писалъ тогда фельдмаршалъ Государю, „всѣ „глаза на короля прусскаго: приметъ ли онъ импера-„торское достоинство или нѣтъ. Впрочемъ трудно ему „принять, написавши только два мѣсяца тому назадъ „въ Австрію, что онъ соглашается, что не будетъ нѣ-„мецкаго императора" *).

Рѣшительный отказъ короля прусскаго принять императорскую корону было для австрійскаго правительства особенно радостнымъ событіемъ. Казалось, что вмѣстѣ съ тѣмъ наступала для Австріи эра успѣховъ. Возобновившаяся передъ тѣмъ война въ Италіи окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ пьемонтскихъ войскъ при Новарѣ. Ночью, послѣ сраженія, побѣжденный сардинскій король Карлъ-Альбертъ отказался отъ престола, а побѣдитель его, фельдмаршалъ Радецкій, заключилъ перемиріе съ преемникомъ и сыномъ короля Карла-Альберта королемъ Викторомъ-Эмануиломъ. Этотъ успѣхъ австрійцевъ обрадовалъ Государя. — О сраженіи при Новарѣ Государь узналъ только 24-го марта (5-го апрѣля) (сраженіе произошло 11-го (23-го) марта) и въ тотъ же день написалъ князю Варшавскому: „Ай да Радецкій! „прямой герой старина. Я его приказалъ считать и у „насъ въ арміи нашимъ фельдмаршаломъ и далъ ему

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

„Бѣлорусскій гусарскій полкъ. Желаю, чтобъ *сынъ твой* „отвезъ ему мой рескриптъ; хорошо, чтобъ сынъ *нашего* „*героя* везъ знакъ уваженія къ *союзному герою*, кото- „раго мы усвоиваемъ.

„Условія перемирія до того славны для австрійцевъ „и столь постыдны для сардинцевъ, что едва понять „можно, чтобъ это была истина! Вотъ опять вся стая „поляковъ въ изгнаніи, куда теперь полетятъ эти к....!

„Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ счастливый конецъ будетъ „имѣть разныя дѣйствія на прочія дѣла: к..... въ изсту- „пленіи злобы затѣятъ что-либо новое, стоящіе же за „правое дѣло ободрятся и, можетъ быть, и въ Венгріи „дѣла пойдутъ лучше“ *).

Но венгерскія дѣла не „пошли лучше“, какъ надѣялся Государь. Виндишгрецъ не слѣдовалъ примѣру Радецкаго. Графъ Медемъ, черезъ фельдмаршала, препроводилъ въ Петербургъ письмо князя Шварценберга, въ которомъ выражалась просьба занять русскими войсками Трансильванію. Передъ тѣмъ князь Варшавскій предлагалъ Государю занять восточную Галицію. Это была излюбленная и завѣтная мысль фельдмаршала, всегда считавшаго восточную Галицію землею русскою, а потому полагавшаго необходимымъ, помимо всѣхъ иныхъ соображеній, охранять ее отъ натиска чуждой ей революціонной силы. — „Сейчасъ получилъ“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „извѣстіе, что австрійское правительство намѣрено просить Ваше Величество занять

*) Прилож. II, 9.

„Трансильванію. Сія неожиданная просьба весьма удивляетъ меня. Занять, — это значило бы войти въ такое „мѣсто, гдѣ нѣтъ никакого препятствія, а тутъ до 80 „тыс. вооруженныхъ венгерцевъ и весь край въ бунтѣ. „Итакъ, они хотятъ, чтобы Ваше Величество изволили „всю тягость войны взять на себя.

„Можемъ ли мы изъ Валахіи вести войска въ Трансильванію? Осмѣливаюсь сказать, что нѣтъ; ибо турки, „подстрекаемые англичанами, не только дадутъ всю волю „мятежу въ Валахіи, но введутъ конституціонное правленіе, которое они уже хотѣли вводить, притомъ и „войскъ, въ Валахіи находящихся, недостаточно для „вступленія въ Трансильванію. Въ семъ положеніи сего „дѣла осмѣливаюсь доложить мнѣніе. Если согласиться „на просьбу австрійцевъ, то будетъ необходимо, кромѣ „35 тыс., необходимыхъ для удержанія княжествъ, еще „употребить около 50 тыс. для дѣйствія въ Трансильваніи. Итакъ, 85 тыс. будутъ употреблены нами въ „дѣлѣ совершенно постороннемъ, и при томъ придется „вести войну самую трудную, въ горахъ, населенныхъ „воинственнымъ племенемъ, а тому доказательство то, „что эта Трансильванія два вѣка назадъ, во время бунта, „долго боролась противъ австрійскихъ силъ. По всему „этому кажется выгоднѣе для насъ держаться того предположенія, которое я имѣлъ счастіе предложить въ „послѣднемъ письмѣ, съ перемѣною только того, чтобы „сверхъ занятія восточной Галиціи, занять также Буковину и охранять всѣ выходы изъ Трансильваніи. Когда же „мы будемъ на ихъ мѣстахъ, то, конечно, можно будетъ

„давать руку помощи по тогдашнимъ обстоятельствамъ. „Но одно только надобно рекомендовать гг. генераламъ „австрійскимъ: чтобы не отдавали проходовъ Карпатскихъ горъ, ибо тогда наша помощь не будетъ имъ „дѣйствительна“ *).

Государь, соглашаясь занять Буковину и Галицію, писалъ, „что дѣло это самое простое и вѣрно наилучшее, ежели иначе обойтись нельзя“. Предназначивъ для сего послать 3-й и 4-й корпуса, Государь спрашивалъ фельдмаршала, подчинить ли эти корпуса Ридигеру или генералу Берху или Роту, — „словомъ“, писалъ Государь фельдмаршалу, — „скажи мнѣ, что ты предполагаешь?“ **).

Фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Осмѣливаюсь представить „о назначеніи на это мѣсто генерала Ридигера, котораго „достоинства и опытность неоспоримы. Насчетъ генерала Рота я прежде говорилъ, что онъ не показалъ „способностей командовать отдѣльно. Генералъ же Берхъ „никогда ничѣмъ не командовалъ. Въ австрійской арміи „есть, что надобно во фронтѣ служить, чтобы быть офицеромъ-квартирмейстеромъ. Ваше Величество изволили „повелѣть у насъ то же чтобы было. Иначе они не „знаютъ, какъ держать дисциплину; они не знаютъ „ничего о продовольствіи; они не знаютъ фрунту, ничего, что принадлежитъ до внутренняго управленія. „Генералъ же Берхъ не былъ во фрунтѣ. Говорятъ, „ему дать хорошаго дежурнаго генерала; но того не „всегда послушается, а особливо, когда столкнутся два

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1849 года. Прилож. II, 9.

„предмета: движеніе и продовольствіе; ему надобно идти „впередъ, а дежурный генералъ говоритъ нельзя по та„ковымъ обстоятельствамъ. Гдѣ такого дежурнаго гене„рала найти, ибо такой дежурный генералъ мѣтитъ ко„мандовать собственнымъ корпусомъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Варшавскій предложилъ слѣдующій „планъ кам„паніи для россійскихъ войскъ":

„1) Занять Галицію и Буковину и всѣ проходы горъ „Карпатскихъ. На сіе употребить: четыре дивизіи пѣ„хоты, одну кавалерійскую и 160 орудій. Занявши вер„шины горъ Карпатскихъ, русскіе этимъ самымъ держатъ „въ повиновеніи всѣ долины на 50 верстъ.

„2) Со стороны Валахіи можно тотъ же маневръ „дѣлать, но съ осторожностью, ибо собранныя тамъ вой„ска не такъ будутъ многочисленны, какъ со стороны „Буковины и Галиціи. Они должны занять ущелья и „наблюдать: если непріятель начнетъ слабѣть противъ „занимаемыхъ нами пунктовъ или ослабитъ себя отря„дами, то сходить съ горъ и разбить его.

3) „Противъ Молдавіи тотъ же маневръ можно дѣ„лать. Число войскъ я не могу назначить, ибо сіе за„виситъ отъ положенія дѣлъ въ княжествахъ.

„Правиломъ положить, чтобы главныя проходимыя „вершины были заняты нами.

„Такой планъ достаточно дастъ помощи Австріи, „ибо, если взять въ соображеніе, что занятіемъ нами „вершинъ горъ мы будетъ имѣть вліяніе въ долины на „50 верстъ, а вся Трансильванія простирается на 180 „верстъ, то мадьярамъ остается 80 верстъ, гдѣ они

„безопасно могутъ двигаться, а австрійцамъ только остается 80 верстъ къ завоеванію“ *):

Вполнѣ соглашаясь съ предположеніями фельдмаршала, Государь писалъ 1-го (13-го) апрѣля изъ Москвы, гдѣ находился по случаю освященія новаго дворца:

„Австрійцы, не сладивъ сами, хотятъ теперь чужими „руками жаръ загребать; оно легко и пріятно; но я „того не хочу. Занять Галицію согласенъ. Ежели мя„тежники ворвутся туда, ихъ уничтожить тамъ или въ „Буковинѣ будетъ наше дѣло, какъ и наше дѣло со„вмѣстно съ турками защищать княжества. Но входить „въ Трансильванію намъ нѣтъ причины,— это дѣло прямо „австрійцевъ. Итакъ, 5-й корпусъ въ княжествахъ, 4-й „въ Буковинѣ и южной Галиціи, а 3-й, ежели нужно, „въ сѣверной, вотъ наше расположеніе. Другое было-бъ „намъ невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ и буду „отвѣчать. Иначе было-бъ, ежели-бъ австрійцы во-время „просили нашей помощи, которая давно была готова, „которую я графу Булю предлагалъ. Теперь же, когда „все испорчено, было-бъ глупо мнѣ поправлять русской „кровью ихъ ошибки. Занявъ Галицію, мы освобождаемъ „всѣ ихъ войска, тамъ оставшіяся, которыя могутъ быть „обращены въ дѣло; и это уже не малая помощь, ибо „мы отвѣчаемъ имъ за спокойствіе ихъ тыла“.

Далѣе, въ томъ же письмѣ: „ежели намъ вступать „въ дѣло, то не иначе должно, какъ крайне осторожно, „не теряя изъ виду прямыхъ интересовъ Россіи. Мнѣ

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

„кажется, что австрійцы не упоминаютъ объ занятіи „Галиціи или изъ недовѣрчивости къ вліянію на одно-„племенный намъ старый нашъ край, или они думаютъ, „что мы можемъ войти въ Трансильванію изъ княжествъ, „что просто глупо и смѣшно“ *).

Въ концѣ апрѣля обстоятельства осложнились. Вся Трансильванія и Венгрія находилась въ рукахъ венгерскаго правительства. Венгерскій сеймъ въ полномъ засѣданіи объявилъ въ Дебречинѣ Габсбургско-Лотарингскую династію „на вѣки“ лишенною венгерской короны. Австрійская армія отступала въ долину р.Ваагъ, на правый берегъ Дуная,— а на подкрѣпленіе изъ итальянской арміи Радецкаго, для борьбы съ венгерцами, разсчитывать было нельзя. Заключенное перемиріе съ сардинскимъ королемъ не примирило народы сѣверной Италіи съ владычествомъ Австріи и только присутствіе въ странѣ сильной арміи сдерживало ихъ революціонные порывы. — Но и для насъ успѣхи венгерскаго революціоннаго правительства имѣли неблагопріятное значеніе, если не для настоящаго, то несомнѣнно для будущаго. Весьма вѣроятно, что Венгрія, побѣдивъ Австрію, въ силу сложившихся обстоятельствъ вынуждена была бы оказать дѣятельное содѣйствіе замысламъ польской эмиграціи. Размѣры этого содѣйствія и тѣ событія, которыя оно вызвало бы, опредѣлить нельзя,— но побѣдоносной Венгріи не легко было бы отказаться отъ поляковъ, такъ энергично ставшихъ за независимость мадьяръ.

*) Прилож. II, 10.

Поляки это сознавали; формируя польскіе легіоны и толпами вступая въ ряды венгерской арміи, они всѣ „надежды свои возложили на возстаніе Венгріи“ *). Хотя численность польскихъ легіоновъ никогда не достигала 20-ти тыс. человѣкъ **), но почти вся эмиграція, всѣ высшіе чины и офицеры бывшей польской арміи, съ генералами Бемомъ и Дембинскимъ во главѣ, поступили на службу въ венгерскія войска. Не только эмиграція, но и значительная часть польскихъ дворянъ Познани и Галиціи толпами шли въ ряды венгерскихъ полковъ, гдѣ они почти всегда принимались офицерскими чинами. Несмотря на рознь въ средѣ поляковъ, служившихъ Венгріи, вліяніе ихъ въ венгерскомъ правительствѣ было несомнѣнное. Такія личности, какъ Бемъ, Дембинскій и другіе, участвовали въ совѣщаніяхъ и совѣтахъ правительства Венгріи, и Кошутъ, глава этого правительства, вообще относясь къ полякамъ довольно сдержанно, былъ вынужденъ не разъ высказывать „наилучшія намѣренія относительно дѣлъ польскихъ (cause polonaise)“ ***). „Намѣренія“ эти были, конечно, обѣщанія побѣдоносной Венгріи для политической будущности Польши.

Князь Паскевичъ, издавна зная австрійскую армію, не ожидалъ, что наскоро сформированная венгерская армія, переполненная польскими выходцами, столь быстро

---

*) Изъ записокъ извѣстнаго эмигранта Высоцкаго, формировавшаго польскіе легіоны въ Венгріи. — Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Поляки, вслѣдствіе взаимныхъ распрей, предпочитали вступать въ ряды венгерскихъ полковъ, а не въ польскіе легіоны.

***) Сем. арх. кн. Паскевича.

низведетъ австрійскую монархію въ тяжелое, почти безвыходное положеніе. Вотъ почему въ первомъ его проектѣ, относительно оказанія помощи Австріи, сквозило желаніе ограничить, по возможности, эту помощь, не втягивая Россію во внѣшнюю войну. Но фельдмаршалъ не допускалъ и мысли безучастнаго отношенія къ распаденію Австрійской монархіи, на развалинахъ которой образовалась бы враждебная намъ Венгрія съ ея полупольскими войсками.

Въ первыхъ числахъ апрѣля фельдмаршалъ, получивъ съ театра войны свѣдѣнія о неуспѣшности дѣйствій австрійской арміи, составляетъ новый планъ для содѣйствія Австріи и посылаетъ его Государю. По предположенію князя Паскевича, занявъ Галицію и Буковину, надлежало двинуться въ Венгрію двумя колоннами. Первой, подъ начальствомъ ген. Ридигера (три пѣхотныя дивизіи и одна кавалерійская), идти долиною рр. Арвы и Ваага на г. Тренчинъ (по направленію къ Пресбургу), второй, подъ начальствомъ генерала князя Горчакова (три пѣхотныя и двѣ кавалерійскія дивизіи), собравшись у г. Дукла, направиться на Бартфельдъ и Эперіешъ, угрожая флангу и тылу непріятеля по направленію къ Пресбургу и Коморну. При этомъ фельдмаршалъ предполагалъ, что колонны эти будутъ имѣть значеніе вспомогательныхъ отрядовъ главныхъ австрійскихъ силъ, въ полномъ убѣжденіи, что силы эти готовы дѣйствовать и еще не вполнѣ разстроены бывшими боевыми дѣйствіями. Посылая этотъ новый, имъ составленный, планъ движенія русскихъ корпусовъ въ Венгрію, фельдмар-

шалъ 7-го (19-го) апрѣля писалъ Государю: „Безпре-„станные, неожиданные и скорые успѣхи мятежниковъ „дѣлаютъ, что и наши предположенія для содѣйствія „имъ должны измѣняться. Это самое побуждаетъ меня „перемѣнить прежнее предположеніе насчетъ дѣйствій „нашихъ въ Венгріи, что изъ прилагаемой записки Ваше „Величество изволите усмотрѣть. Въ той же запискѣ я „докладываю, что для опредѣленія выгоднѣйшаго плана „кампаніи сообразно съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, „которое ежечасно измѣняется, необходимо прибытіе въ „Варшаву довѣреннаго лица отъ австрійскаго правитель-„ства, съ которымъ можно бы условиться, что и какъ „выгоднѣе предпринять. Прибытіе сего лица и тѣмъ еще „будетъ полезно, что Ваше Величество и сами изволите „прибыть въ Варшаву".

„Равномѣрно испрашиваю Вашего Величества раз-„рѣшеніе, по соглашенію съ довѣреннымъ отъ Австріи, „въ случаѣ надобности, двинуть войска на помощь ав-„стрійцамъ безъ новаго на то повелѣнія Вашего. А какъ „я увѣренъ, что Ваше Величество изволите дать имъ „скорую помощь, то я написалъ къ графу Медему" *). На это письмо государь изъ Москвы отвѣчалъ фельд-маршалу 13-го (25-го) апрѣля:

„Вчера вечеромъ получилъ я твое письмо, любезный „отецъ командиръ, съ приложеніями."

„Оно весьма важно, и я цѣлыя сутки обдумывалъ „отвѣтъ. Полагаю, что скоро настанетъ намъ время

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

„дѣйствовать. Не одна помощь Австріи для укрощенія „внутренняго мятежа, и по ея призыву, меня къ тому „побуждаетъ; чувство и долгъ защиты спокойствія предѣловъ Богомъ ввѣренной мнѣ Россіи меня вызываетъ „на бой, ибо въ венгерскомъ мятежѣ явственно видны „усилія общаго заговора противъ всего священнаго и „въ особенности противъ Россіи, ибо въ главѣ мятежа „и главными орудіями его вѣчные враги наши поляки“.

„Теперь Австрія предоставляетъ мнѣ совершенно „образъ и мѣру помощи“.

„Принявъ сіе согласіе за основаніе, я совершенно „съ тобой согласенъ, что не въ примѣръ полезнѣе, занявъ Галицію и Буковину 4-мъ корпусомъ, 3-мъ корпусомъ, усиливъ его одной дивизіей 4-го корпуса и 4-й „легкой дивизіей, дѣйствовать прямо чрезъ Дуклу на „囲Пештъ въ тылъ или во флангъ венграмъ“.

„Ежели Пештъ брошенъ, мы въ тылу у нихъ, ежели „они отступили къ Тейсу, мы у нихъ во флангѣ! Что „можетъ быть лучше этого? Но забираться намъ къ „Пресбургу вовсе не входитъ въ мои виды, удаляться „намъ безъ пользы отъ базы нашихъ операцій, я не „признаю той пользы, которую столь явно производить „должно прямое дѣйствіе въ тылъ венграмъ. Для этого „я желаю, чтобы Ридигеръ имѣлъ не менѣе 4-хъ пѣшихъ „дивизій и 2-хъ конныхъ, дабы силы его были значительны. По одной дивизіи 4-го корпуса въ Буковинѣ „и Галиціи съ казаками и, буде нужно, со 2-й уланской дивизіей, кажется довольно. Все это объяснивъ „Бергу, пошли его въ Ольмюцъ, чтобы убѣдить тамъ

„въ пользѣ сего и чтобъ прислали тебѣ своего довѣ-„реннаго офицера быть при тебѣ и рѣшить мѣры про-„довольствія“.

„Разумѣется, что кормить должны насъ они; но по-„лагаю, что вѣрнѣе закупать намъ за наличныя деньги „или квитанціи, какъ думаешь лучше, но для оконча-„тельнаго разсчета потомъ съ ними.

„Принявъ сіе за основаніе, и буде австрійцы повто-„рятъ просьбу начать, призвавъ Бога на помощь — раз-„рѣшаю тебѣ вступать“.

Письмо оканчивается такъ: „Разливъ Волги меня „здѣсь (въ Москвѣ) задержалъ, онъ, надѣюсь, не измѣ-„нитъ однако моего путешествія къ тебѣ, которое счи-„таю очень нужнымъ“ *).

Такимъ образомъ въ половинѣ апрѣля рѣшено было послать одинъ только сильный корпусъ Ридигера черезъ Дуклу во флангъ венгерской арміи, при томъ Государь въ слѣдующихъ письмахъ къ фельдмаршалу настаивалъ: „Вразуми“, писалъ Государь, „Ридигера, сколько нужно „ему будетъ дѣйствовать быстро, осторожно и рѣши-„тельно; надо, чтобы съ перваго удара нашего дѣло „было переломлено въ пользу праваго дѣла. Надо, чтобы „какъ громомъ грянуло и все было кончено“ **).

Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ къ фельдмаршалу уполномоченный офицеръ изъ австрійской арміи, полковникъ Шобельнъ, съ достовѣрными свѣдѣніями о томъ, что „въ долинѣ Дуклы и около Кашау нѣтъ ни провіанта,

*) Прил. II, 13.
**) Тамъ же.

„ни фуража, ибо тамъ война была“.— „Сколько я предвижу“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „то, конечно, „мы должны разбить ихъ, но потомъ, черезъ горы, можно ли „имѣть подводами продовольствіе для столь большого „числа войскъ?“ Въ виду этихъ вопросовъ, фельдмаршалъ писалъ Государю, что необходимо измѣнить направленіе войскъ генерала Ридигера. „Ридигера“, писалъ фельдмаршалъ, „форсированнымъ маршемъ на Тешенъ къ „Пресбургу, — онъ тамъ вездѣ найдетъ продовольствіе, „а между тѣмъ занять горы 4-мъ корпусомъ и дѣлать „большія экспедиціи въ долины. На Тешенъ будетъ 70 в. „болѣе, но онъ пойдетъ весьма хорошею нетронутою „дорогою и наградитъ (наверстаетъ) сіе время (т. е. „необходимое для прохода лишнихъ 70 верстъ) форси„рованными маршами“ *).

Государь разсчитывалъ пріѣхать въ Варшаву 6-го (18-го) мая. „Везу съ собою“, писалъ онъ фельдмаршалу 18-го апрѣля, „Нессельроде, который мнѣ по об„стоятельствамъ можетъ быть необходимъ. Что-то Бергъ „привезетъ“ **)? Генералъ Бергъ не привезъ (онъ остался въ Ольмюцѣ), но прислалъ отношеніе Шварценберга къ нашему канцлеру, — „изъ котораго я вижу“, писалъ фельдмаршалъ 21-го апрѣля (3-го мая) Государю, „что „австрійское правительство находится въ критическомъ „положеніи, слѣдственно, ничто уже меня не останавливаетъ начать всѣ движенія войскъ, о которыхъ я

*) Письмо къ Государю отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1849 года. Сем. арх. кн. Паскевича.
**) Прил. II, 14.

„вчера доносилъ, и посему послѣ завтра входитъ въ Кра„ковъ для демонстраціи и въ долину Панютинъ и будетъ „елико возможно болѣе дѣлать шуму, чтобы привлечь „вниманіе непріятеля на себя“.

Свѣдѣнія, присланныя черезъ генерала Берга княземъ Шварценбергомъ князю Паскевичу, представляли положеніе Австріи почти безвыходнымъ. Шварценбергъ писалъ, что главнокомандующій австрійской арміей фонъ-Вельденъ стоитъ на обоихъ берегахъ Дуная съ арміею, всего 40-тысячной, между тѣмъ какъ болѣе многочисленный непріятель съ каждымъ днемъ усиливается новыми формирующимися отрядами въ Венгріи и въ Трансильваніи. На пополненіе арміи Вельдена рекрутами было мало надеждъ, такъ что Шварценбергъ опасался, что Гёргей (главнокомандующій венгерскихъ войскъ), ободренный успѣхами на верхнемъ Дунаѣ, опрокинетъ армію Вельдена, этотъ послѣдній оплотъ монархіи, и войдетъ въ Вѣну. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что австрійская армія, разобщенная Дунаемъ, по мнѣнію Шварценберга, была разстроена послѣдними неудачами. Еще Шобельнъ сообщалъ фельдмаршалу, что и въ самой Вѣнѣ опасаются, „что бунтъ вспыхнетъ“ и что въ Ольмюцѣ (въ мѣстѣ пребыванія императора австрійскаго) усиливаютъ гарнизонъ, опасаясь появленія мятежныхъ отрядовъ. Спасеніе было только въ появленіи войскъ русской арміи, и Шварценбергъ, черезъ нашего канцлера, умолялъ Государя Николая Павловича спасти Австрію. Три дня послѣ того, какъ князь Паскевичъ отослалъ въ Москву къ Государю депешу Швар-

ценберга къ графу Нессельроде, при письмѣ своемъ отъ 21-го апрѣля (3-го мая), въ Варшаву прибылъ съ письмомъ отъ Шварценберга фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Кабога. Шварценбергъ сообщалъ, что непріятель въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Вѣны и что армія Вельдена не въ силахъ задержать его наступленіе, вслѣдствіе чего просилъ фельдмаршала послать по желѣзной дорогѣ русскій отрядъ и тѣмъ спасти Вѣну, потеря которой грозила бы гибелью австрійской монархіи. „Одно только появленіе русскаго отряда“, писалъ Шварценбергъ, „произведя несомнѣнно сильное впечатлѣніе на „непріятеля, можетъ задержать движеніе его на Вѣну“.

По разсказамъ очевидцевъ, графъ Кабога, прося фельдмаршала согласиться на просьбу Шварценберга и повторяя содержаніе письма его, ставъ на колѣни, поцѣловалъ руку князя Варшавскаго, со слезами умоляя его „спасти Австрію“; „каждый день, каждый часъ“, говорилъ онъ, „дорогъ“.

Дѣйствительно венгерская армія, въ день отъѣзда графа Кабоги, т. е. 21-го апрѣля, находилась приблизительно въ 250 верстахъ отъ Вѣны, слѣдовательно, при энергичномъ наступленіи, венгерцы могли бы ее занять въ первыхъ числахъ мая (стар. ст.).

Дѣйствія отдѣльнымъ, относительно небольшимъ, отрядомъ, да еще подчиненнымъ генералу иностранной державы, не только не входили въ намѣренія князя Варшавскаго, но противорѣчили всѣмъ основнымъ его правиламъ веденія войны. Между тѣмъ обстоятельства, описываемыя Шварценбергомъ и графомъ Кабога, были

крайне серьезны. Овладѣніе венгерцами Вѣною угрожало австрійской монархіи весьма близкой и окончательной гибелью. По разсчету времени, чтобы спасти Австрію, дѣйствительно необходимо было, не теряя ни одного дня, выслать русскій отрядъ по желѣзной дорогѣ.

Но нѣсколько дней передъ тѣмъ Государь, приказывая фельдмаршалу усилить корпусъ Ридигера, требовалъ, чтобы русскія войска, вступивъ на театръ войны,— „грянули какъ громомъ“ и „чтобы все было кончено“.

Изъ этого слѣдовало, что и Государь не предвидѣлъ и, конечно, не разрѣшалъ отправку отряда настолько незначительнаго, что его можно было бы посадить въ желѣзнодорожные вагоны въ теченіе одного или двухъ дней. Съ другой стороны, фельдмаршалъ не могъ послать за приказаніями въ Москву: при разливѣ весеннихъ водъ, нельзя было разсчитывать получить отвѣтъ ранѣе какъ черезъ 12 или 15 дней*); электрическихъ телеграфовъ въ то время не было**). Поставленный этими обстоятельствами въ крайне затруднительное положеніе, князь Варшавскій рѣшился, не выжидая Высочайшаго разрѣшенія, послать по желѣзной дорогѣ отрядъ силою въ 10 тыс. штыковъ при 48-ми орудіяхъ,

---

*) Между Варшавою и Москвою 1,200 вер., полагая, что курьеръ въ сутки сдѣлаетъ 200 вер., то туда и обратно потребуется 12 дней, но и на эту скорость, при весеннемъ разливѣ, трудно было разсчитывать.

**) Вообще на телеграфъ того времени разсчитывать было нельзя, при малѣйшемъ туманѣ или дождѣ дѣйствія его были весьма сомнительны.

подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Панютина *). При отправленіи сводной дивизіи генерала Панютина по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ люди имѣли въ ранцахъ провіантъ на 4 дня, а въ вагонахъ было погружено на столько же дней фуража и провіанта; сверхъ того, на случай, если бы австрійцы не могли давать воинскимъ чинамъ достаточное довольствіе, генералу Панютину было отпущено 20 тыс. рублей. По нѣсколько странному стеченію обстоятельствъ Государь наканунѣ того дня, какъ фельдмаршалъ рѣшился послать Панютина, т. е. 24-го апрѣля, писалъ князю Варшавскому слѣдующее письмо **), по смыслу котораго отправка отряда Панютина положительно противорѣчила намѣреніямъ Его Величества: „Все то, что передалъ тебѣ „австрійскій полковникъ о положеніи дѣлъ, даетъ оному „гораздо еще грознѣе видъ, чѣмъ и полагать было можно, „и можетъ о сю пору Вѣна уже въ рукахъ мятежни-„ковъ.

„При подобныхъ обстоятельствахъ, полагаю я, что „ежели намъ вступать въ дѣло, для подачи настоящей „помощи, а не для одной диверсіи, должно сіе испол-„нить со всѣми силами, на то нужными, и такъ, чтобы „успѣхъ, елико можно, былъ несомнѣнный. Надо, чтобъ

---

*) Отрядъ составлялся изъ 3-хъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи (Сѣвскій пѣхотный, Брянскій и Орловскій егерскіе) и Черниговскій полкъ 8-й пѣхотной дивизіи. Ген. Панютинъ былъ начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи. См. въ Прилож. III записку фельдмаршала „О причинахъ, побудившихъ къ отправленію войскъ по желѣзной дорогѣ въ Вѣну“.

**) Письмо Государя отъ 23-го апрѣля (5-го мая) 1849 года. Прил. II, 15.

„ты самъ велъ свои арміи на новую славу, на велико-
„душную помощь; да поможетъ намъ Богъ, и ты будь
„Его орудіемъ!

„Мы видимъ, что на австрійцевъ нѣтъ никакой на-
„дежды; дай Богъ, чтобъ они хоть Вѣну отстояли. Мы
„будемъ имѣть дѣло съ главными силами венгровъ, уси-
„ленныхъ поляками и пришельцами со всѣхъ сторонъ.
„Надо все твое знаніе дѣла, все твое искусство на одо-
„лѣніе, но нужна и сила значительная, гораздо значи-
„тельнѣе прежней. Полагаю, что тебѣ должно вступить
„въ Венгрію со 2-мъ, 3-мъ и одной пѣшей (полагаю
„12-й) дивизіей 4-го корпуса, оставя 10-ю и 11-ю въ
„Галиціи и Буковинѣ, съ 4-ю легкой и всѣмъ драгун-
„скимъ корпусомъ, не менѣе какъ съ 8-ю казачьими
„полками...

„Теперь обратимся къ дѣйствіямъ. Конечно не мнѣ
„тебѣ начертать планъ; объ одномъ прошу: не увле-
„кайся просьбами австрійцевъ, дай себѣ срокъ собрать
„всѣ условія успѣха и тогда съ Богомъ, дѣйствуй какъ
„на нашихъ враговъ, быстро, по-русски. Не щади ка-
„налій. Ежели Вѣна и потеряна, дѣло ты исправишь,
„уничтожа гнѣздо бунта.

„О прочемъ условимся при свиданіи.

„Считаю очень важнымъ, чтобъ ты былъ силенъ ка-
„валеріей, и въ особенности казаками; жалѣю, что ихъ
„не болѣе при арміи: ими надо истреблять шайки по
„всѣмъ направленіямъ вокругъ арміи, дабы главныя силы
„не отвлекать отъ прямой цѣли".

Почти въ то же время, еще не получивъ этого письма,

фельдмаршалъ, донося Государю объ отправкѣ Панютина по Варшавско-Вѣнской дорогѣ, объясняя причины такого распоряженія, писалъ: „Если это подкрѣпленіе „не спасетъ Вѣны, то по крайней мѣрѣ все возможное „будетъ сдѣлано. Но весьма быть можетъ, что появленіе онаго отвратитъ разрушеніе всей Австрійской монархіи. Результатъ слишкомъ великъ, чтобы не употребить всего возможнаго для достиженія онаго“ *).

Черезъ 4 дня Государь, получивъ изъ Варшавы отъ князя Паскевича предварительную телеграмму, въ которой фельдмаршалъ сообщалъ, что послалъ подробное письмо и одновременно отправляетъ дивизію Панютина по желѣзной дорогѣ, телеграфировалъ: „крайне жалѣю о посылкѣ дивизіи въ Вѣну“, а затѣмъ писалъ фельдмаршалу: „Вчера утромъ прибылъ полковникъ Лобко-„вицъ **), вечеромъ, наканунѣ, письмо твое 21-го (3-го), „цѣлый вчерашній день телеграфомъ всѣ плачевныя извѣ-„стія изъ Вѣны, Дрездена и наконецъ о посылкѣ дивизіи „въ Вѣну, а сейчасъ два твои письма отъ 25-го (7-го) „съ подробностями причины сей отправки. Ты видишь, „любезный отецъ-командиръ, что было мнѣ объ чемъ „подумать, и, признаюсь, была тяжелая дума!

„Какъ уже по телеграфу тебѣ писалъ, такъ и теперь „повторяю, крайне жалѣю объ посылкѣ дивизіи въ Вѣну; „она Вѣны не спасетъ, а можетъ пропасть даромъ;

---

*) Письмо къ Государю отъ 25-го апрѣля (7-го мая) 1849 года. Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Полковникъ флигель-адъютантъ, посланный императоромъ австрійскимъ съ письмомъ къ русскому Государю, въ которомъ императоръ просилъ Государя помочь Австріи.

„тогда какъ нужнѣе, чѣмъ когда, чтобъ были мы сосре-„доточены и не иначе дѣйствовали, какъ массой, могу-„щей рѣшить дѣло. Мы теряли Москву, но не погибли; „неужели Австрія, столь часто уже терявшая Вѣну, на „сей разъ безъ нея обойтись не можетъ? тогда какъ „увѣрена въ близкомъ нашемъ появленіи въ тылу врага! „Но дѣло прошедшее, я могу ошибаться и слишкомъ „вѣрю и уважаю твое мнѣніе, чтобъ съ тобой спорить „или препятствовать дѣйствовать по твоему убѣжденію: „ты варшавскій герой, а я твой старый бригадный ко-„мандиръ на парадной площади...

„Французскую республику я призналъ, ибо они ис-„полнили условія моего признанія. Желательно, чтобы „французское правительство осталось только при нынѣ „руководительствующихъ имъ правилахъ...

„Полагаю ѣхать въ ночь на 2-е (14-е) и могу быть „у тебя, думаю, 5-го (17-го) вечеромъ...

„Подтверди Мирковичу и Бибикову строже имъ надо „смотрѣть за всѣмъ и не опускать ничего. Здѣсь мы „шайку нашихъ (петрашевцевъ) арестовали, слѣдствіе „идетъ и объяснитъ намъ многое“ *).

Въ тѣ же дни былъ обнародованъ извѣстный мани-фестъ Государя Николая Павловича (28-го апрѣля 1849 года), въ которомъ Государь писалъ: „Мы повелѣли „разнымъ арміямъ Нашимъ двинуться на потушеніе мя-„тежа и уничтоженіе дерзкихъ злоумышленниковъ, по-„кушающихся потрясти спокойствіе и Нашихъ областей.

„Да будетъ съ Нами Богъ, и кто же на ны?“

*) Письмо отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1849 года. Прилож. II, 16.

Между тѣмъ опасенія Шварценберга не оправдались: Гёргей не рѣшился идти на Вѣну. Австрійская армія тѣмъ временемъ усилилась почти до 60 т. чел. прибытіемъ изъ западной Галиціи корпуса генерала Фогеля. Князь Паскевичъ, получивъ о томъ свѣдѣнія, приказалъ генералъ-лейтенанту Панютину остановиться у гор. Градиша, на р. Моравѣ, въ тылу главной австрійской арміи, которая стояла въ то время у Тирнау на р. Ваагѣ.

Государь пріѣхалъ въ Варшаву 4-го (16-го) мая; пять дней спустя, т. е. 9-го (21-го) мая, пріѣхалъ въ Варшаву австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ. Въ это время установлены были главныя основанія предстоящей кампаніи какъ въ стратегическомъ, такъ и въ продовольственномъ отношеніяхъ.

Но вмѣстѣ съ окончательнымъ начертаніемъ плана предстоящей кампаніи Государь, черезъ генералъ-адъютанта Берга, снова повторилъ требованіе свое объ очисткѣ Галиціи, распоряженіемъ австрійскаго правительства, отъ всѣхъ польскихъ эмигрантовъ и мятежниковъ. „Доколь не получено будетъ", писалъ Государь, „удовлетворительнаго отвѣта, русскія войска не дви-„нутся...*).

На этотъ разъ австрійскія мѣстныя власти Галиціи дѣйствовали съ особой энергіей, такъ что требованіе Государя было исполнено въ нѣсколько дней.

*) См. приложенія: IV. *а*) Копія съ секретнаго отношенія ген.-ад. гр. Адлерберга къ ген.-ад. Бергу отъ 12-го мая 1849 г. № 5; *б*) Планъ кампаніи (на франц. яз.). V. Письмо (на франц. яз.) тайн. сов. Тенгоборскаго къ военному министру, отъ 13-го мая. VI. Объ обязанностяхъ лица высшей полиціи при дѣйствующей арміи (на франц. яз.). VII. Копія съ бумаги, писанной Высочайшею рукою ген.-ад. Бергу 30-го мая (11-го іюня) 1849 г.

Глава III.

Обязательства Австрiи по конвенцiи 29-го мая.—Донесенiе полк. Затлера. — Мѣры фельдмаршала къ обезпеченiю войскъ продовольствiемъ. — Особыя распоряженiя передъ выступленiемъ войскъ. — Сомнѣнiя фельдмаршала. — Составъ венгерской и австрiйской армiй и ихъ расположенiе. — Превосходство венгерскихъ боевыхъ силъ и ихъ слабая сторона.— Артиллерiя; милицiя.—Разномыслiе Кошута и Гёргея. — Топографiя Венгрiи, климатъ, пути сообщенiя. — Стратегическое значенiе рѣки Тиссы.— Стратегическiй планъ фельдмаршала.—Проводы войскъ Государемъ.—Ихъ движенiе.—Занятiе Бартфельда. — Свѣдѣнiя о непрiятелѣ. — Рекогносцировка 10-го iюня. — Передача Дембинскимъ командованiя Высоцкому. — Малосильность отряда Высоцкаго. — Укрѣпленiе Бартфельда. — Письмо Государя.—Переходъ въ наступленiе австрiйскаго главнокомандующаго Гайнау.—Соглашенiе между главнокомандующими союзныхъ армiй. — Поддержанная ген. Бергомъ просьба Гайнау о помощи отрядомъ Граббе. — Неудовольствiе кн. Паскевича. — Переписка съ Государемъ по этому поводу.—Дѣло у с. Передъ 8-го (20-го) iюня.—Дивизiя Панютина.—Движенiе фельдмаршала на Эперiешъ.—Отступленiе Высоцкаго съ позицiи при Лофальвѣ.—Дѣло при Шамошѣ. — Отступленiе Высоцкаго къ Мишкольцу. — Отзывъ Государя. — Занятiе Кашау.—Дальнѣйшее отступленiе непрiятеля. — Задержка въ движенiи транспортовъ.— Дѣло у Геторасса.—Рѣшенiе фельдмаршала идти на Пештъ.—Причина остановки движенiя русской армiи; худыя деньги. — Движенiе ген. Чаодаева къ Токаю и занятiе послѣдняго.—

Движенiе Чаодаева къ Дебречину. — Стратегическая важность этого пункта. — Вступленiе туда русскихъ войскъ. — Изъявленiе жителями покорности.—Холера.—Сильная смертность и заболѣваемость въ русскихъ войскахъ.—Мѣры борьбы.—Одобрительное письмо Государя.

Австрiя, на основанiи конвенцiи, заключенной въ Варшавѣ 29-го мая 1849 года уполномоченными обѣихъ державъ, обязывалась снабжать русскую армiю, отправляемую въ Венгрiю и Трансильванiю для усмиренiя мятежа, „всѣмъ нужнымъ для продовольствованiя, какъ „провiантомъ, такъ и фуражомъ, и доставлять безвоз-„мездно онымъ войскамъ необходимыя для перевозки „подводы“ *). Сверхъ того, австрiйское правительство обязывалось, въ случаѣ недостатка „сихъ поставокъ натурою“, уплачивать всѣ расходы русской армiи, какъ за поставку запасовъ, такъ и за подвозъ ихъ. Такимъ образомъ русскому правительству, при отправленiи своихъ войскъ въ предѣлы Австрiйской имперiи, оставалось только снабдить ихъ, какъ сказано въ конвенцiи, „военными припасами“, т. е. снарядами и зарядами для огнестрѣльнаго оружiя; но и тѣ, на основанiи статьи 13-й заключенной конвенцiи, Австрiя обязывалась доставлять безвозмездно изъ своихъ заводовъ „по мѣрѣ истощенiя оныхъ и сколько дозволяютъ ей собственныя ея средства“ **). На основанiи этой конвенцiи было установлено,

---

*) Ст. 3 конвенцiи, заключенной въ Варшавѣ 29-го мая 1849 года.
**) См. Мартенса, т. IV.

что австрійское правительство учредитъ, по пути слѣдованія русскихъ отрядовъ (въ Галиціи), три разряда магазиновъ: 1) этапные, 2) расходные и 3) вспомогательные запасные, и приготовитъ 3 тыс. подводъ, для подвозокъ къ арміи продовольствія изъ расходныхъ и вспомогательныхъ магазиновъ. Главное обезпеченіе русской арміи продовольствіемъ и фуражомъ заключалось въ учрежденіи расходныхъ и вспомогательныхъ магазиновъ, потому что продовольствіе, сложенное въ этапныхъ магазинахъ, имѣло назначеніемъ служить только на первое время, при движеніи войскъ въ Венгрію. По взаимному соглашенію представителей обѣихъ державъ, по указанію фельдмаршала князя Паскевича, были опредѣлены пункты, въ которыхъ надлежало устроить магазины.

Конвенція эта, заключенная въ Варшавѣ, была утверждена, по повелѣнію императора австрійскаго, предсѣдателемъ комитета министровъ княземъ Шварценбергомъ. Тѣмъ не менѣе князь Варшавскій относился къ обѣщаніямъ и обязательствамъ Австріи крайне недовѣрчиво. Посланный имъ въ Галицію генералъ-провіантмейстеръ дѣйствующей арміи, полковникъ Затлеръ, убѣдился, что расходные и вспомогательные магазины не только не существуютъ, но въ виду разоренія края и не могутъ быть учреждены. При томъ и этапные магазины не были достаточно снабжены. Обусловленное въ нихъ конвенціей количество продовольствія и фуража не было доставлено полностію. Затлеръ, представляя вышесказанное донесеніе, подкрѣпилъ его неопровержимыми статистическими данными. Въ Галиціи, какъ ока-

зывалось, подводъ было мало, а имѣющіеся въ странѣ хлѣбные и фуражные запасы едва могли удовлетворить мѣстное населеніе.

Само собою разумѣется, что если въ Галиціи Австрія не въ состояніи была обезпечить продовольствіемъ русскую армію, то, при дальнѣйшемъ ея движеніи въ Венгрію, еще менѣе можно было разсчитывать на продовольственныя средства австрійскаго правительства.

При такомъ положеніи дѣлъ фельдмаршалъ рѣшился обезпечить русскую армію „собственными средствами“. Возможность быстрой организаціи этихъ „собственныхъ средствъ“, главнымъ образомъ состояла въ тѣхъ запасахъ, которые, какъ мы говорили въ главѣ первой, фельдмаршалъ заготовилъ „на всякій случай“ еще въ 1848 году. Только благодаря этимъ запасамъ русская армія могла немедленно двинуться въ предѣлы Австрійской имперіи.

По распоряженію фельдмаршала были учреждены запасные магазины въ Варшавѣ, Тарногродѣ, Краковѣ и обезпеченъ подвозъ въ тылъ арміи приблизительно на 200 тыс. четвертей *). Для чего были сформированы 4 транспорта (около 4 тыс. лошадей).

Сверхъ того, непосредственно за войсками въ войсковыхъ обозахъ имѣлось продовольствія на 20 дней, а люди несли съ собой сухарей на 4 дня. Быстрота

---

*) Кромѣ того, около 1¼ тыс. ведеръ спирту и приблизительно 600 воловъ. Все это количество хлѣба, спирта и мяса было во время кампаніи дѣйствительно вывезено за границу для продовольствія нашей арміи.

исполненія этихъ распоряженій была изумительна: къ концу мая все было готово для выступленія.

Передъ выступленіемъ фельдмаршаломъ отданы были слѣдующія приказанія по войскамъ: 1) „Каждой части „войскъ купить особый 10-ти дневный запасъ спирта и „простыя крестьянскія телѣги съ парою лошадей, для „возки этого спирта вслѣдъ за войсками; 2) завести косы „для кошенія травы; 3) имѣть въ запасѣ упряжки для „порціонныхъ воловъ, для того, чтобы можно было под„прягать ихъ къ телѣгамъ, при крутыхъ подъемахъ; „4) всѣхъ лошадей подковать на четыре ноги“. На все это были отпущены войскамъ деньги, по особымъ разсчетамъ.

Собственно по кавалеріи отдано было приказаніе, „чтобы, при переходѣ черезъ Карпатскія горы, люди не „садились на лошадей, а вели бы ихъ въ поводу; на „лошадяхъ же имѣли бы овесъ на 6 и даже на 7 дней“*).

При окончательномъ составленіи плана кампаніи, фельдмаршалъ высказывалъ Государю тѣ затрудненія, которыя онъ предвидѣлъ при веденіи предстоящей войны. „Если бы“, говорилъ онъ, „австрійской арміи вовсе не „существовало, то я разсчитывалъ бы только на свои „силы — онѣ достаточны; но мнѣ все-таки слѣдуетъ „соображаться съ дѣйствіями австрійской арміи, отъ „меня независимой.

„Соглашеніе между мной и главнокомандующимъ „австрійскимъ дѣло сомнительное.

---

*) Ореусъ. Описаніе венгерской войны 1849 года, стр. 120 и 121.

„Соглашеніе — не приказаніе; сегодня согласился, а „завтра не исполнилъ, а я объ этомъ и знать не буду, „потому что могу находиться отъ него за сотни верстъ; „въ мои разсчеты будетъ всегда путаться австрійская „армія, въ дѣйствіи которой я никогда не могу быть „увѣренъ“ *).

Повидимому, Государь не противорѣчилъ фельдмаршалу, но передавалъ только словесное обѣщаніе императора австрійскаго,—„что вновь назначенный главно-„командующій австрійской арміей баронъ Гайнау**), хотя „и не будетъ подчиненъ мнѣ (т. е. фельдмаршалу), но „всегда будетъ точно исполнять мои совѣты, а тѣмъ болѣе „состоявшееся между нами соглашеніе. Вообще, писалъ фельдмаршалъ въ своихъ запискахъ***, „обѣщаній много „но вѣрить имъ трудно, такъ же, какъ по продовольствію“.

Венгерская армія, для уничтоженія которой готовились выступить русскія войска, представляла собою вооруженную силу въ 200 т. чел. и 1800 орудій. Расположеніе ея въ концѣ мая было слѣдующее: *Верхне-Дунайская армія*, подъ начальствомъ Артура Гёргея, стояла на правомъ берегу притока Дуная, рѣки Нейстры, правымъ флангомъ къ деревнямъ: Комяты и Веребели, лѣвымъ упиралась въ крѣпость Коморнъ. Укрѣпленія Коморна были возобновлены и улучшены стараніями

*) Изъ черновыхъ записокъ, оставшихся въ архивѣ кн. Паскевича, на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги.

**) Гайнау былъ назначенъ главнокомандующимъ 18-го (30-го) мая.

***) Найденныхъ въ архивѣ кн. Паскевича отдѣльными, небольшими разрозненными листами.

Гёргея и вооружены 540 орудіями. Гарнизонъ его состоялъ приблизительно изъ 5 тыс. чел. (дивизія Эстергази). Сильный отрядъ этой арміи (10 т. чел. при 36 орудіяхъ) находился на лѣвомъ берегу Дуная у г. Раабъ, вдоль рѣки Раабъ до деревни Марцальто. Два отряда, приблизительно каждый въ 2 т. чел. (Хорватъ и Арминъ Гёргей) охраняли правый флангъ арміи, стоя у Альтзоля и Кремница. Всего у Артура Гёргея насчитывалось приблизительно до 45 т. чел. при 180 орудіяхъ, не считая орудій, стоящихъ на веркахъ Коморна.

Верхне-Тисская армія, подъ начальствомъ Дембинскаго, а затѣмъ Высоцкаго (всего 20 т. чел., изъ коихъ 18 т. пѣхоты, 2 т. кавалеріи и 57 орудій). Армія эта имѣла назначеніемъ охранять дороги изъ Бартфельда на Эперіешъ, Кашау и Мишкольцъ. Задавшись обороною выходовъ изъ Карпатскихъ горъ, Дембинскій растянулъ свою армію приблизительно на 260 верстъ отъ селенія Миклошъ, черезъ Кесмаркъ на Кашау, въ крайне восточный уголъ сѣверо-восточной Венгріи до мѣстечекъ Хуста и Сигеръ.

Южная Тисская армія, подъ начальствомъ Пергеля (29 т. чел. пѣхоты, 7 т. конницы, при 102 орудіяхъ), занимала сѣверный Банатъ. Въ Трансильваніи войска, подъ начальствомъ Бема (60 тыс. венгерскихъ войскъ: 47 бат., 29 эск. при 102 полевыхъ орудіяхъ), стояли въ Германштадтѣ, Ротентурмѣ, у Темешскаго ущелья, въ Карлсбургѣ, Быстрицѣ и на юго-западной границѣ въ Чикъ-Середѣ. Затѣмъ приблизительно 20 тыс. чел. были расположены въ крѣпостяхъ: Петервардейнѣ, Офенѣ и

Арадѣ. Кромѣ того, въ концѣ мая формировался, между Офеномъ и Сегединомъ, корпусъ Гюона: 10 бат., 6 эск. и 12 орудій, всего около 9 тыс. чел., а въ Дебречинѣ находились резервы, численностью до 20 тыс. чел.

Вышеизложенныя войска дополнялись нѣсколькими отрядами волонтеровъ, какъ, напримѣръ, отрядами Немедела и Фельдвара.

Главная австрійская армія, подъ начальствомъ бар. Гайнау, состояла изъ 70 бат., 76 эскадр. и 280 орудій. Все вмѣстѣ составляло, за исключеніемъ больныхъ, численность не болѣе 50 или 55 тыс. чел. Она расположена была по обоимъ берегамъ Дуная, лѣвымъ флангомъ къ г. Тирнау, а правымъ — къ озеру Нейзидлеръ. Сводная дивизія генерала Панютина (численностью 10 тыс. чел. при 48-ми орудіяхъ) стояла въ тылу лѣваго фланга австрійской арміи, между городами Модернъ и Безингъ, приблизительно въ 20-ти верстахъ отъ Пресбурга.

Южная армія, подъ начальствомъ бана Елачича, приблизительно 30 тыс. штыковъ при 137-ми орудіяхъ, стояла въ углу между устьемъ Тиссы и Дунаемъ у г. Бачъ и близъ канала Франца, а 10 тыс. отрядъ осаждалъ крѣпость Петервардейнъ. Весь трансильванскій корпусъ, численностью приблизительно 12 тыс. челов. при 36-ти орудіяхъ, находился внѣ предѣловъ Австріи, въ Валахіи.

Изъ сопоставленія числа и расположенія обѣихъ армій (австрійской и венгерской) оказывается, что венгерская армія была въ два раза сильнѣе австрійской.

При томъ, финансовыя затрудненія Австріи доходили

до того, что бумажные денежные знаки Австрійской имперіи потеряли почти всякую цѣнность. Еще Виндишгрецъ, въ началѣ 1849 г., былъ вынужденъ уплачивать жалованіе австрійскимъ чиновникамъ венгерскими ассигнаціями. Но и венгерскіе бумажные денежные знаки къ маю мѣсяцу съ затрудненіями принимались на рынкахъ. Обстоятельства эти замедляли пополненіе австрійской арміи рекрутами, при чемъ самое продовольствованіе австрійской арміи было весьма затруднительно.

Главное и почти единственное преимущество австрійской арміи передъ венгерской заключалось въ составѣ офицеровъ. Значительная часть послѣдней, наскоро сформированная, включила въ ряды свои офицеровъ изъ бывшей польской арміи и въ особенности изъ польскихъ выходцевъ Познани и Галиціи. Даже польскіе генералы, какъ, напримѣръ, Бемъ и Высоцкій, сознавали, что офицеры въ большинствѣ не подготовлены и мало знаютъ военное дѣло, но въ особенности совершенно не дисциплинированы. Зато венгерская артиллерія, при особо внимательно набранномъ составѣ офицеровъ и орудійной прислуги, отличалась подвижностью и правильностью дѣйствій *).

Венгерское правительство, кромѣ того, сформировало изъ мѣстныхъ жителей милицію, хотя весьма плохо вооруженную, но вынуждавшую австрійскую армію выдѣлять изъ своего состава значительные летучіе отряды и оставлять сильные гарнизоны въ тылу арміи, въ го-

*) Въ венгерской артиллеріи орудія были почти всѣ большого калибра.

родахъ и мѣстечкахъ. Приходилось, какъ говорилъ тогда князь Паскевичъ, воевать не только съ регулярной арміей венгерской, но и съ народнымъ возстаніемъ. Эти мѣстныя вооруженныя массы (милиціи) доставляли венгерской арміи отличныхъ развѣдчиковъ и конныхъ курьеровъ, для сношенія между собою армій и отрядовъ.

Послѣ покоренія Офена венгерцами, австрійская армія, деморализованная неудачами (численностью не болѣе 45 т. чел.), поспѣшно отступала за рѣку Ваагъ. Тогда Гёргей рѣшился, идя за нею вслѣдъ, опрокинуть ее и подступить къ Вѣнѣ.

Нельзя положительно отрицать возможности исполненія такого плана, и хотя Гёргей старается въ своихъ запискахъ оправдать себя недостаткомъ продовольствія, запоздалымъ пополненіемъ своихъ войскъ новобранцами и резервами, тѣмъ не менѣе въ его словахъ сквозитъ горечь неудачи отъ обстоятельствъ, отъ него независимыхъ и не вполнѣ выясненныхъ. Какъ кажется, у Гёргея не было полновластія, необходимаго для исполненія рѣшительныхъ и смѣлыхъ предпріятій. Онъ былъ стѣсненъ постояннымъ вмѣшательствомъ Кошута, который безотчетно располагалъ и резервами, и подкрѣпленіями венгерскихъ армій. А между Кошутомъ и Гёргеемъ, даже въ главныхъ основныхъ вопросахъ, не было ни согласія, ни единомыслія. Кошутъ былъ радикальный революціонеръ, мечтавшій объ общемъ европейскомъ переворотѣ. Онъ стремился создать изъ Венгріи отдѣльное государство, вполнѣ независимое и притомъ совершенно антимонархическое, что впрочемъ не мѣшало ему лично стре-

миться къ диктаторству. Гёргей взялся за оружіе, исключительно добиваясь приблизительно той автономіи, которою въ наше время пользуется Венгрія. Онъ не сочувствовалъ разрыву съ австрійской династіей и былъ готовъ, на вышесказанномъ основаніи, войти съ ней въ соглашеніе. Кошутъ, признавая военныя способности Гёргея, все-таки не довѣрялъ ему и это недовѣріе отразилось даже на арміи, въ которой между главными начальниками образовалась кошутовская партія, всегда подозрѣвавшая Гёргея въ измѣнѣ. Между ними въ особенности выдавался командиръ 1-го корпуса арміи Гёргея Наги-Шандоръ.

Такимъ образомъ время для натиска на армію Вендена утрачено было безполезно и безвозвратно. А тѣмъ временемъ австрійская армія оправилась, пополнилась и ободрилась ожиданіемъ прибытія русскихъ войскъ. Гёргей сперва не вѣрилъ слухамъ о русскомъ вмѣшательствѣ, но, узнавъ о появленіи дивизіи Панютина, онъ былъ убѣжденъ, что это авангардъ двигающихся главныхъ силъ русской арміи. Это заставило его отказаться окончательно отъ намѣренія идти на Вѣну *). Затѣмъ, когда до него дошли свѣдѣнія о движеніи арміи князя Паскевича на Дуклу и Эперіешъ, онъ двинулся на Вайценъ, въ намѣреніи, какъ онъ пишетъ въ своихъ запискахъ, соединиться съ Южной арміей.

Страна (Венгрія), предназначенная сдѣлаться теат-

*) Собственныя слова Гёргея во время его нахожденія въ штабѣ нашей главной арміи. Изъ разсказовъ достовѣрныхъ свидѣтелей того времени.

ромъ военныхъ дѣйствій русской арміи, представляла собою равнину, перерѣзанную теченіемъ рѣкъ Дуная и Тиссы съ ея главными притоками: Марошъ, Керошъ и Самошъ, а сѣверная и восточныя части Венгріи окаймлялись Карпатами и ихъ отрогами, — удобными для партизанской войны, но не для движенія большихъ силъ.

Громадная безлѣсная плоская равнина бассейна Тиссы болотиста, а потому климатъ этой мѣстности вообще нездоровъ, но она была удобна для маневрированія большихъ силъ.

Хорошихъ путей сообщенія въ это время въ Венгріи было очень мало. Существовали тогда три главныя шоссейныя дороги, весьма важнаго значенія для предстоящаго движенія русскихъ войскъ. Это были большія дороги: 1) изъ Змигрода черезъ Дуклу, Эперіешъ на Мишкольцъ, 2) изъ Іоарданова на г. Вайценъ, вдоль по долинѣ р. Арвы, и 3) изъ Мишкольца къ Вайцену черезъ Альтзольнъ и Липонцъ.

Затруднительность движенія по гористой мѣстности сѣверной Венгріи могла бы, конечно, значительно осложниться дѣйствіемъ партизанскихъ отрядовъ. Но славянское населеніе Карпатскихъ горъ сочувствовало Россіи и всегда было настроено враждебно къ мадьярамъ, хотя, впрочемъ, населеніе это, по исторически сложившимся свойствамъ своимъ, относилось къ событіямъ весьма пассивно и безучастно.

Въ стратегическомъ отношеніи р. Тисса, съ ея болотнымъ бассейномъ, могла служить оборонительной

линіей для непріятеля, наступающаго съ запада, но только при условіи владѣнія Трансильваніей. Дунай, протекая на югѣ и западѣ, не могъ имѣть особаго значенія при движеніи русскихъ силъ. Ширина Тиссы и болотность ея береговъ представляли для переправъ, въ особенности большими силами, серьезное препятствіе. Для венгерскихъ войскъ, обладающихъ теченіемъ рѣки Тиссы, опорными пунктами служили крѣпости Арадъ и Темешваръ, но главный опорный пунктъ венгерской арміи была крѣпость Коморнъ, владѣющая обоими берегами Дуная и въ которой можно сосредоточиться цѣлой арміи. Владѣя Коморномъ, венгерцы могли всегда угрожать Вѣнѣ.

Въ общемъ Венгрія представляетъ собою громадную равнину, перерѣзанную болотистой рѣкой съ притоками, а съ юго-запада Дунаемъ, и окаймленную со всѣхъ сторонъ горами, на сѣверѣ наиболѣе значительными. Слѣдовательно, борьба съ русскими войсками въ равнинѣ, несмотря на теченіе Тиссы, была не подъ силу относительно малочисленной венгерской арміи; тѣмъ болѣе, что русскія войска шли и въ Трансильванію.

Для русской арміи подвозъ продовольствія черезъ горные перевалы представлялъ громадныя затрудненія, а нездоровый климатъ равнины Тиссы и затѣмъ появленіе въ этой мѣстности холеры крайне пагубно отозвались на всей арміи, тѣмъ болѣе, что именно въ этой равнинѣ, а не въ горахъ, гдѣ большимъ силамъ нельзя было развернуться, надлежало окончить кампанію. При отсутствіи продовольственныхъ запасовъ Австріи, наши

войска, постоянно ожидая подвозовъ со стороны Карпатъ, т. е. изъ Польши и Галиціи, не могли разсчитывать на возможность быстрыхъ переходовъ и въ этомъ отношеніи венгерская армія, снабжаемая изъ Коморна и Арада, обладала значительнымъ преимуществомъ.

По составленному плану князя Варшавскаго, главныя силы русскихъ войскъ должны были зайти, за правый флангъ, въ тылъ венгерскимъ войскамъ; одновременно часть нашихъ войскъ вступала въ Трансильванію. Когда же русскія войска совершатъ это движеніе, австрійская главная армія, перейдя въ наступленіе, имѣла обложить Коморнъ и Офенъ, и въ этомъ направленіи тѣснить непріятеля. Для исполненія этихъ общихъ предначертаній, фельдмаршалъ князь Варшавскій отдалъ слѣдующія приказанія: 1) лѣвая колонна, подъ личнымъ его предводительствомъ, должна была выступить 3-го іюня изъ Змигрода на Бартфельдъ, Эперіешъ и Кашау (численность колонны въ строю: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи 70 т. чел. при 240 орудіяхъ); 2) правая колонна, подъ начальствомъ генерала графа Ридигера (численностью въ строю: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи 32 т. при 120-ти орудіяхъ), выступаетъ изъ Неймарка и, дойдя до южныхъ долинъ Карпатъ, присоединяется къ лѣвой колоннѣ.

Фельдмаршалъ предполагалъ изъ Кашау, по присоединеніи колонны Ридигера, послать сильные отряды для занятія Дебречина и овладѣнія переправою р. Тиссы, а главными силами направиться на Пештъ и, отрѣзавъ Гёргея отъ Тиссы, отбросить его на армію Гайнау. Но

если Гёргей потянется къ Тиссѣ, то фельдмаршалъ намѣревался перейти Тиссу и перенести главное дѣйствіе на лѣвый ея берегъ.

Генералу Лидерсу приказано было идти въ Трансильванію и, оттѣснивъ Бема, занять ее (численность въ строю отряда генерала Лидерса приблизительно 27 тыс. при 56-ти орудіяхъ). Лидерсъ долженъ былъ, выступивъ изъ Валахіи, изъ г. Плоешти, идти на Кронштадтъ и Карлсбургъ и завладѣть долиной лѣваго берега р. Мароши.

Для содѣйствія генералу Лидерсу шелъ отрядъ генерала Гротенгельма на гор. Быстрицу въ сѣверной Трансильваніи (отрядъ Гротенгельма былъ силою около 9-ти тыс. чел. при 32-хъ орудіяхъ).

Сводная дивизія Панютина оставалась въ распоряженіи Гайнау, въ его арміи.

Затѣмъ фельдмаршалъ, для охраненія своего тыла, занималъ Галицію отрядомъ генералъ-адъютанта Граббе (въ строю 14 тыс. чел. при 48-ми орудіяхъ), который долженъ былъ, оставивъ одинъ баталіонъ въ Краковѣ, расположиться въ мѣстечкѣ Альша-Кубинъ и частыми экспедиціями очищать отъ мятежниковъ южные отроги Карпатъ. Затѣмъ остальная часть Галиціи, т. е. восточная, ввѣрялась отряду генерала барона Остенъ-Сакена (численностью приблизительно около 10 тыс. чел. при 32-хъ орудіяхъ).

3-го (15-го) іюня войска, состоящія подъ личнымъ предводительствомъ фельдмаршала, двинулись къ Кар-

патамъ *). Государь провожалъ войска до границъ Венгріи, оставя при фельдмаршалѣ Великаго Князя Константина Николаевича.

6-го числа утромъ главная квартира фельдмаршала уже была въ Смильно, а авангардъ, подъ начальствомъ генерала Купріянова, занялъ Бартфельдъ. Движеніе главныхъ силъ до Бартфельда происходило 4 колоннами, въ тылу которыхъ шелъ корпусъ Чаодаева. Къ этому времени колонна генерала Ридигера, идя изъ Неймарка, достигла мѣстечка Любло, въ 40 верстахъ отъ праваго фланга главныхъ силъ. Очистивъ Карпатскія долины отъ мятежниковъ и прекративъ тамъ наборъ новобранцевъ для венгерскихъ войскъ, Ридигеръ собралъ свѣдѣнія о непріятелѣ отъ лазутчиковъ и отъ взятыхъ имъ плѣнныхъ. Свѣдѣнія эти заключались въ томъ, что на пути движенія главныхъ силъ непріятель не можетъ выставить болѣе 10-ти тыс. чел. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ получилъ свѣдѣніе, что для поддержанія Дембинскаго изъ Дебречина готовится выступить Южно-Тисская армія. Свѣдѣніе это потомъ оказалось ложнымъ. Но и собранныя показанія лазутчиковъ, сообщенныя Ридигеромъ, могли быть невѣрны, такъ какъ Верхне-Тисская армія могла еще сосредоточиться.

Начальникъ авангардной колонны генералъ Купріяновъ донесъ, что непріятельскіе аванпосты занимаютъ линію въ 8-ми верстахъ сзади Бартфельда. 10-го іюня фельдмаршалъ переѣхалъ въ Бартфельдъ и лично про-

*) См. въ прилож. VIII приказы по арміи Государя и фельдмаршала.

извелъ рекогносцировку непріятельскихъ силъ. Во время рекогносцировки нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи бросились на наши аванпосты и оттѣснили ихъ.

Фельдмаршалъ приказалъ своему конвою атаковать во флангъ непріятельскую кавалерію. Сынъ фельдмаршала флигель-адъютантъ капитанъ князь Паскевичъ, во главѣ конвоя, врубился въ непріятельскую кавалерію *). Было съ той и другой стороны нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, а казаки захватили нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, послѣ чего непріятельская кавалерія быстро отступила.

Рекогносцировка выяснила, что непріятель занялъ крѣпкую позицію впереди мѣстечка Лофальвы, по дорогѣ изъ Бартфельда на Эперіешъ, въ 8-ми вер. отъ Бартфельда.

Въ этихъ числахъ Дембинскій уже сдалъ командованіе Верхне-Тисской арміи Высоцкому, который въ началѣ кампаніи дѣйствовалъ въ Трансильваніи и формировалъ польскіе легіоны **).

Ни Дембинскій, ни Высоцкій не успѣли стянуть отряды къ главнымъ своимъ силамъ, а потому они дѣйствительно въ это время были численностью не болѣе

---

*) Фельдмаршалъ не только не похвалилъ сына своего, но сдѣлалъ ему публичный выговоръ, такъ какъ онъ не приказывалъ ему бросаться съ конвоемъ на непріятеля; но дѣло было въ томъ, что непріятельская кавалерія могла наткнуться, преслѣдуя казаковъ, на самого фельдмаршала.

**) Высоцкій оставилъ свои записки, которыя и служатъ отчасти источниками для настоящаго изслѣдованія. Мы уже упомянули объ этомъ въ 1-й главѣ.

12-ти тыс. чел. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ дорога на Бартфельдъ, Эперіешъ и Кашау, куда направились наши главныя силы, шла по долинамъ горныхъ отроговъ Карпатъ, то и малыя силы могли задержать движеніе болѣе сильнаго непріятеля, въ особенности потому, что боковые пути, идущіе къ главной дорогѣ, были, конечно, болѣе извѣстны венгерцамъ, чѣмъ русскимъ войскамъ.

Фельдмаршалъ рѣшился укрѣпить Бартфельдъ и оставить тамъ гарнизонъ и лазаретъ на тысячу человѣкъ. По предположеніямъ фельдмаршала, въ Бартфельдѣ учреждался этапъ для двигающагося транспорта нашихъ запасныхъ магазиновъ.

Еще до выступленія русской арміи, Государь и фельдмаршалъ, разсчитывая предстоящее движеніе, предполагали, что на позиціи у Бартфельда, у с. Кобылки, русскія войска встрѣтятъ сильное сопротивленіе непріятеля. Вотъ почему Государь писалъ 10-го (22-го) іюня фельдмаршалу изъ Варшавы: „Слава Богу, что первый „актъ кампаніи, и можетъ быть одинъ изъ самыхъ труд„ныхъ, совершенъ безъ выстрѣла; не думаю, чтобы вся„кой арміи удалось сдѣлать въ одинъ переходъ все, что „совершено войсками въ одинъ этотъ день! Кажется „мнѣ, что мысль твоя укрѣпить Бартфельдъ, какъ для „арміи, очень правильна. Урокъ, заданный линейными „казаками, кажется, отнялъ охоту держаться противъ „Бартфельда и такимъ образомъ позиція у Кобылки, „объ которой такъ часто мы толковали, стоила намъ „2-хъ казаковъ убитыхъ и 2-хъ раненыхъ. Какъ бы хо„рошо было, ежели-бъ Эперіешъ и Кашау не дороже

„намъ обошлись!“ Въ томъ же письмѣ Государь добавлялъ: „Позволь теперь мнѣ тебя побранить за то, что „ты, вопреки моей усердной просьбѣ, изволилъ ѣздить „за форпосты. Не грѣшно ли тебѣ всѣхъ насъ пугать! „что стоило бы подать цѣпь впередъ? Охъ! отецъ-командиръ, не любишь ты меня, ежели моими усердными „молитвами пренебрегаешь! вспомни, кто ты и что на „тебѣ! не сердись на стараго твоего бригаднаго, онъ „тебя ей-ей душевно любитъ!!! Неужели ты этого не „знаешь!“ *).

Въ тѣ дни, когда армія наша подошла къ Бартфельду и готовилась, послѣ дневки, выступить на Эперіешъ, Гайнау перешелъ въ наступленіе. По состоявшемуся соглашенію между австрійскимъ и русскимъ главнокомандующими, наступленіе австрійской арміи должно было произойти одновременно съ приходомъ нашей арміи по крайней мѣрѣ въ Мишкольцъ, т. е. когда выяснился бы обходъ во флангъ непріятеля главными нашими силами. Фельдмаршалъ допускалъ, что обстоятельства могли вынудить Гайнау ранѣе условленнаго времени перейти въ наступленіе. Но Гайнау, начавъ наступленіе, настоятельно просилъ прислать ему на помощь отрядъ генералъ-адъютанта Граббе. Просьба эта, поддержанная ходатайствомъ генералъ-адъютанта Берга, состоявшаго при австрійской арміи именно для поясненій движеній нашихъ войскъ, вызвала неудовольствіе князя Паскевича. Отрядъ генералъ-адъютанта Граббе,

*) Прил. II, 17.

какъ уже было сказано, былъ отправленъ въ Альша-Кубинъ, для охраны западной Галиціи, — откуда Граббе экспедиціями долженъ былъ очищать отъ мятежниковъ долины отроговъ южныхъ Карпатъ, не удаляясь, впрочемъ, отъ Альша-Кубина. Такимъ образомъ очевидно было, что отряды, оставленные фельдмаршаломъ въ Галиціи (въ западной Граббе, въ восточной — Остенъ-Сакенъ), обезпечивали тылъ главныхъ силъ, двигающихся на Бартфельдъ и Эперіешъ. Бергъ это зналъ и тѣмъ не менѣе усиленно ходатайствовалъ, чтобы Граббе шелъ на присоединеніе къ арміи Гайнау. Гайнау и Бергъ писали о томъ не только фельдмаршалу, но и въ Варшаву Государю. Именно въ эти дни Граббе приступилъ къ исполненію данныхъ ему приказаній: изъ Альша-Кубина онъ 8-го (20-го) іюня послалъ экспедицію въ г. Розенбергъ, вытѣснивъ оттуда мятежниковъ и 10-го (22-го) іюня уничтожилъ отрядъ венгерцевъ въ деревнѣ Сенъ-Мартони, приблизительно въ 10-ти верстахъ отъ Альша-Кубина.

Фельдмаршалъ далъ знать Бергу, что если Гайнау „въ силѣ атаковать, пускай и атакуетъ, въ его волѣ на-„ступать или обороняться, а Граббе покуда двинуть „нельзя“. Государь по этому поводу 10-го (22-го) іюня писалъ фельдмаршалу: „Вчера вечеромъ получилъ я ко-„піи съ донесеній къ тебѣ генерала Берга объ начатомъ „наступленіи австрійской арміи и желаніи ихъ, чтобы „Граббе шелъ впередъ. Не смѣю предугадывать, что „ты рѣшилъ, но думаю, что ты имъ отпустилъ короткій „*нѣтъ*, ибо, сколько разумѣю, подобное движеніе Граббе,

„теперь, при составѣ его отряда, подвергнетъ его почти „вѣрному разбитію“ *). При наступленіи австрійцевъ отличился отрядъ Панютина, о чемъ Государь писалъ 14-го (26-го іюня): „Ты съ радостію узналъ, полагаю я, „о славномъ дѣлѣ, въ которомъ дивизія Панютина за-„служила общее удивленіе и доказала, что мирное устрой-„ство, какъ мы его понимаемъ, есть залогъ порядка и „успѣха. Пріятно читать, что про дивизію говорятъ ав-„стрійцы; посылаю завтра къ ней флигель-адъютанта „Ахматова съ спасибомъ Панютину, которому приказы-„ваю представить объ отличившихся и 30 знаковъ Воен-„наго ордена для нижнихъ чиновъ“ **). Дѣло, въ кото-ромъ отличился отрядъ Панютина и о которомъ Государь писалъ, происходило у с. Передъ 8-го (20-го) іюня.

Въ первыхъ числахъ іюня австрійская армія, имѣя главный штабъ въ Пресбургѣ, была расположена по дугѣ (160-ти верстной) отъ юго-западной части Нейзидлеровскаго озера (у Эденбурга) черезъ Кашуваръ и Чарну, переходя Дунай, на Середъ и Фрейштадтъ (на р. Ваагѣ у кр. Леопольдштадтъ). Главныя силы стояли у Эденбурга. Такое растянутое расположеніе, притомъ раздвоенное теченіемъ Дуная (существовалъ только одинъ мостъ въ Пресбургѣ), придало рѣшительность Гёргею перейти въ наступленіе. При дѣйствіи не всѣми силами, такъ какъ онѣ не были собраны во-время, первый его натискъ былъ неудаченъ. Но тѣмъ не менѣе Гёргей не отказался отъ наступленія, разсчитывая на этотъ разъ

*) Прил. II, 17.
**) Прил. II, 13.

двинуться только на лѣвый флангъ австрійской арміи къ р. Ваагъ. Послѣ нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ столкновеній Гёргей занялъ позицію у с. Передъ, на лѣвомъ берегу р. Ваагъ*). Въ то время у Гёргея подъ ружьемъ было собрано не болѣе 20-ти тыс., остальныя войска были въ тылу его и на флангахъ. Гёргей стоялъ на позиціи въ нерѣшительности, поджидая корпусъ Шандора; но тогда уже австрійцы рѣшились перейти въ наступленіе и Гайнау послалъ дивизію Вальгшута подкрѣпить бригаду Потто, стоявшую противъ позиціи с. Передъ. Туда же шелъ и Панютинъ. Бригада Потто, атаковавшая позицію, отступила въ полномъ безпорядкѣ, но появленіе Панютина, бросившагося на непріятеля въ штыки, спасло австрійцевъ.

На другой день произошло рѣшительное сраженіе. Не вдаваясь въ описаніе его, скажемъ только, что оно было для венгерцевъ неудачно, благодаря въ особенности храбрости отряда Панютина, все время дѣйствовавшаго въ первой боевой линіи, и отчасти, можетъ быть, потому, что корпусъ Наги-Шандора подошелъ къ Гёргею, когда онъ уже вынужденъ былъ быстро отступать, выдержавъ горячій бой въ теченіе цѣлаго дня.

Движеніе фельдмаршала на Эперіешъ произошло безъ столкновенія съ непріятелемъ: Высоцкій ночью съ 10-го на 11-е отступилъ къ Кашау, брося безъ боя занятую имъ позицію при Лофальвѣ. Пройдя Эперіешъ, для преслѣдованія непріятеля фельдмаршалъ выслалъ авангардъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Анрепа.

*) Приблизительно въ 45-ти верстахъ отъ Коморна.

Въ 5 час. вечера, принадлежавшій къ этому авангарду, командиръ 2-й бригады 2-й легкой кавалерійской дивизіи генералъ-маіоръ Багговутъ, подошедшій съ Ея Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полкомъ и 4-ю легкою батареею къ дер. Св. Петра, получивъ извѣстіе, что непріятель началъ тѣснить 5 сотенъ Донского казачьяго № 46-й полка, находившіяся за с. Магарманы, приказалъ тотчасъ гусарамъ рысью двинуться къ м. Самосу. Непріятель, въ числѣ 5-ти тыс. пѣхоты и 300 чел. кавалеріи, занималъ мѣстечко Самосъ*), имѣя 4 орудія передъ самымъ мѣстечкомъ, по обѣимъ сторонамъ шоссе. Остальныя его войска, въ числѣ 3000 чел., были расположены сзади мѣстечка. Генералъ-маіоръ Багговутъ прибылъ на высоту передъ непріятельской позиціей съ казачьимъ полкомъ и, не имѣя возможности выстроить всю батарею, выдвинулъ на шоссе только два орудія. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятельская пѣхота и кавалерія начали поспѣшно отступать и, смѣшавшись въ рядахъ, тѣснились у самой деревни.

Въ это время лейбъ-эскадронъ гусарскаго Ольги Николаевны полка бросился въ атаку. Быстрота и стройность атаки довершила пораженіе непріятеля. Дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля сдѣлалось невозможнымъ: наступили сумерки, а мѣстность была пересѣченная съ разбросанными заборами и строеніями. Кромѣ убитыхъ и раненыхъ, непріятель оставилъ до ста человѣкъ плѣнныхъ. Съ нашей же стороны убито 6 и ранено 30 чел.

*) Мѣстечко Самосъ или Шамошъ, между Эперіешемъ и Кашау, въ 14-ти вер. отъ Кашау.

Весь отрядъ Высоцкаго продолжалъ отступать ночью и съ такою поспѣшностью, что на другой день казачій разъѣздъ находилъ на дорогѣ оставленныхъ раненыхъ и разбросанное оружіе. Непріятель отступилъ къ Мишкольцу.

Государь былъ весьма доволенъ дѣломъ гусаръ Ольги Николаевны полка, называя подобныя дѣла: „малыми великими дѣлами". „Дѣло гусаръ Ольги — молодецкое дѣло", писалъ Государь фельдмаршалу *), „надѣюсь, что „ты достойныхъ наградилъ".

12-го іюня фельдмаршалъ писалъ Государю: „Непріятель уходитъ, догнать его трудно; можетъ быть „завтра на позиціи, гдѣ онъ, можетъ быть, захочетъ „остановиться ожидать насъ... Я буду завтра въ Кашау!"

13-го дѣйствительно квартира фельдмаршала была въ Кашау, откуда фельдмаршалъ писалъ Государю: „Вчера въ одинъ маршъ (переходъ) сдѣлалъ я двумя „корпусами до Кашау. Сильная ихъ позиція была обойдена и непріятель ушелъ!!"

16-го числа изъ Кашау фельдмаршалъ сообщалъ Государю, что „скорый переходъ отъ Бартфельда сдѣлалъ то, что всѣ обозы, парки и боковыя колонны отстали". Это произошло въ особенности потому, что транспорты, за неимѣніемъ хорошихъ боковыхъ дорогъ, должны были слѣдовать по главному пути (шоссе).

Движеніе ихъ такъ задержалось, что когда фельдмаршалъ занялъ Кашау, едва главныя части транспортовъ подходили къ Бартфельду.

---

*) Письмо отъ 16-го (28-го) іюня 1849 г. Прил. II, 19.

По прибытіи въ Кашау войска имѣли продовольствія всего на семь дней, а зерноваго фуража вовсе не было.

Еще на пути въ Эперіешъ фельдмаршалъ получилъ донесеніе генералъ-адъютанта графа Ридигера о дѣлѣ, бывшемъ у него 9-го (21-го) іюня у с. Геторасса.

Ридигеръ, выступивъ изъ мѣстечка Любло, шелъ на Эперіешъ для соединенія съ фельмаршаломъ. — Лѣвый боковой отрядъ корпуса Высоцкаго, подъ начальствомъ Лазари (силою приблизительно около 4-хъ т. штыковъ), рѣшился воспользоваться позиціею при с. Геторассѣ (укрѣпленною еще Дембинскимъ), чтобы задержать его. Позиція была сильная, укрѣпленія, расположенныя влѣво отъ с. Геторасса, съ фронта были мало доступны. Ридигеръ, обойдя ихъ, принудилъ непріятеля отступить съ большою потерею. Лазари бросился къ Эперіешу, который уже былъ занятъ авангардомъ Анрепа. Преслѣдуемый нашимъ авангардомъ, онъ вслѣдъ за Высоцкимъ отступилъ на Кашау, а затѣмъ за Мишкольцъ.

Изъ Кашау фельдмаршалъ рѣшилъ идти на Пештъ. „Не имѣя никакого извѣстія объ австрійской арміи", писалъ онъ Государю 14-го іюня, „я рѣшилъ идти на „Пештъ, чтобы ее (австрійскую армію) выручить, ибо „если эта армія не проиграла сраженія или не отбита „отъ Грана, пора ей идти, иначе они никогда не выйдутъ изъ блокаднаго положенія!"

Затрудненія по продовольствію арміи вынудили фельдмаршала, выдвинувъ 2-й и 3-й корпуса къ Мишкольцу и направивъ 4-й корпусъ (Чаодаева) на Токай, остановить движеніе русской арміи.

„Хлѣбъ отсталъ“, писалъ князь Варшавскій Государю 19-го іюня, „транспорты, дошедшіе въ Галицію, „отъ скораго нашего движенія впередъ, отстали. Муки „совсѣмъ не куплено. Это произошло оттого, что ав„стрійцы не платили своими австрійскими ассигнаціями, „но платили новыми венгерскими, которыхъ никто не „знаетъ и не хотятъ принимать. Ихъ называютъ *вин„дишгрецскими*. Такъ какъ они уничтожили кошутовскія „ассигнаціи и давали въ замѣнъ свои новыя венгер„скія, которыхъ никто не знаетъ и никто не беретъ. „Ихъ, австрійскія, хотя пали въ цѣнѣ, но на нихъ еще „покупки дѣлать возможно было, но они ихъ не давали. „Отъ этого всего армія терпитъ, ибо въ 13 дней кам„паніи довѣренность могла бы быть возстановлена, а ея „еще нѣтъ, время потеряно. Теперь они только послали „за настоящими своими ассигнаціями. И то можетъ быть „министерство не послушаетъ или послушаетъ, когда „будетъ поздно. Вотъ отчего я остановился. И дай „Богъ, чтобы можно было это дѣло поправить, ибо те„перь на 7 дней провіантъ есть, но къ Пешту нельзя же „идти, имѣя въ запасѣ на пять или на шесть дней про„віанта. Изъ переписки съ австрійскимъ министерствомъ „до сихъ поръ не знаю, приготовили они мнѣ что-ни„будь или нѣтъ. Австрійцы только запрашиваютъ меня „теперь на сколько людей заготовить провіантъ, гене„ралъ Бергъ, вмѣсто того, чтобы настоятельно объяс„нить имъ численность моей арміи, у меня спраши„ваетъ!! Въ другой разъ пишу, покуда отвѣтъ — время „уходитъ, а я здѣсь долженъ собрать по крайней мѣрѣ

„на 18 дней продовольствіе, чтобы около Пешта имѣть „на 8 дней“ *).

Окрестности Кашау были опустошены. Муки, напр., ни за какія цѣны достать было нельзя, — приходилось ожидать приходовъ транспортовъ и усиленными реквизиціями собирать небольшое количество хлѣба немолотымъ зерномъ. На австрійскія заготовленія было мало надеждъ.

Между тѣмъ генералъ Чаодаевъ 16-го іюня выступилъ къ г. Токаю (гдѣ фельдмаршалъ предположилъ установить мостъ черезъ р. Тиссу). Токай и его берега достались намъ дешево. Послѣ незначительной перестрѣлки казаки вплавь перебрались на другой берегъ рѣки и непріятель быстро отступилъ къ Рокомазу.

Токай и его окрестности не могли доставить продовольствія на цѣлый корпусъ. Кромѣ того фельдмаршалъ, готовясь двинуться на Пештъ, предположилъ овладѣть Дебречиномъ.

Дебречинскій округъ былъ одинъ изъ наиболѣе надежныхъ оплотовъ венгерскихъ вооруженныхъ силъ. Въ немъ сосредоточивалась значительная часть венгерскихъ продовольственныхъ средствъ; тамъ же формировались резервы изъ мѣстнаго чисто мадьярскаго населенія. Кромѣ того, Дебречинъ стоитъ на пути къ Пешту черезъ Солнокъ и на пути къ Гросъ-Вардейну и Араду, и такимъ образомъ могъ бы составить опорный пунктъ лѣваго фланга нашихъ главныхъ силъ.

---

*) Письмо къ Государю отъ 19-го іюня 1849 г. Сем. арх. кн. Паскевича.

Генералъ Чаодаевъ, по приказанію фельдмаршала оставивъ въ Токаѣ 4 баталіона и 12 орудій, двинулся къ Дебречину. Движеніе Чаодаева произвело панику не только въ Дебречинѣ, но и въ Пештѣ.

Отрядъ въ нѣсколько тысячъ венгерскаго войска, находящійся въ Дебречинѣ, вмѣстѣ съ властями города, быстро перешелъ въ Солнокъ. Кошутъ и его правительство готовились выѣхать изъ Пешта, а дебречинскіе жители встрѣтили Чаодаева съ хлѣбомъ и солью и сами предложили выслать депутацію съ изъявленіемъ покорности императору австрійскому. Генералъ Чаодаевъ, исполняя приказаніе фельдмаршала, собралъ въ Дебречинѣ 6 тыс. четвертей хлѣба и на мѣстныхъ подводахъ отправилъ ихъ въ главныя силы. 27-го іюня Чаодаевъ, черезъ Рокомазъ, возвратился въ Токай и затѣмъ соединился съ главными силами.

Въ эти дни, за неимѣніемъ сильныхъ враговъ, русской арміи пришлось бороться съ холерой. Она показалась 12-го (24-го) іюня и, благодаря дождямъ и болотистой мѣстности, стала развиваться съ ужасающей быстротой. Въ каждомъ корпусѣ, въ дни переходовъ, умирало скоропостижно около ста человѣкъ, а въ 4-мъ корпусѣ, при движеніи его на Токай и Дебречинъ, несравненно больше.

Для прекращенія эпидеміи были приняты энергичныя мѣры, тѣмъ не менѣе въ 5 дней, отъ 17-го до 23-го іюня, умерло въ арміи около 2-хъ т. чел. и въ одномъ только корпусѣ Чаодаева въ это время было до 5-ти т. больныхъ, почти всѣ холерою. Вообще съ 1-го іюня

по 1-е іюля въ войскахъ 2, 3 и 4 корпусовъ заболѣло холерою 14,472 челов. Такая огромная заболѣваемость превышала всякую предусмотрительность, а потому, какъ въ госпитальныхъ вещахъ, такъ и въ учрежденіи госпиталей, въ особенности на первое время, оказались значительные недостатки.

Усиленными реквизиціями пополнялся недостатокъ въ госпитальныхъ вещахъ, а госпитальныя отдѣленія открывались вездѣ, гдѣ на то была хотя какая-нибудь возможность. Потери отъ холеры равнялись потерѣ кровопролитнѣйшаго сраженія и, какъ всякое явленіе, непреоборимое волею и силою человѣка, онѣ угнетающимъ образомъ дѣйствовали на духъ войскъ.

Государь, опечаленный холерою, съ увлеченіемъ ободрялъ распоряженія фельдмаршала.

„Во время обѣда прибылъ твой второй курьеръ изъ Кашау, любезный отецъ-командиръ", писалъ Государь фельдмаршалу изъ Варшавы 19-го іюня (1-го іюля) 1849 года. „Изъ письма Кости я съ большимъ огорченіемъ „узналъ, что ты наканунѣ чувствовалъ себя нездоро- „вымъ; молю Бога, чтобъ нездоровье твое скоро про- „шло. Отрадно было мнѣ читать всѣ сдѣланныя тобой „распоряженія и данный всему порядокъ и устройство, „которые залогомъ успѣха. Направленіе и предписаніе, „данное Чаодаеву, нахожу прекраснымъ; симъ Токай „будетъ новымъ операціоннымъ базисомъ, куда бы ты „далѣе ни шелъ: къ Песту ли, или къ Дебречину. Дви- „женіе же двумя корпусами на Миклошъ тоже прево- „сходно, словомъ, учусь и радуюсь. Весьма осторожно

„и благоразумно укрѣпленіе всѣхъ главныхъ точекъ „операціоннаго пути, ибо легко быть можетъ, что en „désespoir de cause венгры обратятся къ партизанской „войнѣ на семъ пространствѣ, и потому и на это мы „готовы. Право, не догадываюсь, что венгры предпріи- „мутъ“ *).

*) Прил. II, 20.

Глава IV.

Генералы Гайнау и Бергъ и ихъ требованія. — Высочайшій выговоръ генералу Бергу. — Намѣреніе Гайнау идти на югъ.—Дѣйствительныя причины этого движенія.—Переправа австрійской арміи на правый берегъ Дуная.— Гёргей переходитъ на правый берегъ Дуная.—Атака его на линіи р. Раабъ.—Сраженіе 20-го іюня.—Опасное положеніе 1-го корпуса австрійской арміи. — Появленіе и дѣйствіе дивизіи Панютина. — Непріязненныя отношенія Кошута къ Гёргею.—Кошутъ и его правительство переѣзжаютъ изъ Пешта въ Сегединъ.— Гайнау посылаетъ 3 корпусъ Рамберга въ Пештъ.—Сраженіе 29-го іюня.—Гёргей переходитъ на лѣвый берегъ Дуная.—Движеніе Гёргея на Вайценъ и Гёдело.—Гайнау 4-го іюля идетъ въ Пештъ, оставя корпусъ Чорича подъ Коморномъ.—3-го іюля авангардъ Гёргея встрѣчается съ аванпостами русскаго коннаго мусульманскаго полка.—Предположеніе фельдмаршала относительно движенія Гёргея къ Гёдело. — Мнѣніе фельдмаршала о дѣйствіяхъ австрійскаго главнокомандующаго.— Командировка графа Зичи и полковника Затлера въ Пештъ.— Городъ Вайценъ. — Атака вайценской позиціи авангардомъ Засса. — Результатъ боя. — Гёргей идетъ въ горные комитаты.—Сраженіе подъ Вайценомъ 5-го іюля.—Преслѣдованіе Гёргея графомъ Ридигеромъ. — Паника въ венгерскихъ войскахъ. — Командировка Фрейтага въ Пештъ.—Распоряженія фельдмаршала.—Дѣло графа Толстого у д. Туръ.—Переписка Государя съ фельдмаршаломъ, относительно состоянія умовъ въ Венгріи.—Письмо графа Ридигера Гёргею.—Парламентеры генерала Хрулева.

Австрійское правительство не доставляло продовольствія русской арміи, а перевозочныя средства, для доставки добытаго реквизиціями зернового хлѣба и фуража, вытребовались отъ страны, русскими отрядами, также реквизиціями. При томъ и денежныя средства (австрійскія ассигнаціи) присылались въ штабъ нашей дѣйствующей арміи съ значительными опозданіями, всегда послѣ длинной переписки и въ размѣрахъ менѣе требуемыхъ.

Но зато баронъ Гайнау, не обращая вниманія на трудныя обстоятельства, въ которыхъ (отъ холеры и медленнаго движенія транспортовъ) находилась русская армія, писалъ фельдмаршалу, требуя быстраго движенія русскихъ корпусовъ, такъ какъ онъ намѣревался потянуться на югъ на соединеніе съ баномъ Елачичемъ, — предоставляя однимъ русскимъ войскамъ вѣдаться съ арміей Гёргея и съ крѣпостью Коморномъ. Вовсе не стѣсняясь условленнымъ планомъ кампаніи, Гайнау стремился направлять русскую армію согласно со своими предположеніями и планами. Генералъ Бергъ поддерживалъ требованія Гайнау, и какъ бы не вѣдая плана кампаніи, составленнаго фельдмаршаломъ (на исполненіе котораго согласилось австрійское правительство и самъ Гайнау), настаивалъ на выполненіи требованій австрійскаго главнокомандующаго *).

По этому поводу Государь писалъ 19-го іюня (1-го іюля) фельдмаршалу: „Сегодня я получилъ донесе-

*) См. въ прилож. IX-мъ письмо Гайнау къ фельдмаршалу, отъ 3-го (15-го) іюля 1849 г.

„ніе Берга и копію съ его глупаго и дерзкаго донесенія „къ тебѣ, я на это писалъ ему д. . . . ., съ угрозой его „смѣнить, ежели будетъ продолжать столь фальшиво „понимать свое назначеніе. Прошу только въ твоемъ „отвѣтѣ австрійцамъ укротить твой справедливый гнѣвъ. „Ты будешь дѣломъ отвѣчать на ихъ глупость, довольно „и того, а мнѣ предоставь прочее. Копію съ самаго „выговора представляетъ тебѣ Адлербергъ" *).

Графъ Адлербергъ, передавая подлинныя слова Государя, между прочимъ писалъ генералу Бергу: Maréchal conduit les opérations d'après le plan général arrêté et convenu, il n'est donc pas possible, à moins d'être un ignorant, que le Maréchal fixe la date des mouvements qui peuvent changer dans un cadre donné, selon les divers circonstances. J'ordonne de la manière la plus positive au général Berg d'être plus circonspect faute de quoi aviserai à le remplacer par quelqu'un qui saura mieux remplir son devoir et mes intentions **).

„Monsieur Berg", писалъ фельдмаршалъ въ своихъ „запискахъ, вовсе не русскій, а австрійскій генералъ, „да еще и плохой, и русской арміи не знаетъ" ***).

---

*) Прилож. II, 20.

**) Фельдмаршалъ ведетъ войну по составленному плану кампаніи, предварительно по взаимному соглашенію утвержденному, слѣдовательно только невѣжда (въ военномъ дѣлѣ) можетъ требовать, чтобы фельдмаршалъ назначалъ впередъ, когда и въ какой именно день онъ предприметъ то или другое движеніе, всегда въ извѣстной степени обусловленное обстоятельствами. Наистрожайше приказываю генералу Бергу быть болѣе осмотрительнымъ, иначе онъ будетъ смѣненъ кѣмълибо, лучше его понимающимъ свои обязанности и мои намѣренія. Сем. арх. кн. Паскевича.

***) Фельдмаршалъ въ своихъ запискахъ всегда называетъ генерала Берга „Monsieur Berg".

Дѣйствительно въ это время генералъ Бергъ требовалъ, согласно указаніямъ князя Шварценберга, чтобы въ дивизію Панютина былъ присланъ спеціальный отрядъ хлѣбопековъ, отрядъ этотъ, писалъ Бергъ, вѣроятно не былъ присланъ по внезапности отправки Панютина въ предѣлы Австріи.

„Государь", писалъ графъ Адлербергъ генералу Бергу, „крайне изумленъ, что ваше превосходительство „не сообщили князю Шварценбергу, что у насъ, какъ „это вамъ должно быть хорошо извѣстно, не существу- „ютъ отряды портныхъ, сапожниковъ и хлѣбопековъ, а „что войска сами изготовляютъ то, что имъ нужно, и „что хлѣбъ выпекается строевыми солдатами, когда это „требуется" *).

Между тѣмъ на берегахъ Дуная, въ окрестностяхъ Коморна, происходили слѣдующія событія: послѣ дѣла подъ с. Передомъ Гайнау рѣшился идти кратчайшимъ путемъ (т. е. правымъ берегомъ Дуная) къ Пешту, на соединеніе съ войсками бана Елачича. Движеніе это не вызывалось требованіями военныхъ обстоятельствъ. На югѣ Гайнау могъ встрѣтиться только съ Перцелемъ, незначительныя силы котораго не могли имѣть, въ общемъ дѣлѣ кампаніи, сколько-нибудь рѣшительнаго вліянія.

Съ другой стороны, Гайнау не могъ не сознавать, что, отступая отъ условленнаго съ фельдмаршаломъ плана кампаніи, онъ способствуетъ, насколько ему

---

*) Этотъ документъ цѣликомъ помѣщенъ въ прилож. X-мъ.

было возможно, продолженію войны. Онъ долженъ былъ, исполняя утвержденный планъ кампаніи, слѣдя за Гёргеемъ, находиться въ его тылу, когда русскія войска подойдутъ къ его фронту. Это очевидно оканчивало бы кампанію сразу, потому что съ уничтоженіемъ арміи Гёргея продолженіе венгерскаго мятежа было немыслимо. Но Гайнау опасался, сблизясь съ русской арміей, подпасть подъ личное и непосредственное вліяніе князя Паскевича, а потому и шелъ на югъ, подальше отъ него. „Это они выдумали вмѣстѣ съ M-r Berg'омъ", „писалъ фельдмаршалъ въ своихъ запискахъ: „Изъ „этого заключить возможно, какую пользу приноситъ „намъ сей генералъ".

Для выполненія задуманнаго плана, Гайнау сталъ переводить свою армію черезъ Дунай на правый его берегъ, оставя на лѣвомъ 2-й корпусъ для демонстраціи, дабы скрыть отъ непріятеля переправу остальныхъ войскъ *).

Въ это же время и Гёргей, съ своей стороны, рѣшился черезъ Коморнъ перейти на правый берегъ Дуная и обрушиться на слабый австрійскій отрядъ, занимавшій линію рѣки Раабъ. Но Гайнау предупредилъ его и Гёргей, перейдя Дунай, вынужденъ былъ отступить къ укрѣпленіямъ Коморна.

Тѣмъ не менѣе австрійцы не могли еще идти на Пештъ. Фланговыя позиціи, занятыя венгерцами на правомъ берегу Дуная, задерживали ихъ движеніе.

*) См. въ прилож. XI-мъ его письмо къ фельдмаршалу отъ 28-го іюня (10-го іюля) 1849 г.

Ободренный успѣхомъ, Гайнау намѣревался оттѣснить венгерцевъ и вогнать ихъ въ укрѣпленія Коморна (праваго берега Дуная).

20-го числа, рано утромъ, произошло столкновеніе обѣихъ армій, но уже въ 1-мъ часу дня венгерцы отступали по всей линіи и стали за укрѣпленіями Коморна. Гайнау, предполагая, что сраженіе выиграно, самъ уѣхалъ, а войскамъ приказалъ разойтись по бивакамъ. Одинъ только 1-й корпусъ Шлика, стягивая свои войска, остался на мѣстѣ. Гёргей, усмотрѣвъ, что Шликъ отдѣлился отъ арміи, быстро атаковалъ его превосходными силами. Положеніе дѣлъ грозило 1-му корпусу совершеннымъ пораженіемъ; къ счастію. Панютинъ, находившійся въ шести верстахъ отъ мѣста боя, узнавъ объ опасномъ положеніи 1-го корпуса, ударилъ тревогу, поднялъ свою дивизію съ бивака и быстро двинулся на выручку Шлика.

Появленіе Панютина и рѣшительное его дѣйствіе снова спасли австрійцевъ, принудивъ Гёргея отступить. Послѣ этихъ сраженій положеніе Гёргея осложнилось непріязненными отношеніями съ Кошутомъ. Еще до сраженія на линіи Раабъ Кошутъ требовалъ отступленія Гёргея на Пештъ, гдѣ, по предположенію венгерскаго правительства, онъ, перейдя на лѣвый берегъ Дуная, долженъ былъ дѣйствовать въ равнинѣ между нижнею Тиссою и рѣкою Марошъ. Вскорѣ послѣ сраженій подъ Коморномъ Кошутъ, раздраженный неповиновеніемъ Гёргея, прислалъ правительственный приказъ о смѣнѣ Гёргея и о назначеніи главнокомандую-

щимъ Мессароша. Вся верхне-дунайская армія взволновалась. Клапкѣ удалось устроить дѣло, оставя Мессароша только номинальнымъ главнокомандующимъ и удержавъ Гёргея во главѣ верхне-дунайской арміи.

Въ это же время Кошутъ, устрашенный занятіемъ русскими войсками Дебречина, переѣхалъ вмѣстѣ съ венгерскимъ правительствомъ въ Сегединъ, куда потянулся и незначительный отрядъ венгерскихъ войскъ, занимавшій Пештъ.

Гайнау, узнавъ, что Пештъ очищенъ, послалъ 3-й корпусъ генерала Рамберга занять его. 27-го іюня Офенъ и Пештъ безъ боя были заняты.

Гёргей, сосредоточивъ свои войска въ Коморнѣ, рѣшился воспользоваться выступленіемъ 3-го корпуса, чтобы атаковать австрійцевъ. Предполагая перейти на лѣвый берегъ Дуная (оставивъ въ Коморнѣ 20 т. гарнизонъ), Гёргей хотѣлъ, оттѣснивъ Гайнау, облегчить своимъ войскамъ переправу черезъ Дунай. При томъ Гёргей надѣялся, что, въ случаѣ полнаго успѣха, онъ прорвется черезъ австрійскую армію и двинется на Пештъ правымъ берегомъ Дуная. Сраженіе произошло 29-го іюня: австрійцы удержали свои позиціи, а Гёргей безпрепятственно перешелъ 30-го іюня на лѣвый берегъ Дуная, открывъ дорогу Гайнау по правому берегу на Пештъ. Гёргей спѣшилъ идти по лѣвому берегу Дуная на Пештъ и, хотя онъ зналъ о приближеніи русской арміи, но разсчитывалъ, что, быстро пройдя Вайценъ и Гёдело, не встрѣтится съ русской арміей и соединится за Сегединомъ съ венгерскими южными войсками. Но уже

3-го іюля авангардъ его, подъ начальствомъ Армина Гёргея, подходя къ Вайцену, наткнулся на аванпосты русскаго мусульманскаго коннаго полка.

Гайнау выступилъ къ Пешту 4-го іюля, оставя наблюдательный отрядъ Чорича (12 т. человѣкъ) подъ Коморномъ, а 1-й корпусъ Шлика оставался подъ Коморномъ только покуда не были получены свѣдѣнія объ окончательномъ переходѣ Гёргея на правый берегъ Дуная, а затѣмъ присоединился къ главнымъ силамъ Гайнау.

Сознавая, что столь незначительный отрядъ недостаточенъ для блокады Коморна съ 20 тыс. гарнизономъ, онъ просилъ фельдмаршала выслать къ Коморну отрядъ генерала Граббе.

Прежде чѣмъ продолжать изложеніе дальнѣйшихъ событій того времени, намъ кажется необходимымъ представить дословное мнѣніе фельдмаршала объ очерченныхъ уже нами военныхъ дѣйствіяхъ.

„Государю угодно было спасти Австрію.

„Императоръ австрійскій пріѣзжалъ въ Варшаву „благодарить за помощь. Мнѣ приказано было составить планъ кампаніи. Рѣшено было собрать 150 тыс. „войска, чтобы венгерцы видѣли невозможность успѣха „своихъ замысловъ, и избрать такой пунктъ вступленія „въ Венгрію, который бы, разрѣзавъ Венгрію пополамъ, „разъединилъ силы мятенижковъ. Вслѣдствіе сего указана была Государемъ Императоромъ Дукла, отъ коей „русская армія, выйдя изъ горъ и вступивъ въ сердце „самой Венгріи, могла дѣйствовать противъ венгерцевъ

„совокупно или по крайней мѣрѣ согласно съ австрій-„скою арміею.

„Австрійская армія въ числѣ 40 тыс. находилась „тогда около Коморна.

„Передъ крѣпостію и въ укрѣпленномъ лагерѣ былъ „Гёргей съ главными силами мятежниковъ до 55 тыс.

„Австрійцы не могли защищать обоихъ береговъ „Дуная; имъ слѣдовало ожидать прибытія русской арміи „въ долинѣ по направленію къ Пешту и, защищая до-„рогу въ Вѣну, наблюдать за непріятелемъ.

„Лучшія войска венгерцевъ, какъ сказано, были съ „Гёргеемъ около Коморна. Но Гёргей не могъ тамъ „оставаться, ибо подвергся бы опасности быть запер-„тымъ въ крѣпости и принужденнымъ сдаться. По-„этому онъ долженъ былъ по необходимости оставить „сію крѣпость и стараться соединиться съ другими „венгерскими отрядами на югѣ.

„Сіе неизбѣжное движеніе Гёргея должно было „обратиться въ нашу выгоду, ибо давало намъ возмож-„ность захватить главныя силы мятежниковъ. Восьми-„десятитысячная русская армія стала бы имъ напе-„рерѣзъ въ движеніи ихъ къ Пешту, между тѣмъ какъ „австрійская армія преслѣдовала бы ихъ въ тылу.

„Успѣхъ былъ разсчитанъ вѣрно. *Казалось, что, сдѣ-„лавъ планъ кампаніи, надобно согласно сему и дѣй-„ствовать*. Но было двое главнокомандующихъ, и вмѣсто „помощи мы встрѣтили отступленіе отъ утвержденнаго „плана и противодѣйствія.

I.

„Согласно предположенію я спустился въ долины „Тейсы и Дуная.

„Не нашелъ я обѣщанныхъ запасовъ, но, къ счастію, „не полагаясь на ихъ обѣщанія, я принялъ, по обык-„новенному моему правилу, свои мѣры.

„Полагая, что австрійскій главнокомандующій дол-„женъ держаться плана кампаніи и, имѣя передъ собою „подъ Коморномъ сильнѣйшаго непріятеля, не будетъ „до моего прихода дѣлать никакихъ движеній впередъ, „я хотѣлъ тѣмъ временемъ воспользоваться и, хотя хо-„лера была такъ сильна, что въ пять дней было до „15 тысячъ больныхъ, но, чтобы произвести моральное „вліяніе на мятежниковъ, я рѣшилъ занять Дебречинъ, „ихъ вторую столицу, гнѣздо мятежниковъ. Занятіе „сего города дѣйствительно сдѣлало такое впечатлѣніе „на тогдашнее правительство венгерское, что Кошутъ „ушелъ изъ Пешта и правленіе ихъ разсѣялось.

„Послѣ дѣла подъ с. Передомъ (гдѣ 4-й австрій-„скій корпусъ могъ погибнуть, если бы не помогла „русская дивизія Панютина) австрійскій главнокоман-„дующій сдѣлалъ безполезное нападеніе на Раабъ. „Оправдывали дѣло сіе необходимостью поднять духъ „войска въ глазахъ пріѣхавшаго въ свою армію импе-„ратора.

„Правда, что духъ войска ихъ упалъ, вслѣдствіе „несчастій зимней кампаніи, правда также, что дѣло „подъ Раабомъ удалось и, можетъ быть, подняло духъ

„войска; но еслибы австрійцы были разбиты? — тогда „бы Вѣна пала.

„Главная русская армія была еще далеко: я въ это „время только что выходилъ изъ горъ и слѣдовательно „никакъ не могъ успѣть прійти на помощь австрій-„ской арміи. Вотъ первое отступленіе отъ плана кампа-„ніи, ибо австрійцы должны были ожидать моего при-„хода къ Дунаю, а не рисковать всѣмъ: и арміею, и „столицею.

II.

„Вслѣдъ за сею ошибкою, австрійскій главнокоман-„дующій впалъ въ другую. Недовольствуясь взятіемъ „Рааба, онъ двинулъ войска свои къ Коморну и съ „арміею въ 40 тысячъ осмѣлился атаковать пятидесяти „пяти тысячнаго непріятеля въ крѣпости и укрѣплен-„номъ лагерѣ. Австрійцы атаковали небольшой ретран-„шементъ передъ крѣпостью и, къ чести ихъ солдата „должно сказать, что атаковали мужественно.

„Непріятель же заманилъ ихъ: выждалъ, когда они „стали отступать и, выйдя со всею арміею, гналъ 1-й „корпусъ и уже обошелъ, опрокинулъ его лѣвый флангъ „и притиснулъ корпусъ къ рѣкѣ. Въ это время неожи-„данно спасла его опять русская дивизія Панютина, „который, отходя на свое мѣсто, узналъ объ опасности „корпуса Шлика и, не ожидая приказанія, воротился „почти бѣгомъ и сильнымъ натискомъ на флангъ вен-„герцевъ заставилъ ихъ отступить

„Это произошло оттого, что австрійскій главно-

„командующій, не сообразивъ, что непріятель могъ его „обмануть, не понялъ опасности своего отступленія, не „сдѣлалъ никакого распоряженія и, приказавъ только „отходить войскамъ на прежнія мѣста, самъ уѣхалъ за „15 верстъ.

III.

„Урокъ былъ хорошъ.—Въ другой разъ на волоскѣ „висѣла погибель австрійской арміи, а съ нею и Вѣны. „Но и послѣ урока баронъ Гайнау не умѣлъ исполнить „плана кампаніи. Онъ пошелъ снова къ Коморну, во„преки плану и необходимости защищать столицу. Мало „того, раздѣлилъ свою армію на три отряда на раз„стояніи 15 верстъ. Венгерцы, боясь быть запертыми „въ Коморнѣ, хотѣли выйти изъ крѣпости и идти на „югъ къ Пешту и для того атаковали австрійцевъ. „Движеніе это было предвидѣно въ планѣ кампаніи: я „на сіе разсчитывалъ, чтобы встрѣтить Гёргея, а съ „тылу за нимъ должна была слѣдить австрійская армія. „Но генералъ Гайнау, какъ бы нарочно, вмѣсто того, „чтобы открыть дорогу Гёргею, не препятствуя ему „идти къ Пешту, гдѣ онъ долженъ былъ попасть прямо „намъ въ руки, старался удержать его и удержалъ, ибо „венгерцы дрались слабо оттого, что Гёргей былъ раненъ.

„Затѣмъ, довольный своимъ успѣхомъ, онъ опять „растянулся верстъ на 20 около Коморна и еще умень„шилъ свои силы, отрядивъ семи тысячный корпусъ „(Рамберга) къ Пешту, т. е. сдѣлалъ противное тому,

„что долженъ былъ сдѣлать и по здравому разсудку, и „по плану кампаніи. *Третья его ошибка.*

IV.

„Гёргей, которому воспрепятствовали изъ Коморна „идти на Пештъ, бросился на лѣвый берегъ Дуная и „безпрепятственно перешелъ рѣку.—Генералъ баронъ „Гайнау не только не мѣшалъ ему выйти изъ крѣпости, „но не преслѣдовалъ и даже не слѣдилъ за нимъ, т. е. „и здѣсь опять сдѣлалъ совершенно противное тому, „что долженъ былъ сдѣлать. Самъ же онъ пошелъ къ „Пешту, оставивъ подъ Коморномъ слабый отрядъ Чо„рича, и бросилъ такимъ образомъ на произволъ, ибо „въ гарнизонѣ болѣе 20 тысячъ.

„Симъ движеніемъ 40-тысячная австрійская армія „была болѣе двухъ недѣль въ бездѣйствіи и не оказы„вала ни малѣйшаго содѣйствія арміи русской.

„Венгерцы, между тѣмъ, вошли въ горы, т. е. пошли „туда, гдѣ менѣе всего ихъ ожидать должно было и „гдѣ они могли наиболѣе намъ причинить вреда и „продлить кампанію. — Тутъ уже не одна, но цѣлый „рядъ ошибокъ генерала Гайнау“ *).

Гёргей спѣшилъ, какъ мы уже сказали, на югъ для соединенія съ Перцелемъ. Перпендикулярно къ его пути шли главныя силы князя Паскевича. Венгерская армія, во всякомъ случаѣ, не могла избѣгнуть столкновенія съ русскими войсками; если бы даже Гёргей

*) Подлинная записка эта находится въ архивѣ кн. Паскевича.

успѣлъ пройти Вайценъ и Гёдело, то войска фельдмаршала двинулись бы ему въ тылъ.

3-го (15-го) іюля рано утромъ, какъ уже было сказано, авангардъ венгерской арміи, подъ начальствомъ Армина Гёргея, наткнулся на аванпосты русскаго мусульманскаго полка.

Русская армія подходила къ Вайцену, главныя силы графа Ридигера были въ Хатванѣ, авангардъ его подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса былъ выдвинутъ къ сс. Багъ и Хевизъ-Дьеркѣ, а для наблюденія за дорогою изъ Коморна въ Вайценъ былъ посланъ мусульманскій полкъ, подъ начальствомъ генерала князя Бебутова, который первый и открылъ (утромъ 3-го іюля) движеніе венгерской арміи изъ Коморна на Вайценъ.

2-го іюля фельдмаршалъ прибылъ въ Хатванъ. Получивъ свѣдѣніе о движеніи венгерской арміи изъ Коморна, фельдмаршалъ могъ предполагать, что Гёргей надѣется, пройдя Вайценъ и Гёдело, соединиться съ южными венгерскими отрядами или, минуя Вайценъ, пойдетъ черезъ Лашонцъ къ Мишкольцу, въ тылъ русской арміи. Но когда были получены извѣстія отъ Бебутова, что венгерцы тѣснятъ наши аванпосты и всѣми силами идутъ на Вайценъ, то вполнѣ выяснилось, что Гёргей, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о движеніи главныхъ нашихъ силъ къ югу отъ Вайцена, надѣется пройти Гёдело и соединиться съ Перцелемъ. Въ это время Гайнау писалъ фельдмаршалу, что армія его, перейдя въ Пештъ на лѣвый берегъ Дуная, выступитъ по направленію къ пути движенія Гёргея.

Не довѣряя вполнѣ Гайнау, фельдмаршалъ все-таки сосредоточивалъ войска и не хотѣлъ препятствовать Гёргею продолжать движеніе на югъ. Фельдмаршалъ зналъ, что Гёргей, идя по лѣвому берегу Дуная къ Гёдело, во всякомъ случаѣ будетъ окруженъ превосходными силами, если не австро-русскими, то сосредоточившимися корпусами русской арміи.

„Приближаясь къ Вайцену (пишетъ князь Паске-„вичъ въ своихъ запискахъ), я послалъ въ Пештъ „находившагося при мнѣ главнаго австрійскаго комми-„сара графа Зичи и оберъ-провіантмейстера дѣйству-„ющей арміи полковника Затлера для изготовленія „продовольствія и высылки мнѣ онаго на пять дней. „Продовольствіе сіе было изготовлено, и хотя это „вовсе не относилось къ обязанностямъ генерала Берга, „онъ, услышавъ о томъ, словесно потребовалъ, чтобы „графъ Зичи увѣдомилъ его письменно о количествѣ „заготовленнаго имъ для русской арміи провіанта. „Графъ Зичи исполнилъ это, но къ величайшему удивле-„нію своему вмѣстѣ съ тѣмъ какъ онъ, такъ и пол-„ковникъ Затлеръ извѣстились, что генералъ Гайнау „приказалъ забрать весь испеченный для русскихъ „войскъ хлѣбъ и, что всего важнѣе, всѣ перевозочные „способы, предназначенные для доставленія продоволь-„ствія къ нашей арміи.

„Когда полковникъ Затлеръ и графъ Зичи протес-„товали противъ этого самовольнаго распоряженія, „Гайнау отвѣчалъ имъ и оберъ-интенданту Обермейеру:

„прежде всего надлежитъ заботиться объ обезпеченіи „моей арміи, а потомъ уже русской“*!*

„Такимъ образомъ, при всѣхъ усиліяхъ графа Зичи „и полковника Затлера, они могли выслать мнѣ едва „на два дня провіанта“.

Обстоятельство это, конечно, не имѣло особо важнаго значенія; князь Паскевичъ, со свойственною ему предусмотрительностью, вполнѣ обезпечилъ продовольствіе своей арміи и помимо ожидаемаго правіанта изъ Пешта; но оно еще болѣе выясняетъ отношеніе астрійцевъ къ выполненію своихъ обязательствъ относительно русской арміи.

Только одинъ представитель австрійскаго правительства, находившійся при фельдмаршалѣ, коммисаръ графъ Зичи дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно; но онъ былъ безсиленъ въ борьбѣ съ генераломъ Гайнау, къ сожалѣнію, всегда и во всемъ поддерживаемымъ русскимъ генераломъ Бергомъ.

Городъ Вайценъ, которому предстояло занять столь видное мѣсто въ описываемыхъ событіяхъ, примыкаетъ западной стороной къ лѣвому берегу Дуная, а восточной—къ насыпи Пештъ-Пресбургской желѣзной дороги.

Почтовая дорога проходитъ по длинѣ всего города. По дорогѣ этой, въ близкомъ разстояніи отъ города (на сѣверъ) находится деревянный мостъ, устроенный черезъ ручей, непроходимый ни для артиллеріи, ни для обозовъ, по крутизнѣ береговъ своихъ. Къ юго-востоку отъ Вайцена, между д. Дукла и м. Харастъ, тянутся незначительныя возвышенности, южныя склоны кото-

рыхъ покрыты виноградниками. Сѣверная же покатость упирается въ рѣчку Гомбасъ, впадающую въ Дунай и проходимую въ бродъ въ двухъ или трехъ только мѣстахъ.

На сѣверѣ долины рѣчки Гомбасъ къ желѣзной дорогѣ идетъ рядъ возвышенностей, также покрытыхъ виноградниками.

Графъ Ридигеръ, получивъ извѣстіе, что Бебутовъ оттѣсненъ Арминомъ Гёргеемъ къ с. Уйфалѣ, приказалъ начальнику авангарда генералу Зассу, оставя свою пѣхоту въ м. Гёдело, выслать въ Уйфалу для поддержки Бебутова одну только кавалерію.

Ридигеръ, по приказанію фельдмаршала, не хотѣлъ, втягивая войска авангарда въ бой, задержать движеніе Гёргея къ Гёдело; но Зассъ не понялъ его распоряженій и двинулъ весь свой отрядъ на сильную позицію, занятую венгерцами у Вайцена. Не сдѣлавъ рекогносцировки, не разузнавъ о численности непріятеля, Зассъ выскакалъ съ кавалеріей и конной артиллеріей на открытую южную вайценскую долину и, обстрѣленный со всѣхъ сторонъ, въ четверть часа потерпѣвъ значительный уронъ, долженъ былъ отступить и скрыться за виноградниками.

Въ то время почти всѣ силы Гёргея расположились на вайценской позиціи. Центръ и правый ихъ флангъ прикрывались высокою насыпью желѣзной дороги. Лѣвый флангъ стоялъ за рѣкою Гомбасъ на высотахъ, съ которыхъ артиллерія обстрѣливала открытую равнину города Вайцена.

Несмотря на столь сильную позицію, занятую венгерскими войсками, Зассъ ввелъ въ бой всю свою пѣхоту (8 баталіоновъ и 24 орудія). Баронъ Офенбергъ, получивъ свѣдѣніе объ опасномъ положеніи Засса, прибылъ къ мѣсту боя съ 3-й кавалерійской дивизіей и съ 1-й бригадой 2-й кавалерійской дивизіи въ 3½ часа дня. Въ это время пѣхота и артиллерія Засса, пройдя подъ сильнымъ огнемъ 86-ти орудій равнину вайценскую, развернулись за высотами, покрытыми виноградникомъ, и двинулись въ атаку непріятельской позиціи. Встрѣченные непріятельскою кавалеріею, баталіоны перестроились въ каре и подъ сильнѣйшимъ орудійнымъ огнемъ непріятеля остановились. Началась съ обѣихъ сторонъ сильная канонада. Офенбергъ, чтобы поддержать Засса, атаковалъ лѣвый флангъ непріятеля, смялъ 1-й гусарскій венгерскій полкъ, но также принужденъ былъ, подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, отступить къ виноградникамъ.

Въ 5-мъ часу къ войскамъ Засса прибылъ генералъ графъ Ридигеръ. Войска Засса и Офенберга настолько вдались въ бой, что отвести ихъ было слишкомъ трудно, только наступленіе совершенной темноты прекратило сраженіе. Войска наши простояли болѣе 8 часовъ подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ. Потери были значительныя, но такъ какъ Гёргей не переходилъ отъ канонады къ рѣшительному наступленію, то результатъ боя заключался въ томъ, что Гёргей, убѣдясь, что передъ нимъ стоятъ главныя силы русской арміи, отказался отъ движенія на Гёдело и рѣшился двинуться

на соединеніе съ южной арміей черезъ Лосончъ, Мишкольцъ и Токай.

Такимъ образомъ неосторожность и лишняя отвага Засса вынудили и фельдмаршала отказаться отъ составленнаго имъ плана дѣйствій.

Зассъ былъ смѣненъ, но фельдмаршалъ не могъ не обвинять и графа Ридигера, который, зная генерала Засса, долженъ былъ не допустить его до столь произвольныхъ и для дѣла невыгодныхъ распоряженій. Между тѣмъ Гёргей, рѣшившись идти въ сѣверные горные комитаты, вынужденъ былъ 4-го числа оставаться на позиціи у Вайцена, такъ какъ сниматься съ позиціи, въ виду русской арміи, днемъ, представлялось не безопаснымъ.

На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ этотъ день Гёргеемъ, рѣшено было выступить въ ночь съ 4-го на 5-е число. Между тѣмъ въ теченіе дня (4-го числа) наши главныя силы подходили къ Вайцену.

Значительный вагенбургъ и масса жителей, изъ Коморна *) выѣхавшихъ, чтобы слѣдовать за арміей Гёргея, задержали настолько движеніе венгерскихъ войскъ, что къ разсвѣту 5-го іюля только незначительная часть корпуса Плетенберга успѣла перейти мостъ черезъ ручей къ сѣверу отъ Вайцена. Большая часть колонны Армина Гёргея находилась въ Вайценѣ, а остальныя венгерскія войска занимали позицію на высотахъ за рѣчкой Гомбасъ и вдоль насыпи желѣзной дороги. Съ

*) Жители Коморна опасались остаться въ городѣ, полагая болѣе безопаснымъ слѣдовать въ тылу арміи Гёргея.

разсвѣтотъ 5-го числа кавалерія наша очистила Вайценъ и войска 3-го корпуса овладѣли позиціею лѣваго фланга непріятеля. Послѣ сильнаго двухъ-часового боя венгерцы отступили за ручей, уничтоживъ единственный на немъ деревянный мостъ.

Войска наши, пройдя Вайценъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, построили мостъ и перешли на правую сторону ручья. Венгерцы, тѣснимые по всей линіи, заняли, отступая, еще двѣ сильныя позиціи (на сѣверной вайценской дорогѣ). Но, атакованные съ фронта и лѣваго фланга, отступили въ горныя ущелья съ значительными потерями.

Корпусъ Ридигера преслѣдовалъ ихъ на протяженіи 20 верстъ до м. Сендегеля.

Государь, поздравляя изъ Варшавы фельдмаршала съ побѣдою, писалъ ему 13-го (25-го) іюля: „Жаль очень, „что Гёргея армію не было возможности уничтожить „подъ Вайценомъ или послѣ сего дѣла. Кажется, что „ежели бы генералъ Гайнау продолжалъ начатую пе„реправу на лѣвый берегъ, хотя и былъ въ двухъ „маршахъ назади, онъ все-таки бы поспѣлъ въ самую „пору ударить венграмъ въ тылъ или по крайней мѣрѣ „въ лѣвый флангъ, вѣроятно тогда бы армія Гёргея „была уничтожена. Причины зачѣмъ Гайнау не поспѣлъ, „по моему мнѣнію, совершенно вздорны и даже непо„нятны“ *).

Но Гайнау, несмотря на обѣщанія, вовсе и не на-

*) Прилож. II, 25.

мѣревался идти въ тылъ Гёргею, а шелъ на соединеніе съ баномъ Елачичемъ къ крѣпости Темешваръ.

„Генералъ Гайнау“, писалъ фельдмаршалъ, „послѣ „вайценскаго дѣла вмѣстѣ съ генераломъ Бергомъ весьма „серьезно просили меня немедленно послать одинъ „корпусъ черезъ Солнокъ въ Гросъ-Вардейнъ *). Если „бы я исполнилъ это требованіе, распредѣленіе арміи „было бы слѣдующее: 3-й корпусъ въ преслѣдованіи „Гёргея, по направленію къ Лосончу, 4-й корпусъ около „Мишкольца и, наконецъ, 2-й корпусъ на пути къ „Гросъ-Вардейну, т. е. это значило бы разбросать армію „на пространствѣ болѣе двухъ сотъ верстъ.

„Не думаю, чтобы Наполеонъ послушался подобнаго совѣта“.

Венгерская армія, разстроенная битвами подъ Вайценомъ, отступала на Лосончъ. Самъ Гёргей, въ своихъ запискахъ, жалуется на безпорядочное отступленіе своей арміи, въ особенности аріергарда, подъ начальствомъ Наги-Шандора. Наилучшимъ показателемъ нравственнаго въ то время состоянія венгерской арміи можетъ служить слѣдующій разсказъ самого Гергея **). При бивакѣ у с. Наросы, чтобы поднять войска, „барабаны ударили „*подъемъ*“. Паническій страхъ, овла„дѣвшій войсками, внезапно пробужденными барабан„нымъ боемъ, могъ быть причиною совершеннаго унич„тоженія арміи, которая дальнѣйшимъ своимъ существо-

---

*) Въ виду обезпеченія лѣваго фланга австрійской арміи. См. въ прилож. XII письмо Гайнау къ фельдмаршалу, отъ 6-го (18-го) іюля 1849 г.

**) Изъ записокъ Гёргея.

„ваніемъ обязана была счастливому случаю, что непрія-
„тель пріостановилъ преслѣдованіе свое, не доходя „одной мили до Балласа-Гіарматъ, и этимъ далъ возможность собраться въ Лосончѣ 7-го (19-го) іюля разсѣявшимся войскамъ.

„Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе этого обстоятельства, „потеря въ людяхъ и лошадяхъ превзошла потерю, „могущую произойти отъ упорнаго сраженія".

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что такая распущенность въ венгерскихъ войскахъ отчасти происходила оттого, что Гёргей былъ раненъ саблею въ голову при Вайценѣ и только 9-го числа могъ въ Лосончѣ снова вступить въ командованіе арміей.

Преслѣдованіе русскими войсками дѣйствительно не было особенно настойчиво. Фельдмаршалъ приказалъ графу Ридигеру идти за венгерской арміей всѣми силами только до Вадкерта, а далѣе послать кавалерійскій отрядъ до м. Балласъ-Гіарматъ, поддержавъ его, если нужно, частью пѣхоты.

Для узнанія же, какое направленіе возьметъ Гёргей отъ м. Гіарматъ, отправленъ партизаномъ полковникъ Хрулевъ съ легкимъ коннымъ отрядомъ. Ему предписано собирать о направленіи венгерской арміи сколь можно вѣрныя свѣдѣнія, а, придя на высоту Кашау или Мишкольца, остановиться и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Гёргей не имѣлъ возможности выяснить, какая часть русской арміи идетъ за нимъ, но въ виду ненастойчивости самого преслѣдованія онъ „понялъ", какъ

онъ выражается въ своихъ запискахъ, что фельдмаршалъ избралъ „наихудшій для венгерцевъ планъ дѣйствій“, т. е. движеніе кратчайшимъ прямымъ путемъ на переправы рѣки Тиссы. Такимъ образомъ кружный обходъ Гёргея чрезъ горные комитаты не достигалъ предположенной цѣли; но, втянувшись въ горныя дороги, Гёргею не было уже другого исхода.

Послѣ вайценскаго сраженія фельдмаршалъ послалъ въ Пештъ къ барону Гайнау генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи Фрейтага.

Предпринимая движеніе на Тиссу, князь Паскевичъ предлагалъ австрійскому главнокомандующему послать корпусъ австрійскихъ войскъ въ г. Солнокъ, для прикрытія праваго фланга русской арміи отъ южныхъ венгерскихъ отрядовъ. Въ случаѣ несогласія Гайнау исполнить это требованіе, Фрейтагу приказано было взять дивизію Панютина и отправить ее въ Солнокъ. „Баронъ Гайнау“, пишетъ фельдмаршалъ въ своихъ запискахъ, „и на словахъ, и на письмѣ соглашался на „все и обѣщался все выполнить. Генералъ Бергъ въ „томъ же обнадеживалъ Фрейтага. Въ его присутствіи „Гайнау вмѣстѣ съ Бергомъ составили диспозицію дви- „женія австрійскаго корпуса на Солнокъ.

„Могъ ли я думать, что и на этотъ разъ Гайнау „не исполнитъ своего слова?! Но онъ хлопоталъ только, „обманувъ меня, не возвратить дивизію Панютина, и „никого не послалъ въ Солнокъ“.

Фельдмаршалъ предполагалъ возможнымъ, что Гёргей, отказавшись отъ соединенія съ южными венгер-

скими войсками, повернетъ на Кашау, истребитъ тамъ наши запасы и направится черезъ сѣверо-восточную Венгрію въ Трансильванію.

Въ предвидѣніи чего фельдмаршалъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 2-му и 3-му корпусамъ приказано идти параллельно движенію Гёргея на Діенъ-Діешъ, такъ что если бы Гёргей пошелъ на Кашау, то черезъ Мишкольцъ корпуса эти вышли бы ему въ тылъ, имѣя въ авангардѣ 4-й корпусъ, которому приказано было стать у Мезо-Кевездъ, выславъ кавалерію къ Мишкольцу *). При выполненіи такихъ распоряженій, куда бы ни пошелъ Гёргей, въ Кашау или на Токай, въ обоихъ случаяхъ русскія войска оказались бы у него на флангѣ и въ тылу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ принялъ мѣры для обороны укрѣпленій, воздвигнутыхъ въ Бартфельдѣ, Эперіешѣ и Кашау. Движеніе главныхъ силъ къ Діенъ-Діешу началось 6-го іюля. Въ тотъ же день отъ 2-го корпуса былъ посланъ отрядъ подъ начальствомъ графа Толстого (13 эскадроновъ и 14 орудій) въ м. Ассодъ съ приказаніемъ двинуться на Замбокъ, для обезпеченія праваго фланга двигающихся корпусовъ. Пройдя Ассодъ у д. Туръ, графъ Толстой получилъ извѣстіе, что непріятель въ значительныхъ силахъ вступилъ въ Замбокъ и тѣснитъ дивизіонъ харьковскихъ уланъ, высланный въ авангардъ. Толстой остановился на позиціи у д. Туръ и послалъ за 2 полками пѣхоты, стояв-

*) Между Мезо-Кевездъ и Мишкольцемъ 30 верстъ.

шими въ 6 верстахъ отъ него, въ д. Багъ. Между тѣмъ непріятель наступалъ. Это былъ венгерскій отрядъ, вышедшій изъ Солнока подъ начальствомъ Перцеля. Впереди шла венгерская кавалерія (17 эскадроновъ при 12 орудіяхъ), за нею бригада пѣхоты, подъ начальствомъ самого Перцеля, при которомъ находились генералы Мессарошъ и Дембинскій.

Въ первомъ часу пополудни непріятельская кавалерія атаковала оба фланга отряда графа Толстого. Вскорѣ правый флангъ Толстого былъ охваченъ венгерскими эскадронами, всему отряду грозило пораженіе. Къ счастію, въ это время генералъ Лабинцовъ съ бригадой пѣхоты изъ д. Багъ подошелъ къ правому флангу Толстого. Застрѣльщики и артиллерія открыли сильный огонь. Непріятель былъ быстро смятъ и отброшенъ, оставивъ на мѣстѣ боя значительное число раненыхъ, и потерялъ 2 орудія.

Перцель, подойдя съ своей пѣхотой, успѣлъ только прикрыть бѣгущую кавалерію и вынужденъ былъ быстро отступить.

Отрядъ его остановился въ Солнокѣ, а затѣмъ ушелъ въ Сегединъ.

Несмотря на пораженіе подъ Вайценомъ и вмѣшательство русскихъ войскъ, предвѣщавшее пагубный для венгерцевъ конецъ кампаніи, всеобщія симпатіи къ русскимъ и ненависть къ австрійцамъ проявлялись постоянно, не только въ войскахъ, но и во всемъ венгерскомъ населеніи.

„Австрійское правительство", писалъ фельдмаршалъ

Государю, „вмѣсто того, чтобы стремиться помириться „съ народомъ венгерскимъ, раздражаетъ его прокламаціями, въ которыхъ смерть обѣщана для половины народа. Въ возмущеніяхъ и въ войнѣ правило: „*не обѣщай того, что не можешь исполнить*“......

„Я никогда не забуду Ваше отеческое наставленіе „мнѣ въ послѣднюю минуту, когда я ѣхалъ къ арміи въ „Польшѣ. Вы мнѣ сказали: „*Накажи только тѣхъ, которые въ первый день бунтовали; прочихъ прости*“. „Разница между Венгріей и Польшею. Для насъ Польша—провинція, которая Васъ чувствительно обидѣла; „для нихъ Венгрія—все ихъ существованіе: безъ Венгріи не существуетъ имперіи австрійской“.

Въ томъ же письмѣ фельдмаршалъ писалъ: „сколько „я могу видѣть, то здѣсь, по усмиреніи края, непремѣнно нужно держать отъ 200 до 150 тысячъ войска „нѣсколько лѣтъ, покуда умы успокоятся. Теперь они „такъ дурны, что вообще говорятъ: русскіе насъ подавятъ, на время, силы ихъ велики, но когда они выйдутъ, то мы опять начнемъ войну, ибо мы ни въ какомъ случаѣ не хотимъ быть подъ управленіемъ австрійцевъ. Мы отплатимъ имъ за то, что они русскихъ „призвали. Русскіе добрые люди, они исполняютъ свой „долгъ, они храбры; но австрійцы, не имѣющіе никакихъ хорошихъ качествъ, хотятъ насъ поработить. „Никогда! Также я долженъ сказать о слухѣ, который „уже нѣсколько разъ распространяется, что Константинъ Николаевичъ здѣсь для того, чтобы его сдѣлать „королемъ. Это первый слухъ. Но теперь, увѣрившись

„въ противномъ, они говорятъ объ этомъ какъ о желаніи своемъ. Говорятъ: вотъ если бы Государь Императоръ Николай далъ намъ своего сына или самъ „взялъ бы насъ, мы на все согласны были бы. И это „послѣднее очень распространяется. Изъ всего этого „видно, что трудно будетъ это дурное расположеніе „умовъ удержать, не имѣвъ менѣе какъ армію отъ 200 „до 150 тысячъ.

„Я говорю это потому, что хотя австрійцы увѣрены „въ этомъ, но никакого распоряженія не дѣлаютъ, „дабы увеличивать свою армію; вотъ скоро шесть недѣль, какъ я здѣсь, но ихъ армія не увеличивается и „тѣ же 45,000. Мое мнѣніе: чтобы это имъ напомнить „и чтобы у нихъ, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ дѣйствующаго войска было, а къ осени 150 тыс. Иначе „мы принуждены будемъ зазимовать. Я думаю, что „можно имъ оставить полный корпусъ въ 50 тысячъ „человѣкъ. Теперь, какъ говорятъ, еще благопріятное „время, и тутъ уже въ нашихъ госпиталяхъ до 15—18 т. „человѣкъ *), баталіоны въ 20 рядовъ. Что будетъ послѣ „августа и сентября!

„Простите великодушно, если осмѣливаюсь свое „мнѣніе объяснить Вашему Императорскому Величеству, „но Вы меня къ тому пріучили“ **).

Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ жаловался на вліяніе убійственнаго для его здоровья климата равнины

---

*) Въ русской арміи, кромѣ обыкновенныхъ болѣзней, свирѣпствовала еще холера.

**) Сем. арх. кн. Паскевича.

венгерской и сообщалъ Государю, что Гайнау все, что могъ, сдѣлалъ, чтобы продолжить войну и напоминалъ Государю высказанное имъ еще въ Варшавѣ мнѣніе, что трудно ожидать быстрыхъ успѣховъ безъ общаго командованія арміями. Кромѣ того князь Паскевичъ писалъ Государю, „что такъ какъ вся война въ Гёргеѣ", то, покончивъ съ нимъ, онъ полагалъ бы недостойнымъ русскому фельдмаршалу оставаться дольше въ Венгріи „и, такъ сказать, прикрывать русскимъ именемъ всѣ „дѣйствія австрійскаго правительства и его гене„раловъ" *).

Государь отвѣчалъ фельдмаршалу: „Крайне скорблю „объ твоемъ нездоровьи, которое меня очень безпокоитъ; „ради Бога, береги себя, не трать своихъ силъ безъ „крайней нужды и не принимай такъ горячо къ сердцу „глупость и неумѣніе австрійцевъ. Въ одномъ изъ моихъ „послѣднихъ писемъ я самъ тебѣ говорилъ, что по окон„чаніи дѣла съ Гёргеевой арміей я нахожу, что не„нужно и даже неприлично долѣе тѣбѣ и части арміи „оставаться въ Венгріи, а удаленіе всей нашей арміи „далѣе Гросъ-Вардейна никакъ не хочу. Изъ сего ты „видишь, что даромъ, что мы врозь съ тобой, но мысли „наши сошлись. Я все надѣялся, что Гёргея удастся „тебѣ уничтожить до перехода его черезъ Тейсу. Ежели „будетъ иначе, жаль будетъ, но скажу: да будетъ воля „Божія, видно, что такъ должно было быть! Рѣшимость „слѣдовать 2-му корпусу прямо на Тисса-Фюредъ нахожу

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

„прекрасною и послѣдствія ея должны быть рѣшительны. „Ежели Гёргей уйдетъ, то преслѣдовать его двумя корпусами, кажется мнѣ, за глаза достаточно, т. е. 3-мъ и „4-мъ, а 2-й полагалъ бы я воротить домой, занявъ по-„куда сѣверную Галицію. Когда же, Богъ дастъ, удастся „разбить и прочихъ и взять Дебречинъ и Гросъ-Вар-„дейнъ, тогда пора тотчасъ возвратить и 3-й корпусъ, „оставя 4-й только до смѣны его австрійцами. Желалъ „бы, чтобъ и дивизія Панютина тогда была возвращена".

Объ австрійскихъ дѣлахъ Государь отзывался: „Ты „совершенно правъ и вчера еще я говорилъ графу „Булю, что не понимаю, *чѣмъ* и *какъ* они удержатъ „Венгрію послѣ окончанія теперешней войны, ибо она „поглотитъ далеко болѣе войскъ, чѣмъ то число, что „нынѣ въ дѣйствіи у нихъ, а другого войска не вижу „за нимъ; да ежели-бъ и было, что же у нихъ оста-„нется противъ Германіи, чтобъ поддержать свое до-„стоинство? Завтра же буду о семъ писать чрезъ „генерала Берга для доклада Императору. Итакъ, ты ви-„дишь, что мы въ этомъ однѣхъ мыслей, не сговорясь.... „Затѣи венгровъ объ Костѣ или объ поступленіи подъ „нашу державу только тѣмъ важны, что, на подобіе „поляковъ, доказываютъ ихъ безсмысліе, но и сколь „трудно будетъ устроить вновь край, при отсутствіи „силы, и безъ яснаго понятія въ какомъ положеніи край. „Это стоить будетъ трудовъ не менѣе войны" *).

Генералъ Ридигеръ, въ виду быстраго отступленія

*) Прилож. II, 26. Письмо Государя отъ 16-го (28-го) іюля 1849 г.

Гёргея, былъ убѣжденъ, что венгерскій главнокомандующій готовъ сдаться и сложить предъ русскими войсками оружіе. Фельдмаршалъ не раздѣлялъ этого мнѣнія, хотя былъ убѣжденъ, что, послѣ вайценскаго пораженія, быстрое движеніе по горнымъ дорогамъ еще болѣе разстроитъ венгерскую армію.

Направляя изъ Галиціи на лѣвый флангъ, къ пути движенія Гёргея, отрядъ генералъ-лейтенанта Граббе, фельдмаршалъ положительно готовился окружить Гёргея и тогда только надѣялся достигнуть желаемой цѣли. Но Ридигеръ настаивалъ, въ твердомъ убѣжденіи, что Гёргей ожидаетъ только хотя какого-нибудь съ нашей стороны предложенія, чтобы отдаться въ наши руки. Фельдмаршалъ постоянно убѣждалъ Ридигера не увлекаться рановременными надеждами. Но Ридигеръ былъ до того твердо увѣренъ въ справедливости высказаннаго имъ мнѣнія, что, не получивъ отъ фельдмаршала разрѣшенія, частнымъ путемъ послалъ письмо Гёргею, предлагая ему покончить борьбу и положить оружіе на условіяхъ почетныхъ для него лично и для его арміи. По этому поводу фельдмаршалъ писалъ Государю: „преслѣдованіе Гёргея имѣетъ свое дѣйствіе; но я еще не „вѣрю, чтобы онъ такъ растерялся, какъ графъ Ридигеръ доноситъ. Ридигеръ написалъ письмо Гёргею. „Его увѣрили, что Гёргей, будто, согласится сдаться. „Я на сей поступокъ графа Ридигера ничего не отвѣчалъ ему; если это удастся, то вся честь будетъ ему. „Но если Гёргей подсмѣется надъ нимъ и напишетъ „въ газетахъ, то тогда я ему скажу, что онъ напрасно

„и рано это сдѣлалъ и притомъ на сіе не имѣлъ поз„воленія“ *).

Письмо Ридигера къ Гёргею и отвѣтъ послѣдняго не находятся въ архивѣ. Но эта вполнѣ неудачная попытка внесена въ записки Гёргея.

Гёргей отвѣчалъ Ридигеру, что онъ согласенъ быть посредникомъ въ мирныхъ переговорахъ фельдмаршала князя Паскевича съ венгерскимъ правительствомъ, но не находитъ полезнымъ входить въ переговоры съ отдѣльными начальниками войскъ. Затѣмъ Гёргей, въ письмѣ своемъ, рѣшительно объявляетъ, что миръ можетъ состояться только при условіяхъ признанія политической и административной автономіи венгерскаго королевства. Отвѣтъ этотъ былъ нѣсколько надменен, такъ какъ Гёргей требовалъ того, что въ дѣйствительности составляло конечную цѣль венгерскаго возстанія. Едва ли побѣдитель могъ предъявить требованія болѣе для Австріи тяжелыя. Несомнѣнно, какъ это самъ Гёргей объясняетъ въ своихъ запискахъ, отвѣтъ Ридигеру былъ составленъ подъ впечатлѣніемъ подозрѣній окружавшихъ его представителей венгерскаго правительства.

Фельдмаршалъ, повидимому, не счелъ нужнымъ упрекать графа Ридигера; столь явная неудача и безъ того была тяжелымъ урокомъ преждевременной самоувѣренности.

Почти одновременно произошли случайные перего-

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

воры начальника легкаго коннаго отряда генерала Хрулева съ Гёргеемъ, о которыхъ Государь писалъ фельдмаршалу: „Хрулева штука очень забавна“. Хрулевъ, подойдя къ Лосончу, сблизился настолько съ арьергардомъ Наги-Шандора, что его незначительный отрядъ легко могъ бы быть окруженъ и атакованъ венгерскими войсками. Въ дѣйствительности опасности не было; передъ тѣмъ произошло паническое бѣгство арміи Гёргея съ бивака подъ с. Наросъ и только что оправившійся отъ болѣзни Гёргей былъ поглощенъ дѣломъ приведенія въ порядокъ своихъ войскъ, разстроенныхъ бывшею паникою. Но Хрулевъ не зналъ о событіи бивака у Нароса и, полагая себя почти въ безвыходномъ положеніи, измыслилъ ввести Гёргея въ заблужденіе, пославъ къ нему парламентеровъ съ требованіемъ положить оружіе передъ русскими войсками. Хрулевъ послалъ парламентерами: поручика артиллеріи графа Ридигера и гусарскаго ротмистра Котляревскаго.

„Я тотчасъ“, пишетъ Гёргей въ своихъ запискахъ, „потребовалъ у парламентеровъ письменныхъ доказа-„тельствъ, но они утверждали, что имъ дана была „только словесная инструкція. На возраженіе, что по-„рученіе ихъ безъ письменныхъ видовъ не можетъ „имѣть должной силы, они отвѣчали, что письменныя „предложенія намъ будутъ доставлены, но что это не „препятствуетъ теперь же приступить къ заключенію „перемирія на 48 часовъ“.

Гёргей, собравъ совѣтъ своихъ генераловъ, письменно отвѣчалъ, что онъ согласенъ прекратить воен-

ныя дѣйствія, если венгерцамъ будетъ гарантировано сохраненіе конструкціи 1848 года. Отъ перемирія же рѣшительно отказывался, „потому, пишетъ Гёргей въ „своихъ запискахъ, что я видѣлъ въ этомъ предложе„ніи военную хитрость непріятеля выиграть время для „предупрежденія насъ въ Токаѣ".

Наиболѣе дѣйствительный и серьезный результатъ этой военной хитрости заключался въ томъ, что Гёргей сумѣлъ собрать въ разговорахъ съ парламентерами приблизительно вѣрныя свѣдѣнія о движеніи отрядовъ русской арміи. „Указанія парламентеровъ", пишетъ Гёргей въ своихъ запискахъ, „согласовались совер„шенно съ показаніями лазутчиковъ, и я заключилъ, „что сѣверный отрядъ русской арміи (Граббе) изъ „горныхъ комитатовъ слѣдуетъ на Лосончъ, часть глав„ныхъ силъ (Ридигеръ) изъ Балласъ-Гіармата на Пе„тервашаръ, въ то время, какъ остальная часть глав„ныхъ силъ старается предупредить насъ въ Миш„кольцѣ".

Именно этотъ результатъ не былъ извѣстенъ ни фельдмаршалу, ни Государю, которые потому-то и находили „*штуку Хрулева* забавной".

Переговоры эти (т. е. письмо Ридигера и парламентеры Хрулева) побудили Гёргея предложить венгерскому правительству войти въ переговоры съ фельдмаршаломъ княземъ Паскевичемъ и въ то же время атаковать австрійскія войска. Но Кошутъ справедливо не полагалъ возможнымъ ни обмануть фельдмаршала, ни остановить движеніе русскихъ войскъ переговорами.

Глава V.

Военныя дѣйствія въ Трансильваніи ген. Лидерса. занятіе Кронштадта, сосредоточеніе силъ; движеніе ген. Даненберга, движеніе Лидерса двумя колоннами къ Германштадту; остановка Кламъ-Галаса; разбитіе войскъ Галъ-Шандора у дер. Узоны; занятіе Кронштадта Кламъ-Галасомъ; осада Бемомъ Карлсбурга и сосредоточеніе его силъ у Марошъ-Вашаргелли, занятіе Темешскаго ущелья; захватъ Фагараша и Германштадта; движеніе Бема къ Быстрицѣ; столкновеніе съ отрядомъ Гротенгельма у Чикъ-Середы; отступленіе Бема въ Марошъ-Вашаргелли; затруднительное положеніе Бема; валахи и шеклеры; фантастическіе планы Бема; вторженіе его въ Молдавію, взятіе гор. Онешты; равнодушіе мѣстнаго населенія; очищеніе войсками Бема Молдавіи. — Главныя силы фельдмаршала и Тиссы-Фюреда; переправа черезъ Тиссу; передвиженіе моста и главной квартиры къ дер. Чегэ. — Столкновеніе Граббе съ войсками Гёргея. —Движеніе Гёргея съ позиціи у р. Хернадъ на югъ. — Битва съ Наги-Шандоромъ подъ Дебречиномъ. — Бѣгство Наги-Шандора. — Занятіе Дебречина. — Интрига противъ фельдмаршала. — Благодарность Государя. — Попытка венгерскаго правительства войти въ переговоры съ русской арміей. — Отвѣтъ фельдмаршала. — Похвала Государя. — Удаленіе Гёргея къ Араду. — Занятіе русскими Гросъ-Вердейна. — Кошутъ и его правительство въ Сегединѣ. — Сосредоточеніе тамъ же войскъ Дембинскаго. — Движеніе на нихъ Гайнау съ дивизіей Панютина впереди австрійскихъ войскъ.—Движеніе Дембинскаго на Темешваръ.— Планъ общаго наступленія войскъ Лидерса. — Занятіе Чикъ-

Середы и Марошъ-Вашаргелли. — Атака войскъ венгерскаго генерала Штейна генераломъ Гасфордомъ на позиціи у Кельнека и Кутфальвѣ. — Бѣгство Штейна. — Движеніе войскъ Бема черезъ Удваргелли на Шегешваръ.—Шегешварская битва; потери непріятеля и русскихъ войскъ. — Оборона ген. Гасфорда въ Германштадтѣ. — Прибытіе войскъ Лидерса. — Битва съ войсками Бема и полное ихъ пораженіе. — Освобожденіе Трансильваніи отъ господства мятежныхъ войскъ.

Излагая дѣйствія главной арміи фельдмаршала, намъ, для полноты повѣствованія, приходится выяснить въ общихъ чертахъ дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, въ особенности военныя дѣйствія въ Трансильваніи генерала Лидерса. Въ общей связи съ движеніемъ главныхъ силъ они оказали не малое вліяніе на успѣшный исходъ кампаніи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ корпусъ генерала Лидерса изъ Дунайскихъ княжествъ вступилъ въ Южную Трансильванію, занявъ сильный опорный пунктъ — Кронштадтъ, откуда сообщенія его съ Валахіей черезъ Темешское ущелье были вполнѣ обезпечены.

Успѣха этого Лидерсъ достигъ рядомъ удачныхъ столкновеній съ отрядами венгерской Южно-Трансильванской арміи, и только благодаря энергіи генерала Бема мятежныя войска могли еще держаться въ Трансильваніи противъ наступленія русскихъ войскъ.

Исполняя приказанія фельдмаршала, Лидерсъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ сосредоточивъ свои силы у Кронштадта, готовился двинуться на Фагарашъ и Германштадтъ, для

прикрытія сообщеній съ Валахіей. У Кронштадта былъ оставленъ отрядъ изъ 8-ми баталіоновъ и 4-хъ сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Адлерберга.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для болѣе прочнаго тыловаго обезпеченія корпуса Лидерса, генералу Даненбергу, командовавшему русскими войсками въ Дунайскихъ княжествахъ, фельдмаршалъ приказалъ двинуться къ границамъ Трансильваніи со стороны Молдавіи. 20-го іюня Лидерсъ направился двумя колоннами къ Германштадту.

Между тѣмъ Бемъ, обезпечивъ себя значительной порчей дороги, проходящей чрезъ Ротентурмское ущелье, отъ наступленія къ Кронштадту австрійскихъ войскъ (подъ начальствомъ Кламъ-Галаса посланныхъ въ этомъ направленіи), рѣшился остановить движеніе Лидерса, дѣйствуя на Кронштадтъ. На первое время, казалось, намѣренія Бема достигали намѣченной цѣли.

Кламъ-Галасъ остановился, слѣдовательно и войска Лидерса не могли двинуться вглубь Трансильваніи, тѣмъ болѣе, что десятитысячный отрядъ, высланный Бемомъ къ Кронштадту, подъ начальствомъ Галъ-Шандора, угрожалъ Кронштадту со стороны рѣки Ауты.

Генералъ Лидерсъ, убѣдившись, что Кламъ-Галасъ остановился и чрезъ Ротентурмское ущелье пройти не можетъ, послалъ ему приказаніе пройти къ Кронштадту черезъ Валахію на Рымникъ.

Для большаго выясненія дѣла, необходимо замѣтить, что австрійскія войска Кламъ-Галаса главнымъ образомъ предназначались занимать край въ тылу русской арміи,

по мѣрѣ того, какъ онъ очищался отъ мятежныхъ скопищъ.

23-го іюня войска Галъ-Шандора были совершенно разбиты у дер. Узоны. Кавалерія генерала Ренненкампфа преслѣдовала на протяженіи пяти верстъ разбитыя его войска и совершенно уничтожила ихъ, забравъ нѣсколько орудій и болѣе 500 человѣкъ плѣнныхъ.

Между тѣмъ Кламъ-Галасъ, двинувшись по указанной Лидерсомъ дорогѣ, 1-го іюля занялъ Кронштадтъ, но тогда же оказалось, что австрійскій отрядъ до того во всѣхъ отношеніяхъ былъ разстроенъ, что Лидерсъ не могъ поручить ему охрану Кронштадта.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ Лидерсомъ о непріятелѣ, Бемъ, продолжая осаду крѣпости Карлсбурга, сосредоточилъ въ то время свои главныя силы у гор. Марошъ-Вашаргелли, откуда онъ, какъ изъ центральнаго пункта, могъ броситься на Кронштадтъ или на отрядъ Гротенгельма, который, двинувшись изъ Буковины, стоялъ тогда на позиціи у Русъ-Борго. Несомнѣнно, что Бемъ, узнавъ о появленіи войскъ Кламъ-Галаса у Кронштадта, разсчитывалъ воспользоваться движеніемъ Лидерса къ Германштадту, чтобы броситься на австрійцевъ и завладѣть этимъ важнымъ опорнымъ пунктомъ.

Генералъ Лидерсъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, выяснившихся въ особенности вслѣдствіе движенія отрядовъ Бема изъ Марошъ-Вашаргелли въ Чикъ-Середу, рѣшился усилить австрійцевъ бригадой 14-й пѣхотной дивизіи, занявъ однимъ полкомъ Темешское ущелье,

чрезъ которое проходила дорога изъ Кронштадта въ Валахію.

Между тѣмъ фельдмаршалъ настоятельно требовалъ отъ Лидерса, чтобы какъ онъ, такъ и Гротенгельмъ наступленіемъ впередъ приблизились къ русскимъ главнымъ силамъ, уничтожая слабые въ дѣйствительности отряды Бема.

Исполняя предначертанія фельдмаршала, Лидерсъ рѣшился по пути къ Германштадту завладѣть мѣстечкомъ Фагарашъ для болѣе прочнаго обезпеченія сообщеній съ Валахіей и Ротентурмскимъ ущельемъ. 1-го іюля Фагарашъ былъ захваченъ такъ быстро и неожиданно для непріятеля, что гарнизонъ не успѣлъ отступить и часть запаса досталась въ руки побѣдителя.

Въ Фагарашѣ Лидерсъ получилъ свѣдѣніе, что Германштадтъ весьма слабо занятъ; представлялась возможность безъ особыхъ усилій захватить этотъ городъ, въ которомъ сосредоточивались главныя управленія страны, что должно было оказать нравственное вліяніе на весь край.

Выбивъ непріятеля изъ Ротентурмскаго ущелья и упрочивъ, такимъ образомъ, сообщеніе съ Валахіей, Лидерсъ 9-го іюля безъ боя занялъ Германштадтъ, гарнизонъ котораго, узнавъ о занятіи Ротентурмскаго ущелья, отступилъ въ гор. Медіашъ.

Въ это время Гротенгельмъ съ своимъ отрядомъ стоялъ, какъ мы уже сказали, на позиціи Русъ-Борго и, не имѣя свѣдѣній о корпусѣ Лидерса, получилъ непосредственныя приказанія отъ фельдмаршала изъ глав-

ныхъ силъ. Князь Паскевичъ, увѣдомляя Гротенгельма, что главная армія, занявъ Дебречинъ, идетъ на Пештъ, а потому сколько-нибудь значительныя силы не могутъ угрожать войскамъ, дѣйствующимъ въ Трансильваніи, предписывалъ Гротенгельму предпринять рядъ экспедицій въ раіонѣ гор. Быстрицы, что, по мнѣнію фельдмаршала, во-первыхъ, облегчило бы продовольствіе самаго отряда, а во-вторыхъ, могло имѣть выгодное вліяніе на общій ходъ военныхъ дѣйствій.

Въ то же время Бемъ намѣревался воспользоваться слабостью отряда Гротенгельма, чтобы заставить его отступить въ Буковину и уже тогда всѣми силами сосредоточиться противъ Лидерса. По этимъ соображеніямъ, Бемъ двинулся къ гор. Быстрицѣ, занялъ тамъ позицію и готовился перейти въ наступленіе. Гротенгельмъ предупредилъ Бема, двинувшись на правый флангъ его позиціи, дабы отрѣзать его отъ южной части Трансильваніи.

28-го іюня произошло столкновеніе обоихъ отрядовъ. Войска Бема были разбиты и онъ быстро отступилъ въ Марошъ-Вашаргелли, оставивъ по дорогѣ къ Быстрицѣ небольшой отрядъ, изъ 3000 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Дамаскина.

Къ 12-му іюля войска Гротенгельма очистили эту дорогу, заставивъ Дамаскина бѣжать въ Марошъ-Вашаргелли, и авангардъ Гротенгельма остановился въ 30-ти верстахъ отъ гор. Быстрицы, высылая аванпосты для наблюденія за нимъ.

Положеніе Бема въ это время было болѣе чѣмъ за-

труднительное, собственно уже регулярныхъ войскъ у него не было: незначительная ихъ часть находилась въ отрядѣ генерала Штейна, который блокировалъ Карлсбургъ. Крѣпость эта, благодаря твердости коменданта ея, полковника Аугуста, продолжала держаться, хотя была совершенно отрѣзана отъ всякихъ сообщеній съ австрійскимъ правительствомъ и съ союзными войсками. Штейнъ, при недостаткѣ осадныхъ средствъ, имѣя подъ ружьемъ всего 3000 чел. и 19 орудій, не имѣлъ возможности вести правильную осаду; съ другой стороны, ему приходилось имѣть дѣло съ горными валахами, населявшими Карлсбургскій округъ и его гористую окрестность. Валахи эти, несмотря на происки венгерскаго мятежнаго правительства, не только оставались вѣрными законному Государю, но подъ начальствомъ народныхъ главарей предпринимали рядъ партизанскихъ дѣйствій противъ Штейна и доставляли карлсбургскому гарнизону продовольствіе.

Такимъ образомъ, подъ начальствомъ Бема оставалось нѣсколько польскихъ легіоновъ, плохо вооруженныхъ и еще хуже дисциплинированныхъ. Въ средѣ ихъ происходили постоянныя распри и интриги изъ-за командованія и власти. Главный контингентъ войскъ Бема составляло мѣстное населеніе (шеклеры). Восточная часть Трансильваніи, населенная воинственнымъ племенемъ шеклерскимъ, всецѣло была предана дѣлу мятежа. Это населеніе дѣйствительно доставляло Бему постоянныя средства для пополненія рядовъ его отрядовъ. Несмотря на частыя пораженія и болѣзненность, у Бема во всѣхъ

его отрядахъ насчитывалось около 20—25 тыс. чел.; наилучшую часть его войскъ составляла артиллерія, около 40—45 орудій.

Но рядъ неудачъ началъ деморализировать шеклерское населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалась и готовность вступать въ ряды войскъ Бема. Выходящая дѣйствительно изъ ряда вонъ энергія Бема поддерживалась нѣсколько фантастическими планами.

Такъ, напримѣръ, онъ разсчитывалъ поднять противъ Россіи княжества и втянуть Турцію въ войну съ Россіею. Можетъ быть для этой цѣли, когда Кошутъ предложилъ ему, послѣ неудачныхъ сраженій подъ Быстрицей, стать во главѣ венгерской арміи на мѣсто Гёргея, Бемъ потребовалъ двухмѣсячной безусловной диктатуры, чѣмъ и прекратились переговоры его съ Кошутомъ. Тѣмъ не менѣе Бемъ серьезно вѣрилъ, что появленіе его въ Молдаво-Валахіи присоединитъ все населеніе княжествъ къ венгерскому возстанію, и, что всего страннѣе, онъ надѣялся, что и Турція объявитъ намъ войну. Столь фантастическія надежды, казалось бы, не совмѣстимы съ несомнѣнно выдающимися способностями Бема, но таковы были, такъ сказать, фантастическія, роковыя свойства польской эмиграціи, всегда создававшей себѣ несуществующую въ дѣйствительности политическую почву. Готовясь приступить къ исполненію задуманныхъ намѣреній, Бемъ, послѣ сраженія при гор. Быстрицѣ въ окрестностяхъ Чикъ-Середы, пополнялъ разстроенные ряды своихъ войскъ и готовился,

бросившись на Кламъ-Галаса, разбить его и вторгнуться въ Молдавію.

Дѣйствія его 8-го и 9-го іюля не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но заставили Кламъ-Галаса сосредоточиться на крѣпкой позиціи впереди Кронштадта и отказаться отъ наступательныхъ движеній противъ Бема.

Такой результатъ былъ достаточнымъ для Бема и онъ, убѣжденный въ бездѣйствіи Кламъ-Галаса, вторгнулся въ Молдавію черезъ Ойтоское ущелье.

Въ это время въ Молдавіи находилась 2-я бригада 15-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей и Александрійскій гусарскій полкъ, но начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, стоявшій въ Яссахъ, получивъ свѣдѣніе о вторженіи Бема въ Молдавію, уже шелъ къ ея границамъ.

Бемъ послѣ сильнаго боя заставилъ 2-ю бригаду отступить и очистить пограничный городъ Онешты, но отступленіе это дорого стоило войскамъ Бема: почти третья часть его 4-хъ тысячнаго отряда осталась на полѣ битвы.

Изъ Онештъ Бемъ разсылалъ прокламаціи, призывая къ возстанію все населеніе. Въ отвѣтъ на его воззванія жители разбѣжались и ни одинъ человѣкъ не явился въ ряды его войскъ.

Между тѣмъ приходилось спѣшить обратно въ Трансильванію. Получены были свѣдѣнія, что Кламъ-Галасъ, хотя медленно, но двигается къ Ойтоскому ущелью, угрожая Бему отрѣзать его отъ Трансильваніи. Уже 14-го іюля всѣ войска Бема очистили Молдавію.

Именно въ эти дни главныя силы фельдмаршала по-

дошли къ рѣкѣ Тиссѣ. Князь Паскевичъ, рѣшившій перейти на лѣвый берегъ Тиссы, предварительно отправилъ, для устройства переправы въ г. Тиссѣ-Фюредѣ, отрядъ, подъ начальствомъ генерала князя Горчакова. Въ г. Тиссѣ-Фюредѣ находился непріятельскій отрядъ въ 2500 чел. пѣхоты при 8-ми орудіяхъ.

Въ ночь съ 13-го на 14-е іюля Горчаковъ приготовилъ переправу, построивъ на берегу 2 сильныя батареи и 14-го утромъ, несмотря на огонь непріятеля, отрядъ Горчакова переправился на понтонныхъ мостахъ на лѣвый берегъ Тиссы. Непріятель быстро отступилъ по направленію къ Уйварошу.

15-го іюля главная квартира нашей арміи была уже въ г. Тиссѣ-Фюредѣ. Въ то время князь Паскевичъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній о движеніи Гёргея, намѣревался расположиться на рѣкѣ Тиссѣ такъ, чтобы равно удобно было дѣйствовать, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ ея берегу.

Окрестности города Тиссы-Фюреда по болотности своей не представляли къ тому никакихъ удобствъ. Вотъ почему фельдмаршалъ 17-го іюля приказалъ перевести тисса-фюредскій мостъ на 20 верстъ выше, къ деревнѣ Чегэ, куда въ то же время направились главная квартира и главныя силы нашей арміи. Изъ деревни Чегэ, какъ изъ центральнаго пункта, фельдмаршалъ могъ въ два перехода дойти къ городу Дебречину и приблизительно въ полтора дня быть у Мишкольца.

Такимъ образомъ, въ какомъ бы направленіи ни двинулся Гёргей, фельдмаршалъ готовъ былъ перерѣзать

путь его наступленія. Между тѣмъ въ деревнѣ Чегэ фельдмаршалъ получилъ извѣстіе о главныхъ силахъ Гёргея. Извѣстія эти заключались въ томъ, что отрядъ генералъ-лейтенанта Граббе, по приказанію фельмаршала направлявшійся изъ Мишкольца къ Токаю, куда черезъ Кашау шелъ и отрядъ Остенъ-Сакена, наткнулся на главныя силы Гёргея, стоявшія на позиціи у рѣки Хернадъ, прикрывая дорогу на Токай. Гёргей, подпустивъ Граббе на близкое разстояніе, встрѣтилъ его сильнѣйшимъ огнемъ и заставилъ отступить на позицію между Онгой и Мишкольцомъ. Граббе прислалъ донесеніе фельдмаршалу запиской, писанной карандашомъ, не сообщая, куда онъ именно отступилъ.

Князь Паскевичъ вообще былъ недоволенъ дѣйствіями генералъ-адъютанта Граббе. На этотъ разъ онъ упрекалъ его въ томъ, что „на главныя силы непріятеля „не натыкаются, а прежде чѣмъ наступать на нихъ, „развѣдываютъ ихъ силы, и ежели рѣшиться наступать, „то нужно было соединиться съ Чаодаевымъ или дер„жаться оборонительнаго положенія и мнѣ донести о „непріятелѣ“. Государь былъ того же мнѣнія о дѣлѣ Граббе при рѣкѣ Хернадъ. „Не могу понять“, писалъ Государь, „отчего Чаодаевъ не атаковалъ вмѣстѣ съ „Граббе Гёргея“ *).

Между тѣмъ Гёргей не могъ и думать воспользоваться быстрымъ отступленіемъ Граббе: ему было извѣстно, что Остенъ-Сакенъ угрожаетъ ему изъ Кашау,

*) Письмо изъ Варшавы отъ 19-го (31-го) іюля 1849 года. Прилож. II, 27.

а движеніе фельдмаршала на дер. Чегэ онъ объяснялъ намѣреніемъ предупредить его на Токайской переправѣ.

Опасаясь встрѣчи съ главными силами фельдмаршала и сознавая, что на позиціи у р. Хернадъ онъ рискуетъ быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, Гёргей двинулся на югъ кружнымъ путемъ, восточнѣе Дебречина, на Вамошъ-Перчь и Кишъ-Марію, разсчитывая стать на позиціи за рѣкой Беретіо тыломъ къ дорогѣ въ Гросъ-Вардейнъ и Арадъ. Предвидя, что фельдмаршалъ, получивъ свѣдѣніе о движеніи его на югъ къ р. Беретіо, двинется на перерѣзъ его пути, онъ направилъ боковой отрядъ (1-й корпусъ Наги-Шандора) по дорогѣ въ Дебречинъ.

Въ это время фельдмаршалъ, опасаясь, что Гёргей бросится на отдѣльные отряды Остенъ-Сакена и Граббе, дѣлалъ распоряженіе о движеніи главныхъ силъ къ лѣвому флангу позиціи венгерцевъ у рѣки Хернадъ, но, получивъ свѣдѣніе о переправѣ на лѣвый берегъ р. Тиссы арміи Гёргея, фельдмаршалъ направился къ Дебречину и 20-го іюля сталъ въ 20-ти верстахъ отъ этого города въ селеніи Уйварошъ. Наги-Шандору было приказано уклоняться отъ боя и при встрѣчѣ съ русскими войсками отступать къ рѣкѣ Беретіо въ Уйфалу на соединеніе съ главными силами, которыя шли туда же черезъ Кишъ-Марію. Но Наги-Шандоръ былъ увлеченъ патріотическими оваціями приверженцевъ Кошута, которые въ то время прибыли изъ Сегедина въ Дебречинъ. Присоединивъ къ себѣ нѣсколько мелкихъ отрядовъ и городскую національную гвардію, онъ рѣ-

шился воспользоваться холмистой позиціей впереди города, чтобы отразить наступленіе русскихъ войскъ.

Отрядъ его не превышалъ 15-ти тысячъ человѣкъ при 48-ми орудіяхъ.

20-го іюля, въ мѣст. Уйварошъ, при главной квартирѣ князя Паскевича, находились 2-й и 3-й корпуса и 12-я пѣх. дивизія.

Ночью съ 20-го на 21-е іюля высланный впередъ казачій разъѣздъ открылъ въ 10 верстахъ отъ м. Уйвароша, по дорогѣ къ Дебречину, непріятельскій пикетъ.

По полученіи о томъ извѣстія фельдмаршалъ немедленно послалъ по дорогѣ къ Дебречину генералъ-маіора князя Бебутова съ двумя сотнями конно-мусульманскаго полка и одною сотнею кавказско-горскаго дивизіона, съ цѣлью развѣдать о силахъ и расположеніи непріятеля.

На разсвѣтѣ генералъ-маіоръ князь Бебутовъ донесъ, что непріятель занимаетъ позицію впереди Дебречина, но силъ его, скрытыхъ садами и возвышеніями, нельзя было опредѣлить съ точностью.

Утромъ 21-го іюля войска, сосредоточенныя къ Уйварошу, двинулись впередъ. Около двухъ часовъ пополудни они были въ четырехъ верстахъ отъ Дебречина. 2-й пѣх. корпусъ шелъ на правой, а 3-й пѣхотный на лѣвой сторонѣ дороги. Кавалерійскія ихъ дивизіи находились на флангахъ; въ резервѣ была 12-я пѣхотная дивизія со сводной бригадой 4-й легкой кавалерійской дивизіи. Подходя къ Дебречину, нельзя уже было слѣдовать въ боевомъ порядкѣ, потому что большія поля,

засѣянныя густою и высокою кукурузою, препятствовали всякому движенію. Генералъ-фельдмаршалъ приказалъ войскамъ остановиться, дабы снова ихъ устроить. Впереди ихъ были выставлены аванпосты изъ мусульманъ и горцевъ.

Мятежники очень искусно скрывали свои силы за холмами, а также въ садахъ и оврагахъ, окружающихъ городъ; у нихъ видно было не болѣе 4-хъ эскадроновъ и 2-хъ орудій.

Генералъ-фельдмаршалъ приказалъ отрѣзать ихъ отъ города. Для исполненія этого двинулась наша кавалерія. Но лишь только она прошла небольшое разстояніе, какъ съ непріятельской позиціи посыпались ядра и гранаты, по крайней мѣрѣ изъ 30 орудій. Конныя батареи немедленно снялись съ передковъ и отвѣчали мятежникамъ ускореннымъ огнемъ. Остановивъ кавалерію, генералъ-фельдмаршалъ приказалъ выстроить позади ея 5-ю пѣхотную дивизію въ первомъ боевомъ порядкѣ; но, покуда совершалось это построеніе, конныя батареи наши должны были выдержать жестокій огонь непріятельской артиллеріи. Мятежники, находясь въ закрытой позиціи за холмами и имѣя орудія большого калибра, дѣйствовали искусно. Выстрѣлы ихъ, особенно рикошетные, попадали даже за вторую нашу линію.

Когда 5-я пѣхотная дивизія была готова, приказано было коннымъ батареямъ отойти, такъ какъ у нихъ было много перебитыхъ лошадей и большая часть прислуги ранена. Пѣшая артиллерійская бригада начала дѣйство-

вать. Съ первыхъ ея выстрѣловъ канонада уравновѣсилась. Позади непріятельской артиллеріи видны были сильныя колонны конницы и пѣхоты, часть которыхъ располагалась въ садахъ, въ канавахъ и за первыми городскими строеніями.

Замѣтивъ, что можно обойти правый флангъ мятежниковъ, главнокомандующій поставилъ лѣвѣе 5-й пѣх. дивизіи 7-ю и 8-ю пѣхотныя дивизіи. Генералъ-отъ-артиллеріи Гилленшмитъ лично выдвинулъ туда 4-хъ батарейныя батареи. Какъ только батареи сіи взяли во флангъ непріятельскую артиллерію, первыя орудія послѣдней снялись съ позиціи.

Генералъ-фельдмаршалъ приказалъ одной бригадѣ 7-й и одной бригадѣ 8-й пѣх. дивизій идти въ резервномъ боевомъ порядкѣ прямо на городъ съ барабаннымъ боемъ; другимъ же двумъ бригадамъ сихъ дивизій поддерживать это движеніе, а 3-й легкой кавалерійской дивизіи, предшествуемой конно-мусульманскимъ полкомъ и дивизіономъ горцевъ, опередивъ пѣхоту слѣва, атаковать непріятеля, стоявшаго еще передъ самымъ городомъ.

Это движеніе вполнѣ удалось. Конница мятежниковъ бросилась на рысяхъ вдоль всей позиціи и полями начала отступать, оставляя за собою отступающую пѣхоту въ городскихъ садахъ и оврагахъ.

Кавалерія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бебутова, скоро настигла непріятельскую пѣхоту, обратившуюся въ бѣгство, и на плечахъ ея ворвалась въ Дебречинъ.

Не давая мятежникамъ опомниться, кавалерія гнала ихъ по улицамъ города и далѣе съ такою стремительностію, что захватила у нихъ четыре орудія со всею упряжью, два зарядныхъ ящика, одинъ патронный и большую часть обоза съ продовольствіемъ и частнымъ имуществомъ. Дорога, по которой происходило преслѣдованіе, была усѣяна изрубленными непріятельскими тѣлами. Въ это самое время получено донесеніе отъ начальника 4 пѣх. дивизіи, что непріятель съ 15 эскадронами и частью пѣхоты обходитъ нашъ правый флангъ. Генералъ-фельдмаршалъ лично поѣхалъ туда и нашелъ, „что венгерцы почти скрывались изъ глазъ“ *). За ними посланъ былъ конвой генералъ-фельдмаршала съ донскимъ казачьимъ № 32 полкомъ, ибо 2-я легкая кавалерійская дивизія была еще позади.

Когда же она приблизилась, то и ее генералъ-фельдмаршалъ послалъ для преслѣдованія. Но трудно было догнать бѣгущихъ: успѣли только захватить нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Усталость нашей пѣхоты, которая въ этотъ день сдѣлала 23 версты безъ воды и безъ привала, а также наступившая ночь прекратили преслѣдованіе. Впрочемъ, кавалерія наша гнала венгерцевъ приблизительно 12 верстъ за Дебречинъ.

Непріятель уходилъ съ такою поспѣшностью, что уже въ полночь былъ въ 15-ти верстахъ за городомъ.

---

*) Дословно изъ журнала военныхъ дѣйствій.

Гёргей, стоя въ Вамошъ-Перчи, слышалъ канонаду со стороны Дебречина, посылалъ на развѣдки кавалерійскія партіи, но ни отъ нихъ, ни отъ Наги-Шандора никакихъ вѣстей не было. Только передъ самымъ выступленіемъ, на разсвѣтѣ 22-го іюля (3-го августа), получено было донесеніе отъ начальника штаба 1-го венгерскаго корпуса, что Наги-Шандоръ, вслѣдствіе атаки непріятеля превосходными силами, принужденъ былъ отступить отъ Дебречина къ Беретіо-Уйфалѣ; но онъ тамъ не остановился и безостановочно отступалъ къ Гросъ-Вардейну. Большая часть его артиллеріи, отдѣлившись отъ прочихъ войскъ, бродила по разнымъ направленіямъ и была уже отыскана разъѣздами, посланными отъ главныхъ венгерскихъ силъ. Извѣстившись, что русскіе передовые посты только къ вечеру 3-го августа дошли до Беретіо-Уйфалы, Гёргей счелъ излишнимъ утомлять свои войска форсированнымъ маршемъ къ Гросъ-Вардейну, остановился 23-го іюля (4-го августа) за двѣ мили до него и только на слѣдующій день вступилъ въ этотъ городъ, гдѣ и соединился съ собравшимися тамъ остатками корпуса Наги-Шандора. Послѣ пораженія въ войскахъ Шандора деморализація и упадокъ порядка дошли до того, что часть его офицеровъ, оставивъ ряды, прибыли изъ Дебречина въ Гросъ-Вардейнъ, а другіе направились прямо въ Арадъ.

По поводу дѣла подъ Дебречиномъ фельдмаршалъ писалъ Государю: „Гёргей знаетъ войну и его можно „только уничтожить маневрируя, а не сражаясь. Драться „онъ не будетъ, сознавая свою слабость. Я его запру

„въ кольцо, хотя мнѣ и трудно маневрировать, имѣя „за собой 4 тысячи повозокъ“ *).

Тѣмъ не менѣе въ письмахъ Государя проглядываетъ неудовольствіе; поздравляя фельдмаршала съ дѣломъ подъ Дебречиномъ, Государь писалъ: „Жалѣю „очень, что Гёргей съ арміей своей ушелъ, и пойму „только совершенно тогда, когда ты мнѣ лично объяснишь то, что здѣсь рѣдко понять можно. Само собою „разумѣется, что теперь помышлять нельзя объ возвращеніи которой-либо части арміи; напротивъ, нужно, „чтобы ты имѣлъ всѣ, отъ насъ зависящія, средства „кончить кампанію *славно*, въ чемъ я и не сомнѣваюсь“ **).

Но если Государь смягчалъ свое неудовольствіе въ письмахъ своихъ къ фельдмаршалу, то окружающіе его въ Варшавѣ громко и настойчиво обвиняли фельдмаршала въ бездѣйствіи. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ, настроеніе окружающихъ Государя отчасти переходило въ Варшаву изъ главной квартиры Гайнау, всегда враждебной къ князю Паскевичу, тѣмъ не менѣе настроеніе это было столь сильно, что нѣсколько вліятельныхъ личностей, съ графомъ Несселроде во главѣ, домогались смѣны князя Паскевича и назначенія графа Воронцова главнокомандующимъ дѣйствующей арміей въ Венгріи.

Въ эти дни графъ Воронцовъ, возвращаясь изъ-за

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

**) Письмо отъ 29-го іюля (10-го августа) 1849 г. Прилож. II, 29.

границы, находился въ Варшавѣ*). Во всякомъ случаѣ при дворѣ въ Варшавѣ ожиданія конечныхъ результатовъ кампаніи достигли, такъ сказать, нервной натянутости, и до слуха Государя не разъ доходили выраженія сомнѣній въ томъ, что князю Паскевичу удастся захватить Гёргея и его армію. Конечно, въ общемъ сознаніи именно этотъ послѣдній результатъ, а не побѣды надъ Бемомъ и его отрядами, *славно* окончилъ бы кампанію.

Между тѣмъ князь Паскевичъ, прибывъ въ Дебречинъ, убѣдился, что настойчивое и быстрое всѣми силами преслѣдованіе непріятеля оказывалось невозможнымъ: при войскахъ провіанта было всего на два дня, окрестности Дебречина были опустошены войною, въ самомъ городѣ оказалось всего 4 тысячи четвертей хлѣба, часть которыхъ фельдмаршалъ приказалъ раздать голодающимъ жителямъ города.

Австрійцы, какъ всегда, отписывались, а провіанта не доставляли. Эти затрудненія вынуждали остановку на нѣсколько дней въ ожиданіи прибытія транспортовъ изъ Бартфельда, Эперіеша и Кашау.

Тогда же получены были свѣдѣнія, что Гёргей очистилъ Гросъ-Вардейнъ и двинулся къ Араду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстнымъ, что Дембинскій оставилъ правый и перешелъ на лѣвый берегъ Тиссы и что Гайнау шелъ за нимъ.

---

*) Слѣды этихъ домоганій остались въ архивѣ кн. Паскевича, въ видѣ отдѣльныхъ записокъ, написанныхъ карандашомъ рукою фельдмаршала, какъ результаты свѣдѣній, полученныхъ имъ изъ Варшавы.

Значеніе этихъ событій вполнѣ было оцѣнено Государемъ.

„Съ большою радостію", писалъ Государь фельдмаршалу 1-го (13-го) августа изъ Варшавы, „принялъ „я отъ Меньшикова письмо твое отъ 28-го (10-го) числа, „любезный мой отецъ-командиръ, узнавъ плоды побѣды „подъ Дебречиномъ! они важны, ибо намъ нынѣ уже „извѣстно, по перехваченнымъ бумагамъ, какую важность „въ глазахъ венгерскаго революціоннаго правительства „имѣлъ Гросъ-Вардейнъ, а они и не думали теперь въ „немъ держаться; это стоитъ второй побѣды!

„Присовокупивъ къ тому побѣду австрійцевъ надъ „Дембинскимъ, можно только благодарить Бога за ми„лосердное его вознагражденіе, за твое терпѣніе и по„стоянство въ слѣдованіи начертанному плану, преодо„лѣвая всѣ препятствія и непріятности всякаго рода. „Позволь же мнѣ тебя поздравить, благодарить отъ „глубины души, за новую важную заслугу отечеству, „какъ исполнителю той священной обязанности, того „призванія, которое Россія на себя принять должна „была.

„Нынѣ же предстоитъ довершить столь славно на„чатое, т. е. разбить главныя силы мятежниковъ, чѣмъ „нашъ призывъ и на что мы вызвались кончится. Мы „надѣялись главную армію или Гёргея уничтожить или „на Дунаѣ, или при Тейсѣ. Хотя сильно разстроенная „и два раза пораженная она существуетъ и, соединясь „съ другими, еще можетъ быть грозна, ежели мы одной „Австріи предоставимъ съ ней бороться. Однако нашего

„корпуса было бы довольно, предполагалъ я, тогда, „когда арміи Гёргея болѣе не было бы; теперь, думаю, „необходимо всей арміей довершить дѣло такъ, какъ „для чести оружія нашего желательно. Съ помощію „Божіею, вполнѣ въ томъ на тебя полагаюсь; и ежели „только продовольствіе будетъ, то и кажется сему быть „должно. Отъ тебя зависитъ оставить на линіи сообще„нія отъ Дебречина до Гросъ-Вардейна 2-й или 4-й „корпуса, а съ двумя другими, думаю, должно немедля „двинуться къ Араду навстрѣчу австрійской арміи, дабы „нанесть рѣшительный ударъ. Можно надѣяться, что „Гайнау, соединясь съ Елачичемъ, будутъ довольно „сильны, чтобъ встрѣтить венгровъ, не боясь разбитія, „въ особенности ежели знать будутъ, что наша армія „за венграми. Можетъ быть и самъ Лидерсъ будетъ „уже близокъ къ содѣйствію; тогда кажется будетъ ко„нецъ; по крайней мѣрѣ для насъ. Возвратить дивизію „Панютина полагалъ я въ томъ случаѣ, если-бъ австрій„ская армія съ нашей сошлись бы подъ Гросъ-Вардей„номъ; такъ какъ сего не было, а соединеніе быть можетъ „подъ Арадомъ, то отпускъ или возвращеніе ея быть „долженъ съ той поры, когда арміи соединятся“ *).

Въ это время къ фельдмаршалу прибылъ съ письмомъ отъ венгерскихъ министровъ, Семера и графа Батіани, генералъ баронъ Плетенбергъ, которому было поручено завязать переговоры съ фельдмаршаломъ, съ цѣлью остановить дѣйствія русской арміи и заключить съ ней условія для мирнаго окончанія войны.

*) Прил. II, 31.

Фельдмаршалъ не принялъ письма венгерскихъ министровъ, а барону Плетенбергу, черезъ Ридигера, велѣлъ сказать, что русскія войска пришли въ Венгрію воевать, а мирные переговоры Гёргей можетъ имѣть только съ австрійскимъ правительствомъ.

„Ты очень хорошо", писалъ Государь по этому поводу фельдмаршалу, „и правильно поступилъ насчетъ „переговоровъ съ Гёргеемъ и Батіани, оно чисто, ясно „и благородно" *).

Еще до полученія послѣдняго письма отъ Государя фельмаршалъ приказалъ 3-му корпусу графа Ридигера, съ кавалеріей 2-го и 3-го корпусовъ, быстро двинуться въ Гросъ-Вардейнъ и, занявъ этотъ городъ, выслать кавалерію на дорогу въ Арадъ, стараясь войти въ связь съ австрійской арміей.

Въ эти дни въ Сегединѣ, въ засѣданіи всѣхъ членовъ венгерскаго правительства, Кошутъ прочелъ письмо Гёргея, присланное изъ Арада. Гёргей писалъ, что армія, разстроенная боями и походами, совершенно деморализована и что она не въ состояніи болѣе бороться съ превосходными силами непріятеля и что онъ полагалъ бы необходимымъ войти въ соглашеніе съ русскими путемъ наиболѣе оскорбительнымъ для австрійцевъ **).

А въ это же время князь Паскевичъ уже направлялъ остальныя войска въ тылъ Ридигеру къ Араду.

У Сегедина сосредоточилось приблизительно отъ 12 до 15 тысячъ венгерскихъ войскъ, съ значительнымъ

---

*) Тамъ же.

**) Изъ записокъ Высоцкаго и Гёргея въ сем. арх. кн. Паскевича.

контингентомъ польскихъ легіоновъ, подъ начальствомъ Дембинскаго.

Баронъ Гайнау съ 25-ти тысячною арміею подступалъ къ Сегедину и готовился перейти Тиссу. Впереди австрійской арміи шла дивизія Панютина.

Дембинскому приказано было отступать. Онъ могъ избрать два пути: на Арадъ, для соединенія съ Гёргеемъ, или на Темешваръ. Онъ избралъ послѣднее направленіе, вѣроятно потому, что не разсчитывалъ на деморализованныя войска свои и хотѣлъ приблизиться къ сербской границѣ, чтобы имѣть легкую возможность укрыться, перейдя ее.

Въ юго-восточной Трансильваніи, послѣ неудачнаго похода Бема въ княжества, военныя дѣйствія, казалось, должны были прекратиться; но упорная энергія Бема продолжила ихъ, придавъ имъ характеръ отдѣльныхъ между небольшими отрядами столкновеній. Генералъ Лидерсъ разсчитывалъ концентрическимъ движеніемъ всѣхъ отрядовъ, расположенныхъ въ Шеклерландѣ, окружить Бема и заставить его положить оружіе. Для этой цѣли Лидерсъ, получивъ свѣдѣніе о главныхъ силахъ непріятеля, рѣшился сосредоточить свои отряды у Шегешвара и Удваргелли, направляясь къ этимъ городамъ тремя колоннами: *лѣвая*, подъ его личнымъ начальствомъ, шла изъ Германштадта въ Шегешваръ и Удваргелли, *средняя*, подъ начальствомъ генерала Дика, направлялась изъ Фагараша, черезъ городъ Репшъ, на Шегешваръ, *правая* колонна шла туда же, подъ начальствомъ Кламъ-Галаса, черезъ Чикъ-Середу. Для защиты Германштадта

и Ротентурмскаго ущелья оставленъ былъ отрядъ генерала Гасфорда изъ 6-ти баталіоновъ, 12-ти орудій и 4-хъ сотенъ казаковъ.

Для содѣйствія общему наступленію, Лидерсъ послалъ приказаніе Гротенгельму двинуться къ Марошъ-Вашаргелли, а генералу Даненбергу—изъ Молдавіи, пройдя Ойтоское ущелье, идти по направленію къ Шегешвару до мѣстечка Беречки.

Лидерсъ съ лѣвой колонной, не встрѣтивъ непріятеля, вступилъ въ Шегешваръ 17-го іюля и завладѣлъ имъ безъ боя. По полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, венгерскія главныя силы, подъ начальствомъ Бема, находились тогда въ Марошъ-Вашаргелли. Между тѣмъ средняя колонна генерала Дика, двигаясь по указанному ей направленію, наткнулась у мѣстечка Репша, какъ казалось по артиллерійскому огню, на довольно значительный отрядъ.

Это былъ одинъ изъ отрядовъ Бема, высланный Бемомъ изъ Удваргелли, силою въ 4 тысячи человѣкъ при 9-ти орудіяхъ. Столкновеніе кончилось тѣмъ, что Дикъ, отбросивъ непріятеля, заставилъ его быстро отступить и 19-го іюля, послѣ утомительнаго перехода, онъ сталъ бивакомъ у м. Бодендорфъ въ 20-ти верстахъ отъ Шегешвара. Аванпосты его доносили ему, что со стороны Шегешвара слышны пушечные выстрѣлы.

Правая колонна Кламъ-Галаса, двигаясь къ Шегешвару, встрѣтила непріятельскіе отряды Галъ-Шандора, не доходя Чикъ-Середы.

Послѣ удачнаго съ ними столкновенія Кламъ-Галасъ

занялъ Чикъ-Середу, но, занявшись разоруженіемъ мѣстнаго населенія, при чемъ не встрѣчено было имъ никакого сопротивленія, онъ къ Шегешвару не пошелъ. Гротенгельмъ занялъ Марошъ-Вашаргелли безъ боя. Бемъ уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ со всѣми силами двинулся къ Удваргелли. Такимъ образомъ, Лидерсъ стоялъ въ городѣ Шегешварѣ съ одной только своей лѣвой колонной.

Между тѣмъ венгерскій генералъ Штейнъ, осаждавшій съ 8-ми тысячнымъ отрядомъ крѣпость Карлсбургъ, получивъ свѣдѣніе, что Лидерсъ выступилъ изъ Германштадта, снявъ осаду, двинулся къ Германштадту и, быстро занявъ городъ Рейнсмаркъ, сталъ въ 25 верстахъ отъ отряда Гасфорда.

Движеніе Штейна имѣло, главнымъ образомъ, цѣлью возбудить терроромъ противъ русскихъ все мѣстное населеніе.

Это въ особенности вынудило Гасфорда выйти изъ Германштадта и атаковать Штейна на позиціи у деревни Кельнека и Кутфальвы. Боевыя дѣйствія Гасфорда были настолько удачны, что Штейнъ бѣжалъ, оставивъ 1200 плѣнныхъ, нѣсколько орудій и почти весь свой продовольственный обозъ.

21-го іюля Гасфордъ возвратился въ Германштадтъ, отбросивъ непріятеля далеко за Мюленбахъ.

Движенія непріятельскихъ отрядовъ противъ Кламъ-Галаса, Гасфорда и Дика имѣли главною цѣлью замаскировать дѣйствія Бема, а вмѣстѣ съ тѣмъ и задержать войска, идущія на соединеніе съ Лидерсомъ.

Бемъ, получивъ свѣдѣніе о раздѣленіи войскъ Лидерса на нѣсколько отрядовъ, готовился нанести рѣшительный ударъ одному изъ этихъ отрядовъ, а именно Шегешвару, т. е. лѣвой колоннѣ Лидерса. Вотъ почему Гротенгельмъ не нашелъ его въ Марошъ-Вашаргелли. Бемъ шелъ тогда, черезъ Удваргелли, на Шегешваръ. Когда 19-го іюля утромъ войска Бема показались по удваргельской дорогѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Шегешвара, то въ первое время въ отрядѣ Лидерса полагали, что это идетъ отрядъ генерала Дика, до такой степени не ожидали въ этомъ направленіи столь быстраго появленія непріятеля.

Отрядъ Бема не превышалъ численностью 6—7 тысячъ человѣкъ и былъ составленъ изъ шеклерскихъ ополченій, между тѣмъ какъ у Лидерса сосредоточилось болѣе 10 баталіоновъ, въ полномъ составѣ, при 8-ми эскадронахъ кавалеріи. Бемъ, очевидно, не предполагалъ, что у Лидерса подъ рукой столь значительныя силы, и смѣло двинулся атаковать позицію, занятую русскими войсками.

Въ этомъ бою, какъ всегда въ венгерскихъ войскахъ, а въ особенности когда во главѣ ихъ былъ Бемъ, дѣйствія артиллеріи были особенно удачны. Тѣмъ не менѣе, бой, начавшійся въ 9 часовъ утра наступленіемъ венгерцевъ, окончился вечеромъ, около 6 часовъ, ихъ бѣгствомъ. Самъ Бемъ, раненый въ ногу, едва ускакалъ съ поля битвы и всю ночь скрывался въ болотистомъ рву и только на утро могъ бѣжать по направленію къ Клаузенбургу.

Непріятель потерялъ около полуторы тысячи убитыми, нѣсколько сотенъ плѣнными, 8 орудій; вся канцелярія, переписка съ коляскою Бема достались въ руки побѣдителя. Съ нашей стороны потери были незначительны (около 300 человѣкъ убитыми), но въ началѣ битвы былъ убитъ начальникъ штаба Лидерса генералъ-маіоръ Скарятинъ.

На другой день, 20-го іюля, отрядъ Дика подошелъ къ Шегешвару.

Послѣ шегешварскаго дѣла Лидерсъ намѣревался идти къ Удваргелли вслѣдъ за бѣгущимъ въ этомъ направленіи непріятелемъ. Конечно, остатки отряда Бема, бывшіе въ Шегешварскомъ бою, не могли уже противодѣйствовать движенію русскихъ силъ, и юго-восточная Трансильванія (Шеклерландъ) была очищена отъ мятежныхъ отрядовъ.

Вечеромъ 22-го числа Лидерсъ подходилъ къ городу Марошъ-Вашаргелли. По слухамъ, тамъ находился Бемъ съ собраннымъ отрядомъ въ 8 тысячъ человѣкъ, при 17 орудіяхъ, но свѣдѣнія эти оказались невѣрными. Бемъ дѣйствительно былъ въ Марошъ-Вашаргелли, но онъ въ этотъ день уже направлялся къ Германштадту и подходилъ къ городу Медіашу. Слѣдовательно, Бемъ на два перехода былъ ближе Лидерса къ Германштадту.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, къ нему изъ Клаузенбурга присоединился еще 4-хъ тысячный отрядъ при 12 орудіяхъ.

Вслѣдъ за нимъ Лидерсъ 23-го іюля двинулся влѣво

по долинѣ рѣки Малаго-Кекеля и въ тотъ же день вечеромъ, пройдя 36 верстъ, дошелъ до селенія Гальфальвы, на дорогѣ въ городъ Медіашъ. Именно наканунѣ 22-го іюля, рано утромъ, Бемъ съ 13-тысячнымъ отрядомъ при 27-ми орудіяхъ выступилъ изъ этого села, направляясь черезъ Медіашъ и Германштадтъ. На этотъ разъ Бемъ шелъ на непріятеля въ два раза слабѣе его, а именно на отрядъ Гасфорда.

Лидерсъ наудачу послалъ нѣсколько казаковъ въ Германштадтъ съ извѣстіемъ о наступленіи Бема и съ приказаніемъ держаться сколь возможно дольше, защищая городъ, а въ крайнемъ случаѣ отступить къ Ротентурмскому ущелью на позицію у села Толмачъ. Лидерсъ, несмотря на то, что онъ въ то время, т. е. 23-го апрѣля, находился отъ Германштадта въ 70-ти верстахъ, разсчитывалъ прибыть къ Германштадту не позже 25-го іюля, а потому приказывалъ Гасфорду, во что бы то ни стало держаться, ожидая его.

22-го числа Гасфордъ былъ увѣдомленъ, что въ гор. Медіашѣ собирается продовольствіе на 10 тыс. человѣкъ венгерскаго отряда. 24-го, рано утромъ, передовые посты увѣдомили его, что 14 эскадроновъ съ 20-ю орудіями приближаются къ Германштадту. Гасфордъ, отправивъ вагенбургъ съ двумя ротами въ Ротентурмское ущелье, выступилъ навстрѣчу непріятеля на позицію, въ 3-хъ верстахъ сѣвернѣе города, по дорогѣ въ Медіашъ. Два часа продолжалась сильная канонада, послѣ которой Гасфордъ замѣтилъ, что непріятель, занимая его фронтъ, обходитъ его правый флангъ.

Опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ Германштадта заставило Гасфорда отступить черезъ городъ къ Ротентурмскому ущелью.

Передъ тѣмъ три казака, посланные Лидерсомъ, проскакавъ 70 верстъ, пробрались сквозь цѣпь непріятеля и доставили Гасфорду записку съ вышесказанными приказаніями Лидерса.

Отступленіе войскъ Гасфорда черезъ городъ дорого обошлось его войскамъ; въ особенности труденъ былъ выходъ изъ города.

Бемъ развернулъ 20 орудій и атаковалъ фланги отряда Гасфорда кавалеріею, а пѣхотою насѣдалъ на отступающіе русскіе баталіоны. Тѣмъ не менѣе Гасфордъ отступалъ въ порядкѣ и въ 11 часовъ ночи сталъ на позиціи у села Толмачъ. Бемъ остановилъ преслѣдованіе въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой позиціи. Онъ зналъ о движеніи Лидерса къ Германштадту, но былъ увѣренъ, что онъ прибудетъ не раньше 26-го числа. До того времени Бемъ разсчитывалъ вогнать Гасфорда въ Валахію, завладѣть Ротентурмскимъ ущельемъ и взыскать съ жителей гор. Германштадта контрибуцію въ два милліона гульденовъ за ихъ, будто бы, содѣйствіе отряду Гасфорда. Содѣйствіе это выразилось только въ посильномъ исполненіи приказаній начальника войскъ, занимавшаго городъ.

Тѣмъ временемъ Лидерсъ, пройдя въ трое сутокъ 148 верстъ, утромъ 25-го іюля подходилъ къ гор. Германштадту. Ранцы его авангарда были сложены въ обозѣ въ провіантскихъ телѣгахъ. Несмотря на усиленные

переходы, войска воодушевлены были желаніемъ выручить своихъ. Авангардъ Лидерса подошелъ къ Германштадту около 11 часовъ утра.

Бемъ, сперва не вѣрившій наступленію Лидерса, былъ вынужденъ стать на позицію, на которой онъ атаковалъ передъ тѣмъ Гасфорда. Быстро сбитый съ позиціи, атакованный съ центра и праваго фланга, Бемъ началъ отступленіе къ рѣкѣ Марошъ, но когда отъ позиціи Толмачъ двинулись баталіоны Гасфорда, то отступленіе это превратилось въ бѣгство. Непріятель оставилъ на полѣ битвы 15 орудій съ зарядными ящиками, болѣе полуторы тысячи плѣнныхъ, весь обозъ и кучу оружія.

Венгерскій отрядъ просто разбѣжался во всѣ стороны. Самъ Бемъ на крестьянской телѣгѣ съ малымъ конвоемъ скрылся на Мюленбахской дорогѣ.

Дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля было безполезно и при томъ войска Лидерса были слишкомъ утомлены почти безпримѣрнымъ походомъ.

Обладаніе Трансильваніею побѣдой подъ Германштадтомъ окончательно упрочилось.

Лидерсу открывалась дорога къ рѣкѣ Марошъ — къ Араду!

Это было то, чего князь Паскевичъ отъ него настойчиво требовалъ.

Глава VI.

Прібздъ Бема въ отрядъ Дембинскаго. — Битва при Темешварѣ.—Роль дивизіи Панютина.—Полное пораженіе и разсѣяніе мятежническихъ войскъ. — Возвращеніе Темешвара австрійцамъ. — Передача Кошутомъ диктатуры Гёргею. — Планы Гёргея, его настроеніе и рѣшеніе.—Письмо къ Ридигеру съ предложеніемъ безусловной сдачи русскимъ войскамъ.— Распоряженія Ридигера. — Нерѣшительность Гайнау и его просьба о помощи. — Сложеніе оружія войсками Гёргея въ окрестностяхъ Вилагоша. — Впечатлѣніе, произведенное въ Варшавѣ этимъ событіемъ. — Замѣчательное письмо фельдмаршала къ Государю.—Крѣпость Арадъ.—Переговоры съ ея комендантомъ и условіе о сдачѣ ея русскимъ войскамъ. — Предосудительное поведеніе Гайнау. — Желаніе Императора Николая Павловича, чтобы крѣпости сдавались „своему законному Государю“.—Странное предложеніе Гайнау, переданное фельдмаршалу княземъ Лихтенштейномъ.—Благодарственное письмо Государя.—Рѣдкая почесть. — Помилованіе Гёргея. — Судьба другихъ офицеровъ венгерскихъ войскъ. — Амнистія нижнимъ чинамъ.—Отъѣздъ и прибытіе въ Варшаву Великаго Князя Константина Николаевича.—Болѣзнь и смерть Великаго Князя Михаила Павловича.—Возвращеніе русскихъ войскъ; части, оставшіяся въ Венгріи и Трансильваніи. — Гарнизонъ Коморна. — Вылазки Клапки. — Желаніе австрійцевъ задержать отрядъ Граббе. — Повелѣніе Государя. — Замѣшательство Нюжана и Гайнау. — Почетная капитуляція гарнизона Коморна.—Жестокость и непослѣдовательность поведенія австрійскаго правительства изумляютъ

Государя. — Объясненіе фельдмаршаломъ причинъ его неудовольствія на ген.-ад. Берга.—Потери русской арміи въ Венгерскую кампанію. — Нерасположеніе къ намъ австрійцевъ. — Неосновательныя жалобы Шварценберга и Буля на русскихъ офицеровъ.– Разслѣдованіе дѣла.—Опасенія Государя за возможность явнаго разрыва Пруссіи съ Австріей. — Мнѣніе фельдмаршала объ участіи Россіи въ прусско - австрійской распрѣ. — Заключеніе.

Описывая въ общихъ чертахъ дѣйствія Гайнау и Дембинскаго на правомъ берегу Тиссы, высказано было, что Дембинскій отступалъ къ Темешвару.

Венгерское правительство, съ Кошутомъ во главѣ, въ то время выбѣжало изъ Сегедина въ Арадъ, гдѣ уже находился Гёргей, съ венгерскими главными силами. На пути слѣдованія отряда Дембинскаго, около 26-го іюля, прибылъ въ отрядъ генералъ Бемъ. Отдавъ, послѣ ряда неудачъ, Трансильванію войскамъ генерала Лидерса, Бемъ явился въ отрядъ Дембинскаго и, встрѣченный восторженными оваціями, сталъ во главѣ его, предложивъ Дембинскому командовать пѣхотою. Дембинскій не рѣшался на бой съ австрійской арміей, но не въ характерѣ Бема было уклоняться отъ рѣшительныхъ боевыхъ дѣйствій и онъ спѣшилъ къ Темешвару, чтобы, присоединивъ къ своему отряду осадный корпусъ Вечія, отразить наступленіе Гайнау.

Дѣйствительно, 28-го іюля произошла битва въ окрестностяхъ Темешвара, результатомъ которой было уничтоженіе отряда Бема.

Задавшись жизнеописаніемъ фельдмаршала князя Паскевича, намъ, конечно, не приходится входить въ подробности боевыхъ столкновеній отдѣльныхъ отрядовъ, дѣйствующихъ на данномъ театрѣ войны. Но нельзя не упомянуть, что рѣшительнымъ успѣхомъ и въ этой битвѣ Гайнау былъ обязанъ, главнымъ образомъ, русской дивизіи генерала Панютина*).

Между тѣмъ Темешварское сраженіе дѣйствительно уничтожило венгерскія войска Бема. Участвовавшій въ этомъ сраженіи начальникъ польскихъ легіоновъ отряда Бема, Высоцкій, пишетъ въ своихъ запискахъ: „Произошло полное разстройство. Пѣхота, артиллерія, „кавалерія, смѣшавшись, бросились въ сосѣдній лѣсъ и „общая растерянность, вслѣдствіе противорѣчивыхъ ко-„мандъ, которыхъ никто не слушалъ, криковъ бѣгущихъ „и австрійскихъ ядеръ, производившихъ опустошеніе въ „этой сбитой въ кучу массѣ войскъ, была такъ велика, „что не было возможности собрать даже одинъ баталіонъ.

„Къ счастію, ночь скрыла отъ глазъ непріятеля на-„стоящее положеніе вещей, иначе армія была бы уни-„чтожена до послѣдняго человѣка. Послѣдствія этой „битвы были гибельны: ночью все разсѣялось, на утро „не было возможности собрать ни одного баталіона, „ни одного эскадрона. Всѣ бродили небольшими пар-„тіями по разнымъ дорогамъ, солдаты безъ офицеровъ,

*) См. въ прилож. XV-мъ записку фельдмаршала о роли въ этомъ бою дивизіи Панютина, донесеніе ген.-ад. Берга и франц. переводъ съ его нѣмецкаго письма къ Гайнау, препровожденный фельдмаршалу при письмѣ Адлерберга.

„офицеры безъ солдатъ, артиллерія разбрелась наудачу

. . . .

„Никто не имѣлъ желанія драться, каждый требо-„валъ, чтобы вступали въ переговоры. На поляковъ „отнынѣ смотрѣли какъ на несносныхъ союзниковъ, „которые служили только помѣхою для соглашенія съ „Австріею“ *).

Вмѣстѣ съ войсками Дембинскаго, состоявшими подъ начальствомъ Бема, погибъ и отрядъ Вечія, осаждавшій Темешваръ, и самая крѣпость, разобщенная съ союзными войсками съ первыхъ дней кампаніи, была возвращена австрійцамъ.

Между тѣмъ Гёргей изъ Арада намѣревался, бросившись на югъ, уничтожить армію Гайнау и, соединившись съ войсками Дембинскаго, держаться у Темешвара. Гёргей не разсчитывалъ на возможность продолжать войну, но, уничтоживъ армію Гайнау, онъ надѣялся на болѣе выгодную для венгерцевъ капитуляцію. Слѣдуетъ отмѣтить, что Гёргей никогда не сомнѣвался въ успѣшности боя противъ однихъ только австрійскихъ войскъ. Извѣстіе о приближеніи главныхъ силъ фельдмаршала изъ Гросъ-Вардейна въ тылъ Ридигеру, по пути къ Араду, привело Гёргея въ отчаяніе. Онъ сознавалъ невозможность атаковать Гайнау, имѣя въ тылу грознаго Паскевича.

Въ то же время пришло положительное извѣстіе объ уничтоженіи арміи Бема и о сосредоточеніи войскъ

*) Извѣстно, что Высоцкій, собравъ остатки польскаго легіона, ушелъ съ ними въ Турцію.

Гайнау въ Темешварѣ. Положеніе становилось безвыходнымъ.

„Желѣзное кольцо“, о которомъ писалъ фельдмаршалъ, образовывалось! Авангардъ кн. Паскевича (Ридигеръ) подходилъ къ Араду, на востокѣ стоялъ Лидерсъ, Темешваръ на югѣ былъ занятъ австрійцами. Гёргей рѣшился на единственный исходъ: безусловно положить оружіе передъ русскими войсками. Передъ тѣмъ Кошутъ и его правительство, обнародовавъ отреченіе отъ верховной власти, бѣжали изъ Арада, передавъ диктатуру Гёргею. Гёргею предлагали пробиться въ Турцію черезъ Липно и Радно, но, *во-первыхъ*, Гёргей не считалъ возможнымъ и этимъ кратчайшимъ путемъ ускользнуть отъ преслѣдованія русскихъ войскъ, а, *во-вторыхъ*, какъ онъ пишетъ въ своихъ запискахъ, „величіе народа со-„стоитъ въ томъ, чтобы не оставлять своего отечества „даже въ то время, когда тамъ угрожаетъ постыд-„ная смертъ, и спокойно и съ самоотверженіемъ идти „навстрѣчу неизбѣжному“.

Подъ впечатлѣніемъ такого настроенія и сознавая безвыходность положенія, Гёргей составилъ письмо графу Ридигеру, въ которомъ изложилъ: „Что временное прави-„тельство Венгріи передало высшую власть ему, что онъ „готовъ сложить безусловно оружіе, предавая венгер-„скій народъ, и въ особенности офицеровъ, служившихъ „прежде въ рядахъ австрійскихъ войскъ, исключая только „самого себя, великодушію и справедливости Русскаго „Царя; что актъ сложенія оружія онъ намѣренъ совер-„шить предъ русскими войсками; что онъ проситъ графа

„Ридигера (для свѣдѣнія котораго представляется марш-„рутъ движенія арміи 12-го, 13-го и 14-го августа (н. ст.) „на Вилагошъ, Барошъ-Усно и Беель) движеніемъ своимъ „между венгерцами и австрійцами отдѣлить его войска „отъ арміи Гайнау и, наконецъ, что если австрійцы „воспрепятствуютъ его движенію, то нападеніе ихъ бу-„детъ отражено венгерцами, съ тѣмъ, чтобы продолжать „отступленіе къ Гросъ-Вардейну на соединеніе съ рус-„скими войсками".

Письмо это было отдано на обсужденіе военнаго совѣта, составленнаго изъ генераловъ и старшихъ штабъ-офицеровъ венгерской арміи. Гёргей, передавъ письмо, обязался привести въ исполненіе рѣшеніе совѣта и затѣмъ немедленно вышелъ изъ засѣданія, не желая присутствіемъ своимъ вліять на рѣшеніе своихъ боевыхъ товарищей. Совѣтъ утвердилъ составленное Гёргеемъ письмо. Извѣстно было, что князь Паскевичъ отвергалъ всякаго рода переговоры о мирѣ, но Ридигеръ зналъ, что фельдмаршалъ не только соглашался на безусловную сдачу венгерской арміи, но предвидѣлъ и ожидалъ этого событія. Вотъ почему Ридигеръ, пославъ донесеніе, вмѣстѣ съ письмомъ Гёргея, фельдмаршалу, одновременно командировалъ начальника своего штаба генерала Фролова въ штабъ Гёргея въ Вилагошъ, для составленія условій и порядка сдачи венгерской арміи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выслалъ нѣсколько сотенъ казаковъ на дорогу изъ Арада въ Вилагошъ для прикрытія отъ австрійской арміи венгерскихъ войскъ.

Это послѣднее въ особенности было необходимо, въ

виду высказаннаго Гёргеемъ намѣренія отразить оружіемъ преслѣдованіе австрійцевъ. Но Гайнау не только не преслѣдовалъ Гёргея, но въ эти же дни письменно, черезъ Ридигера, просилъ фельдмаршала присоединиться къ его арміи, дабы вмѣстѣ атаковать венгерскую армію; одинъ, безъ помощи русскихъ войскъ, онъ не рѣшался атаковать Гёргея.

1-го августа 1849 года въ окрестностяхъ Вилагоша, на правомъ берегу рѣки Чибэ, венгерская армія, приблизительно 30-ти тысячная при 144 орудіяхъ, сложила оружіе передъ окружившимъ ее корпусомъ графа Ридигера. Ридигеръ оставилъ генераламъ и офицерамъ ихъ оружіе и любезно встрѣтилъ Гёргея, который тогда же былъ отправленъ къ князю Паскевичу въ Гросъ-Вардейнъ.

Обезоруженные венгерцы были направлены въ мѣст. Саркадъ, подъ конвоемъ 2-й легкой кавалерійской дивизіи, гдѣ и оставались до передачи ихъ австрійскому главнокомандующему.

Въ то время въ Варшавѣ безпокойство все больше и больше увеличивалось и, какъ видно изъ писемъ Государя къ фельдмаршалу, составлялись планы и предположенія для окончанія войны, но событія, происшедшаго въ Вилагошѣ, никто въ Варшавѣ не предвидѣлъ и не ожидалъ.

Первое извѣстіе о сдачѣ Гёргея фельдмаршалъ послалъ Государю въ Варшаву 1-го августа съ сыномъ своимъ флигель-адъютантомъ княземъ Паскевичемъ. По разсказамъ очевидца, Государь, обнявъ посланнаго,

сталъ на колѣни передъ образомъ и нѣсколько минутъ молился.

Всѣ придворныя нареканія и интриги противъ фельдмаршала разомъ смолкли и уже никто изъ окружающихъ Государя не осмѣлился повторять то, что говорилось громко нѣсколько дней тому назадъ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ писалъ Государю: „Имѣю счастіе поз„дравить Ваше Императорское Величество съ оконча„ніемъ войны въ Венгріи, Гёргей положилъ оружіе „предъ Вашими войсками. Если смѣю дать мое мнѣніе, „то пусть онъ у насъ живетъ, какъ трофей, означая, „что онъ передъ Вашими войсками положилъ оружіе и „что единовременно, зная Ваше великодушіе, онъ рѣ„шился прекратить борьбу. До Вашего разрѣшенія я „Гёргея удержу у себя“ **).

Дѣйствительно, Гёргей пользовался въ Гросъ-Вардейнѣ, въ главномъ штабѣ фельдмаршала, широкимъ и радушнымъ гостепріимствомъ.

Вслѣдъ затѣмъ, 3-го августа, фельдмаршалъ отправилъ Государю весьма замѣчательное письмо: оно наглядно доказываетъ, что фельдмаршалъ предвидѣлъ сдачу венгерской арміи передъ русскими войсками и ходатайствовалъ о милосердіи къ побѣжденнымъ; что еще тогда фельдмаршалъ сознавалъ необходимость для Австріи и Венгріи конституціоннаго правленія, въ чемъ онъ расхо-

---

*) См. въ прилож. XIV-мъ замѣтку, писанную со словъ фельдмаршала, по поводу пріѣзда въ Варшаву Шварценберга съ просьбою о смѣнѣ фельдмаршала.

**) Сем. арх. кн. Паскевича.

дился нѣсколько съ мнѣніемъ Государя Императора Николая Павловича. Мы приводимъ это письмо дословно:

„Я нахожусь въ большомъ недоумѣніи. Гёргей отдается на Ваше великодушіе. Можно ли мнѣ отдать „на висѣлицу всѣхъ, которые надѣятся на Вашу благость? За то только, что они сдались предъ Вашими „войсками, и за то именно они будутъ строже наказаны! Я говорилъ князю Шварценбергу, что можетъ „случиться, что войско венгерское положитъ оружіе „передъ Вашими войсками, а не австрійскими. Тогда, „что мнѣ дѣлать? Онъ не хотѣлъ меня уполномочить. „Между тѣмъ случилось то, что я предвидѣлъ и этимъ „война оканчивается.

„Слѣдовательно, участь ихъ должна быть рѣшена „Вашимъ Величествомъ. Вы побѣдили Венгрію, она у „ногъ Вашихъ и война оканчивается.

„Если же другія мятежническія войска узнаютъ, „что ихъ безпощадно отдали австрійцамъ, которые, по „этому самому, что они положили оружіе передъ Вашимъ „великодушіемъ, будутъ мстить,— можно ли мнѣ согласиться на это? По конвенціи я не имѣю права. Но „императоръ Австріи не можетъ не согласиться на амнистію, которая успокоитъ край. Политика сего требуетъ. Но во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что наказанныхъ будетъ мало. Но въ продолженіе нѣсколькихъ „лѣтъ край будетъ въ волненіи.

„Зичи не отвѣчаетъ за два года, а онъ знаетъ свой „край. Они имѣли древнюю конституцію. Они говорятъ:

„Мы покоряемся судьбѣ, пока русскіе тутъ; но будетъ „время — мы отомстимъ. Мы спасли нѣсколько разъ „австрійскую монархію. Они не любятъ австрійцевъ за „ихъ нестерпимую гордость и кичливость. Я не знаю „Вашихъ мыслей насчетъ Австріи; но если существо-„ваніе ея нужно для Вашей политики, то амнистія „*нужна* и прежняя конституція *нужна!*“ *)

Австрійскія войска въ это время малыми отрядами очищали край отъ разбѣжавшихся венгерскихъ войскъ, нигдѣ не встрѣчая сопротивленій.

Бемъ и Кошутъ съ остатками своихъ отрядовъ бѣжали въ Турцію, только двѣ крѣпости еще держались. Это были: Арадъ и Коморнъ. Въ первой былъ комендантомъ Демьянычъ, а во второй Клапка.

Гёргей циркулярными письмами изъ штаба князя Паскевича убѣждалъ, какъ крѣпости, такъ и оставшіеся незначительные отряды (скорѣе шайки), въ необходимости прекратить всякое сопротивленіе.

Въ это же время къ крѣпости Арадъ подошла австрійская бригада, подъ командою генерала Шлика, и стала на лѣвомъ берегу рѣки Марошъ. Комендантъ крѣпости Демьянычъ послалъ къ Ридигеру депутатовъ съ предложеніемъ сдаться на капитуляцію русскимъ войскамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ, что онъ, съ согласія всего гарнизона, скорѣе взорветъ крѣпость, чѣмъ сдастся австрійцамъ. Графъ Ридигеръ поручилъ генералу Бутурлину, отправленному фельдмаршаломъ

---

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

къ барону Гайнау въ Темешваръ, по дорогѣ сообщить Демьянычу требованіе о безусловной сдачѣ.

3-го августа генералъ Бутурлинъ въѣхалъ въ предмѣстье стараго Арада и одновременно къ Араду подошелъ партизанскій отрядъ полковника Хрулева (два эскадрона, 50 казаковъ). Убѣжденный генераломъ Бутурлинымъ, комендантъ Демьянычъ обязался въ 48 часовъ сдать крѣпость Хрулеву, съ тѣмъ, что гарнизонъ ея, безусловно отдаваясь въ руки русскимъ, раздѣлитъ участь арміи Гёргея, а сама крѣпость, казенное имущество и оружіе будутъ сданы австрійцамъ.

Гайнау, котораго Бутурлинъ увѣдомилъ объ этомъ событіи еще до истеченія указанныхъ 48 часовъ, принялъ Бутурлина весьма любезно и, казалось, согласился съ условіемъ, заключеннымъ съ арадскимъ комендантомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шликъ получилъ отъ него приказъ, какъ писалъ фельдмаршалъ Государю: „Отобрать у рус„кихъ весь гарнизонъ и багажи и употребить даже силу „оружія (employez même la force des armes, parce que „dans ce moment nous sommes les plus forts“ *).

„Однако, баронъ Шликъ сказалъ, что лучше пусть „меня разстрѣляютъ au lieu d'exécuter un ordre stupide „et faire manquer parole au général russe, parole qui a „été donnée sous nos auspices“ **).

---

*) Употребите даже силу оружія, потому что въ эту минуту мы сильнѣе.

**) Чѣмъ я исполню глупое приказаніе, отмѣняющее слово, данное русскимъ генераломъ,—слово, данное съ нашего вѣдома. Сем. арх. кн. Паскевича.

Впрочемъ, по настоянію Ридигера, Гайнау отмѣнилъ свое безумное распоряженіе *).

Обезоруженный арадскій гарнизонъ, около 4-хъ тыс. человѣкъ, былъ препровожденъ подъ конвоемъ дивизіи Панютина къ плѣннымъ войскамъ Гёргея, а крѣпость съ орудіями и значительнымъ запасомъ продовольствія была сдана Бутурлинымъ Шлику.

Государь не былъ доволенъ сдачею Арада. Онъ требовалъ, чтобы крѣпости сдавались австрійскимъ войскамъ, такъ какъ онѣ принадлежатъ „своему законному Государю“ **).

„Если бы я не взялъ Арадъ русскими войсками“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „то войска гарнизона разбѣжались бы и разбойничали по дорогамъ“.

Тогда же генералъ Гайнау послалъ къ фельдмаршалу генерала князя Лихтенштейна съ поздравленіемъ по поводу побѣды надъ Гёргеемъ. Въ дѣйствительности, Лихтенштейнъ пріѣхалъ просить фельдмаршала, чтобы онъ, уговоривъ Гёргея писать во всѣ крѣпости и венгерскіе отряды, „чтобы они безъ боя сдавались австрійцамъ“, затѣмъ самого Гёргея передалъ барону Гайнау.

Князь Паскевичъ, выслушавъ это предложеніе, не скрылъ своего негодованія и отвѣчалъ князю Лихтенштейну, что онъ удивляется, какъ онъ „осмѣлился пріѣхать къ нему съ такимъ предложеніемъ“.

Описывая это обстоятельство Государю, фельдмар-

---

*) См. въ прилож. XVII объяснительное письмо къ фельдмаршалу Берга по арадскому дѣлу, отъ 15-го (27-го) августа.

**) Письмо къ фельдмаршалу отъ 7-го (19-го) августа. Прил. II, 33.

шалъ прибавлялъ: „Я на эту подлость вышелъ изъ себя“ *)

Государь, получивъ первое донесеніе о сдачѣ Гёргея, 4-го августа писалъ изъ Варшавы: „Слава и благода-„реніе милосердному Богу! Слава и благодареніе тебѣ, „мой любезный отецъ-командиръ. Ты достигъ возна-„гражденія за твою твердость, за твое терпѣніе. Что же „мнѣ сказать тебѣ про то чувство, которое мной овла-„дѣло при полученіи твоего радостнаго извѣстія? Я „палъ на колѣни и благодарилъ Бога за то, что Онъ „любитъ православную Россію, и благодарю тебя, Его „орудіе, того, котораго вторично воля Его призвала на „попраніе мятежа; и на сей разъ, къ счастію, безъ даль-„няго пролитія нашей драгоцѣнной русской крови. Да „воздастъ тебѣ Господь за всѣ твои великія услуги. „Я же прижимаю тебя къ сердцу отъ благодарной души.

„Въ знакъ моей признательности и благодарности „предъ Россіей и той арміей, которую ты велъ на новую „славу, я приказалъ тебѣ отдавать вездѣ, и въ моемъ „присутствіи, всѣ тѣ почести военныя, которыя уста-„вомъ опредѣлены моему лицу **). Сына моего наслѣдника „я посылаю сегодня съ симъ извѣстіемъ въ Вѣну къ „императору и прошу помиловать Гёргея или дозволить „мнѣ ему назначить пребываніе въ Россіи.

„Ты прекрасно поступилъ во всемъ, и я ничего не „имѣю прибавить. Остается рѣшить, что дѣлать съ „поляками. Начальниковъ, положившихъ оружіе, вели

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

**) См. особый рескриптъ по этому поводу въ прил. XIX, *а*.

„доставить сюда. Прочихъ, *нашихъ подданныхъ*, отослать подъ конвоемъ въ Замосць, гдѣ будетъ можно „ихъ разсортировать и потомъ рѣшить ихъ участь; „галиційцевъ и прочій сбродъ надо передать австрійцамъ. Полагаю, что, кончивъ съ Гёргеемъ и устроивъ „обратное движеніе войскъ, ты воротишься скорѣе сюда, „что душевно желаю. Я здѣсь тебя дождусь, и потомъ „тебѣ и мнѣ надо будетъ серьезно полечиться“ *).

Вскорѣ послѣ того Гёргей получилъ помилованіе отъ австрійскаго императора съ разрѣшеніемъ поселиться на жительство внѣ Венгріи, въ Клагенфуртѣ **).

Затѣмъ Государь настоятельно требовалъ, чтобы всѣ плѣнные и все оружіе были переданы австрійцамъ, только взятые знамена и штандарты, вмѣстѣ съ саблями Гёргея и его генераловъ, Государь требовалъ къ себѣ. Дивизію Панютина приказывалъ присоединить сколь возможно поспѣшнѣе къ 3-му корпусу.

Между тѣмъ, вездѣ остатки венгерскихъ войскъ сдавались безъ боя.

По просьбѣ русскаго Императора, всѣмъ нижнимъ чинамъ венгерскихъ войскъ была дана амнистія.

Государь писалъ при этомъ фельдмаршалу, что австрійскій императоръ намѣренъ, послѣ суда надъ бывшими офицерами его арміи, простить всѣхъ ***), но по-

---

*) Прилож. II, 32.

**) Фельдмаршалъ выдалъ ему на дорогу 1000 червонцевъ и, согласно повелѣнію Государя, хотѣлъ препроводить его въ Вѣну къ Шварценбергу, но Гайнау настоялъ на томъ, чтобы Гёргей былъ препровожденъ при австрійскомъ офицерѣ прямо въ Клагенфуртъ.

***) Письмо отъ 11-го (23-го) августа 1849 г. Прил. II, 34.

томъ оказалось, что многіе изъ нихъ, подъ разными предлогами, были приговорены къ тюремному заключенію и даже къ смертной казни.

Возвращеніе русскихъ войскъ началось съ 15-го августа. Великій Князь Константинъ Николаевичъ выѣхалъ изъ арміи въ Варшаву 6-го августа. Самъ фельдмаршалъ собирался выѣхать изъ Гросъ-Вардейна туда же, гдѣ его ожидалъ Государь, 17-го августа.

11-го августа Государь писалъ фельдмаршалу: „Сейчасъ прибылъ Костя *) и вручилъ мнѣ твое лестное „для него письмо, за которое тебя душевно благодарю, „любезный отецъ-командиръ; счастливъ онъ, что могъ „удостоиться столь лестнаго отъ тебя отзыва, — это „ему на всю жизнь останется драгоцѣннымъ памятникомъ. Тебя же отъ глубины сердца благодарю за „твои къ нему милости и особое попеченіе.

„Теперь жду тебя нетерпѣливо; полагая, что, кончивъ „всѣ распоряженія, какъ по сдачѣ плѣнныхъ, такъ „и объ обратномъ движеніи арміи, остальное можешь „передать или Ридигеру, или Горчакову и ѣхать сюда. „Я же тебя здѣсь во всякомъ случаѣ дождусь, хотя и „мнѣ пора домой по всѣмъ дѣламъ“.

Передъ отъѣздомъ фельдмаршала въ Варшаву Лидерсъ покончилъ съ бродившими остатками корпуса Бема. Они всѣ почти безъ всякаго сопротивленія сдались Лидерсу, а нѣкоторые слабые отряды, въ особенности польскіе легіоны, перешли границу.

Въ Варшавѣ Государь дождался пріѣзда фельдмар-

*) Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

шала, но послѣдніе дни пребыванія Его Императорскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ были опечалены смертельною болѣзнью Великаго Князя Михаила Павловича*).

Послѣ сдачи Арада, австрійское правительство настаивало, чтобы часть русскихъ войскъ до сдачи крѣпости Коморнъ оставалась въ сѣверо-восточной Венгріи и Трансильваніи.

Крѣпость Коморнъ держалась и Гайнау надѣялся, что одно присутствіе хотя нѣкоторой части русскихъ войскъ повліяетъ на генерала Клапку и что онъ согласится на безусловную сдачу крѣпости австрійцамъ.

Согласно желанію австрійскаго правительства, князь Паскевичъ оставилъ въ Венгріи 8-ю пѣхотную дивизію и одинъ полкъ 9-й пѣхотной дивизіи, а въ Трансильваніи 15-ю пѣхотную дивизію. Всѣ войска, оставшіяся въ Венгріи, были подчинены графу Ридигеру, главная квартира котораго расположилась въ Гросъ-Вардейнѣ.

Такимъ образомъ, большинство русскихъ войскъ стало расходиться по своимъ квартирамъ въ Царство Польское, Литву и военныя поселенія. Недоразумѣній не было. Русскія войска смѣнялись австрійскими и дѣло это не вызывало никакихъ осложненій. Но подъ Коморномъ обошлось не такъ просто.

Въ началѣ іюля мѣсяца Клапка, по уходѣ арміи Гёргея, оставленъ былъ въ Коморнѣ съ 18-ти тысяч-

---

*) Который скончался въ то время, проболѣвъ нѣсколько дней. См. въ приложеніи XIII-мъ приказы по войскамъ, отданные, по случаю смерти Великаго Князя, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и фельдмаршаломъ, а также выписку изъ завѣщанія Великаго Князя, сообщенную фельдмаршалу душеприказчикомъ Великаго Князя ген. Ростовцовымъ.

нымъ гарнизономъ, но Клапка распространеніемъ ложныхъ слуховъ сумѣлъ убѣдить австрійцевъ, что у него подъ ружьемъ не болѣе 8-ми тысячъ человѣкъ. Вотъ почему Гайнау, при движеніи на югъ, оставилъ подъ Коморномъ генерала Чорича съ отрядомъ приблизительно только въ 12 тыс. человѣкъ.

Съ 15-го іюля Клапка предпринималъ вылазки то на правомъ, то на лѣвомъ берегу Дуная. Такъ, 18—19-го іюля онъ на лѣвомъ берегу заставилъ бригаду Пото отступить отъ Коморна; 22-го іюля на правомъ берегу Дуная выбилъ австрійцевъ изъ окоповъ, отнялъ до 20-ти орудій, захватилъ до 3,000 ружей и 1,000 плѣнныхъ. Австрійцы должны были отступить къ Бруку. Наконецъ, Клапка въ концѣ іюля занялъ линію рѣки Раабъ, откуда постоянно тревожилъ австрійскій корпусъ графа Нюжана, расположенный у Платенскаго озера.

Рядъ столь успѣшныхъ дѣйствій Клапки вынудилъ Гайнау около 20-го августа собрать кругомъ Коморна, подъ начальствомъ графа Нюжана, 40-тысячный корпусъ. При этомъ корпусѣ находился отрядъ генералъ-адъютанта Граббе и Гайнау употреблялъ не мало ухищреній, чтобы задержать Граббе подъ Коморномъ и заставить его принять участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ Нюжана.

Князь Паскевичъ не хотѣлъ, чтобы русскія войска послѣ сдачи Гёргея продолжали помогать австрійцамъ. „Мятежная армія уничтожена, наше дѣло сдѣлано“, писалъ князь Паскевичъ. „Пора австрійцамъ, наконецъ, понять, для чего мы пришли“.

Но такъ какъ Гайнау прикрывалъ свои требованія относительно Граббе приказаніями, полученными отъ Шварценберга, то, „во избѣжаніе непріятныхъ переписокъ съ Гайнау, которыя мнѣ уже надоѣли", писалъ фельдмаршалъ, „я обратился къ Государю съ вопросомъ: „разрѣшено ли Граббе участвовать въ осадѣ Коморна?"

На это Государь отвѣчалъ: „Напиши Медему, что „я нахожу неприличнымъ Граббе долѣе оставаться „подъ Коморномъ. Когда полагали, что присутствіе на„шего отряда могло побудить къ сдачѣ, я соглашался, „во избѣжаніе пролитія крови, подвесть Граббе ближе; „теперь же, когда явное упорство мятежниковъ угро„жаетъ необходимостью приступить или къ полной „блокадѣ, или къ осадѣ, унизительно бы было для Австріи „требовать для столь маловажнаго дѣла нашей помощи. „Потому я разрѣшилъ тебѣ приказать Граббе воро„титься нынѣ же" *).

Но въ тотъ же самый день, когда въ Александріи близъ Петергофа состоялось рѣшеніе Государя, т. е. 6-го (18-го) сентября, и, слѣдовательно, еще не могло дойти до фельдмаршала, отъ генералъ-адъютанта Граббе получился рапортъ о томъ, что австрійцы намѣрены осаждать Коморнъ и приглашаютъ его участвовать въ осадѣ. „Я имѣлъ счастіе", пишетъ фельдмаршалъ Государю, „насчетъ сего случая просить Вашего повелѣнія. „Въ этомъ родѣ я отвѣчалъ Граббе, чтобы онъ ничего „не предпринималъ безъ рѣшенія Вашего Величества.

*) Письмо къ фельдмаршалу отъ 6-го (18-го) сентября. Прилож. II, 36.

„Если я осмѣлюсь сказать мое мнѣніе, то мнѣ кажется, „что время намъ кончить участіе наше въ дѣлахъ Венгріи. Притомъ, австрійцамъ надлежало бы, имѣя въ „виду, что можетъ встрѣтиться надобность осаждать „Коморнъ, предварительно просить Вашего Императорскаго Величества о дозволеніи оставить на сей конецъ „русскую дивизію. Они же, не сдѣлавъ сего, прямо „обращаются къ частному начальнику. Австрійскому правительству пора бы понять всю цѣну помощи, Вашимъ „Величествомъ ему поданной. Впрочемъ, теперь оно „довольно имѣетъ средствъ для исполненія осады Коморна и безъ нашего содѣйствія“.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 8-го (20-го) сентября, фельдмаршалъ доноситъ: „Рапортъ графа Медема къ „канцлеру я пересылаю, въ которомъ, между прочимъ, „сказано, что австрійскія войска приготовляются осаждать Коморнъ, что тамъ собрано 40 тысячъ и 20 „орудій осадныхъ“ *).

Между тѣмъ Клапка на безусловную сдачу не соглашался и требовалъ почетной капитуляціи для своего гарнизона.

Нюжанъ не рѣшался на штурмъ, а послѣ предпріимчивыхъ вылазокъ Клапки и осада казалась ему небезопасной. Гайнау, вынужденный, наконецъ, отпустить отрядъ Граббе, самъ прискакалъ подъ Коморнъ и, раздѣляя осторожность Нюжана, подписалъ дѣйствительно почетную капитуляцію для гарнизона Клапки: офицерамъ оставлены сабли и имъ всѣмъ предоставлено право

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

свободнаго проживанія въ Венгріи или за границею, а всему гарнизону была объявлена полная амнистія.

19-го сентября фельдмаршалъ писалъ Государю: „Изъ депеши графа Медема видно, что австрійское пра-„вительство воспользовалось последнимъ пребываніемъ „нашихъ войскъ подъ Коморномъ; отчего сія крѣпость „сдалась".

Послѣ сдачи Коморна, началась кровавая расправа барона Гайнау: казнены были почти всѣ венгерскіе генералы, въ томъ числѣ и тѣ, которые сдались русскимъ войскамъ.

Князь Паскевичъ не только негодовалъ на Гайнау за его жестокость, вовсе не вызываемую необходимостью, но обвинялъ и австрійское правительство, безъ разрѣшенія котораго Гайнау не осмѣливался бы казнить такую массу людей.

Государь раздѣлялъ негодованіе князя Паскевича и спрашивалъ у фельдмаршала: „почему австрійцы казнятъ даже тѣхъ, которые сдались русскимъ войскамъ?"

„Поведеніе австрійскаго правительства", писалъ Государь, „непонятно: въ то время, какъ они разстрѣли-„ваютъ и вѣшаютъ добровольно намъ сдавшихся въ „Арадѣ, въ Коморнѣ упорнымъ бунтовщикамъ даруютъ „не только пощаду, но и выгодныя условія и даже сво-„бодный выѣздъ за границу! Что значитъ такое проти-„ворѣчіе"? *)

Фельдмаршалъ отвѣчалъ Государю, „что кровожад-„ность Гайнау ему давно извѣстна; что еще подъ

*) Письмо отъ 5-го (17-го) октября 1849 г. Прил. II, 41.

„Арадомъ Гайнау хотѣлъ разстрѣливать офицеровъ сдав-
„шагося гарнизона Хрулеву, но что тогда прибывшій
„изъ Вѣны генералъ-адъютантъ Гринъ и Хрулевъ не
„позволили ему неистовствовать!“

„Но теперь, послѣ сдачи Коморна, когда уже Вен-
„грія очищается отъ русскихъ войскъ, Гайнау, конечно
„съ разрѣшенія правительства своего, принялся за без-
„смысленную и жестокую расправу; что Клапки онъ
„боялся и потому былъ вынужденъ подписать капиту-
„ляцію“.

Совершаемыя Гайнау казни надъ сдавшимися рус-
скимъ войскамъ генералами и офицерами „не были бы“,
добавляетъ фельдмаршалъ, „если бы мы имѣли людей
„съ энергіею при австрійскомъ дворѣ, но Бергъ и Ме-
„демъ не таковы“.

Государь вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе фельдмаршала и
писалъ 22-го октября: „Фальшивость австрійскаго пра-
„вительства все болѣе и болѣе обнаруживается. Мой
„языкъ съ ними за то принялъ гораздо положительнѣй-
„шее выраженіе и я называю всѣ ихъ дѣйствія заслу-
„женнымъ именемъ“ *).

Неудовольствіе фельдмаршала на генералъ-адъютанта
Берга было тѣмъ болѣе сильное, что Бергъ не только
не ходатайствовалъ о помилованіи генераловъ и офи-
церовъ, сложившихъ оружіе предъ русскими войсками,
но, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ главномъ штабѣ
Гайнау и при австрійскомъ дворѣ дозволялъ порицаніе
дѣйствій русской арміи и ея главнокомандующаго. Фельд-

*) Прил. II, 43.

маршалъ въ особенности обвинялъ Берга въ томъ, что онъ въ теченіе всей кампаніи не заботился объ интересахъ русской арміи, вовсе не хлопоталъ у австрійскаго правительства о доставкѣ обѣщаннаго русскимъ войскамъ продовольствія и почти требовалъ, чтобы фельдмаршалъ доносилъ о своихъ дѣйствіяхъ Гайнау.

„Во всѣхъ его дѣйствіяхъ“, пишетъ фельдмаршалъ, „я видѣлъ въ немъ австрійскаго генерала съ австрій„скимъ самолюбіемъ, приверженнаго Австріи и ея войску „и враждебнаго всему русскому и мнѣ.

„Если онъ только глупъ, то пускай за нимъ это и „останется; но онъ не глупъ, а только ошибся въ раз„счетахъ. Когда назначили полусумасшедшаго человѣка „австрійскимъ главнокомандующимъ, Бергъ разсчитывалъ, „что вся власть будетъ у него, все хорошее онъ будетъ „брать на себя, все дурное отдастъ въ удѣлъ генералу „Гайнау. Съ назначеніемъ меня командовать русскими „войсками все это упало, но онъ не потерялъ еще на„дежды играть роль; вотъ отчего первыя попытки къ „тому были.

„Лишь только я перешелъ горы, онъ написалъ, чтобы „донесъ Гайнау, т. е. ему, что я намѣренъ дѣлать. Планъ „кампаніи извѣстенъ, слѣдовательно чего онъ хотѣлъ?

„Онъ хотѣлъ, чтобы я всякій шагъ мой говорилъ „ему, т. е. то, что и мой Государь Императоръ не тре„буетъ. Я жаловался Государю: ему за это былъ силь„ный выговоръ. Съ тѣхъ поръ онъ еще болѣе и болѣе „возымѣлъ ненависти ко мнѣ“ *).

*) Изъ записокъ фельдмаршала въ сем. арх. кн. Паскевича.

Въ какой степени ненавидѣлъ генералъ Бергъ фельдмаршала, конечно, неизвѣстно, но онъ боялся его до того, что не рѣшился, возвращаясь изъ Австріи въ Петербургъ, проѣхать черезъ Царство Польское и Варшаву, а отправился кружнымъ путемъ черезъ Пруссію и на пароходѣ прибылъ въ Петербургъ.

При выступленіи дѣйствующей арміи изъ Венгріи фельдмаршалъ донесъ Государю о числѣ убитыхъ и раненыхъ во время кампаніи. Весь уронъ, нанесенный намъ венгерскимъ оружіемъ (убитыми и ранеными), доходилъ до 3,155 чел., что составляетъ около 1,7% всего числа войскъ, принимавшихъ участіе въ дѣлахъ.

Число убитыхъ къ числу раненыхъ относится, приблизительно, какъ 1 : 3. Но зато холера и другія болѣзни произвели несравненно большія опустошенія въ рядахъ нашихъ, такъ что общая цифра убитыхъ и умершихъ доходила до 12-ти тыс. человѣкъ. Изъ нихъ только 1/12 часть погибла отъ оружія непріятеля.

Принимая въ соображеніе, что только 5% заболѣвшихъ умерли, понятно, что Государь писалъ фельдмаршалу, получивъ его отчетъ: „Душевнымъ мнѣ было „утѣшеніемъ узнать сегодня, что потери наши гораздо „менѣе, чѣмъ мы того опасались; за это Бога и тебя „благодарю; оно мнѣ точно отрадой“ *).

Несмотря на офиціальныя дружескія отношенія съ австрійскимъ дворомъ, уже тогда обнаруживалось нерасположеніе австрійцевъ вообще, если не къ русскому

*) Письмо отъ 6-го (18-го) сентября. Прилож. II, 36.

правительству, то къ русскому войску и къ фельдмаршалу въ особенности. Этому настроенію содѣйствовало нѣсколько странное поведеніе не только генерала Берга, но и нашего посла въ Вѣнѣ графа Медема. Такъ, напр., по вступленіи русскихъ войскъ на свои квартиры, въ Венгріи оставалось извѣстное число раненыхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Выздоровѣвшіе нижніе чины отправлялись командами при офицерахъ. Такимъ образомъ, въ различныхъ мѣстностяхъ Венгріи проживало нѣсколько русскихъ офицеровъ, ожидавшихъ отправленія своихъ командъ.

По поводу маловажныхъ шалостей нѣсколькихъ молодыхъ людей, министры Шварценбергъ и Буль (Buol) не только жаловались графу Медему, но придавали ничтожнымъ инцидентамъ оттѣнокъ неблагонадежности политической.

Въ дѣйствительности политическая неблагонадежность состояла въ томъ, что въ русскихъ войскахъ, во время и послѣ кампаніи, зародились уваженіе и симпатія къ храбрымъ венгерцамъ и нѣсколько презрительное отношеніе къ австрійскимъ войскамъ. Несомнѣнно, что не столько маловажныя шалости молодыхъ русскихъ офицеровъ, сколько проявленія этого настроенія побудили австрійскихъ министровъ въ сообщеніяхъ своихъ русскому послу въ Вѣнѣ придавать особо важное значеніе поведенію русскихъ офицеровъ въ Венгріи. Хотя въ то время графъ Медемъ находился въ постоянной перепискѣ съ фельдмаршаломъ по дѣламъ ликвидаціи расходовъ бывшей войны, тѣмъ не менѣе онъ, помимо

фельдмаршала, непосредственно довелъ до свѣдѣнія Государя жалобы на русскихъ офицеръ, проживавшихъ въ Венгріи.

Въ тѣ дни политическое настроеніе въ Петербургѣ было крайне тяжелое. Этому содѣйствовало нѣсколько смутное положеніе европейскихъ державъ. Въ Пруссіи король Фридрихъ-Вильгельмъ обнародовалъ проектъ германской союзной конституціи. Во всей Германіи учреждались представительныя правительства и, несмотря на слабость прусскаго короля, значительная часть Германіи стремилась соединиться подъ его главенствомъ.

По убѣжденію Государя Николая Павловича, все это имѣло ненавистный революціонный характеръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ петербургское правительство безпокоилось относительно Турціи, которая, отказываясь выдать бѣжавшихъ изъ Венгріи поляковъ, бывшихъ русскихъ подданныхъ, принимала относительно Россіи нѣсколько враждебное положеніе.

Къ довершенію всего, въ Петербургѣ разбиралось извѣстное дѣло Петрашевскаго, въ которомъ Государь усматривалъ занесенное въ Россію съ запада революціонное броженіе. „Петрашевскій не шутилъ!“ писалъ Государь фельдмаршалу. Вотъ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ Государь придалъ донесенію Медема значеніе чуть ли не серьезнаго политическаго событія. Въ Венгрію былъ посланъ изъ Петербурга свиты Государя генералъ-маіоръ Ефимовичъ, для изслѣдованія поведенія въ Венгріи русскихъ офицеровъ.

Государь писалъ по этому поводу фельдмаршалу,

выражая опасенія, что духъ нашихъ войскъ будетъ зараженъ революціоннымъ направленіемъ.

Между тѣмъ, фельдмаршалъ, еще до полученія письма Государя, узналъ отъ графа Зичи, коммисара австрійскаго правительства по ликвидаціи, что въ гор. Кашау нѣсколько русскихъ офицеровъ ведутъ себя не совсѣмъ прилично, но конечно не въ политическомъ смыслѣ, и послалъ туда состоящаго при немъ полковника графа Опермана для разслѣдованія. Съ подобнымъ же порученіемъ посланъ былъ въ Пештъ и Пресбургъ адъютантъ фельдмаршала Протасовъ.

Оказалось, что дѣйствительно нѣсколько молодыхъ русскихъ офицеровъ въ Кашау были виновны въ весьма маловажныхъ шалостяхъ, вызывавшихъ, при всей строгости, не тяжкое дисциплинарное взысканіе.

„Австрійцы“, писалъ фельдмаршалъ Государю, „видя, „какъ венгерцы къ нимъ дурно расположены, несправедливо относятъ это къ вліянію русскихъ офицеровъ.

„Они начали распускать подобные слухи даже въ „концѣ войны, когда офицеры, бывшіе въ безпрестанныхъ походахъ, не могли имѣть близкихъ отношеній „съ венгерцами. Теперь они повторяютъ то же.

„Доказательство, что наши офицеры недурно обходятся съ австрійскими, есть то, что въ продолженіе „всего времени въ Галиціи отъ генерала Гамерштейна „никакихъ нареканій въ этомъ отношеніи не было. А „что венгерцы ожесточены противъ австрійцевъ, тому „причиною само австрійское правительство: зачѣмъ оно

„не послѣдовало благимъ совѣтамъ Вашего Императорскаго Величества“ *)?

Такъ какъ австрійскіе министры въ своей жалобѣ на русскихъ офицеровъ опирались на донесеніе графа Зичи, то фельдмаршалъ потребовалъ и отъ него подробнаго донесенія о происшествіяхъ, бывшихъ въ Кашау; графъ Зичи, также какъ и Оперманъ, донесъ только о маловажныхъ шалостяхъ, не имѣвшихъ никакого соотношенія къ политикѣ.

Вслѣдъ за симъ фельдмаршалъ писалъ Государю „что „все, что было доведено до свѣдѣнія Его Величеству, „было отчасти преувеличено и отчасти выдумано, но „что даже нѣкоторые австрійскіе генералы удивляются, „что есть люди при австрійскомъ дворѣ, которые стараются поселить раздоръ съ Россіей“.

Затѣмъ фельдмаршалъ добавляетъ: „Господинъ Медемъ могъ бы и не представлять Вамъ или настаивать „у Шварценберга, чтобы дѣло, до арміи касающееся, „ко мнѣ было передано, и если бы я не исполнилъ ихъ „желанія или потворствовалъ, то тогда безпокоилъ бы „Васъ. Я не знаю, отчего г. Медемъ думаетъ, что я „войскамъ, находящимся подъ моею командою, буду „потворствовать. При томъ же и законы того требуютъ, „чтобы, прежде нежели Ваше Императорское Величество „безпокоить, всякое дѣло было бы осмотрѣно. Притомъ „же г. Медемъ ко мнѣ о многомъ пишетъ, могъ бы и „(объ этомъ) ко мнѣ написать“ **).

*) По этому же дѣлу см. въ прил. XVI-мъ письмо Зичи къ фельдмаршалу.

**) См. архивъ кн. Паскевича.

Войска наши не успѣли войти въ постоянныя свои квартиры, какъ Государь уже предвидѣлъ новую для Россіи войну.

Мы уже упомянули о домогательствахъ Пруссіи объединить Германію подъ своимъ главенствомъ. Во время венгерской кампаніи прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ или не хотѣлъ воспользоваться затрудненіями Австріи, чтобы ввести новый политическій строй въ Германіи. Отчасти противодѣйствія гановерскаго короля Эрнеста-Августа и сомнительная преданность дѣлу королей баварскаго и вюртембергскаго *) остановили въ этомъ смыслѣ движеніе прусскаго правительства.

Теперь Австрія, покончивши съ Венгріею, стала рѣшительно настаивать на сохраненіи status quo въ Германіи, разсчитывая и въ этомъ дѣлѣ на помощь Русскаго Императора.

Несмотря на разстройство и малочисленность своей арміи, Австрія настолько грозно заговорила противъ объединенія Германіи, что Государь въ первыхъ числахъ декабря писалъ фельдмаршалу: „Всего болѣе опасаюсь „я явнаго разрыва Австріи съ Пруссіей, ибо оно одно „можетъ насъ скорѣе всего завлечь въ войну. Припомни, „что я тебѣ говорилъ; наша роль будетъ тогда сказать „имъ: эй, ребята, не дурачься, а не то я васъ! Но „чтобъ такъ говорить, на что я рѣшился, мнѣ надобно, „чтобъ 1-го (13-го) апрѣля армія была вся готова и „комплектована. Недостатокъ людей пополнить можемъ,

*) Которыхъ нѣмецкій историкъ Іегеръ называетъ измѣнниками германскаго дѣла.

„равно и лошадей. Но нужно, чтобъ и вся матеріаль-„ная часть была въ совершенной и блестящей исправ-„ности“ *).

Фельдмаршалъ былъ нѣсколько иного мнѣнія. Онъ не ожидалъ войны и во всякомъ случаѣ не полагалъ выгоднымъ для Россіи немедленное вмѣшательство, даже если бы война и разгорѣлась.

„Я получилъ извѣстіе изъ Германіи“, писалъ 17-го декабря фельдмаршалъ Государю: „думаютъ, что война „между Австріею и Пруссіею не можетъ возгорѣться. „Финансы обоихъ государствъ, особливо Австріи, такъ „плохи, что насилу они со дня въ день могутъ суще-„ствовать.

„При томъ Венгрія и Италія въ такомъ бунтующемъ „расположеніи, что Австріи нельзя уменьшить число „войскъ, тамъ находящихся, иначе опять бунтъ будетъ.

„Но если бы это случилось, то мы можемъ не вхо-„дить въ это дѣло и тогда только вступить въ войну, „когда другіе, какъ-то: французы и англичане, войдутъ „въ оную, и взять ту сторону, которая будетъ ближе быть „побѣжденною. Тогда страшныя слова Ваши: „я васъ!“— „какъ громомъ поразятъ ихъ и положатъ конецъ по „Вашему велѣнію“ **).

Финансы Австріи дѣйствительно были настолько плохи, что австрійское правительство въ декабрѣ мѣсяцѣ даже не приступило еще къ ликвидаціи разсчетовъ съ Россіей по бывшей войнѣ. Фельдмаршалъ опасался,

*) Письмо отъ 7-го (19-го) декабря 1849 г. Прилож. II, 47.
**) Сем. арх. кн. Паскевича.

что дѣло это затянется спорами за каждую уплату. „Въ благодарность за спасеніе они способны на многое“, добавляетъ онъ.

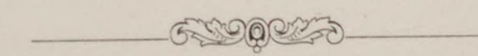
Этимъ оканчиваются событія 1849 года.

Сужденія о дѣйствіяхъ русской арміи въ Венгріи были весьма разнообразны, но фактическій и неоспоримый смыслъ этой кампаніи всегда останется славной для русской арміи и ея главнокомандующаго страницей въ лѣтописяхъ политической жизни Европы.

Въ восемь недѣль, несмотря на холеру и болѣзненность, несмотря на всѣ трудности продовольствія, русскія войска спасли погибавшую австрійскую монархію!

Исключительное положеніе фельдмаршала въ средѣ русскихъ сановниковъ упрочилось почти до небывалой степени. Вся русская армія отдавала ему честь наравнѣ съ самимъ Государемъ *).

Такое положеніе едва ли возможно найти въ исторіи русскихъ вооруженныхъ силъ.



*) Австрійскій императоръ, съ своей стороны, пожаловалъ фельдмаршалу большой крестъ ордена Маріи-Терезіи, что въ австрійской арміи считается высшею наградою за военныя заслуги. См. въ прил. XVIII письмо кн. Шварценберга и, въ прил. XIX, *б*, рескриптъ императора Франца-Іосифа. Еще раньше, въ началѣ кампаніи, фельдмаршалу былъ пожалованъ орденъ Св. Стефана.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1848 годъ.

(37 писемъ).

1.

С.-Петербургъ.
12-го (24-го) января 1848 г.

Уже нѣсколько дней какъ получилъ я твое письмо, любезный отецъ-командиръ, и душевно благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ и моимъ выздоровленіемъ. Теперь я почти совсѣмъ поправился; заболѣлъ сначала грипомъ, потомъ, вѣроятно, простудился, получилъ перемежающуюся лихорадку, которая чуть было не перешла въ нервную; былъ потомъ долго ужасно слабъ; а пуще всего разстроила меня болѣзнь сына; у него тоже былъ грипъ и отъ простуды ли, или усталости, когда за меня работалъ, сдѣлалась сильная лихорадка, угрожавшая воспаленіемъ мозга и нервной горячкой; но Богъ помиловалъ, онъ тоже поправляется, хотя очень похудѣлъ. Зима у насъ ужасная, почти ни разу не было менѣе 8^0 мороза и то часъ или два, а то все 12^0, 15^0 и 22^0! Жестокій юго-западный вѣтеръ дулъ ровно 5 недѣль. Со всѣмъ этимъ по гарнизону больныхъ умѣренно, — въ поли-

тикѣ новаго ничего, кромѣ глупости, трусости и нерѣшимости въ швейцарскомъ дѣлѣ, все возгорается, я себя держу въ сторонѣ, ибо не нахожу крайности участвовать въ дѣлѣ, столь недостойно веденномъ. Въ Италіи очень плохо и тогда какъ два года тому доказывалъ я во всемъ, сколь необходимо заняться этими дѣлами и усилить ихъ армію, они теперь только очнулись, когда уже поздно. Такъ идутъ и прочія дѣла.

Теперь объ другомъ. Я никакъ не могу согласиться, чтобъ слѣдующія постоянно отъ Польши Россіи 3 милл. или 21 милл. злотыхъ были уменьшены. Это вѣчная дань Царства Имперіи, потому этотъ расходъ долженъ предшествовать всѣмъ прочимъ внутреннимъ расходамъ Царства. Ежели недостаетъ способовъ, должно ихъ найти наложеніемъ или даже убавкой пенсіоновъ, но деньги Имперіи должны быть свято выплачены, во что бы то ни стало.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

2.

С.-Петербургъ.
2-го (14-го) марта 1848 г.

Любезный отецъ-командиръ, сейчасъ получилъ я письмо короля прусскаго, въ которомъ онъ въ самыхъ черныхъ краскахъ описывалъ происходящее во всей Германіи. Въ заключеніе онъ говоритъ, что по слухамъ, сообщеннымъ ему изъ Варшавы, готовятся въ Познани перерѣзать всѣхъ нѣмцевъ и что, хотя не слѣпо вѣритъ сему, однако вовсе не пренебрегаетъ симъ слухомъ и проситъ меня къ границѣ познанской приблизить войска наши; чѣмъ, полагаетъ, умы сейчасъ успокоятся. Не могу въ этомъ отказать и уполно-

мочиваю тебя подвинуть вдоль сей границы бригаду или что удобно будетъ. Черезъ границу безъ моего разрѣшенія однако не переходить. Теперь настало время подвинуть наши пріуготовительныя мѣры, и сегодня же высылаю къ тебѣ деньги на покупку артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей для 2-го и 3-го корпусовъ, для артиллерійскихъ корпусовъ въ Царствѣ и одного понтоннаго тамъ же; я велѣлъ призвать къ ружью безсрочно-отпускныхъ этихъ же корпусовъ. Симъ покуда ограничу наши мѣры до дальнѣйшаго развитія обстоятельствъ. Посылка Радовица во всемъ имѣла полный успѣхъ, они на все согласились, но просятъ съѣзда Царей, который сдѣлать не въ Вѣнѣ, а въ Дрезденѣ; это согласно съ моимъ предложеніемъ королю. Мейндорфъ пишетъ, что духъ войскъ въ Пруссіи очень хорошъ; что въ краѣ хорошаго много; но есть и дурной духъ; которому не намѣрены уступать.

За то въ южной Германіи до того плохо, какъ и на Рейнѣ, что самъ король вюртембергскій хотѣлъ услать свое семейство, на что моя Ольга не согласилась, хочетъ, какъ прямая русская, раздѣлить опасность съ тѣмъ, съ кѣмъ Богъ ей опредѣлилъ дѣлить участь. Онъ требуетъ уже помощи отъ австрійскихъ и баварскихъ войскъ, вблизи расположенныхъ,— вотъ настоящее. Будущее въ рукахъ Божіихъ; ежели король прусскій будетъ сильно дѣйствовать, все будетъ еще возможно спасти; въ противномъ случаѣ придется намъ вступить въ дѣло.

Богъ съ тобой, береги себя, будь остороженъ; обнимаю отъ всей души; твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

3.

С.-Петербургъ.
10-го (22-го) марта 1848 г.

Сегодня утромъ я получилъ письмо твое, любезный отецъ-командиръ, отъ 7-го (19-го) числа. Про военныя дѣла узналъ я черезъ твою телеграфическую депешу. Сколько ни ожидалъ я глупостей тамъ; но, признаюсь, происшедшее произошло далеко всѣ мои опасенія. Ты правду говорилъ, что оно значительно теперь измѣнитъ положеніе наше; но, уповая на милосердіе Божіе, не стану унывать, но продолжать буду готовиться всѣми мѣрами ко всему, что намъ грозитъ, спокойно, твердо и съ должной дѣятельностью.

Ежели король прусскій, опираясь на испытанную вѣрность войскъ, подавитъ бунтъ въ Берлинѣ оружіемъ, а не уступчивостью, и исполнитъ ожиданія всѣхъ благомыслящихъ, ополчась на помощь низвергнутыхъ правленій, я въ томъ убѣжденъ, что даже несмотря на всякія глупости, законный порядокъ можетъ быть возстановленъ. Но ежели король сдастся тоже, тогда въ Германіи все потеряно и намъ однимъ придется стоять грудью противъ анархіи, призвавъ Бога на помощь. О сю пору не перемѣню плана, о которомъ условились. Однако, быть можетъ, что при новомъ австрійскомъ правленіи они дадутъ волю революціи, запоютъ что-либо противъ насъ въ Галиціи; въ такомъ случаѣ, не давъ сему развиться, но именемъ самого императора Фердинанда займу край и задушу замыслы. Мои извѣстія изъ Берлина по 4-е (16-е) вечеромъ; войска дѣйствовали славно и были въ такомъ раздраженіи на чернь, что съ трудомъ ихъ удерживали; авось слухи, до насъ дошедшіе, несправедливы. — Киселевъ пишетъ, что въ Парижѣ ждать должно скоро новаго переворота, самаго кроваваго. Что въ Германіи происходитъ, и описать нельзя, тамъ близко ко французскому, и правительство только еще существуетъ по названію.

Просимыя деньги велѣлъ тебѣ выслать, надѣюсь, что ихъ достанетъ на трехмѣсячное продовольствіе, стягивать арміи, безъ крайней нужды, не предполагаю, ибо покуда не съ кѣмъ драться; а готовыми будемъ и въ теперешнемъ расположеніи, гдѣ на продовольствіе и по интендантской твоей смѣтѣ деньги есть. Придвину покуда только одни резервные баталіоны, дабы были подъ рукой до смѣны гарнизоновъ, а прими въ случаѣ выступленія оставленныхъ рекрутъ и больныхъ. По расписаніи отпускныхъ, которые поступили на пополненіе рядовъ, очень много сверхкомплектныхъ поступило унтеръ-офицеровъ. Когда будетъ походъ, вели лишнихъ сдать рекрутъ и. поручивъ одному или двумъ надежнымъ офицерамъ съ каждаго полка, отправить къ своимъ резервнымъ баталіонамъ, къ нимъ же отправлять тогда всѣхъ выздоравливающихъ изъ госпиталей; такъ что скоро резервные баталіоны будутъ сверхъ 1,000 человѣкъ; въ кавалерію брать, кромѣ конныхъ 15 рядовыхъ на взводъ, только имѣть по 1 унтеръ-офицеру и 10 рядовыхъ пѣшихъ на эскадронъ, а лишнихъ, тоже при 1 офицерѣ съ полка, отправить въ резервные эскадроны, туда же отправить рекрутъ, не могущихъ еще быть во фронтѣ, замѣня во фронтѣ отпускными. Конныя батареи у тебя теперь же формировать, а двѣ изъ полевыхъ приказалъ придвинуть къ польской границѣ. Здѣсь отпускные являются усердно. Вели мнѣ запиской доносить еженедѣльно отъ 3-го корпуса, какъ все приводится въ военное положеніе; равно и по саперному баталіону въ Польшѣ и по паркамъ также; въ прочіе корпуса я послалъ съ тѣмъ же порученіемъ флигель-адъютантовъ.

Что-то поляки наши затѣваютъ. При малѣйшей попыткѣ, короткій имъ конецъ.

Береги себя и щади себя для пользы государства, никогда ты ему столь нужнымъ не былъ.

Здѣсь тоже все спокойно. Выѣзды за границу я вовсе

запретилъ, сдѣлай то же у себя; въѣздъ къ намъ только за личной отвѣтственностью нашихъ министровъ и съ моего предварительнаго разрѣшенія, вели то же и по Польшѣ; и въ особенности прекрати свободный въѣздъ по желѣзной дорогѣ.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой навѣки истинно доброжелательный

Н.

Богъ съ тобой.

Г. А. Берга оставь у себя; теперь ему въ Вѣну ѣхать не за чѣмъ.

4.

С.-Петербургъ.
13-го (25-го) марта 1848 г.

Сегодня утромъ только что всталъ—прибылъ твой курьеръ, любезный отецъ-командиръ, съ пріятными извѣстіями изъ Берлина, другихъ мы здѣсь не получали, ибо почти нѣтъ уже другія сутки. Ты очень хорошо распорядился и увидишь, что всѣ твои желанія были уже предварительно исполнены. Предписанія объ приведеніи 1-го и 4-го корпусовъ въ военное положеніе уже посланы были, итакъ ты можешь во всякое время велѣть 6-й легкой дивизіи двинуться когда и куда ты нужнымъ сочтешь. Сегодня приказалъ я начать покупку лошадей для гренадерской артиллеріи.

Здѣсь не только безсрочные являются съ большимъ усердіемъ, но даже отставные солдаты просятся вновь на службу; трогательно видѣть! Духъ прекрасный. Завтра выдаю манифестъ, который счелъ нужнымъ выдать, дабы объявить мой взглядъ на дѣло и мои намѣренія. Событія въ Вѣнѣ хотя по наружности пріутихли, но я сему не вѣрю: мысли славянскихъ католическихъ провинцій соединяются: движеніе въ Краковѣ; польскій легіонъ въ Парижѣ и, наконецъ, тай-

ное увѣдомленіе короля вюртембергскаго ко мнѣ изъ достовѣрнаго источника, что Ламартинъ обѣщалъ полякамъ возстановленіе Польши; все это мнѣ знакомо, что здѣсь ждетъ насъ борьба; я велѣлъ сказать въ Лондонѣ, что на волосъ не уступлю изъ своихъ правъ и припоминаю имъ съ ними заключенный по сему трактатъ, c'est un bon avertissement pour eux. Неслыхано-ль было, ежели-бъ Австрія и Пруссія были довольно дерзки и глупы провозгласить воскресеніе Польши, имъ же хуже, ибо тогда Польша будетъ наша, а не для другихъ.

Вели, для безопасности курьеровъ, имѣть на почтахъ по нѣскольку казаковъ для сопровожденія буде нужно. Не мѣшало бы подумать привесть Ивангородъ въ временное оборонительное положеніе и сдѣлать полевыми укрѣпленіями тетъ-де-понъ. Въ Замостьѣ одинъ фасъ обрушенъ, хорошо бы и его поправить хоть наскоро. Велѣлъ ли ты вооружить фортъ Генвицкій?

Въ заключеніе всего повторяю мою настоятельную просьбу: береги себя и будь остороженъ, да хранитъ тебя Господь.

Обнимаю душевно, а жена тебѣ кланяется.

Навѣки твой доброжелательный

Н.

Вели еженедѣльно меня увѣдомлять объ успѣхѣ приведенія войскъ въ Польшѣ въ охранное положеніе. Каковы Горчаковъ и Денъ? Что поляки показываютъ? подлы ли, или нахальны?

5.

С.-Петербургъ.
15-го (27-го) марта 1848 г.

Пишу тебѣ, мой любезный отецъ-командиръ, съ фельдъегеремъ, котораго посылаю къ дочери. Прошу тебя напра-

вить его по той дорогѣ, которая по обстоятельствамъ, тебѣ болѣе извѣстнымъ, чѣмъ мнѣ, менѣе опасна будетъ.

Сегодня вечеромъ узнали мы про декларацію короля прусскаго, гдѣ онъ объявилъ, что становится главой Новой Германіи, и уничтожаетъ Пруссію. Посмотримъ, кто послѣ подобныхъ его дѣйствій захочетъ признать его за свою главу!

Геройскому поведенію прусской гвардіи видѣть подобную награду — подобное уничиженіе, взрываетъ всякое благородное сердце! Мы всѣ поражены, какъ громомъ! Король теперь слѣпое орудіе демагоговъ, которые имъ ворочаютъ какъ куклой и все его заставятъ сдѣлать, даже самое подлое.

Давно ли просилъ меня объ помощи противъ Позена, теперь же дозволилъ имъ себѣ обѣщать, что они будутъ ему помогать противъ насъ! Не мерзость ли? Вчера издалъ я манифестъ свой; онъ указываетъ всѣмъ, и нашимъ, и врагамъ, что я хочу, не трогая другихъ, но и не дозволяя трогать себя; въ этомъ вся моя задача.

Къ оной всѣ наши мѣры должны клониться.

Казаки выступили 13-го (25-го) марта, неимовѣрно скоро, и 20-го апрѣля (1-го мая) пришли въ Чугуевъ, гдѣ вѣроятно не остановятъ ихъ долго, а направятъ, куда ты хочешь. Полагаю, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ очень нужно быть осторожными въ Самогиціи и хорошо будетъ тамъ имѣть одинъ казачій полкъ. Вѣроятно ты скоро потребуешь передвиженія 2-го корпуса къ себѣ въ Царство. Тогда придется, думаю я, 1-й корпусъ передвинуть на Литву, на мѣсто 2-го, кромѣ занятія крѣпости по Двинѣ, резервные баталіоны, которые формированы, послать полагаю скоро. Здѣсь уже явилось болѣе 700 и съ большимъ усердіемъ; даже отставные приняты вновь на службу, что утѣшительно мнѣ видѣть. Про войну ничего новаго не знаю, говорятъ, будто Богемія съ Моравіей и Силезіей хотятъ соединиться; тогда и Галиціи дадутъ что-либо подобное. Ежели же воз-

станіе въ Познани не будетъ укрощено или укротятъ одними польскими обѣщаніями, тогда близко будетъ къ войнѣ. Буду писать и въ Берлинъ, и въ Вѣну, чтобъ стараться это предупредить,—но вопросъ, будетъ ли удача. Впрочемъ, хлопотъ въ самой Германіи столько, во Франціи все въ такомъ положеніи, что не могу понять, чтобъ имъ достало силъ на какое-либо предпріятіе противъ насъ. Приказалъ по Литвѣ сдѣлать обезоруженіе. Хочу велѣть собрать всѣхъ помѣщиковъ въ губернскіе города, чтобъ имѣть ихъ подъ рукой; и велю объявить, чему подвергнутся при малѣйшемъ видѣ къ бунту; лучше его предупредить, чѣмъ къ нему допустить.

Пересмотри съ Горчаковымъ достоинства дивизіонныхъ и бригадныхъ начальниковъ, и буде гдѣ ненадежны, представь мнѣ къ перемѣнѣ ихъ; дабы не подвергнуть войско быть ведому людьми недостойными довѣрія. Не пора ли приводить крѣпости въ оборонительное положеніе? Въ такомъ случаѣ надо Брестъ палисадировать. Что у тебя по продовольствію дѣлается? На Данцигъ никакъ нельзя считать.

Тяжелое время! но унывать не стану, а вся надежда на милосерднаго Бога и на тебя, мой отецъ-командиръ; постой за Русь святую!

Обнимаю отъ души, твой навѣки доброжелательный

Н.

Боюсь, чтобъ Бергъ не пропалъ!

6.

С.-Петербургъ.
16-го (28-го) марта 1848 г.

Сегодня, въ два часа пополудни, получилъ я письмо твое, любезный отецъ-командиръ, отъ 12-го (24-го). Письма мои, которыя уже должны быть въ твоихъ рукахъ, докажутъ тебѣ, что насчетъ движенія войскъ я многое уже предва-

рилъ и полагаю, что ты уже и самъ распорядился сходно съ этимъ.

Теперь, при совершенномъ безначалiи въ Пруссiи, мы отъ Познани должны всего ожидать, но не армiи, а бунтующихъ массъ. Отъ Галицiи тоже, ибо, по положительному объявленiю графа Фикельмона Фонтону, они хотятъ удерживать тамъ свое владычество и препятствовать безначалiю военной рукой, какъ дѣлаютъ въ Ломбардiи; войны же намъ не объявятъ, ибо хотятъ съ нами оставаться въ добромъ согласiи. Потому, повторяю, покуда съ австрiйской границы жду однихъ шаекъ.

Прусская держава тоже меня въ военномъ отношенiи покуда не страшитъ; король своей прокламацiей навязалъ себѣ на шею такую обузу при теперешнихъ обстоятельствахъ, что не знаю, какъ поладитъ съ прочей Германiей. Но Австрiя его главой не признаетъ, ни многiя другiя изъ южной Германiи; что-жъ онъ будетъ дѣлать? При этомъ положенiи, чтобы онъ для одной Польши соединилъ свои силы противъ насъ, нѣтъ ни вѣроятiя, ни даже возможности. Итакъ, мы должны оставаться въ оборонительномъ, почти кордонномъ расположенiи, sur le qui vive, обращая самое бдительное вниманiе на собственный край, дабы всѣ попытки дома укрощать въ самомъ началѣ. Для того необходимо, чтобъ Литва и Самогицiя были сильно заняты. Чтобъ освободить часть 2-го корпуса отъ большихъ гарнизоновъ, я сегодня же велѣлъ перевесть 2-ю гренадерскую дивизiю въ Динабургъ и лейбъ-гвардiи казачiй полкъ посылаю тоже занять отъ Динабурга шоссе до Ковно, дабы обезпечить сообщенiе до прихода донскихъ полковъ. Затѣмъ полагалъ бы полезнымъ, давъ 1-му корпусу привесть себя въ военное положенiе, не теряя времени, смѣнить 2-й корпусъ въ его теперешнемъ расположенiи, кромѣ Динабурга и Риги, гдѣ резервные баталiоны. Тогда тебѣ притянуть весь 2-й корпусъ къ себѣ

и будешь имѣть тогда 2-й и 3-й корпусы у себя въ Польшѣ и бригаду 11-й дивизіи, которую уже взялъ; 1-й корпусъ будетъ занимать Литву, а 4-й корпусъ — Волынь и границу Подоліи. Между тѣмъ всѣ гренадеры подойдутъ къ Пскову и Двинѣ, а резервные баталіоны будутъ подходить къ своимъ гарнизонамъ къ Ригѣ, Динабургу, Вильнѣ, Гродно, Бобруйску, Бресту и Кіеву. Кажется мнѣ, этого довольно. Но что меня безпокоитъ — это продовольствіе. Мѣра, которую ты предлагаешь — крайняя, и мнѣ бы очень хотѣлось ея избѣгнуть до-нельзя. Повторяю, продовольствіе и укрощеніе всѣхъ попытокъ къ мятежу важнѣе всего, войны же ни съ Пруссіей безначальной, ни съ Австріей я теперь не предвижу. Ежели будутъ прорывы заграничныхъ шаекъ, ихъ надо отражать, взятыхъ съ оружіемъ начальниковъ судить по полевому уголовному положенію и тутъ же казнить, но за границу не преслѣдовать, отнюдь. Вотъ что хочу, и ежели Богъ поможетъ, это должно удаться. Теперь прошу тебя, хоть на колѣняхъ, береги себя ради Бога, и не забудь, что на тебѣ лежитъ! Посылаю къ тебѣ твоего сына и поручаю ему еще болѣе объ томъ отъ меня просить. Здѣсь все тихо. Прямо отъ короля ничего не имѣю, онъ въ плѣну у радикаловъ. Вѣнскія депеши даютъ надежду къ лучшему, ибо всѣ люди въ главѣ дѣлъ достойны, и войско осталось опорой правительства, тогда какъ въ Пруссіи войско отстранено и унижено до крайности. Про П.*) прусскаго ничего не знаемъ, въ газетахъ сказано, что онъ уѣхалъ не къ намъ, а въ Лондонъ. Буде старые вѣрные прусскіе офицеры и даже люди вѣрныхъ войскъ спасаться будутъ къ намъ, вели ихъ принимать и отводить внутрь, потомъ скажу, что имъ дѣлать, но оказывать всякое заслуженное уваженіе братскимъ пріемомъ и оружія не отбирать. Вотъ покуда все.

*) Принца.

Обнимаю тебя, да хранитъ тебя милосердный Богъ, на Него надежда!

Твой истинно доброжелательный

Н.

Жена тебѣ кланяется. Изъ Парижа получилъ сегодня, тамъ будетъ неминуемая рѣзня между собой; вся Vandée и Nantes не признали республики, а въ Страсбургѣ и войско сему негодуетъ.

7.

С.-Петербургъ.
22-го марта (3-го апрѣля) 1848 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое, любезный отецъ-командиръ, отъ 18-го (30-го) марта, за которое душевно благодарю. Дѣла въ Пруссіи, Австріи и Германіи, точно, идутъ страшно худо, и жду еще худшаго. Но наше положеніе покуда не требуетъ никакой еще перемѣны; надо намъ только спокойно и твердо довершить предписанныя мѣры, т. е.: 1) Приводить армію въ военное во всемъ положеніе, строго наблюдать, чтобы все было исправно выполнено. 2) Сформировать первую линію резервовъ, это идетъ быстро и съ большимъ и утѣшительнымъ усердіемъ. 3) Приводить крѣпости въ оборонительное положеніе, включая провіантъ и прочія потребности и знакомя назначеніе гарнизона и начальниковъ обязанностямъ ихъ въ оборонѣ. 4) Считаю очень полезнымъ подумать о мостахъ на Вислѣ, и можетъ быть въ Варшавѣ перевесть мостъ подъ цитадель. 5) По приведеніи войскъ на военное положеніе, перевесть ихъ на тѣ мѣста, гдѣ мы ихъ поставить должны, т. е. 1-й корпусъ двинуть вправо, въ Литву, на смѣну 2-го, присоединивъ его кавалерійскую дивизію; 2-ю легкую тоже присоединить къ ея корпусу тамъ, гдѣ онъ будетъ, и подвесть 9-й резервный корпусъ въ Малороссію. 6) Наконецъ, привесть первую линію резервовъ на

назначенныя имъ мѣста. 7) Гренадерскаго корпуса голова слѣдуетъ на Двину, а ея легкая дивизія и гвардейскіе казаки за Двину въ Вилькомиръ и окрестности. 8) Казаки съ Дона идутъ и къ 5-му іюня будутъ 7 полковъ у тебя, а 5 за ними при резервахъ. Вотъ что придется исполнить, другого ничего. Повторяю, войны все еще нельзя предвидѣть, а будутъ набѣги, попытки къ бунтамъ и что гораздо хуже— тайная война на умы войскъ и края. Противъ сего нельзя быть намъ довольно осторожными. На ругательства и прочее, чѣмъ насъ за границей подчуютъ — на это мы должны смотрѣть съ презрѣніемъ и ждать. Для сего нужны намъ провіантъ и военное продовольствіе, но не разорять край реквизиціями, а платить чистыми деньгами, дабы край признавалъ пользу, а не тягость занятія, ибо намъ надо непремѣнно народъ привязывать матеріальными выгодами. Деньги есть и будутъ, хотя тратить ихъ должно расчетливо. Реквизиціи же разоряютъ край и возстановятъ противъ насъ, чего Боже упаси! Здѣсь хлѣба гораздо болѣе, чѣмъ мы полагали даже; можно доставлять и въ Ригу, и въ Либаву, куда хочешь. Покуда въ Малороссіи хлѣба въ продажу не много, но и его отправить по Королевскому каналу очень можно. Покуда я, кромѣ казаковъ, гвардіи не трону, ибо не за чѣмъ. Притомъ у тебя хлѣбъ въ заготовѣ быть долженъ на текущее продовольствіе, во всякомъ случаѣ его надо зачать непремѣнно. Шведскій король у себя славно справился; можно надѣяться, что устоитъ. Въ Пруссіи анархія полная и отгадать нельзя что будетъ, особенно въ Познани. Дѣла австрійскія съ отложеніемъ Ломбардіи стали еще хуже. Покуда еще въ Вѣнѣ члены правленія люди порядочные, но устоятъ ли при отсутствіи главы — ибо ея нѣтъ, вотъ чему сомнѣваюсь. Про Францію и говоритъ нечего — это хаосъ, вертепъ извергов, готовый на все; теперь изверглось на Германію 12 тыс. самыхъ отчаянныхъ извергов всѣхъ націй,

дабы всюду разнесть убійства и грабежъ, и, сладивъ тамъ, они хотятъ и къ намъ; пусть сунутся, примемъ съ должной почестью! Пиши мнѣ про духъ войскъ, офицеровъ, начальниковъ; что толкуютъ поляки? Все это мнѣ важно знать. Здѣсь покуда все тихо и хорошо; отпускные молодцы, даже дня не проходитъ, чтобъ не просились гвардейскіе отставные на службу; умилительно ихъ видѣть! Замѣчательно, что изъ Кенигсберга г. Денъ пишетъ Рохау, что онъ не получилъ никакихъ приказаній изъ Берлина; между тѣмъ у нихъ носятся слухи, что будто мы выступать хотимъ въ Пруссію, и проситъ Рохау, какъ посланника, увѣдомить его, что справедливо? Впослѣдствіи Рохау, по сношеніи со мной, отвѣчалъ какъ ему, такъ и писалъ генералу Коломбу въ Позенъ, что у насъ и не думаютъ переходить границы, а секретнымъ образомъ увѣдомляетъ, что ежели-бъ обстоятельства ихъ вынудили однихъ или съ вѣрнымъ войскомъ бросить край, то что будутъ у насъ приняты какъ братья. Суворовъ пишетъ мнѣ, что мужики въ Самогиціи въ волненіи тайномъ. Я послалъ туда Анрепа съ тѣмъ, чтобъ съ начала унять; для того и нельзя совершенно оголить сей уголъ, ни Либаву, куда позднѣе пошлю эскадру. Сегодня же отъ Бибикова получилъ копіи съ того, что тебѣ писалъ насчетъ опасеній войны, и происходящаго въ Галиціи на ввѣренный ему край. Жаль, что дѣло инвентарей не могло быть кончено. Ускоряю его сколь можно; внутри края не спятъ, да и войскъ, въ особенности кавалеріи, довольно, чтобъ всякій зародышъ сейчасъ заглушить. Кромѣ того, я велѣлъ 14-й дивизіи 5-го корпуса принять вправо и занять Каменецъ - Подольскъ, Проскуровъ и Ст. Константиновъ; покуда думаю, что сего за глаза будетъ довольно и дастъ тебѣ болѣе свободы располагать 4-мъ корпусомъ. Хорошо бы корпусную квартиру Чеодаева перевесть ближе къ границѣ, тамъ легче распоряжаться и скорѣе отъ тебя получать повелѣнія.

Изъ Лондона ничего не имѣю и не знаю еще, какое вліяніе имѣло тамъ берлинское дѣло.

23-го (4-го). Сегодня баронъ Мейндорфъ сообщаетъ намъ, что Адамъ Чарторижскій и все демократическое общество прибыли въ Берлинъ; что вслѣдъ за ними ожидаютъ польскій легіонъ и что Адамъ предлагаетъ Хржановскаго въ начальники войска, которое въ Познани формироваться должно; съ другой стороны, что туда шлютъ прусскія войска, чтобъ удержать порядокъ; что къ нему, Мейндорфу, приходятъ отъ войска сильныя положительныя увѣренія, что они противъ насъ драться за поляковъ не хотятъ и что отъ публики и даже народа тѣ же увѣренія. Однако, все это доказываетъ, что мы должны быть на все готовы, что и дѣлаемъ. Сверхъ того нашелъ нужнымъ вслѣдствіе сего принять еще нѣкоторыя мѣры. 1) Созвалъ гвардейскіе резервные баталіоны и приведу сюда. 2) Велѣлъ закупить для гвардейской артиллеріи лошадей. 3) Тоже велѣлъ купить лошадей подъ 2-ю легкую гвардейскую дивизію, въ случаѣ скорой потребности кавалеріи. 4) Дабы врасплохъ не застала насъ сумятица въ княжествахъ, велѣлъ запречь артиллерію 14-й и 15-й дивизій и 5-й легкой. На этомъ покуда пріостановлюсь. Гренадерская дивизія выступаетъ въ Динабургъ 28-го (9-го) числа; ежели потребуется далѣе, отъ тебя будетъ зависѣть опредѣлить куда и когда, покуда и этого достаточно. Теперь очень желательно, чтобъ 1-й корпусъ шелъ какъ наскоро сладятъ 2-й въ его нынѣшнемъ расположеніи, дабы весь 2-й корпусъ былъ тогда у тебя свободнымъ подъ рукой, а 1-й занималъ Литву и Самогицію, покуда резервы будутъ подходить. Не велѣть ли 1-му корпусу и 1-й и 2-й легкимъ дивизіямъ трогаться? ежели не весь обозъ у нихъ запряженъ, то могъ бы послать за нимъ и послѣ; но этимъ выиграемъ, что войска будутъ уже расположены въ боевомъ порядкѣ; 3-му резервному корпусу

и 7-й легкой вели трогаться сейчасъ, какъ готовы будутъ. Вотъ покуда и все. Не можешь ли чрезъ тайнаго агента войти въ сношеніе съ генераломъ Коломбомъ, прося его увѣдомлять тебя тайно же объ готовящемся у поляковъ; онъ человѣкъ старый, нашихъ правилъ.

Заключаю настоятельной просьбой: берегись, нельзя отвѣчать, что канальи захотѣть могутъ. Твою телеграфическую депешу сего утра я получилъ въ 11 часовъ, необыкновенно скоро, въ 4 часа! Жаль, что рѣдко бываетъ такъ.

Обнимаю отъ всей души, навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Жена тебѣ кланяется.

8.

С.-Петербургъ.
29-го марта (10-го апрѣля) 1848 г.

Вчера вечеромъ я получилъ твое письмо, любезный отецъ-командиръ, за которое я душевно благодарю. Ты получилъ мои окончательныя разрѣшенія по провіантской части, я соглашаюсь на твои предложенія хотя и нехотя, но съ условіемъ платить деньгами, а не квитанціями, и со строгимъ наблюденіемъ, чтобъ деньги доходили до рукъ продавцовъ. Тоже признаю необходимымъ снабдить всѣ крѣпости всѣми запасами по утвержденному положенію. Поздно будетъ о семъ думать, когда непріятель будетъ на носу и хотя нѣтъ вѣроятія покуда къ войнѣ, но быть готовыми ко всему требуетъ строгая предосторожность.

Сегодня Мейндорфъ и Бенкендорфъ пишутъ согласно, что расположеніе къ войнѣ противъ насъ въ Пруссіи постепенно утихаетъ и что сами поляки сему причиной, своими неистовствами, которыя возбудили вновь всю ненависть къ нимъ

нѣмцевъ. Чарторижскій всячески старается унять поляковъ въ ихъ порывахъ, разсчитывая вдаль и надѣясь на смуты у насъ отъ мужиковъ. По слухамъ, дѣйствительно въ Самогиціи, куда послалъ Анрепа и жду отвѣта, и на Волыни народъ въ волненіи противъ помѣщиковъ. То же мнѣ подтвердилъ и воротившійся оттуда Ф. А. мой, П. Бетанкуръ. На это вели обращать строгое вниманіе всѣмъ губернаторамъ и при малѣйшей искрѣ неповиновенія вели строго наказывать, а въ случаѣ нужды и дѣйствовать оружіемъ.—Всѣ наши приготовленія идутъ хорошо; отпускные являются исправно и скоро; покупка лошадей идетъ очень успѣшно; и скоро резервные баталіоны двинутся съ мѣстъ. Вчера голова 2-й гренадерской дивизіи должна была тронуться. Здѣсь все спокойно, изнутри самыя лучшія свѣдѣнія; дай Боже, чтобъ такъ оставалось.

30-го (11-го). Только что дописалъ эти строки вчера вечеромъ, какъ получилъ курьера, еще перваго изъ Берлина, и извѣщеніе объ посылкѣ сюда чрезъ Познань и Варшаву генерала Пфуля, съ личными порученіями короля, и самыя положительныя увѣренія, что они отнюдь не хотятъ войны съ нами. Теперь, вѣроятно, онъ уже въ Варшавѣ и тебѣ лично обо всемъ доложитъ. Радуюсь сему, желаю вѣрить,—но буду вооружаться попрежнему, ибо не полагаюсь на эти увѣренія—какъ увѣренія такихъ людей, которые сами въ своихъ словахъ, въ томъ, что могутъ или не могутъ, — сами не увѣрены. Сегодня получилъ довольно хорошія свѣдѣнія изъ Галиціи; но Мирковичъ очень боится за Литву; жду, что мнѣ донесетъ Анрепъ, котораго послалъ объѣхать Самогицію; впрочемъ, мудрено имъ что затѣять, довольно тамъ войска; потому и не надо оголять этотъ уголъ. Кажется мнѣ, теперь тамъ довольно войскъ и съ приходомъ гренадеръ освободится полкъ изъ Динабурга, а въ случаѣ нужды и два. Покуда здѣсь все тихо и дурного ничего не слышно и не

видно; то же пишутъ мнѣ отовсюду изнутри. Повторяю, слѣдить надо только строго за порядкомъ у мужиковъ на Волыни, въ Подоліи и Кіевѣ и не шутить. Кромѣ того, ничего не предвижу покуда дурного. Напиши мнѣ, какъ ведутъ себя польскіе отпускные, много ли поляковъ у насъ? Хорошо ли доходятъ наши отпускные и рекруты? Сюда пришедшіе полки прекрасны. Жаль мнѣ, что Горчаковъ хвораетъ; объ Фрейтагѣ велѣлъ писать кн. Воронцову. Не знаю, какъ Дену удастся ѣхать въ Гастейнъ, скорѣе на Кавказъ? Съ измѣною сардинскаго короля не знаю, что будетъ съ Радецкимъ, онъ въ плохомъ положеніи. Вообще ничего нельзя предвидѣть, одинъ только Богъ спасти насъ можетъ отъ общей гибели! На него вся надежда и твердое мое упованіе. Буди Его воля! А ты поберегайся, мой отецъ-командиръ, помни что на тебѣ лежитъ! Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

9.

С.-Петербургъ.
6-го (18-го) апрѣля 1848 г.

Благодарю, любезный отецъ-командиръ, за письмо отъ 2-го (14-го) числа, которое получилъ третьяго дня. Кажется, что поляколюбіе въ Берлинѣ пропадаетъ, благодаря обыкновенной польской безсмыслицѣ; теперь желаю только, чтобъ они хорошенько подрались, и славно бы было, ежели бъ они попались между прусскихъ и нашихъ войскъ; это былъ бы праздникъ и сблизило бы опять войска, которыя никогда бы не должны были иначе дѣйствовать, какъ заодно. Въ Берлинѣ хотя и потише, но настоящаго правительства все еще нѣтъ и долго быть еще не можетъ. Но въ Вѣнѣ дѣлается гораздо хуже, тамъ, въ отсутствіи правительства, производится столько

началъ разрушенія, что я не вижу спасенія. Считаю, что Ломбардія потеряна; Венгрія, своей дерзкой глупостію наживъ Имперіи всѣ бѣды, теперь хочетъ довершить, какъ кажется, совершеннымъ отдѣленіемъ и мечтаетъ взбунтовать княжества, дабы завладѣть устьями Дуная! Галиція еще въ недоумочномъ положеніи. Кажется у нихъ нѣтъ единства въ намѣреніяхъ и простой народъ ничего не хочетъ кромѣ покоя. Теперь прибытіе всѣхъ шаекъ изъ Парижа, можетъ быть, прибавитъ еще затрудненій;—что же будетъ рѣшено про это въ Вѣнѣ, и предвидѣть трудно. Однако изъ предосторожности я велѣлъ во Леовѣ, въ Бессарабіи, поставить въ лагерь 15-ю дивизію съ ея артиллеріею, саперный баталіонъ, стрѣлковый баталіонъ, гусарскій полкъ, казачій полкъ и конную батарею, дабы въ случаѣ нужды сейчасъ занять Молдавію по Серетъ. 14-я дивизія занять можетъ русскую часть Подоліи. Кромѣ того я велѣлъ, кромѣ резервныхъ, собрать и запасные баталіоны 3, 4 и 5-го корпусовъ, чтобъ было чѣмъ занять гарнизоны на Волыни, Подоліи и Новороссійскомъ краѣ, освободя полевыя войска. Вся формировка идетъ очень успѣшно. Радуюсь, что и магазины наполняются. Здѣсь все хорошо. Теперь важно знать, что было въ Лондонѣ; страшно подумать, ежели тамъ что произойдетъ, и полагать надо, что они сами того очень опасаются по огромности и важности принятыхъ противу мѣръ. Что твердятъ наши поляки? Какъ ты доволенъ войсками? успѣшно ли все идетъ? Много ли больныхъ? Что дѣлается по крѣпостямъ?

Береги себя, настоятельно объ этомъ прошу. Обнимаю душевно. Жена тебѣ кланяется.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Не полагаешь ли полезнымъ перевесть капиталы, хранимые въ банкѣ, въ цитадель?

10.

С.-Петербургъ.
9-го (21-го) апрѣля 1848 г.

Третьяго дня утромъ я получилъ твое письмо, любезный отецъ-командиръ, отъ 4-го (16-го). Слава Богу, что все у тебя хорошо идетъ и что приготовленія наши успѣшно исполняются. Телеграфъ какъ-то особенно исправно дѣйствовалъ всѣ эти дни, такъ что обыкновенный рапортъ о благополучіи доходилъ часа въ четыре, не больше, что очень рѣдко—всѣ твои предположенія на движеніе войскъ я вполнѣ одобрилъ; желаю только, чтобъ артиллерія сколько возможно была при своихъ дивизіяхъ, а кавалерія при своихъ корпусахъ. Отпускъ третного жалованья и проч. я разрѣшилъ. Слава Богу, что дѣло продовольствія хорошо устроилось.

Здѣсь все идетъ очень скоро, исправно и радушно, войска и отпускные идутъ съ особеннымъ усердіемъ. Духъ кажется съ каждымъ днемъ лучше; и отовсюду доносятъ то же; сердце радуется!

Какъ я радъ, что дураки поляки своими поступками разгнѣвали пруссаковъ. Пусть же теперь хлебаютъ сами кашу, которую сварили. Кажется Виллизенъ и въ Берлинѣ надоѣлъ; его, говорятъ, отозвали. Коломбъ молодецъ, я его знаю; онъ съ ними сладитъ; и чѣмъ больше подерутся, тѣмъ лучше, вѣроятно и къ намъ бѣгутъ шайки, надѣюсь, что Реадъ имъ задастъ славный урокъ. Какъ я радъ, что прусскіе гусары поохотились на нашихъ бѣглецовъ; ничто имъ. Вели имѣнія этихъ каналій конфисковать. Любопытно знать, что откроется по заговору въ Варшавѣ. На сей разъ въ Лондонѣ попытка шартистовъ не удалась, благодаря твердости правительства, мѣрамъ Веллингтона и здравому разуму большей части жителей; это важная статья. Въ Берлинѣ все попрежнему, и лучшаго имъ предвидѣть нельзя,—

въ Вѣнѣ хаосъ; предвидѣть нельзя хорошаго конца, ибо связь монархій въ конецъ разрушена; силы никакой, а революціонный духъ все сильнѣе. Про Галицію слухи разные; говорятъ, что народъ не хочетъ перемѣнъ и весь за императора. Датскіе эпизоды постыдны для Пруссіи; но помочь датчанамъ мнѣ мудрено; развѣ вмѣстѣ съ Англіей, которая, кажется, хочетъ быть нейтральной.

Про Пфуля ничего не слышно, и я все ни слова не имѣю отъ прусскаго правительства со дня революціи; не лучшее ли это доказательство, что правительства нѣтъ.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

11.

С.-Петербургъ.
20-го апрѣля (2-го мая) 1848 г.

Вчера утромъ получилъ я, любезный мой отецъ-командиръ, твое письмо отъ 15-го (27-го) числа.

Душевно меня радуетъ молодецкій духъ войскъ и малое число больныхъ и бѣглыхъ; нельзя не порадоваться тоже и доброму духу польскихъ отпускныхъ и прочаго народа; дай Боже, чтобъ все это продолжалось! Любопытенъ я знать, что открыто по арестованнымъ заговорщикамъ въ Варшавѣ. Письмо Виллизена и все, что происходитъ въ Познани, выше всего, что вообразить можно наглости, свинства и глупости! Сегодня еще въ первый разъ по революціи жена моя получила письмо отъ короля; и—ни слова про все бывшее, какъ будто ничего не было. Однако говоритъ, что поляки мошенники и что онъ желаетъ, чтобъ они попались тебѣ въ руки, чтобъ ты ихъ могъ повѣсить! вотъ тебѣ образчикъ его головы! затѣмъ хвалитъ насъ за наше долготерпѣніе и проч.

Стыдно и жалко читать. Датское дѣло приняло самый серіозный оборотъ и первое его послѣдствіе будетъ разореніе прусской торговли, право не знаю, чѣмъ это кончится. Покуда у насъ все идетъ хорошо; всѣ наши формировки идутъ очень успѣшно; баталіоны 1-й и 2-й дивизій уже выступили въ походъ на свои мѣста; жду того же донесенія отъ 3-й и 4-й дивизій—важно было рекрутъ 7-й и 8-й дивизій направить въ Брестъ, съ тѣмъ, чтобъ тамъ ихъ сдать резервной дивизіи сего корпуса, который туда предназначался на случай выступленія войскъ дѣйствующихъ въ походъ. Теперь 3-й корпусъ въ Польшѣ и рѣшить надо, можетъ ли онъ принять и обучать своихъ рекрутъ или нѣтъ? ежели нѣтъ, то надо будетъ резервную дивизію туда вести и Брестъ съ окрестностями ей очистить. Дай мнѣ знать, что ты полагаешь по сему. Кажется, расположеніе къ полякамъ въ Германіи быстро измѣняется на ненависть; но ругательства на насъ не прекращаются. Я этимъ презираю, и все не вижу еще повода къ войнѣ. Австрійское правительство намѣрено всѣми силами удерживать порядокъ въ Галиціи, сколько сіе возможно при теперешнемъ порядкѣ вещей, а Краковъ непремѣнно удержать,—въ княжествахъ покуда притихло, но не знаю на долго ли, и отрядъ въ Леовѣ сбирай подъ командой ген. Герценцвейга.

Передвиженія войскъ, которыя ты велѣлъ, я всѣ одобряю, но съ нетерпѣніемъ жду, чтобъ всѣ полки пришли въ свой составъ и не перебивались безъ нужды. Впрочемъ скоро все будетъ готово къ движенію, и тогда все прійти должно въ свое мѣсто по боевому порядку.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

12.

С.-Петербургъ.
28-го апрѣля (10-го мая) 1848 г.

Вчера вечеромъ я получилъ твое письмо отъ 29-го (5-го), за которое душевно благодарю, мой любезный отецъ-командиръ. Положенiе дѣлъ въ Европѣ становится день отъ дня хуже и хуже. Король прусскiй, слѣпое орудiе революцiонной партiи, вдался въ несправедливую войну противъ Данiи и тѣмъ принудилъ уже Швецiю и меня объявить, что мы не можемъ сего допуститъ, но примемъ сiе за объявленiе намъ войны, и уже король шведскiй посылаетъ 15 т. войска въ Данiю на помощь. Желаю, чтобъ сiе предваренiе остановило безсмысленность короля, но опасаюсь, что онъ слишкомъ съ ума сбрелъ, чтобъ остановиться, и тогда война неминуема. Для того настоятельно прошу тебя велѣть 1-й легкой кавалерiйской дивизiи слѣдовать на Литву ближайшимъ путемъ, дабы корпусъ имѣлъ свою кавалерiю при себѣ; сiе необходимо, дабы въ случаѣ войны мы могли наводнить восточную Пруссiю кавалерiей, дабы не дать имъ очнуться и собраться.

7-я легкая дивизiя въ походѣ, но не можетъ прибыть въ Литву ранѣе половины iюля. По телеграфу только знаю еще про смѣну Фикельмона; считаю это обстоятельство важнымъ, не столь потерей человѣка, котораго уважалъ, сколько знакомъ, что правительство совершенно безъ силы и что революцiонная партiя и въ особенности поляки возьмутъ верхъ и надѣлаютъ намъ возможный вредъ. Считаю весьма нужнымъ, чтобъ весь 4-й корпусъ былъ свободенъ отъ постороннихъ обязанностей, но могъ тобою быть сосредоточенъ по обстоятельствамъ, съ тѣмъ, чтобъ въ нуждѣ могъ выступить весь въ Галицiю; и для того предлагаю тебѣ придвинуть къ Подолiи и остальные 3 полка 14-й дивизiи. Дошли до меня свѣдѣнiя, что духъ офицеровъ во 2-й легкой дивизiи,

поляковъ, которыхъ тамъ больше половины, въ особенности въ гусарскомъ Ольги Николаевны — не хорошъ. Хотя я сему не очень вѣрю, но послалъ, подъ предлогомъ осмотра дивизій, г.-а. Анрепа всѣ дивизіи пропустить и удостовѣриться при осмотрѣ, чему вѣрить должно. Онъ тебѣ объ этомъ донесетъ. Что говорятъ про происходящее въ Познани? не судъ ли это и кара Небесная постыдному королю! тотъ, котораго повѣсить слѣдовало, но которому онъ кланялся съ балкона, тотъ теперь съ оружіемъ въ рукахъ бьетъ его войска! Гадость и жалость! Свиданія нашихъ офицеровъ съ прусскими на границѣ хорошее дѣло, ежели чистосердечно — но частыхъ повтореній не нужно, доколь все не утихнетъ. Не думаю, чтобъ при теперь происходящемъ ген. Пфуль скоро къ тебѣ прибылъ. Здѣсь все у насъ очень хорошо; всѣ резервные баталіоны 1, 2, 3 и 4-го корпусовъ уже выступили въ составѣ 30 т. отборнаго войска. Гренадерскіе баталіоны вслѣдъ за ними тоже пойдутъ. Первые придутъ баталіоны 4-го корпуса въ Кіевъ, и тѣмъ освободятъ до Житоміра 4-й корпусъ отъ обязанности занятія края. Дюгамель, котораго я послалъ въ Молдавію, пишетъ мнѣ, что теперь тамъ тихо и боятся насъ. Отрядъ сбирай въ Леовѣ, но не дозволяй переходить безъ моего разрѣшенія. Изъ Англіи ничего новаго не знаю, но кажется, что у нихъ въ Ирландіи плохо, — вотъ покуда все, что имѣлъ сказать.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю и настоятельно прошу берегись.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Г. Фрейтага назначилъ къ тебѣ генералъ-квартирмейстеромъ.

Сегодня умеръ здѣсь скоропостижно Г. А. Гейсмутъ.

13.

Царское Село.
10-го (22-го) мая 1848 г.

Третьяго дня вечеромъ получилъ я твое письмо, любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю. Всѣ твои распоряженія по движенію и размѣщенію войскъ я вполнѣ утверждаю, они совершенно согласны съ моими собственными видами. Итакъ, вели резервной дивизіи 1-го корпуса кромѣ Риги занять Митаву и Либаву, останется рѣшить, чѣмъ замѣнить полкъ на прусской границѣ, куда резервы удѣлить нельзя, не разстроивъ ихъ обязанностей. Казалось бы, что одинъ полкъ 1-го корпуса могъ бы туда идти. Сосредоточенное расположеніе 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ мнѣ очень нравится; оно удобно будетъ для всѣхъ случаевъ; желательно только, чтобъ артиллерія 1-го корпуса могла скорѣе примкнуть къ своимъ дивизіямъ. Гарнизонъ въ Кіевѣ покуда занять могутъ 6-й и 2-й резервные саперные баталіоны, баталіонъ 5-й саперный идетъ въ Бессарабію въ Леовскій отрядъ. Кромѣ того въ Кіевѣ маршевые гвардейскіе баталіоны, которые до прихода резервныхъ баталіоновъ 4-го корпуса могутъ тоже содержать караулы. Л.-гв. казачьему и атаманскому полкамъ и гвардейской донской батареѣ я велѣлъ изъ Чугуева слѣдовать теперь же въ Брестъ, гдѣ могутъ или остановиться, или слѣдовать дальше въ Варшаву. Жандармскій полкъ готовъ; вели когда хочешь ему выступить къ главной квартирѣ или куда за лучшее сочтешь. Драгунскій корпусъ я полагаю до времени остановить въ Малороссіи, но ежели желаешь имѣть его ближе къ себѣ, дай мнѣ знать по телеграфу, буде время дорого. Вотъ кажется покуда и все. Здѣсь по войскамъ и по резервамъ все идетъ славно. Гвардейскій смотръ былъ блестящій; вся артиллерія готова и въ превосходномъ видѣ, хотя все куплено въ шесть недѣль! Резервы всѣ въ по-

ходѣ и сильнѣе, чѣмъ полагалось; всѣ баталіоны за 500 человѣкъ. Одна бѣда холера! она опять, въ особенности въ Москвѣ, развивается; и 7-я легкая дивизія, достигнувъ Гжатска, начала терять своихъ людей. Страшно, ежели пойдетъ далѣе. Вели нарядить строгое слѣдствіе въ Ревельскомъ полку, онъ оставилъ очень много больныхъ въ Бобруйскѣ и, что всего хуже, гноеточивыхъ глазныхъ; и въ такой сильной степени, что въ однѣ сутки совершенно слѣпнутъ! это бѣда, и ежели разовьется, то не знаю, какъ быть съ резервами 9-й дивизіи, которые туда направлены, равно какъ и съ рекрутами! Долженъ быть какой-либо безпорядокъ. Извѣстіе объ добромъ къ намъ расположеніи прускихъ офицеровъ съ одной стороны очень утѣшительны, но плачевно, хоть и справедливо, ихъ негодованіе на короля и желаніе быть подъ принцемъ прусскимъ. Но я вполнѣ раздѣляю твое и ихъ мнѣнія, что онъ одинъ, ежели у него достанетъ духа и рѣшимости, еще можетъ спасти Пруссію отъ полнаго разрушенія. Какъ сіе сдѣлать, не рискуя свергнуть короля, т. е. самимъ дѣйствовать революціонно, — такая трудность, такая задача, что и не придумаю. Одно теперь почти рѣшено, что Пруссія не можетъ и не хочетъ насъ атаковать; что въ Познани сами поляки уничтожили то, что было въ ихъ пользу затѣяно, и потому, что и сей опасности намъ не предстоитъ. Весь вопросъ съ этой стороны нынѣ: будетъ ли республика или установится Монархія, безсильная, мнимая,—и все тутъ. Зная характеръ принца прусскаго, сомнѣваюсь очень, чтобъ онъ умѣлъ найтиться, развѣ король теперь же откажется отъ престола, что повлечетъ сейчасъ признаніе республики въ Берлинѣ, но въ такомъ случаѣ и армія, и большая часть провинцій навѣрно обратятся къ принцу прусскому, какъ къ законному наслѣднику. Покуда намъ должно выжидать, елико можно поддерживать добрыя сношенія съ прусской арміей, не показывая однако, чтобъ мы въ нихъ искали, по отвѣчать

только на ихъ добрыя чувства къ намъ. Богъ укажетъ, что далѣе намъ возможно! Вчера вечеромъ по телеграфу узналъ я о бѣгствѣ изъ Вѣны императора и семейства въ Инсбрукъ. Это опять неожиданно; понимаю, что они ищутъ быть среди вѣрнаго народа и избѣгнуть плѣна или диктаторства каналій. Покуда армія вѣрна, и ежели успѣхи Радецкаго продолжатся, то можетъ быть это къ лучшему. Прагское воззваніе къ славянамъ надо было ожидать по довольно мнѣ тамъ извѣстному духу; но отвѣчать на оное не будемъ; не наше это дѣло. Будемъ ждать и смотрѣть, чѣмъ это все кончится. Жду извѣстій изъ Берлина въ отвѣтъ на мое объявленіе, что, буде атакуютъ собственно Данію, приму это за разрывъ съ нами. Но кажется они насъ боятся и не допустятъ до того; однако этого и желаю, а покуда успѣемъ собраться и совершенно изготовиться. Все идетъ прекрасно и успѣшно. Видѣлъ на-дняхъ польскихъ отпускныхъ и рекрутъ, глядятъ молодцами. Что побѣги и больные? Какъ служатъ поляки? Надѣюсь, что уличенныхъ въ заговорахъ или измѣнѣ накажемъ по заслугамъ; теперь примѣры заслуженныхъ взысканій еще болѣе необходимы. Пойманныхъ въ Литвѣ заграничныхъ каналій надо судить со всею строгостію, чтобъ отбить охоту къ подобнымъ къ намъ посѣщеніямъ; поймался покуда одинъ, но пробралось извѣстныхъ 5; надо ихъ отыскать. Надѣюсь, что финансовый твой комитетъ найдетъ возможнымъ исправиться, ибо ежели торговля отчасти и страдаетъ, но зато мы много денегъ въ краѣ тратимъ и онѣ должны возвращаться въ податяхъ. На-дняхъ отправилъ сына Константина въ Штокгольмъ; король себя ведетъ очень хорошо; я предложилъ ему нашъ флотъ для перевозки его войскъ въ Данію, не знаю, захочетъ ли предложеніемъ моимъ воспользоваться. Мейндорфъ пишетъ сегодня, что, кажется, датское дѣло не поведетъ къ разрыву съ нами и что, какъ кажется, дѣло идетъ на мировую. Пишутъ то же, что

разнесся слухъ, будто французы скоро выступятъ въ Италію и перейдутъ Рейнъ, такъ чтобы возстановить Польшу! милости просимъ. Другого важнаго ничего не получалъ.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Прошу поберегаться.

14.

Александрія, близъ Петергофа.
29-го мая (10-го іюня) 1848 года.

Благодарю Бога, любезный отецъ-командиръ, что ты опять здоровъ, но крѣпко ты меня напугалъ, и я о сю порю не знаю, чѣмъ ты былъ такъ опасно боленъ? Ради Бога берегись и не пренебрегай осторожностію. Письмо твое я получилъ третьяго дня; радуюсь, что все въ порядкѣ, но совершенно раздѣляю твое мнѣніе, что нельзя вѣрить тому, что Реадъ утверждаетъ. Ежели тишина есть, то мы симъ обязаны строгимъ и благоразумнымъ твоимъ мѣрамъ, присутствію войскъ и развѣ еще сравненіемъ съ сосѣдней гибелью, навѣрно не иному. Сейчасъ узналъ по телеграфу о пріѣздѣ въ Потсдамъ принца прусскаго и скорѣе жалѣю сего, чѣмъ радуюсь; ибо вдали онъ былъ предметомъ надеждъ здравомыслящей партіи; на мѣстѣ же истинно окажется ея посломъ, т. е. послушнымъ волѣ короля или иначе. О!!! Съ этимъ исчезнутъ, боюсь я, всѣ надежды на возстановленіе порядка и все пропадетъ. Что въ Вѣнѣ происходитъ еще гаже, чѣмъ въ Берлинѣ, и о сю пору нельзя придумать, чѣмъ все кончится. Радецкаго побѣда не мало порадовала; дай только Богъ, чтобъ онъ былъ дѣятеленъ и умѣлъ воспользоваться симъ успѣхомъ. Въ Неаполѣ король умѣлъ значительно поправить свои дѣла, и войско его дралось хорошо. Тѣмъ стыднѣе, что ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ не успѣли

того же сдѣлать!!! Боюсь, чтобъ датчане не сдурачили; ихъ глупая атака, тогда какъ пруссаки по моему настоянію оставили Ютландію, и глупа и дерзка; и я имъ объявилъ это. Сына тамъ приняли какъ нельзя лучше. Сокрушаетъ меня, что въ арміи опять сильная болѣзненность и въ особенности въ Муромскомъ полку, да и побѣги сильны. Для послѣдних придется сдѣлать нѣсколько примѣровъ по полевому уголовному положенію.

Мнѣ нуженъ скорый отвѣтъ твой, вести ли 2 бригады или даже и всѣ три бригады 3-й резервной дивизіи изъ Бобруйска въ Брестъ, дабы дѣйствующія войска освободить отъ гарнизона? Это легко можно, но прошу отвѣта по телеграфу. Здѣсь все идетъ славно, резервы идутъ, больныхъ у нихъ мало, и усердія масса. Про дефицитъ ничего не могу еще отвѣтить, ибо я ни Туркула, ни Врангеля не видалъ. Торговля здѣсъ идетъ порядочно, и таможенный сборъ хорошъ и вообще подати идутъ исправно.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Напоминаю тебѣ объ дѣлѣ сватовства Езерскаго на Бобринской, нельзя ли уговорить отца, чтобъ не дурачился, а далъ свое согласіе, хотя по моему желанію.

15.

Александрія, близъ Петергофа.
7-го (19-го) іюня 1848 г.

Третьяго дня, утромъ, я получилъ твое письмо, любезный отецъ-командиръ, отъ 1-го (13-го) числа.

Слава Богу, что все у насъ тихо и исправно и что время имѣемъ устроить все какъ должно, чтобъ готовыми быть на все, что предстоять можетъ при тяжелыхъ обсто-

ятельствахъ. Въ особенности радъ, что армія комплектуется и устраивается какъ слѣдуетъ; но жаль, что число больныхъ столь значительно усиливается; боюсь, чтобъ скоро и холера не достигла, она у насъ здѣсь у дверей, ибо въ Новой Ладогѣ. Также слѣдуетъ и за 7-й легкой дивизіей, остановить ея нельзя никакъ, но можно будетъ на время съ ней не сообщаться. Парки велѣлъ усилить по твоему желанію, но покуда не покупая лошадей, а двинувъ 18-й изъ Калуги, переименовавъ въ 1-й, для прочихъ все будемъ готовить. Всѣ резервы осмотрѣны и найдены въ превосходномъ видѣ и духѣ. По твоему увѣдомленію я не трону изъ Бобруйска резервныя бригады 8-й и 9-й дивизій. Но ежели намъ угрожать будетъ близкая война, считаю сіе необходимымъ, чтобъ занять надежно Брестъ, безъ участія полевыхъ войскъ, которыя надо чтобъ свободны были. Вчера явился Фрейтагъ; жена его родила здѣсь черезъ два дня по пріѣздѣ и потому я ему дозволилъ пробыть здѣсь нѣсколько времени. Что сказать про Европу? мнѣ кажется, что все идетъ хуже и хуже; Радецкаго операція не удалась и онъ до того слабъ числомъ войскъ, что признаетъ безъ подкрѣпленій невозможнымъ дѣйствовать наступательно.

Между тѣмъ въ Иннсбрукѣ тоже вѣчная слабость и нерѣшимость; въ Вѣнѣ безначаліе, въ Прагѣ бунтъ — словомъ, общее разрушеніе! Сегодня по телеграфу узнали, что было въ Берлинѣ 2-го (14-го) числа, увѣренъ, что будетъ и еще хуже, и почти что сему радуюсь, ибо надо, чтобъ былъ какой-либо конецъ. Датское дѣло снова запуталось отъ несчастнаго недоразумѣнія и право не знаю, чѣмъ кончится; стращать же опять не могу, ибо не хочу быть компрометированнымъ безтолковостью датчанъ. Дай Богъ, чтобъ у насъ все продолжало быть хорошо; покуда такъ. Но сильные и частые пожары (Орелъ почти весь выгорѣлъ) вездѣ пугаютъ; въ Харьковѣ урожай очень плохъ, и въ торговлѣ внутренней

испугъ отъ пожаровъ. Авось, дастъ Богъ, справимся. Здѣсь все тихо, но ждемъ холеры.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Какъ ты себя чувствуешь и бережешь ли?

16.

Александрія, близъ Петергофа.
10-го (22-го) іюня 1848 г.

Любезный мой отецъ-командиръ, сегодня, утромъ, я получилъ твое письмо отъ 6-го (18-го). Подробности бывшаго въ Прагѣ, происшедшаго въ Венгріи и дѣлающагося въ Вѣнѣ столь же любопытны, какъ крайне горьки! Что изъ всего этого выйдетъ, можно предвидѣть, то-есть паденіе Австріи; но послѣдствія паденія сего могутъ быть многоразличны. Каковы бы они ни были, одно положительно намъ важно, это то, чтобъ опять не возродилось, съ согласія ли, или безъ согласія императора, отдѣльное самостоятельное новое царство въ Галиціи, подъ именемъ Польскаго или Славянскаго. Ежели будетъ такъ, то я непремѣнно вступлю въ Галицію и присоединю къ Россіи древнее ея достояніе. Ибо край сей можетъ быть только или австрійскимъ или русскимъ; иного не могу допустить никогда, во что бы то ни стало.

Ни Богеміи, ни Моравіи, ни чего другого не приму подъ скипетръ Россіи, даже ежели-бъ объ этомъ настоятельно просили, ибо оно было-бъ прямо противно выгодамъ нашимъ. Готовъ бы даже отдать половину Польши, но Галиціи никому не уступлю, коль скоро она перестанетъ быть областью Австріи. Предваряю тебя объ этомъ, что впрочемъ ты отъ меня часто слыхалъ, дабы твои соображенія имѣли сіе въ виду. На это употребимъ 4-й корпусъ и, буде нужно, 2-й резервный кавалерійскій или драгунъ; все это подъ рукой. Дюгамель

15*

пишетъ, что необходимо смѣнить Стурдзу въ Молдавіи и что сему краю угрожаетъ нашествіе каналій изъ Трансильваніи съ помощію поляковъ и всякаго сброда; ежели такъ будетъ, наши войска вступятъ по Серетъ, хотя, признаюсь, мнѣ этого очень не хочется. Въ Берлинѣ, думаю, близко къ развязкѣ: или будетъ скоро республика, или правительство наконецъ будетъ принуждено дѣйствовать какъ бы достоинству его давно прилично.

Пріѣздъ принца прусскаго самая плачевная глупость; послѣ того я на него мало имѣю надежды, ибо кажется, что онъ потерялъ духъ. Холера другой день, что пришла къ намъ. Буде воля Божія; беремъ всѣ мѣры, не пугаюсь. Боюсь, чтобъ она не разошлась по арміи; въ Москвѣ заболѣваетъ до 250 чел. въ сутки, а умираетъ до 90; впрочемъ, все у насъ здѣсь въ порядкѣ. Каковъ ты самъ и Горчаковъ? Обнимаю душевно, жена тебѣ кланяется, а я цѣлую руки княгинѣ.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Клейнмихель тебѣ посылаетъ проектъ шоссе для соединенія Брестско-Московскаго съ Брестско-Кіевскимъ, хорошо ли этакъ?

17.

Александрія, близъ Петергофа.
21-го іюня (3-го іюля) 1848 года.

Благодарю тебя, любезный отецъ-командиръ, за письмо твое 15-го (27-го) іюня. Мнѣніе твое объ томъ, что происходитъ въ Австріи и Пруссіи, я вполнѣ раздѣляю. Въ Пруссіи мы близки къ плачевной развязкѣ, ежели король не рѣшится дѣйствовать заодно съ арміей и съ массой народной, вопреки своимъ глупымъ мечтамъ, которыя его погубили и

весь край, уже явно говорятъ, что съ нимъ нечего дѣлать, даже армія, ежели не такъ говоритъ изъ долга чести, то такъ мыслитъ; но всѣ хотятъ кончить съ Берлиномъ, ибо никто въ мысли народной не хочетъ предаться новымъ идеямъ. Въ Австріи менѣе единства, ибо національности всѣ злобно возбуждены одна противъ другой, силы нигдѣ и воли еще менѣе, какая же будущность? Дѣла въ Италіи немного исправились, но Радецкій требуетъ усилить его 25-ю тыс., что не скоро сдѣлаешь, а между тѣмъ венгерцы съ кроатами дерутся и страшно, ежели лучшіе полки Радецкаго, кроаты, узнавъ, что у нихъ дома происходитъ, вдругъ бросятъ армію. Дай Богъ, чтобъ не было, но опасаюсь, что Имперія распадется. Крайне мнѣ прискорбно, что Дюгамель, испуганный смутами въ Валахіи, рѣшился самъ отъ себя предложить Герценцвейгу вступить въ Молдавію. Не убѣжденъ я въ сей необходимости и опасаюсь большихъ затрудненій. Это меня принудило направить влѣво заднюю бригаду 14-й дивизіи и уланскую бригаду 5-й легкой дивизіи съ ихъ артиллеріей, дабы подъ рукой былъ готовый резервъ, ежели надо будетъ идти далѣе или дѣла запутаются. Приказалъ резервной дивизіи 4-го корпуса идти въ Каменецъ и Хотинъ взамѣнъ 14-й дивизіи; перевожу 3-ю резервную дивизію изъ Бобруйска въ Кіевъ, а Бобруйскъ занимаю резервной бригадой 2-го корпуса.

Здѣсь у насъ другая бѣда—холера въ высшей степени, заболѣваетъ до 800, умираетъ до 500 человѣкъ въ день. Въ войскахъ она тоже дѣлаетъ много жертвъ, даромъ что стоятъ въ лагерѣ. Чуть было въ городѣ не дошло до безпорядковъ отъ глупой мысли отравы. Я строго наказалъ перваго зачинщика и, объѣхавъ городъ, увѣщевалъ былъ смиренными, покуда удалось. Неурожай угрожаетъ многимъ губерніямъ, и наконецъ пожары поглощаютъ городъ за городомъ и много селъ и деревень, словомъ, хлопотъ много. Утѣшный мнѣ духъ

войска; да сохранитъ ихъ Господь отъ жизненной и душевной грозы.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ и обнимаю тебя отъ всей души. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

18.

Александрія, близъ Петергофа.
29-го іюня (11-го іюля) 1848 г.

Любезный мой отецъ-командиръ, вотъ четыре дня, что получилъ письмо твое, и по важности его содержанія и приложенной записки я только что сегодня могу отвѣчать. Обстоятельства столь быстро измѣняются, что можно только опредѣлять вѣроятное. Отвѣчать, стало, буду только взявъ въ соображеніе то, что мнѣ новымъ представится. Прилагаемую записку посылаю тебѣ какъ отвѣтъ на твои предположенія. Начало написано ровно за два мѣсяца, но я и ее тебѣ посылаю, дабы тебѣ извѣстенъ былъ весь мой образъ мыслей или мой взоръ на сіе дѣло. Теперь, во второй части моей записки, излагаю что желаю, чтобъ служило руководствомъ твоихъ чистовыхъ, подробныхъ распоряженій. Въ основаніе ставлю не дробить и не разстраивать состава корпусовъ, что я рѣшительно не дозволяю. Силъ у насъ довольно, надо только ихъ такъ расположить, чтобъ ихъ имѣть подъ рукою, гдѣ надо. Буде ты желаешь теперь же двинуть 2-й резервный кавалерійскій корпусъ и даже 3-й—сіе совершенно тебѣ предоставляю прямо имъ приказать, а меня увѣдомить телеграфомъ. Тоже, ежели желаешь придвинуть въ Вильну 3-ю гренадерскую дивизію, стоитъ тебѣ приказать и дай прямо знать, а меня увѣдомь. Можетъ быть это будетъ и лучше, дабы болѣе имѣть 1-й корпусъ подъ рукой. Тогда я прочее, какъ сказано въ запискѣ, сейчасъ подвину постепенно. Сегодня же дамъ приказаніе собрать запасные бата-

ліоны 1-го и 2-го корпусовъ, они во-время поспѣютъ. Не думай однако, чтобъ скоро предстали тѣ два случая, которые я предвижу, чтобъ насъ вызвали къ дѣйствію.

Не такъ идутъ дѣла и можетъ быть это и лучше, и мы будемъ готовыми и потребность въ насъ будетъ ощутительнѣе. Къ счастію, войска наши не перешли Прутъ, чему я очень радъ, и не перейду безъ крайней необходимости, развѣ турки меня попросятъ и вмѣстѣ пойдутъ. Холера у насъ сильно свирѣпствуетъ, доходило до 1.062 больныхъ въ день и 680 умершихъ! войска въ городѣ сильно страдаютъ, въ лагерѣ меньше. Крайне опасаюсь развитія ея по арміи, и крайне прошу тебя самого быть сколько можно осторожнымъ для себя! Прошу тебя объ томъ именемъ Россіи. Сраженіе въ Парижѣ — ужасный урокъ; но откроетъ ли кому глаза, право, не думаю; не думаю также, чтобъ было послѣднимъ, а полагаю скорѣе, что борьба будетъ еще долго продолжаться и что одна военная власть и на время усмирить можетъ; но кто сей герой быть можетъ — одинъ Богъ знаетъ!

Изъ Берлина все тѣ же вѣсти безначалія. Король нуль, принцъ прусскій нулемъ сдѣланъ, войско горитъ нетерпѣніемъ, страхъ объ нашемъ появленіи—и все тутъ. Эрцъ-герцогъ Іоганнъ, говорятъ, принялъ новое свое званіе; посмотримъ, что онъ сдѣлаетъ. Радецкій въ Италіи хочетъ продолженія, но дадутъ ли что придумать для успѣха?

Жена тебѣ кланяется; а я душевно обнимаю. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Цѣлую руку княгинѣ.

Ежели послѣдуетъ разрывъ съ Пруссіей, мы не должны искать завоеваній, но ограничиться дѣйствіями, которыя бы только усилили наше оборонительное положеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что Польша не представляетъ въ семъ отношеніи никакой возможности до самой Вислы, ибо правый нашъ флангъ окрыленъ восточной Пруссіей, тогда какъ лѣвый въ томъ же невыгодномъ положеніи къ сторонѣ Галиціи, и на всемъ пространствѣ, отъ границъ Шлезіи до самой Вислы, весь край не представляетъ никакой опорной точки. Потому, при оборонительной войнѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ежели не будемъ имѣть успѣха съ самаго начала дѣйствій, разбитіемъ непріятеля, значительный отпоръ нашъ будетъ на берегахъ Вислы. Но, когда разрывъ съ Пруссіей откроетъ намъ свободу дѣйствій, часть невыгодъ географическаго нашего расположенія можетъ быть исправлена немедленнымъ занятіемъ восточной Пруссіи по Вислу.

Полагаю, что это исполнить можно довольно удобно, предназначивъ на это 1-й и 2-й корпуса; предоставя 3-му и части 4-го охраненіе Польши и наблюденіе за Галиціею.

2-й корпусъ долженъ былъ бы спуститься вдоль по правому берегу Вислы, наблюдая за Торунью и Грауденцомъ, тогда какъ 1-й вступилъ бы въ предѣлы Пруссіи отъ Августова и, оставивъ вправо Леценъ, направился бы на Гутштадтъ и Браунсбергъ.

Прусскій 1-й корпусъ будетъ или противиться нашему вступленію или, быть можетъ, недовольный теперешнимъ порядкомъ дѣлъ въ Пруссіи, согласится на бездѣйствіе, заключивъ условія, подобныя бывшимъ въ 1813 году; но ни то, ни другое не можетъ ни остановить, ни измѣнить нашего образа дѣйствій. Мы вступимъ не врагами, но прежними друзьями; сражаться будемъ только съ тѣми, которые отважатся намъ сопротивляться.

1-й корпусъ будетъ уничтожать сопротивленіе или, въ случаѣ мирнаго пріема, направится дальше къ Эльбингу и Данцигу.

Достигнувъ Вислы, мы остановимся; въ то же время гре-

надеры и гвардія подойдутъ къ Нѣману и Нареву и составятъ сильный резервъ. Резервныя войска займутъ Литву и Курляндію. Казачьи полки присоединятся къ арміи.

Тогда предстанетъ вторая эпоха. Пруссія, занятая внутреннимъ неустройствомъ, или въ безуміи прибѣгнетъ къ германскому союзу, прося помощи, и захочетъ сдѣлать войну общую, или въ Пруссіи послѣдовать можетъ совершенный переворотъ, т. е. всѣ старые пруссаки и можетъ быть часть арміи не захотятъ съ нами войны, недовольные новымъ порядкомъ дѣлъ, воспользуются нашимъ появленіемъ и, свергнувъ новое правленіе, присоединятся къ намъ, дабы съ нашею помощью возстановить прежній порядокъ.

Первый случай имѣетъ нѣкоторое вѣроятіе, ежели опасеніе нашествія французовъ не остановитъ дѣло въ самомъ исполненіи.

Тогда обстоятельства одни рѣшатъ, идти ли намъ далѣе, или къ какимъ мѣрамъ намъ приступить будетъ выгоднѣе.

Второй случай, сколько-бъ я его ни желалъ, менѣе вѣроподобенъ; несомнѣнно, что партія желающихъ сего существуетъ, но духъ долга и вѣрности присяги въ войскѣ такъ еще силенъ, что врядъ ли оно не останется вѣрнымъ долгу, хотя и противъ своихъ душевныхъ желаній. Но ежели такой бы переворотъ и послѣдовалъ, мы ему неиначе должны способствовать, какъ только служа опорой или резервомъ; но предоставивъ имъ самимъ дѣйствовать, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла.

Наконецъ, ежели-бъ дѣйствительно вся Германія, несмотря на опасенія со стороны Франціи, за одно съ Пруссіей обратилась на насъ, тогда, имѣя линію Вислы предъ собой, мы несомнѣнно будемъ въ сильнѣйшемъ оборонительномъ положеніи, чѣмъ нынѣ. Положеніе сіе было-бъ еще сильнѣе, ежели бы было вѣроятіе, что крѣпости на Вислѣ: Торунь,

Грауденцъ и наконецъ Данцигъ, открыли намъ ворота; но на это считать не должно.

Предсказать, что будетъ послѣдствіемъ, невозможно.

Эти строки были написаны за два мѣсяца тому. Съ той поры обстоятельства во многомъ перемѣнились. Пруссія не только не можетъ помышлять о наступательной войнѣ противъ насъ, но часть силъ ея отвлечена безразсудною войною съ Даніею; другая только что укротила мятежъ въ Познани; третья удержана въ Потсдамѣ и окружности Берлина, ожидая ежечасно минуты, гдѣ дозволено будетъ войску наказать вѣроломный Берлинъ и смыть незаслуженный позоръ, нанесенный прусскому знамю въ прошломъ мартѣ. Войско еще вездѣ вѣрно своему долгу; тѣ же чувства питаетъ большая часть ландверовъ и даже сельское населеніе, и нѣкоторые изъ большихъ городовъ. Духъ враждебный противъ насъ исчезъ въ войскахъ и замѣняется все болѣе и болѣе надеждой на нашу помощь.

Кажется и въ самомъ краѣ многіе дѣлятъ тѣ же надежды.

Итакъ, наступательной войны отъ Пруссіи ожидать нынѣ нѣтъ никакого повода.

Съ этой стороны могутъ представиться только два случая къ военнымъ дѣйствіямъ, а именно: ниспроверженіе существующей королевской власти и установленіе всеобщей республики, или призывъ насъ на помощь королевской власти, ежели собственныхъ способовъ не достанетъ, чтобы укротить анархію.

Первый случай полагаю я менѣе вѣроятнымъ съ каждымъ днемъ, ибо Берлинъ и Бреславль одни ищутъ республики; весь же край и вся армія противъ; частное провоз-

глашеніе не увлечетъ край, доколь армія вѣрна долгу и духъ въ краѣ не въ конецъ испорченъ.

Но второй случай можетъ легко сбыться, ежели покушеніе усмирить Берлинъ и Бреславль не будетъ имѣть успѣха и король будетъ просить нашей помощи.

Въ ней отказать мы не можемъ, но не безусловно.

Вотъ что полагаю тогда исполнить: такъ какъ призывъ сей будетъ безъ нашего предложенія, намъ дозволено требовать необходимыхъ условій, чтобъ помощь наша не нарушила нашей собственной безопасности. Намъ нуженъ залогъ—я требовать буду ввести свой гарнизонъ въ Торунь, совмѣстно съ прусскимъ.

Тогда, оставивъ въ Польшѣ и на Волыни 4-й корпусъ для прикрытія тыла и лѣваго фланга, оставивъ 3-й корпусъ противъ Шлезіи и Познани, двинуть полагаю 2-й и 1-й въ Пруссію, направивъ вслѣдъ за ними гренадеръ и гвардію.

Оголять лѣвый нашъ конечный флангъ отнюдь нельзя, и по обстоятельствамъ княжествъ, и по неопредѣлительности ожидаемаго въ Австріи. Двѣ дивизіи пѣхоты и 5-я легкая 5-го корпуса необходимы для прикрытія Бессарабіи и, можетъ быть, для занятія Молдавіи по Серетъ. 4-й корпусъ занимать долженъ одной дивизіей Волынь, двумя Люблинскую губернію и Варшаву. Останется 3 свободныхъ корпуса, кромѣ гренадеръ и гвардіи и резервной кавалеріи. Изъ сихъ корпусовъ 3-й долженъ прикрывать лѣвый флангъ дѣйствующихъ войскъ, отдѣливъ что нужно для гарнизона въ Торунь.

Итакъ, мы никакого раздробленія боевого состава войскъ не имѣемъ нужды дѣлать и отнюдь допускать не должны. Мы явимся въ цѣломъ составѣ своихъ корпусовъ и будемъ тѣмъ сильнѣе.

Чтобъ быть готовыми къ сему, остается только придвинуть 2-й резерный кавалерійскій корпусъ и занять Брестъ резервными баталіонами.

Первое легко нынѣ же исполнить, но второе, т. е. передвиженіе резервныхъ баталіоновъ, я предвидѣлъ и не разъ спрашивалъ, не лучше ли прямо было ихъ направить туда; теперь надо будетъ сдѣлать другія распоряженія и именно резервныя бригады 4-й и 5-й дивизій направить прямо въ Брестъ, а 6-й въ Бобруйскъ, переведя туда же для карауловъ и 2-ю резервную артиллерійскую бригаду.

Гарнизонъ въ Новогеоргіевскѣ, кромѣ резервныхъ саперныхъ баталіоновъ и гарнизонной батареи, можетъ тогда легко содержимъ быть 4-мя баталіонами отъ 4-го корпуса; 3 полка займутъ Варшаву; останется для Ивангорода и Замосцья цѣлая дивизія сего же корпуса.

Покуда гренадерскій корпусъ и гвардія проходить будутъ Литву, другихъ войскъ тамъ не нужно, но за ними должны быть готовы другія, собственно для занятія Вильны и Гродно. Сіе теперь иначе исполнить нельзя, какъ собравъ запасные баталіоны 2-го корпуса, примкнуть къ своимъ резервнымъ баталіонамъ, отъ которыхъ можно будетъ изъ Бреста перевесть въ Гродно 4 баталіона, въ то же время резервные гренадерскіе баталіоны могутъ занять Псковъ и Динабургъ, оставя 4 баталіона 1-й дивизіи въ Петербургѣ въ помощь 8-ми запаснымъ гвардейскимъ баталіонамъ для содержанія карауловъ.

Считаю полезнымъ 6-й корпусъ размѣстить на менѣе пространныя квартиры, именно: изъ Ярославля, Костромы, Нижняго-Новгорода и Владиміра перевесть западнѣе, въ Смоленскую, Тверскую, Калужскую и Орловскую губерніи.

Вотъ тѣ основныя мысли, на которыхъ желаю, чтобъ всѣ соображенія основаны были.

Не упоминаю здѣсь ничего насчетъ могущаго произойти въ Австріи, ибо нѣтъ возможности ничего опредѣлить; но,

что бы ни произошло, у насъ будутъ способы въ рукахъ предупредить всякую намъ угрожающую опасность.

Н.

Александрія.
29-го іюня (11-го іюля) 1848 г.

19.

Александрія, близъ Петергофа.
5-го (17-го) іюля 1848 г.

Письмо твое отъ 29-го іюня (11-го іюля) я получилъ три дня тому, за которое душевно благодарю, мой любезный отецъ-командиръ. Душевно благодарю и за то, что мнѣ откровенно пишешь, что для меня дорого, ибо ты знаешь всю мою къ тебѣ довѣренность, дружбу и благодарность; надѣюсь, что и впередъ такъ же мнѣ и писать, и говорить всегда будешь; иного не жду отъ тебя безъ обиды мнѣ. Вполнѣ дѣлю твое мнѣніе, что Дюгамель крайне неосторожно поступилъ, заставивъ насъ перешагнуть границу; ежели дѣйствительно турецкій отрядъ долженъ къ намъ примкнуть, то дѣло приметъ нѣсколько лучшій оборотъ, во всякомъ случаѣ, укротивъ мятежъ въ Молдавіи, я хочу воротить войска свои и ни въ какомъ случаѣ не переходить Серетъ и выступать въ Валахію.

Тоже раздѣляю твое мнѣніе на неудобство столь широкой операціонной базы. Нѣсколько сему поможемъ, передвигая резервную дивизію 4-го корпуса въ Подоль. Соединенной Германіи подъ однимъ скипетромъ не вѣрю; ожидаю скорѣй междоусобной брани между Сѣвера и Юга, и никакъ не думаю, чтобы эрцъ-герцогъ Іоаннъ былъ такой геній, который бы невозможное сдѣлалъ сбыточнымъ.

Республика близка къ Южной Германіи; она можетъ быть и въ Берлинѣ, не въ Пруссіи; въ Южной Германіи не вижу ей никакой препоны, развѣ въ Баваріи; въ Бер-

линѣ же она не состоится, ибо войско еще вѣрно и горитъ желаніемъ смыть нанесенный ему позоръ, столь незаслуженный. Повторяю теперь, мнѣ Германія ничуть не страшна, она слишкомъ животомъ больна. Но положеніе Австріи для меня гораздо серьезнѣе. Тамъ идетъ все къ разрушенію; и не вижу нигдѣ ни силы, ни головы, ни способовъ распадающее разнородное царство скрѣпить, соединить и спаять. Такое сосѣдство крайне тяжело, и вотъ для чего столь нехотя вступаю въ Молдавію, и удерживаю 4-й и 3-й корпуса на . . . . *) твоего лѣваго фланга, въ случаѣ движенія нашего въ Пруссіи. Я даже готовъ подвесть и 6-й корпусъ, буде ты сіе нужнымъ считаешь; и покуда располагай его западнѣе Москвы. Впрочемъ, въ политикѣ я ничего новаго не знаю.

У насъ, по военной части, кромѣ холеры, идетъ все прекрасно. Холера здѣсь на столько стихаетъ, что съ 1.086 заболѣвавшихъ въ сутки дошли мы вчера до 326 и съ 553 умирающихъ до 227. Въ Красномъ Селѣ войска блаженствуютъ, ибо видимо болѣзнь кончается; но зато бѣдные гренадеры въ городѣ потеряли изъ 600 больныхъ болѣе 200. Страшусь, когда болѣзнь достигнетъ Варшавы и главныхъ квартиръ арміи; Богъ милостивъ! Но ты самъ крайне себя береги, молю тебя. По войскамъ вели строго наблюдать, чтобы точно выводили полные ряды; мы все слабо выходимъ, даромъ что людей довольно. Прикажи болѣе заниматься стрѣльбой въ цѣль, разсыпнымъ строемъ, форпостной службой и правильной атакой и защитой мостовъ. Вотъ покуда и все высказалъ. Объ домашнихъ казакахъ на Волыни и Подоліи жду мнѣнія Бибикова, что дѣлать можно?

Жена моя тебѣ и княгинѣ кланяется и вмѣстѣ со мной проситъ крайне беречься.

---

*) Неразборчиво.

Богъ съ тобой, мой отецъ-командиръ; душевно тебя обнимаю и цѣлую руку княгинѣ.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н

20.

Александрія, близъ Петергофа.
11-го (23-го) іюля 1848 г.

Третьяго дня, послѣ обѣда, получилъ я письмо твое отъ 6-го (18-го) іюля, любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю.

Обстоятельства столь неожиданно, столь быстро мѣняются, что едва сдѣлаешь одно распоряженіе, какъ новое обстоятельство опять принуждаетъ измѣнить предыдущее. Такъ было вчера. Получивъ письмо твое, я отмѣнилъ предполагавшееся движеніе гренадеръ и кавалеріи, сходно мнѣнію твоему. Въ полдень прибылъ изъ Копенгагена курьеръ съ извѣстіемъ, что генералъ Врангель ослушался короля прусскаго, отзываясь, что, давъ присягу франкфуртскому правленію, онъ не обязанъ слушать короля; отказалъ въ перемиріи и хотѣлъ возобновить военныя дѣйствія! Можешь себѣ вообразить, что все это произвело въ Даніи.

Сейчасъ велѣлъ написать королю прусскому, что я держусь смысла намѣренія его, которое выказалъ, давъ Врангелю приказаніе заключить перемиріе и возвратить войска. Съ омерзѣніемъ узналъ объ ослушаніи Врангеля и ожидаю, что король велитъ прямо своимъ генераламъ, вѣрнымъ долгу, не слушаться его, а воротиться съ войсками. Иначе, повторяю королю, что шагъ дальше будетъ сигналомъ войны съ Россіею. Послѣ обѣда прибыли письма изъ Берлина отъ Мейндорфа, Бенкендорфа и самого короля къ женѣ. Король

внѣ себя; послалъ Г. А. Неймана къ Врангелю съ повелѣніемъ слушаться и воротить войска, или что его отставить.

Посмотримъ, что будетъ изъ этого!..

Мейндорфъ пишетъ, что король, обманутый и обиженный выборомъ эрцъ-герцога Іоанна, до того разочарованъ насчетъ мнимаго германизма, что сбросилъ съ себя германскую кокарду и явно ее осмѣиваетъ. Что послѣ того думать еще объ немъ!! Король пишетъ женѣ, что только ждетъ возвращенія своихъ войскъ изъ Голштиніи, чтобъ ввести ихъ въ Берлинъ и укротить анархію, и что ежели отъ стороны Германіи ему будетъ угрожать опасность, то надѣется на насъ! Каково это? Виндишгрецъ пишетъ мнѣ подъ величайшимъ секретомъ, что онъ въ ужасномъ положеніи, что въ Вѣнѣ анархія нынѣ, какъ и прежде, и что на эрцъ-герцога Іоанна никакой нѣтъ надежды, ибо онъ точно такъ же плохъ, какъ и прежній. Что изъ Иннсбрука ему пишутъ, чтобъ онъ продолжалъ дѣйствовать какъ Толль, что одна надежда на него; что войско всегда вѣрно, но что онъ уже предвидитъ, что настанетъ время, когда онъ прибѣгнетъ къ нашей помощи!

Наконецъ, сегодня Медемъ пишетъ, что англійскій посолъ въ Иннсбрукѣ Понсоньи пишетъ своему правительству, что насъ слѣдуетъ благодарить, что мы вступили въ Молдавію, дабы дать добрый урокъ анархистамъ! Изъ этихъ короткихъ строкъ ты можешь заключить, каково мнѣ среди всего этого, и что всѣ мои усилія къ тому клонятся, чтобъ быть къ всему готовыми. Повторяю тебѣ мою просьбу отвѣчать мнѣ положительно: двинуть ли резервные баталіоны въ гарнизонъ въ Брестъ, или нѣтъ и занять ли Вильну гренадерами, ибо ты мнѣ въ письмѣ ничего про это не говоришь.

12-го (24-го). Прилагаю при семъ выписку изъ письма Бенкендорфа, весьма по моему замѣчательнаго и спра-

ведливаго; нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ войны Германія не представитъ намъ прежняго театра войны; но что вся мѣстность будетъ столько же пересѣчена разработкой, сколько и желѣзными дорогами, коихъ насыпи или углубленія всѣ перемокли и крайне затруднятъ движенія. Въ семъ отношеніи очень быть можетъ, что огонь штуцеровъ, искусно приспособленный къ новой войнѣ, будетъ весьма губительнымъ противникомъ, ежели съ нашей стороны мы не будемъ въ равныхъ тактичныхъ условіяхъ. Потому твердое основательное изученіе разсыпного строя и цѣльная стрѣльба совершенно необходимы намъ, равно какъ и привычка къ хорошему примѣненію къ мѣстности. Симъ настоятельно прошу велѣть строго и прилежно заниматься, на прямой отвѣтственности корпусныхъ командировъ. Нельзя тоже терять намъ изъ виду, что мы одни остались съ кремневыми ружьями и драться будемъ съ войсками, кои всѣ имѣютъ ружья ударныя, и потому вся выгода въ семъ отношеніи будетъ на сторонѣ противниковъ. Скоро перемѣнить ружья не можемъ. Вотъ тебѣ мои замѣчанія, которыя тебѣ передаю, какъ мнѣ представляются.

Скажи мнѣ, что думаешь.

Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ.

Богъ съ тобой, мой отецъ-командиръ.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Слава Богу, здѣсь холера утихаетъ, но зато вездѣ разошлась; ужасъ!

21.

Александрія, близъ Петергофа.
20-го іюля (1-го августа) 1848 г.

Четвертый день, какъ получилъ твое письмо, 13-го (25-го), мой любезный отецъ-командиръ, и не могъ раньше отвѣчать.

Слава Богу, что все у тебя было въ порядкѣ, но страшусь появленія холеры и ея губительныхъ дѣйствій по арміи. Нѣтъ почти мѣста въ Россіи, гдѣ-бъ она не свирѣпствовала, но нигдѣ такъ сильно, какъ на Дону и въ Оренбургѣ. Здѣсь она, благодаря Богу, слабѣетъ примѣтно, но въ войскахъ все еще вырываетъ людей и иногда весьма скоро. Радуюсь побѣдѣ Радецкаго, желалъ бы только, чтобъ самого сардинскаго короля поколотилъ. Сегодня пришла счастливая вѣсть, что Гергебель взятъ кн. Аргутинскимъ и безъ потери; это важно.

Какъ Датское дѣло кончится,—право, не знаю. Дѣла съ Франкфуртомъ и Берлиномъ близки къ разрыву; въ Иннсбрукѣ крайне недовольны эрцъ-герцогомъ Іоанномъ; въ Вѣнѣ все идетъ къ чорту; словомъ, каша, отъ которой Боже насъ упаси! Пиши мнѣ про наше молодецкое войско, что они дѣлаютъ: какъ занимаются, здоровы ли, сыты ли, бодры ли?

Ежели Богъ поможетъ, въ сентябрѣ я надѣюсь ѣхать къ тебѣ на Бобруйскъ и Брестъ, и повидаться, ежели до того покоя не будетъ, ибо ни за что теперь ручаться нельзя. Изъ Берлина новаго ничего. Въ Лондонѣ мы въ ладахъ (не помѣшало) даже наше вступленіе въ Молдавію.

Больше ничего не имѣю сказать. Берегись и будь здоровъ. Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ. Богъ съ тобой. Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

22.

Александрія, близъ Петергофа.
24-го іюля (6-го августа) 1848 г.

Письмо твое, 19-го (31-го) іюля, вчера получилъ, мой любезный отецъ-командиръ, за которое благодарю. По желанію твоему велѣлъ двинуть 3-ю гренадерскую дивизію на смѣну 2-й, а послѣ лагеря двину 1-ю на мѣсто 3-й въ Псковъ. Тоже велѣлъ отправить и 4 резервныхъ бат. 6-й дивизіи въ Брестъ, къ которымъ позднѣе примкнутъ и 4 запасныхъ бат. той же дивизіи; резервные и запасные бат. 4-й и 5-й дивизій останутся подъ Бобруйскомъ, изъ которыхъ бат. 5-й дивизіи могутъ быть въ запасѣ для занятія въ случаѣ нужды Гродно.

Теперь по движенію войскъ все пришло въ порядокъ. Крайне меня сокрушаетъ начинающаяся болѣзненность въ войскахъ; считаю ее предвѣстницей холеры, что было здѣсь. Доходятъ до меня свѣдѣнія, что войска на Литвѣ терпятъ крайній недостатокъ въ приваркѣ, по бѣдности края, надо сему помочь и жду только представленія, что нужно для сего? Въ политикѣ новаго нѣтъ; дѣло Голштинское остановилось на запрещеніи, данномъ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ генералу Врангелю, не только что входить въ Ютландію, но даже и возобновлять военныя дѣйствія; не знаю, чѣмъ кончится. Въ Берлинѣ признаютъ, что ген. Врангель съ ума сбрелъ, но не смѣютъ его смѣнить! Спасибо Радецкому, что колотитъ сардинскаго; по шеѣ ему, канальи, — золъ я на него!

Слава Богу, другой день холерныхъ случаевъ въ лагерѣ не было. Дай-то Боже! Обнимаю отъ души и цѣлую руку княгинѣ. Жена тебѣ кланяется.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

23.

Петербургъ.
2-го (14-го) августа 1848 г.

Вчера послѣ обѣда прибылъ фельдъегерь съ твоимъ письмомъ отъ 29-го іюля (10-го августа), за которое душевно благодарю, любезный мой отецъ-командиръ.

Спѣшу отвѣтить, дабы скорѣе дать разрѣшеніе на требуемую прибавку къ продовольствію, я совершенно признаю ее необходимой; и разрѣшаю не двѣ, а 4 винныхъ порціи въ недѣлю, докуда холера будетъ продолжаться, дабы каждый день давать людямъ по $^1/_2$ чаркѣ, а въ воскресенье полную.

Сверхъ того велѣлъ я кн. Чернышеву послать къ тебѣ молодого доктора Линсберга, который подъ руководствомъ Манста особенно удачно лечилъ холеру; изъ всѣхъ методъ его оказала самые счастливые результаты; кромѣ того, велѣлъ ему я написать записку объ сей методѣ; прошу велѣть ей слѣдовать. Мѣры предварительнаго наблюденія тоже очень полезны тамъ, гдѣ по сбору войскъ онѣ возможны, ибо онѣ предотвращаютъ развитіе или переходъ въ холеру.

Надѣюсь, что съ хорошимъ содержаніемъ и бережнымъ наблюденіемъ болѣзнь не разовьется въ столь пагубномъ размѣрѣ, какъ было въ иныхъ мѣстахъ. Здѣсь она значительно уменьшилась въ числѣ, но бываютъ еще весьма скоротечные и жестокіе случаи. Записку объ положеніи арміи читалъ я съ большимъ удовольствіемъ. Будетъ ли война или нѣтъ, не могу рѣшить, и такимъ образомъ мы въ томъ самомъ тяжеломъ положеніи, которое предвидѣлъ въ своей запискѣ, т. е. принуждены вооруженные стоять на своей границѣ и слѣдить свои способы—неопредѣленно долго; это крайне тяжело. Въ Пруссіи, кажется, отъ слабости короля все идетъ очень плохо; теперь онъ ѣдетъ цѣловать руку эрцъ-герцогу Іоанну на Рейнъ. Въ Вѣнѣ тоже идетъ

все хуже и хуже; одинъ старикъ Радецкій—герой и вѣрная армія представляютъ утѣшительную картину; честь и слава имъ! Можетъ быть онъ спасетъ государство, буде предоставятъ ему дѣйствовать свободно.

Не полагаю съ тобой, чтобъ Францiя могла теперь вступиться въ дѣла Италіи, у ней дома слишкомъ много дѣла. Голштинское дѣло кажется стихаетъ; по крайней мѣрѣ, генералъ Врангель прислалъ королю повинную. У насъ все тихо и хорошо, но неурожай на югѣ крѣпко меня безпокоитъ. Да хранитъ тебя Господь; молю тебя быть осторожнымъ и помнить, кто ты и что ты!

Не пренебрегай ничѣмъ. Обнимаю тебя отъ всей души. Жена тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

24.

Александрія.
12-го (24-го) августа 1848 г.

Пробывъ трое сутокъ на маневрахъ, не могъ тебѣ ранѣе отвѣчать, мой любезный отецъ-командиръ, на письмо твое отъ 5-го (17-го).

Слухи объ новомъ заговорѣ на бунтъ не первые и не послѣдніе; осторожность съ подобными канальями всегда необходима будетъ, но бояться ихъ не должно, пусть пробуютъ, буде хотятъ, тѣмъ хуже для нихъ. Со страхомъ жду извѣстій объ ходѣ холеры; здѣсь она гораздо тише нынѣ, но продолжается.

По дѣлу Потоцкаго и Косецкаго я исполнилъ твое желаніе. Князь Чернышевъ сообщаетъ тебѣ мой проектъ объ отпускахъ на сію зиму, дабы хоть нѣсколько убавить тягость издержекъ на содержаніе войскъ. Ежели обстоятель-

ства не перемѣнятся, кажется мнѣ, что нѣтъ препятствій уволить на предполагаемомъ мною основаніи. Ибо люди идутъ въ тѣ же губерніи, гдѣ полки стоятъ. Ежели мѣру сію считаешь неудобною вездѣ разрѣшить, то можетъ быть согласишься въ 1-мъ и 4-мъ корпусахъ. Смѣта меня ужасаетъ, и не знаю, какъ изворотимся, потому и ищу способовъ уменьшить. Не придумаешь ли чего насчетъ подъемныхъ и парковыхъ лошадей? Здѣсь все тихо. Побѣды Радецкаго приносятъ ему величайшую честь, какъ и арміи его, ибо въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ они умѣли вѣрностію и храбростію спасти честь Имперіи; они одни сохранили въ себѣ чистую старую монархію — честь и слава имъ. Старика я почтилъ 1-мъ Георгія и въ знакъ уваженія къ нему и къ арміи его; вызвалъ я Ф. А. Бенкендорфа сюда; все, что онъ намъ разсказалъ про Берлинъ, доказываетъ мнѣ, что старая Пруссія безвозвратно пропала, несмотря на превосходный духъ арміи и всего дворянства и большей части народа въ старыхъ областяхъ — и оттого, что нѣтъ главы, нѣтъ человѣка, который бы сумѣлъ взять все въ руки и воспользоваться прирожденнымъ духомъ, который еще хранится; больно и грустно! Что изъ этого выйдетъ и опредѣлить нельзя.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ. Да хранитъ тебя Господь, мой любезный отецъ-командиръ, обнимаю тебя душевно, твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

25.

Александрія, близъ Петергофа.
17-го (29-го) августа 1848 г.

Вчера прибылъ твой фельдъегерь, любезный отецъ-командиръ, и благодарю за письмо.

Дай Богъ, чтобъ прибавкой содержанія намъ удалось уменьшить свирѣпостъ холеры въ арміи. Вижу по рапорту 4-го корпуса, что тамъ болѣзнь весьма губительна, что-то будетъ въ другихъ! Ради Бога, будь самъ остороженъ и не пренебрегай ничѣмъ.

У насъ, хотя больныхъ гораздо менѣе, но все еще бываютъ случаи ужасные.

Новыя попытки въ Берлинѣ гадки до-нельзя, а равнодушіе къ тому правительства явно доказываетъ его ничтожество, или скорѣе самого короля! Какъ всѣмъ честнымъ людямъ, наконецъ, не потерять всякое терпѣніе, какъ арміи остаться вѣрной при такомъ униженіи, право это сверхъ силъ человѣческихъ.

Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта по отпускамъ и насчетъ уменьшенія подъемныхъ лошадей. Не знаю, право, какъ вывернуться изъ смѣты; теперь уже не досчитываемъ болѣе 10-ти милл.!!! Ужасно. Надо вездѣ беречь копѣйку, вездѣ обрѣзывать что только можно и изворачиваться однимъ необходимымъ. Здѣсь все тихо. Изъ Парижа шлютъ къ намъ какого-то генерала Фло, Flauht, en mission politique, хвалятъ его и говорятъ, что онъ ничуть не республиканецъ, посмотримъ, что будетъ. Про германскія свинства и не говорю, надоѣло! Ежели съ Даніей не кончатъ, войдемъ въ Пруссію, хотя признаюсь очень нехотя, да долѣе терпѣть нельзя. Гадости въ Вѣнѣ тоже идутъ своимъ порядкомъ и не знаю, чѣмъ кончится въ Италіи и не заставятъ ли императора отказаться вновь отъ Ломбардіи, столь славно ему возвращенной старикомъ Радецкимъ и вѣрной арміей.

Надо на все быть готову.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

26.

Александрія, близъ Петергофа.
23-го августа (4-го сентября) 1848 г.

Вчера, утромъ, получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ, и очень радъ, что мы съ тобой согласились въ мнѣніи, что теперь можемъ мы подумать объ нѣкоторыхъ сокращеніяхъ по военному положенію арміи, чтобъ не слишкомъ обременять казну необходимыми издержками и безъ того весьма значительными. Князь Чернышевъ тебѣ сообщитъ въ подробности то, что я рѣшилъ. Главнымъ основаніемъ принялъ я оставить 2-й и 3-й корпуса въ полномъ военномъ положеніи, дабы во всякое время, покуда Европа не утихнетъ, на самомъ западѣ границъ нашихъ было готово къ дѣйствію почти 140 тыс. войска. При сихъ корпусахъ оставляю оба гвардейскіе казачьи полка и 4 легкихъ батареи, жандармскій полкъ и 6 полевыхъ парковъ въ полномъ военномъ положеніи. Затѣмъ, 1-й и 4-й корпуса, 2-ю гренадерскую и 7-ю легкую дивизіи, 2-й и 3-й резервные кавалерійскіе корпуса привожу въ полумирное положеніе, т. е. продажей лишнихъ подъемныхъ и корпусныхъ лошадей, сохраняя всѣхъ артиллерійскихъ. Остальныя двѣ гренадерскія дивизіи и всю гвардію привожу въ мирное положеніе продажей артиллерійскихъ лошадей. Сверхъ того, отпуска во всѣхъ сихъ войскахъ. Отпускай всѣ резервные и запасные эскадроны и батареи и дѣлай усиленный отпускъ изъ 6-го корпуса. Отъ сего будетъ большое сбереженіе, хотя все еще расходовъ будетъ очень много.

24-го (5-го). Сегодня, наконецъ, получили мы извѣстіе, что король прусскій подписалъ перемиріе съ Даніей и возвратилъ свои войска. Слава Богу! оно тѣмъ счастливѣе, что, вѣроятно, будетъ ссора между Пруссіей и Франкфуртомъ, что почитать слѣдуетъ за счастливое событіе.

Теперь король свободенъ дѣйствовать всѣми силами про-

тивъ Берлина и, какъ говорятъ, намѣренъ при первомъ случаѣ его бомбардировать — крайне, крайне пора!

Сегодня кончилъ съ кн. Чернышевымъ всѣ расчеты по уменьшенію нашего военнаго положенія, на томъ основаніи, какъ я тебѣ выше писалъ. Кажется, будетъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Разумѣется, было-бъ лучше, ежели-бъ подъемныхъ лошадей 1-го и 4-го корпусовъ можно было не продавать, раздать въ край даромъ, но съ тѣмъ, чтобъ при первомъ востребованіи были вновь представлены.

Такъ было съ Пруссіей, но не знаю, поняли-бъ ли эту мѣру и было-бъ ли удачно?

Жена приказала тебѣ сказать, что она тебя обнимаетъ и я тоже и отъ души. Цѣлую руку княгинѣ. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

27.

Царское Село.
1-го (13-го) сентября 1848 г.

Третьяго дня, воротясь со свадебнаго вечера сына Константина, нашелъ я твоего фельдъегеря съ письмомъ отъ 27-го августа, за которое благодарю, любезный отецъ-командиръ.

Крайне меня сокрушаетъ распространеніе холеры по всей арміи и множество жертвъ, ею поглощенныхъ; но буди воля Божія! будемъ только стараться, чтобъ помощь была дана во-время и достаточная. Не вели учить или по меньшей мѣрѣ учить крайне бережно и отнюдь не болѣе двухъ часовъ утромъ во всѣ 24 часа; не рано подымать людей, шинели надѣвать въ рукава сверхъ мундировъ, ежели погода чуть ненастная, а во всякомъ случаѣ съ 5-ти часовъ вечера до смѣны. Словомъ, все дѣлать, чтобъ людей беречь. Нельзя ли по мужицкимъ домамъ, гдѣ стоятъ постоянно войска, велѣть передѣлывать печи въ русскія?

Берлинскія извѣстія Мейндорфа предвѣщаютъ близкій разрывъ съ Франкфуртомъ и свалку въ самомъ Берлинѣ. Это было-бъ хорошо, ежели-бъ во главѣ всего стоялъ человѣкъ съ духомъ и умомъ, а не тотъ король, который своимъ безразсудствомъ поставилъ свое государство на край пропасти и лишился всякаго довѣрія всѣхъ честныхъ людей; съ нимъ нѣтъ спасенія. Во Франкфуртѣ бѣснуются и все идетъ къ скорому разрыву сѣвера Германіи съ югомъ. Вотъ и union germanique. Очень любопытно знать, удастся ли Кавеньяку воспрепятствовать вмѣшательству въ дѣла Италіи? Онъ рѣшительно противъ, но устоитъ ли? Дѣла въ Вѣнѣ очень плохи; въ Венгріи все идетъ къ чорту, и Елачичъ беретъ верхъ — и это было-бъ прекрасно, ежели-бъ правительство умѣло симъ воспользоваться.

Жду, что въ Краковѣ будетъ каша; пристанутъ многіе изъ нашихъ по всѣмъ вѣроятіямъ; но важнаго у насъ быть не можетъ, а будетъ нѣсколькими канальями меньше и православныхъ имѣній свободныхъ побольше. Ежели дѣла примутъ оборотъ къ войнѣ, намъ нельзя будетъ и думать объ отпускахъ и продажѣ лошадей и это очень тяжело. Здѣсь холера не кончилась и вновь бываютъ больные въ войскахъ, которыя воротились изъ лагеря; но общій счетъ годичной смертности, со включеніемъ и умершихъ отъ холеры, не превышаетъ прошлый годъ, что почти непонятно!

Береги себя, отецъ-командиръ, я тебя объ томъ умоляю. Жена тебѣ кланяется. Цѣлую руку княгинѣ. Богъ съ тобой, душевно тебя обнимаю. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

28.

Царское Село.
8-го (20-го) сентября 1848 г.

Вчера, вечеромъ, получилъ я твое письмо, мой любезный отецъ-командиръ, писанное безъ числа. Согласенъ съ тобой, что обстоятельства такъ быстро измѣняются, столь неожиданный принимаютъ оборотъ, что на все надо быть готову; вчера же, утромъ, получили мы извѣстія отъ Мейндорфа, которыя предваряютъ о близко послѣдовать имѣющемъ рѣшительномъ переворотѣ въ Берлинѣ! будетъ ли успѣхъ, одинъ Богъ знаетъ! Грѣшно терять всю надежду, но, признаюсь, не могу имѣть вѣры ни къ чему доброму, доколь дѣломъ правитъ этотъ король, у котораго нѣтъ здраваго ума. Мейндорфъ извѣщаетъ тоже, что король послалъ черезъ Варшаву (вѣроятно къ тебѣ), съ письмомъ ко мнѣ, г. Бронье, въ которомъ будто описываетъ свои намѣренія и проситъ нашего содѣйствія, что Мейндорфъ ему отсовѣтовалъ. О помощи революціонной Пруссіи и рѣчи быть не можетъ; хотѣлъ бы король воротиться къ прежнему порядку или была-бъ реакція въ Пруссіи въ пользу прежняго порядка вещей — другое дѣло; тогда бы помощь наша могла быть въ пору, теперь же— нѣтъ. И того для короля довольно, что онъ можетъ быть спокоенъ за тылъ свой и лѣвый флангъ и смѣло взять оттоль свои войска, чтобъ ими усмирять Берлинъ и Бреславль, но не болѣе. Но ежели будетъ ему подъ Берлиномъ неудача, республика провозгласится въ Пруссіи, тогда дѣло будетъ объ нашей защитѣ, и мы двинемся въ восточную Пруссію по Вислѣ.

Со стороны Вѣны не знаю ничего новаго, кажется, Елачичъ идетъ на венгровъ; будетъ ли что въ Галиціи, не знаю; я уже сильно писалъ въ Вѣну про Краковъ и объявилъ, что ежели они не умѣютъ удерживать тамъ порядокъ, какъ условіе уступки имъ Кракова, то я буду самъ вынужденъ

за это приняться—все это вмѣстѣ заставило рѣшиться пріостановиться отпусками и продажей лошадей въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ корпусахъ, и мы покуда ихъ оставимъ въ полномъ военномъ положеніи, сколь оно ни тяжело. Будемъ ожидать, какой оборотъ примутъ дѣла.

Какъ сокрушаетъ меня ожесточеніе холеры въ арміи, ты легко повѣришь; надо будетъ во-время силы ея ограничить, ученья дѣлать одни однорядныя по бригадамъ и дивизіямъ и одинъ разсыпной строй по-баталіонно, а въ кавалеріи пѣшіе по конному и эскадронныя. Потомъ можно будетъ наверстать, когда холера затихнетъ. Пріѣхалъ отъ Кавеньяка г. Ле-Фло, говорятъ, человѣкъ очень хорошій. Тамъ покуда дѣла въ строгихъ рукахъ и повидимому все въ порядкѣ, тогда какъ въ Германіи *хаосъ!!!* и долго еще продлится, доколь Богу не угодно будетъ наслать на нихъ бичъ, въ духѣ Наполеона, чтобъ мерзавцевъ унять страхомъ, иначе не предвижу конца.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю и умоляю беречься. Богъ съ тобой; твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

29.

Царское Село.
15-го (27-го) сентября 1848 г.

Я медлилъ отвѣтомъ на твое письмо 7-го (19-го), любезный отецъ-командиръ, по той причинѣ, что ежеминутно ожидалъ рѣшительныхъ извѣстій изъ Берлина, которыя могутъ меня заставить принять какія-либо особыя мѣры. Но вотъ уже 9-е (21-е), тамъ еще ничего не было, и не хочу долѣе медлить. Ты изъ полученныхъ приказаній увидишь, полагаю я, что мы съ тобой опять и въ этомъ случаѣ сошлись мыслями, признавъ оба необходимость отложить до времени отпуски и продажу лошадей по всей арміи.

Надѣюсь, что отмѣна дошла еще довольно во-время, чтобъ застать эти мѣры при самомъ ихъ началѣ, и что не ушло много людей, ни сбыто много лошадей. Дѣйствительно, при теперешнемъ оборотѣ дѣлъ, надо считать это началомъ развязки. Будетъ ли къ добру — не знаю. Во Франкфуртѣ послѣдовалъ добрый урокъ, желательно, чтобъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ было такъ же. Король прусскій въ своемъ письмѣ дѣлаетъ ужасную картину своего положенія (кто виноватъ?) и весьма правильно излагаетъ, что ему предстоитъ, но увѣряя (а я не вѣрю), что рѣшился дѣйствовать со всей силой и натискомъ. Въ случаѣ неудачи проситъ меня о помощи въ трехъ случаяхъ: 1) ежели не сладитъ въ Берлинѣ, 2) ежели сладитъ въ Берлинѣ, но возстаніе будетъ общее и Германія на него обратится, 3) ежели и Франція на него обратится.

На все это я ему отвѣчалъ, что Россія была давно готова идти ему на помощь, доколь была старая Пруссія; но что онъ самъ старую Пруссію низвергъ, и съ этимъ вмѣстѣ нашъ тѣсный союзъ; что Россія не можетъ быть союзницей тѣхъ, кои, поправъ свое старое преданіе, слѣдуютъ знамени бунта, признавъ его своимъ. Воротись Пруссія къ старому, подъ свое старое знамя, тогда Россія выполнитъ свято то, что старый союзъ опредѣлилъ, но до того ни шагу не сдѣлаю; довольно и того, что отвѣчаю ему за безопасность его границъ отъ Мемеля до Австріи, почему и можетъ взять оттуда всѣ свои войска. Что ежели будетъ ему неудача, власть королевская рушится и замѣнится республикой, тогда долгъ мой будетъ, обязанность Россіи, и что можетъ быть ринусь возстановлять Пруссію, не ту, какую король сотворилъ на свою гибель, но прежнюю, подъ законами, подъ которыми процвѣтала подъ предками короля и ему сдана нашимъ любимымъ покойнымъ королемъ, и подъ сими усло-

віями радъ буду, ежели Богъ насъ сподобитъ, ввести его обратно въ его столицу.

Чтобъ Германія, въ случаѣ успѣховъ короля, объявила ему войну, не вѣрю, ибо не чѣмъ.

Не вѣрю и чтобъ французы на то рѣшились, ибо не могутъ и не хотятъ; дома довольно имъ дѣла. Съ этимъ отвѣтомъ вчера отправилъ къ нему фельдъегеря. Ужасная смертность отъ холеры меня очень сокрушаетъ; не лучше ли войска изъ-подъ Варшавы распустить по квартирамъ. Объ смотрѣ и маневрахъ теперь и рѣчи быть не можетъ. Смотря по обстоятельствамъ, ежели и быть могу, то смотрѣть стану войска, гдѣ можно будетъ, по ихъ квартирамъ.

Говорятъ, хлѣбъ очень дешевъ на Литвѣ, хорошо бы симъ воспользоваться теперь же, закупивъ сколько можно. Что-то въ Венгріи будетъ? понять нельзя. Здѣсь у насъ все тихо и хорошо. Жена тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

30.

Царское Село.
22-го сентября (4-го октября) 1848 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ-командиръ, за письмо отъ 17-го (29-го). Очень меня сокрушаетъ холера, которая, повидимому и несмотря на всѣ мѣры, еще долго будетъ у насъ свирѣпствовать. Здѣсь она не уцѣлѣла.

Объ смотрахъ моихъ теперь и рѣчи быть не можетъ, ибо долѣе войска въ сборѣ держать было-бъ грѣшно, а когда быть могу и самъ не знаю; всѣ извѣстія изъ Берлина самыя плачевныя. Пфуль короля нагло обманулъ и осмѣлился дать приказъ по арміямъ безъ вѣдома короля. Всякій бы,

на мѣстѣ короля, Пфуля бы отдалъ подъ судъ, какъ измѣнника, но королю и это хорошо. Спрашиваю, чего ожидать послѣ того?

Предвижу королю бѣду, и, страшно выговорить, боюсь ему конца Людовика XVI!!!

Покуда надо намъ быть готовыми на все.

Пора подумать объ удобнѣйшемъ расположеніи войскъ по зимнимъ квартирамъ, но такъ однако, чтобъ, по предназначенію моему, всегда можно-бъ было скоро собрать 1-й и 2-й корпуса для вступленія въ Пруссію. Дѣла въ Венгріи, кажется, принимаютъ хорошій оборотъ.

Не пойдетъ ли послѣ того Елачичъ на Вѣну? Хорошо, что Штруве разстрѣляли, еще бы съ дюжину того же, и все бы примирилось, но что дѣлать съ трусами или дураками!

Слышу про ломку новыхъ мортиръ и посылаю Г. М. Яфимовича на слѣдствіе: или непростительная оплошность въ арсеналѣ, или плутовство. Здѣсь вся новая артиллерія въ самомъ отличномъ видѣ. Срамъ!

Что съ поляками? Каковъ духъ офицеровъ?

Я вынужденъ былъ сдѣлать строгій выговоръ Батурину, и бригадному и двумъ полковымъ командирамъ за то, что осмѣлились сбыть въ резервъ двухъ офицеровъ дурного поведенія, которые полиціей арестованы; я взглянулъ на подобное какъ на явное непослушаніе моей волѣ и никогда подобнаго не спущу.

Бѣдный В. В. Левашевъ умираетъ; жаль, но и потеря эта меня поставитъ въ крайнее затрудненіе.

Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ. Богъ съ тобой!

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

31.

Царское Село.
23-го сентября (5-го октября) 1848 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ-командиръ, за два письма, отъ 13-го (25-го) и 15-го (27-го) октября *).

Слава Богу, что дѣло подъ Вѣной принимаетъ, сколько кажется, хорошій оборотъ; нельзя сему не радоваться и, кажется, можно полагать, что на сей разъ канальи, тамъ собранныя, и въ головѣ ихъ Бемъ получатъ добрый урокъ.

Для того бы мнѣ очень хотѣлось, чтобъ городъ не сдался, а взятъ былъ или бомбардировкой, или штурмомъ, дабы и духъ войскъ поднять.

Тѣмъ плачевнѣе, тѣмъ очевиднѣе жалкое положеніе дѣлъ въ Пруссіи! Тамъ, не говоря уже объ королѣ, не видать ни одного вѣрнаго, рѣшительнаго человѣка, который бы умѣлъ жертвовать собой, чтобъ спасти короля и свое отечество. Между тѣмъ войско еще хорошо, въ краѣ самомъ мужики тоже, однимъ словомъ, элементовъ спасенія подъ рукой еще много, но главы нѣтъ!

Не думаю, даже при вѣроятномъ успѣхѣ въ Вѣнѣ, чтобъ въ Берлинѣ дѣло пошло лучше, ибо всякое довѣріе къ королю исчезло. Словомъ, не вижу способовъ тамъ ко спасенію.

Добро развѣ выйдетъ тамъ изъ излишествъ зла, т. е. послѣ анархіи, республики и рѣзни.

Но и тогда нуженъ человѣкъ рѣшительный, а гдѣ онъ? Не видать!

Войска размѣстить по зимнимъ квартирамъ весьма можно. Собрать въ нуждѣ будетъ недолго, а между тѣмъ будетъ удобнѣе для войскъ.

Здѣсь новаго ничего; все тихо и хорошо. Мы имѣли

---

*) Описка, должно быть: „сентября“.

радость обнять дочь Ольгу, которая три дня что къ намъ прибыла.

Любопытно слушать ея разсказы — ужасъ!

На Кавказѣ было у насъ два славныхъ дѣла: защита Аптовъ и разбитіе Шамиля княземъ Аргутинскимъ; оба дѣла геройскія, въ особенности защита Аптовъ, рѣдкій примѣръ геройства.

Слава Богу, что холера немного утихаетъ.

Здѣсь она все продолжается почти одинаково и бываютъ случаи ужасной быстроты.

За симъ обнимаю тебя душевно; жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую руку княгинѣ.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

32.

Царское Село.
2-го (14-го) октября 1848 г.

Послѣдній курьеръ отъ дочери привезъ мнѣ письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ, отъ 24-го сентября (6-го октября); за трехдневными маневрами я не могъ успѣть отвѣчать, а третьяго дня въ ночь прибылъ твой фельдъегерь съ несчастными извѣстіями изъ Вѣны. Сколь они ни плачевны, я надѣюсь на милость Божію, что Елачичъ, съ тѣхъ поръ что императоръ далъ ему совершенное полновластіе, скоро сладитъ съ Вѣной, и тѣмъ, можетъ быть, положитъ конецъ анархіи, сбросившей нынѣ уже всякую личину.

Отсутствіе императора еще болѣе ему развяжетъ руки дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Кажется, что кромѣ одного гренадерскаго баталіона прочія войска остались вездѣ вѣрными долгу присяги. Жаль очень г. Латура, онъ былъ достойный, твердый и умный человѣкъ, и его по-

теря должна быть чувствительна для арміи, которой онъ былъ самымъ надежнымъ заступникомъ. Все это должно уже быть рѣшено; но, къ несчастію, телеграфъ почти въ бездѣйствіи, и сегодня я имѣю только донесенія отъ 25-го сентября (7-го октября). Нѣтъ сомнѣнія, что происшествія въ Вѣнѣ имѣть будутъ свой отголосокъ и въ Берлинѣ, и почти сего желать надо, дабы конецъ положить ужасному состоянію, которое безмолвно разрушаетъ и послѣднія надежды къ возстановленію порядка. Нельзя безъ омерзѣнія слѣдить за происходящимъ тамъ! подлость, трусость и глупость имѣютъ своего постояннаго представителя въ лицѣ короля, къ которому презрѣніе, и заслуженное, не знаетъ уже мѣры. И въ цѣлой Пруссіи не найдется ни одного человѣка, который бы по примѣру Іорка и Елачича взялъ бы на себя спасти отечество! Срамъ.

Мы уже 4 дня ни слова не получили изъ Берлина и пароходъ не приходилъ.

Ты доволенъ былъ войсками на смотру, что меня очень радуетъ, но еще болѣе огорчаетъ, что не могъ самъ ими любоваться. Пришли мнѣ описаніе смотра, строевую записку и твое мнѣніе объ каждомъ полку.

Наши маневры, несмотря на ужасную погоду, прошли благополучно, и я былъ очень войскомъ доволенъ.

Прибывшій французскій генералъ Ле-Фло, человѣкъ весьма порядочный, былъ со мной и кажется очень былъ доволенъ.

Холера у насъ тише, но все не кончается и въ особенности въ Кронштадтѣ, гдѣ возвратившаяся съ датскихъ береговъ дивизія очень пострадала, не имѣвъ до того ни одного больного. Смертность въ Ново-Георгіевскѣ ужасна! Не отъ нужныхъ ли мѣстъ въ цитадели?

Сегодня получилъ курьера изъ Парижа. Киселевъ пишетъ, что съ нами очень желаютъ сблизиться; но что ни за какую стойкость правительства отвѣчать нельзя, какъ и во-

обще за всякій порядокъ. Что рѣзня будетъ; но что всего вѣроятнѣе, что послѣ рѣзни возстановится чисто монархическое правленіе, ибо всякое другое, не соединяющее все и полную власть въ однѣхъ рукахъ и одного лица—совершенно невозможно!!! это послѣ 70 лѣтъ революціи!

Жена тебѣ кланяется и я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ. Прощай, любезный отецъ-командиръ; навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

33.

Царское Село.
12-го (24-го) октября 1848 г.

Вчера, утромъ, получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ; и благодарю Бога, что у насъ все въ порядкѣ и ты духомъ войскъ доволенъ; желаю, чтобъ и впредь то же было и чтобъ скорѣе Богу угодно было насъ избавить отъ губительной холеры, отъ которой и здѣсь мы все еще не отдѣлались.

Нетерпѣливо жду развязки въ Вѣнѣ; слухи оттуда и депеши столь не полны и противорѣчащіе, что ничего понять нельзя. Одно положительно, какъ кажется, что кн. Виндишгрецъ пошелъ на Вѣну съ богемскими и моравскими гарнизонами. Теперь армія венгерская, ежели есть армія, а не просто сбродъ, пошла ли въ тылъ Елачичу и Ауэрспергу, нельзя еще понять, во всякомъ случаѣ подъ Вѣной, кажется мнѣ, рѣшится—быть ли Австрійской имперіи или исчезнуть.

Присутствіе императора въ Ольмюцѣ заставляетъ меня полагать, что, быть можетъ, въ случаѣ неудачи, онъ не обратится ли къ намъ; въ такомъ случаѣ дай мнѣ сейчасъ знать и вели его принимать со всѣми почестями и, ежели пожелаетъ ѣхать въ Варшаву, вели его помѣстить въ Бель-

ведеръ. Назначь къ нему отъ моего имени Г. А. Дьякова и сына твоего, а къ императрицѣ дежурить по очереди фрейлинъ. Ни за что ручаться нельзя, что быть можетъ. Ежели будетъ удача надъ всѣмъ, то надѣюсь, что положитъ конецъ революцiонному порядку, въ противномъ случаѣ, чрезъ малое время придется снова начинать.

Берлинскiя дѣла тоже весьма невѣрный приняли оборотъ. Держатъ войска много и для празднаго присутствiя при всѣхъ неистовствахъ, которымъ не умѣютъ или не хотятъ положить конецъ. Было бы смѣшно даже, ежели бы не влекло за собой гибели невозвратной.

Замѣчательно, что вездѣ теперь все поляки въ головѣ революцiй, даже въ Сардинiи польскiй легiонъ, и говорятъ что Хржановскiй назначенъ начальникомъ штаба короля.

Ты знаешь, что кн. Илiя Долгорукiй скончался, и М. П. просилъ меня назначить къ нему въ начальники штаба Безака; я не могъ ему въ этомъ отказать, ибо нахожу, что онъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора.

Теперь кого Гилленшмитъ возьметъ на его мѣсто? Здѣсь у насъ все тихо и хорошо. Рекрутскiй наборъ въ губернiяхъ Тамбовской и Воронежской уже конченъ и весьма скоро и исправно. Войска наши заняли Бухарестъ вмѣстѣ съ турками, и часть пошла занимать Малую Валахiю, гдѣ уже перешли къ намъ части бунтовавшей воинской милицiи; матерiально порядокъ возстановленъ, но долго не будетъ твердъ.

Теперь скоро время къ смѣтамъ, и это меня сильно безпокоитъ; не знаю, право, какъ выпутаемся!

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю, бывъ навсегда твоимъ искренно доброжелательнымъ

Н.

34.

Царское Село.
4-го (16-го) ноября 1848 г.

Ежеминутно ожидаю извѣстій изъ Берлина и медлилъ отвѣтомъ на письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ, отъ 10-го (22) октября, а сегодня утромъ получилъ писанное отъ 1 (13-го), съ занятіемъ Берлина. Это хорошее начало, но, признаюсь, душевно жалѣю, что исполнилось не по-вѣнски, т. е. взятіемъ приступомъ.

Нельзя намъ, солдатамъ, не радоваться, видя, съ какимъ умомъ, твердостію и умѣніемъ кн. Виндишгрецъ исполнилъ трудное предпріятіе, съ какимъ усердіемъ войско исполнило долгъ и какъ каждый, начиная съ Елачича, исполнилъ долгъ подчиненнаго примѣрно, и надо уважать и начальниковъ, и армію.

Главно и то, что духу достало наказывать каналій, и казнь Блума будетъ имѣть сильный отголосокъ вездѣ, какъ одного изъ корифеевъ безначалія. Какой примѣръ и стыдъ пруссакамъ, что не умѣли ничего подобнаго не только исполнить, но даже и предпринять.

Теперь и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ предстоитъ не менѣе трудное дѣло—уничтожать имя анархіи; будутъ ли сумѣть? Ежели не рѣшатся уничтожить все, что революціей у нихъ исторгнуто было, и довольствоваться возстановленіемъ одного наружнаго порядка, то вскорѣ будетъ опять хуже прежняго. Здѣсь нужно радикальное леченіе или экстирпація зла, а не полумѣры. Надо откровенно сознаться въ своихъ ошибкахъ и возвратиться къ вѣковому порядку. Въ Берлинѣ король съ своимъ несчастнымъ нравомъ не вселяетъ во мнѣ и малѣйшаго довѣрія. Надѣюсь болѣе на Шварценберга и Виндишгреца.

Присутствіе войскъ нашихъ на границѣ Австріи имъ

достаточная подпора; переводить развѣ, чтобъ занять Краковъ, не могу вовсе.

Свѣдѣнія, которыя привезетъ намъ Ливенъ, будутъ весьма любопытны. Не сомнѣваюсь, что Виндишгрецъ скоро сладитъ съ венгерцами.

Повторяю, меня болѣе будущій порядокъ безпокоитъ. Буду ждать твоихъ представленій по бюджету; нахожу твои основанія очень справедливыми; намъ будетъ будущій годъ весьма тягостенъ; я не знаю даже какъ смѣту сведемъ, придется часть покрыть займомъ. Я разрѣшилъ тебѣ приступить къ постройкѣ второй передовой башни предъ цитаделью; но срѣзать береговой гласисъ не желаю, тѣмъ болѣе, что много откроетъ и безъ того довольно слабую точку передъ канониромъ перваго фронта; полагаю лучше на удобномъ мѣстѣ, у берега, устроить временную блиндированную батарею. Вотъ покуда и все, что имѣлъ сказать.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

35.

Царское Село.
23-го ноября (5-го декабря) 1848 г.

Долго не получая фельдъегеря, я начиналъ безпокоиться, здоровъ ли ты, мой любезный отецъ-командиръ, какъ наконецъ вчера я получилъ твое письмо отъ 18-го (30-го), а сегодня, утромъ, прибылъ Ливенъ и меня успокоилъ.

И не слыхавъ еще Ливена, я вполнѣ раздѣлилъ твой взоръ на положеніе дѣлъ и въ Австріи, и въ Пруссіи.

Донесенія Ливена меня еще болѣе въ томъ убѣдили. Дай Богъ, чтобъ хотя бы въ Австріи могли новые министры устоять въ своихъ твердыхъ намѣреніяхъ; но мнѣ все кажется, что исполненіе ихъ плана почти невозможно.

Ежели тогда они не развяжутся отъ всѣхъ неосторожностей и неисполнимыхъ обѣщаній, тогда все невозвратно потеряно.

Въ Пруссіи весь вопросъ затрудненій въ одной личности короля, котораго никто не понимаетъ и понять не можетъ, но который все останавливаетъ, все портитъ своей двуличностью, своимъ безразсудствомъ и глупыми мечтаніями. Послѣднее еще болѣе вредитъ, ибо канальи, зная его, весьма искусно ласкаютъ его любимыя мысли и завлекаютъ въ такое направленіе, которое согласно съ ихъ видами: уничтожить Пруссію подъ предлогомъ невозможнаго слитія съ Германіей, признавъ будто императоромъ короля!!! Хорошо, что войска и даже ландверъ покуда въ хорошемъ духѣ; но будетъ ли еще такъ, когда дастся конституція, а по обѣщанію армія ей должна будетъ присягать! Покуда наша роль не можетъ измѣниться, мы должны, какъ оно ни тягостно, оставаться вооруженными зрителями плачевной сей трагедіи— долго ли? одинъ Богъ знаетъ! Намъ въ ихъ дѣла вмѣшиваться не время, вступимъ тогда, когда воля Россіи сдѣлается закономъ Германіи, къ ихъ счастію. Будемъ держать нашу славную армію въ строгомъ порядкѣ; приложимъ старанія поддерживать ея славный духъ, усовершенствовать то, что еще, можетъ быть, того требуетъ, и когда настанетъ время, тогда, перекрестясь, скажу тебѣ—съ Богомъ; и грянемъ ангелами мира и устройства. Вотъ наша цѣль.

Будь только ты здоровъ и береги себя. Здѣсь холера все еще, такъ сказать, тѣснится. Слава Богу, что въ арміи она уменьшилась, хотя опасаюсь, что съ весны явится опять.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Княгинѣ цѣлую руку.

36.

С.-Петербургъ.
6-го (18-го) декабря 1848 г.

Неожиданный прiѣздъ эрцъ-герцога съ столь же неожиданной вѣстiю насъ крайне удивилъ. Впрочемъ я полагаю, мой любезный отецъ-командиръ, что оно можетъ быть къ лучшему, ибо молодой императоръ никакими ожиданiями не связанъ; бодръ умомъ и тѣломъ, имѣетъ вѣрную армiю и испытанныхъ людей, готовыхъ возстановить порядокъ; и такъ, быть можетъ, все будетъ къ лучшему. Между тѣмъ конституцiя въ Пруссiи положила вѣнецъ всѣмъ глупостямъ, которыя ознаменовали послѣднее время. Надежда, будто будущiя камеры отвергнутъ ее и возродятъ власть королю, мнѣ кажется одной химерой. Жаль этой доброй армiи, оказавшей столько опытовъ чистой преданности—и все даромъ; право, жалости стоитъ! Ждемъ что было въ Парижѣ.

Это письмо вручитъ тебѣ сынъ мой Константинъ, котораго я шлю къ новому императору съ отвѣтами; рекомендую тебѣ его. Онъ молодъ, неопытенъ, но добрый и способный малый, исполненный усердiя, не оставь его. Я велѣлъ ему про политику тамъ молчать, но слушать и отвѣчать на вопросы, ни во что не вмѣшиваясь. Здѣсь новаго ничего, морозъ былъ до 20°, а холера все еще продолжается. Слава Богу, что въ армiи утихаетъ, лишь бы не возобновилась.

Обнимаю душевно, а жена тебѣ кланяется.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

37.

С.-Петербургъ.
15-го (27-го) декабря 1848 г.

Благодарю, любезный мой отецъ-командиръ, за письмо отъ 6-го (18-го) декабря и за поздравленiя со днемъ моего

Ангела. Слава Богу, какъ кажется, дѣла въ Австріи нѣсколько поправились, и начальные успѣхи въ Венгріи дозволяютъ надѣяться, что усмиреніе можетъ скоро послѣдовать, такъ какъ война не національная, но поддерживается одной революціонной шайкой, усиленной бѣглыми поляками. Но нѣтъ сомнѣнія, что военное торжество не кончитъ всѣхъ трудностей всего предстоящаго дѣла.

Разстроенное государство въ самыхъ основаніяхъ своего существа требуетъ новаго образованія; при столь разнообразномъ составѣ, нужно будетъ сохранять различныя народности, не разстраивая единства управленія. Оно существовать только можетъ, по моему мнѣнію, въ самодержавной власти, иначе не понимаю, вся надежда на вѣрную армію. Въ Пруссіи я ничего не понимаю, что быть можетъ, развѣ данная конституція одна игранная фарса, дабы выиграть время и потомъ сбросить личину!—достойно ли это государственной власти!

Кажется, во Франціи Луи Наполеонъ будетъ президентомъ; ежели только держаться будетъ въ политикѣ правилъ, соблюдавшихся Кавеньякомъ,—то намъ все равно и признать его можемъ.

Но ежели за симъ будетъ онъ искать короны или завоеваній, мы его не признаемъ и можетъ быть война. Надо, чтобъ все это объяснилось. Какъ ни тяжело, но покуда никакихъ уменьшеній не признаю возможнымъ или осторожнымъ теперь уже допускать.

Распускать и продавать недолго, но сбирать и покупать крайне хлопотно.

При теперешнемъ положеніи Польши настаивать объ назначеніи Бучковаго я не полагаю, чтобъ было великодушно, мы повременимъ только объявленіемъ причинъ назначеній, и ждать будемъ болѣе удобной минуты, чтобъ воз-

обновить наши ходатайства. Здѣсь все тихо, кромѣ холеры, которая все вырываетъ неожиданно и скоротечно.

Опасаюсь весны!

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Цѣлую руку княгинѣ.

II.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1849 годъ.

(48 писемъ и 1 записка).

1.

С.-Петербургъ.
2-го (14-го) января 1849 г.

Благодарю тебя, мой дорогой отецъ-командиръ, за письмо и добрыя желанія на новый годъ; молю Бога, чтобъ сохранилъ тебя для блага и славы Россіи! и прошу продолжать мнѣ 30-лѣтнюю вѣрную дружбу, которую цѣню отъ глубины благодарнаго сердца. Мы болѣе другихъ обязаны Бога благодарить за то, что спасъ насъ отъ гибели, постигшей другихъ, и помогъ стоять стѣной противъ. Ты зодчій сей стѣны, ты ея блюститель. Какъ же мнѣ послѣ Бога не благодарить тебя, что далъ намъ за твоей защитой прожить спокойно еще годъ. Что дальше—въ рукахъ Божіихъ, будемъ смиренно ждать, что онъ намъ опредѣлитъ, не будемъ спать, ни ослабѣвать, ни предаваться гордости, кичливости, ни самонадѣянію, ни гнѣву, и будемъ молить, чтобъ Богъ избавилъ насъ отъ ослѣпленія. Дай Богъ, чтобъ духъ въ Россіи и въ осо-

бенности въ войскахъ остался тотъ же, лучшаго желать нельзя.

Сегодня изъ газетъ узнали мы, что Пестъ занятъ безъ боя и что всѣ возмутители кинулись на югъ. Вѣроятно, будутъ искать пробраться въ Турцію, а жаль, ежели уйдутъ отъ заслуженной казни. Будущность Пруссіи для меня въ туманѣ; но одно кажется уже ясно—не быть единству Германіи, ни прочимъ бреднямъ, но что выйдетъ! непонятно. Бюджеты кончилъ, нашъ крайне тяжелъ, твой утвердилъ я, какъ ты мнѣ представилъ, но все это очень тяжело.

Съ холерой здѣсь все не сладимъ, казалось, прошла, какъ вдругъ до 30 въ сутки заболѣваетъ. Холода доходили здѣсь до 28°, давно этого не было! Въ Парижѣ все еще далеко до порядка и врядъ ли и будетъ, теперешній считаю временнымъ и, вѣроятно, будетъ опять рѣзня. Въ Италіи все еще мутно. Словомъ, нѣтъ гдѣ спокойно отдохнуть глазу. Намъ должно попрежнему смотрѣть, быть осторожными и ждать—сколь ни тяжело.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

2.

С.-Петербургъ.
5-го (17-го) января 1849 г.

Неожиданное извѣстіе о появленіи будто Бема въ Буковинѣ получилъ я сегодня послѣ обѣда и спѣшу отвѣчать, любезный отецъ-командиръ. На просьбу генерала Гамерштейна нельзя намъ не согласиться, тѣмъ болѣе, что появленіе бунтовщиковъ на самой нашей границѣ и тамъ именно, гдѣ у насъ стоятъ одни резервные бат. безъ артиллеріи,

можетъ произвесть безпорядки. Я приказалъ г. Чеодаеву, сходно данному отъ тебя повелѣнію, буде непріятель появится близъ границъ нашихъ, не ожидать, чтобъ онъ къ намъ приближался, но, перейдя границу, идти навстрѣчу и истреблять его. Нельзя одного забыть, что буде несправедливо, что 27-го декабря (8-го января) Бемъ былъ уже въ 5 миляхъ отъ Черновицъ, то, вѣроятно, или онъ вторгнулся гдѣ-либо въ наши границы, или въ Молдавіи, гдѣ одна 14-й дивизіи бригада, въ Каменцѣ Подольскомъ и въ окружности одни резервные бат., безъ артил., весь же 4-й корпусъ сѣвернѣе и потому, вѣроятно, она сдастъ въ случаѣ точнаго вторженія. Въ такомъ случаѣ надо будетъ спѣшить на югъ, чтобъ закрыть край, а резервные бат., кромѣ гарнизона въ Хотинѣ, надо будетъ стягивать назадъ къ Могилеву, куда навстрѣчу можно двинуть изъ ея квартиръ 2-ю уланскую дивизію съ ея конно-артил. и 2 Донскія бат., что вмѣстѣ составитъ весьма порядочный оборонительный корпусъ, но не для наступательныхъ дѣйствій, ибо у нихъ обозовъ нѣтъ.

4-й же корпусъ можетъ по обстоятельствамъ дѣйствовать двояко: или просто спуститься вдоль по границѣ, для предупрежденія, чтобъ не вторгнулись къ намъ, или прямо въ лѣвый фронтъ и въ тылъ чрезъ Галицію, и тогда опрокинуть и гнать все въ Молдавіи на 14-ю дивизію, которая ихъ приметъ. Но здѣсь ничего опредѣлить нельзя, и для того ты очень хорошо сдѣлалъ, что послалъ распорядительнаго и храбраго Фрейтага заправить дѣломъ. Мнѣ же остается только подтвердить, буде нужно, переходить границу, что симъ и разрѣшаю, и настоятельно просить не трогать резервовъ безъ крайней нужды, кромѣ мѣстной обороны. Аминь.

Само собой разумѣется, что, уничтоживъ Бема и подобныхъ, сей же часъ налѣво кругомъ и домой.

Обнимаю душевно, а жена тебѣ кланяется. Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Ежели кого возьмемъ, отдавать однихъ австрійскихъ подданныхъ, прочихъ брать съ собой. Съ нашими измѣнниками короткій судъ, за помѣщиками вели смотрѣть, будутъ измѣнники, тѣмъ хуже для нихъ.

3.

С.-Петербургъ.
18-го (30-го января) 1849 г.

Отвѣчаю на два твоихъ письма, любезный отецъ-командиръ, послѣднее получилъ сего утра. Противорѣчія въ дѣйствіяхъ генерала Гамерштейна пахнутъ прежними двуличіями австрійцевъ, но отвѣтъ Медему Шварценберга ясно опредѣляетъ будущія наши дѣйствія: они не просятъ нашего содѣйствія, въ которомъ не нуждаются и которое считали бы болѣе себѣ вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, что, быть можетъ, справедливо, по невыгодному впечатлѣнію, которое произвести могло въ ихъ провинціяхъ. Тѣмъ лучше для насъ, ибо теперь только одно приближеніе непріятеля къ нашей границѣ можетъ насъ принудить къ дѣйствію, а это покуда и предвидѣть нельзя. Всѣ твои распоряженія одобряю, кромѣ условнаго движенія резервныхъ бат. за границу, которое, повторяю, я отнюдь не допускаю, ибо они обоза не имѣютъ и вообще не въ томъ составѣ, чтобъ могли двигаться, они только годны къ мѣстной оборонѣ. Кажется, что дѣла въ Венгріи тянутся вдаль, что жаль, ибо теперь всѣ силы Австріи будутъ ей нужны на западной ея границѣ, такъ какъ дѣла въ Германіи принимаютъ самый сумасбродный видъ. Въ Пруссіи я еще ничего путнаго не предвижу, и въ Гер-

маніи, мнѣ кажется, все ближе къ междоусобной брани, чѣмъ къ какому-либо порядку.

Эта неопредѣлительность, это невозможное предвидѣніе близкаго конца намъ крайне тяжело, истощая наши денежные способы, но дѣлать нечего, должно ждать и вытерпливаться, стоя подъ ружьемъ. Лишь только дѣла примутъ хорошій оборотъ, распущу резервные бат., оставя запасные какъ бывшіе въ сборѣ, и уменьшу часть парковъ. Зима у насъ по-старинному, но скачки нестерпимы: въ Крещеньѣ было 2° тепла, и вдругъ 20°, и сегодня 19° мороза. Холера все шалитъ, отъ 10 до 20 въ день.

Жена тебѣ кланяется, душевно тебя обнимаю и цѣлую руку княгинѣ.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

4.

С.-Петербургъ.
31-го января (12-го февраля) 1849 г.

Три дня какъ получилъ письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ, за которое благодарю.

Согласенъ съ тобой, что неопредѣлительность заграничныхъ дѣлъ покуда лишаетъ насъ всякой возможности приступать къ какому-либо уменьшенію по войскамъ, но положеніе это становится крайне тягостнымъ. Между тѣмъ, несмотря на всѣ отзывы австрійскаго правительства и побѣду генерала Пухнера надъ Бемомъ у Германштадта, власть мѣстная въ Трансильваніи настоятельно потребовала немедленнаго занятія нами сего города, равно и Кронштадта и для страха по 3 тыс. человѣкъ уже туда пошли и 20-го (1-го) должны были занять сіи мѣста.

Весьма желательно, чтобъ князь Виндишгрецъ могъ какъ

наискорѣе преодолѣть всѣ препятствія и положить конецъ бунту. Чтобъ Австрія могла поправить свое достоинство въ Германіи, ей нужно всѣ ея силы, теперь въ Венгріи употребленныя. Теперь ожидаютъ въ Пруссіи, во всей даже Германіи, новаго революціоннаго движенія въ мартѣ мѣсяцѣ и свѣдѣнія сіи доносятся съ разныхъ сторонъ; я вижу въ этомъ плодъ безпечной слабости и безтолковости всѣхъ правительствъ, кромѣ австрійскаго. Сомнѣваюсь, чтобъ въ случаѣ новой борьбы успѣхъ остался за правительствами, ибо, при безпрерывныхъ противорѣчіяхъ и данной въ Пруссіи конституціи, руки связаны и довѣрія быть не можетъ.

Намъ нечего измѣнять въ положеніи нашемъ; насъ боятся, мы ни во что не вмѣшиваемся, а глядимъ и выжидаемъ. Будемъ такъ продолжать. Буди воля Божія!

У насъ, послѣ суровой зимы, совершенная слякоть; 2° тепла стоитъ уже дней пять. Зато только и слышимъ, что про больныхъ. Въ моемъ семействѣ 9 человѣкъ больныхъ корью: дочь Марія съ мужемъ и 4-мя дѣтьми; дочь Ольга заболѣла въ самый пріѣздъ мужа, вчера же сынъ Константинъ и дочь наслѣдника, и мы бѣгаемъ отъ одной кровати къ другой. Дай Боже, чтобъ все хорошо прошло. Впрочемъ, все тихо и въ порядкѣ, и ничего не знаю.

Жена тебѣ кланяется, цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

5.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) февраля 1849 г.

Письмо твое, любезный отецъ-командиръ, отъ 31-го января (12-го февраля), получилъ я третьяго дня. Кажется,

дѣла въ Венгріи принимаютъ хорошій оборотъ и пора кончить имъ, ибо опасность вскорѣ будетъ съ другой стороны; въ Германіи должны скоро предвидѣть новыя неистовства; въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ доходитъ до крайности, да и въ Берлинѣ полагаю, что не многимъ будетъ лучше. Думать намъ объ приведеніи арміи въ мирное положеніе нельзя, но я отсрочилъ отпуски до 1-го (13-го) мая, можетъ быть до того дѣла объяснятся. Сегодня отправилъ я адъютанта своего, генералъ-маіора Астафьева, для осмотра резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ съ тѣмъ, чтобъ отправить къ дѣйствующимъ полкамъ все, что можно.

По осмотрѣ баталіоновъ 1-го и 2-го корпусовъ, онъ явится съ донесеніемъ къ тебѣ въ Варшаву, а потомъ поѣдетъ въ 4-ю и 5-ю резервныя дивизіи. Новаго ничего, изъ-за границы же все та же старая гниль. Одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ все кончится. Здѣсь все благополучно, но у меня въ домѣ все корь; вчера заболѣлъ наслѣдный принцъ Виртембергскій.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

6.

С.-Петербургъ.
21-го февраля (5-го марта) 1849 г.

Три дня какъ получилъ твое письмо, отъ 15-го (27-го), любезный отецъ-командиръ, и не могъ тебѣ раньше отвѣчать, бывъ всю недѣлю нездоровъ жестокой болью въ лицѣ. При теперешнихъ обстоятельствахъ, какъ бы ни желалъ съ тобой свидѣться, не могу рѣшиться звать тебя сюда, ибо обстоятельства столь быстро мѣняются, что требуютъ безотлагательныхъ мѣръ, въ которыхъ ты одинъ можешь дать

разрѣшеніе, потому тебѣ же самому предоставляю рѣшить, можешь ли сюда пріѣхать или считаешь твое временное отсутствіе опаснымъ. Всѣ свѣдѣнія отовсюду говорятъ про новыя смуты. Германія, ища единства, дошла почти до формальнаго распаденія на двѣ враждебныя партіи. Въ Берлинѣ въ самомъ не знаютъ, что дѣлать и что хотятъ; всѣ короли пристали къ Австріи, которой болѣе довѣряютъ, чѣмъ сумасбродному королю. Теперь Данія нарушила перемиріе, словомъ, все въ броженіи. Дѣла въ Венгріи для меня не новы; движеніе Дембинскаго пахнетъ неудачей австрійцевъ; въ Трансильваніи, по сегодняшнему донесенію, генералъ Пухнеръ былъ разбитъ Бемомъ и въ большомъ безпорядкѣ воротился въ Германштадтъ, гдѣ ему одно спасеніе въ нашемъ отрядѣ.

Надо на все быть готову. Признаюсь тебѣ, что я въ Германіи ничего добраго не предвижу; жду междоусобія и рѣзни. Ежели Австрія будетъ вести дѣла твердой рукой и дома, и за границей, она одна можетъ взять въ ней верхъ, Пруссія же никогда — помни мое предсказаніе. Намъ же все должно оставаться наготовѣ и смотрѣть. Больнымъ моимъ всѣмъ лучше, но изъ лазарета никто еще не выписался.

Жена тебѣ кланяется. Цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю. Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

7.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) марта 1849 г.

Три дня какъ получилъ твое письмо отъ 1-го (13-го) числа, любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю, вмѣстѣ съ этимъ узналъ я, что ты былъ сильно не-

здоровъ грипомъ. Молю тебя настоятельно поберегаться и помнить, что на тебѣ лежитъ! Дай Богъ, чтобъ теперь и слѣдовъ не было твоего недуга. При теперешнихъ дѣлахъ я самъ полагаю, что и думать нельзя тебѣ удаляться отъ Варшавы, сколь не жалѣю этой помѣхи. Ни за что ручаться нельзя при хаосѣ, который вездѣ господствуетъ. Кажется, дѣла идутъ въ Венгріи къ развязкѣ, но крайне тихо и нерѣшительно, да и трудностей много; въ Трансильваніи генералъ Пухнеръ рѣшительно отвѣчаетъ намъ, что безъ нашихъ войскъ онъ обойтиться не можетъ. Отнимать же ихъ было-бъ съ нашей стороны безбожно, сколь мнѣ оставлять ихъ долго и ни противно. Турки относятся къ намъ весьма неблагосердечно, чему главной причиной интрига Канинга. Англичанамъ былъ урокъ жестокій въ Индіи и, легко быть можетъ, не послѣдній. Французское правительство, кажется, съ каждымъ днемъ дѣлается тверже и положительно противоборствуетъ революціи, и не боюсь, чтобъ они вмѣшались ни въ Италіи, ни въ Германіи за дѣло анархіи. Но самая Германія въ такомъ положеніи, что одинъ Богъ рѣшить можетъ, чѣмъ это все кончится.

У насъ два дурныхъ дѣла по арміи: ссора Купріянова съ Глѣбовымъ и буйство юнкеровъ въ Ригѣ; то и другое требуетъ примѣра.

На Вербной недѣлѣ сбираемся въ Москву на освященіе новаго дворца въ Кремлѣ.

Располагаю воротиться сюда на Ѳоминой. Здѣсь все тихо и исправно, но мы завалены снѣгомъ до невозможности.

Жена тебѣ кланяется; больнымъ лучше. Цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю. Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

8.

С.-Петербургъ.
20-го марта (1-го апрѣля) 1849 г.

Третьяго дня, утромъ, получилъ я твое письмо отъ 15-го (27-го) марта, любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю.

Я совершенно раздѣляю мнѣніе твое насчетъ безтолковости дѣйствій австрійцевъ въ Венгріи; плачевные тому плоды вчера еще разительнѣе намъ казались: бѣгствомъ генерала Пухнера и 5-ти другихъ, бросившихъ свои войска! Послѣдствіемъ того было то, что войска, брошенныя своими генералами, безъ обуви, безъ снарядовъ и голодныя, въ числѣ 8-ми тыс. съ 36-ю орудіями, безъ боя ушли въ Валахію и вся Трансильванія въ рукахъ мятежниковъ-поляковъ. Слава Богу, отрядъ Скарятина дрался славно, и въ порядкѣ и, ничего не потерявъ, успѣлъ уйти и занять ущелье, ведущее въ Валахію изъ Германштадта, а отрядъ Энгельгардта, безъ боя, составилъ арьергардъ, спасъ остатки австрійскаго корпуса и несчастныхъ жителей Кронштадта отправилъ къ намъ. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что поляки устроятся въ Трансильваніи, какъ въ крѣпости, и ежели самыя скорыя и рѣшительныя побѣды не увѣнчаютъ Виндишгреца, то дѣло протянется и вдаль, и будетъ весьма трудно его задушить. Вопросъ, куда оборотятся ихъ новыя дѣйствія? Ежели въ Галицію, то мы готовы подлѣ, но быть можетъ они захотятъ дѣйствовать вдоль по Верету, въ тылъ Лидерсу, тогда ему будетъ очень трудно, хотя теперь турки сами испугались и подчинили ему часть своихъ войскъ, прося для всего его наставленій.

Кажется мнѣ, что 4-й корпусъ долженъ непремѣнно занимать Каменецъ-Подольскъ, дабы служить и прикрытіемъ края и резервомъ Лидерсу, напр., 16-й дивизія, такъ что всѣ три пѣхотныя дивизіи стояли бы вдоль границы, лѣвымъ

флангомъ у Каменца. Резервная дивизія сего корпуса могла бы встать сзади. Подумай и рѣши, какъ за лучшее считаешь. Что въ Италіи будетъ, тоже мнѣ неясно; хочу надѣяться, что Радецкій попрежнему проучитъ измѣнника, сардинскаго короля; но положительно уже, что французы въ это дѣло не вступятся, и это очень много! Датское гнилое дѣло безъ конца; будутъ ли драться, не знаю; знаю только, что за нихъ драться не намѣренъ, ибо ихъ неоткровенность и безтолковость мнѣ надоѣли. Чтобы усилить наши резервы, приступаю къ новому набору съ западной полосы по 8-ми съ 1,000, съ 1-го мая по 1-е іюня; мы приведемъ симъ наши резервные баталіоны въ полный комплектъ, и не на бумагѣ, а дѣйствительно. Впрочемъ, новаго ничего; сегодня освятили прекрасную новую церковь Конной гвардіи. Послѣ завтра жена намѣрена съ помощію Божіей отправиться въ Москву, я же послѣ церковнаго парада Конной гвардіи. Пробыть въ Москвѣ думаю по 12-е (24-е) сентября, а быть сюда къ 15-му (27-му) обратно.

Жена тебѣ кланяется. Цѣлую руку княгинѣ. Прощай, обнимаю тебя душевно.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

9.

С.-Петербургъ.
24-го марта (5-го апрѣля) 1849 г.

Два твои письма, мой любезный отецъ-командиръ, отъ 18-го (30-го) и 21-го (3-го), въ моихъ рукахъ и я радуюсь, что мы, не сговорясь, одного съ тобой мнѣнія. На новое противорѣчащее желаніе австрійцевъ отвѣчаю, что мы давно готовы, но отнюдь не клочками дѣйствовать, а всѣми соединенными силами.

Занятіе Буковины и Галиціи дѣло самое простое и вѣрно наилучшее, ежели иначе обойтись нельзя. Нашъ 4-й корпусъ готовъ и этихъ силъ, кажется, будетъ достаточно; но въ состояніи ли будетъ Чегодаевъ командовать отдѣльно? Не вѣрнѣе ли назначить и 3-й корпусъ, подчиня оба Ридигеру, или, ежели ты сего не желаешь, а Чегодаеву не вѣришь, не послать ли Берга или Рота, словомъ, скажи мнѣ, что ты предпочитаешь?

Ежели послать Ридигера съ двумя корпусами, то, полагаю, надо будетъ 3-й корпусъ смѣнить 2-мъ, а 1-й ввесть въ Польшу на мѣсто 2-го, а гренадеръ двинуть влѣво, изъ Вильны въ Гродно, изъ Динабурга въ Вильну и изъ Пскова въ Динабургъ? Все это тебѣ я предоставляю рѣшить. Въ случаѣ движенія нашихъ войскъ въ Галиціи, не нужно ли драгунъ перевесть на Волынь?

Ай да Радецкій, прямой герой-старина! Я его приказалъ считать и у насъ въ арміи фельдмаршаломъ и далъ ему Бѣлорусскій гусарскій полкъ. Желаю, чтобъ сынъ твой отвезъ ему мой рескриптъ; хорошо, чтобъ сынъ нашего героя везъ знакъ уваженія къ союзному герою, котораго мы усвоиваемъ.

Условія перемирія дотого славныя для австрійцевъ и столь постыдны для сардинцевъ, что едва понять можно, чтобъ это была истина! Вотъ опять вся стая поляковъ въ изгнаніи, куда теперь полетятъ эти изверги!

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ счастливый конецъ будетъ имѣть разныя дѣйствія на прочія дѣла, канальи въ изступленіи злобы затѣятъ что-либо новое; стоящіе же за правое дѣло ободрятся и, можетъ быть, и въ Венгріи дѣла пойдутъ лучше. Напиши мнѣ, какъ полагаешь расположить наше вступленіе въ Галицію? Съ моей стороны, полагалъ бы я, сосредоточить весь 4-й корпусъ правымъ флангомъ у Лемберга и по Сону, переведя только летучіе отряды за него, а 3-й корпусъ выдвинуть за Вислу и занять сѣверную по-

дошву горъ; такимъ образомъ, сколько мнѣ кажется, будемъ мы при сильныхъ нашихъ корпусахъ въ положеніи взять во флангъ всякое попущеніе въ Буковину и въ самую Галицію, впрочемъ, это одна мысль моя и я можетъ и ошибаюсь, ты лучше моего самъ распорядишься. Вели дополнять убавленныхъ лошадей вездѣ тамъ, гдѣ считаешь сіе нужнымъ. Ежели-бъ обстоятельства требовали внезапно нашего общаго движенія, я сейчасъ отправлюсь къ тебѣ.

Завтра я съ помощью Божіей намѣренъ ѣхать съ А. Н. и К. Н. въ Москву и думаю воротиться между 12-мъ (24-мъ) и 15-мъ (27-мъ).

Обнимаю тебя душевно; твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

10.

Москва.
1-го (13-го) апрѣля 1849 г.

Третьяго дня получилъ я письмо твое, отъ 25-го марта (6-го апрѣля), и сейчасъ другое, отъ 27-го (8-го), за оба благодарю душевно. Мы съ тобой совершенно однѣхъ мыслей. Австрійцы, не сладивъ сами, хотятъ теперь чужими руками жаръ загребать; оно и легко и пріятно; но я того не хочу. Занять Галицію согласенъ. Ежели мятежники ворвутся туда, ихъ уничтожить тамъ или въ Буковинѣ будетъ наше дѣло, какъ и наше дѣло совмѣстно съ турками защищать княжества. Но входить въ Трансильванію намъ нѣтъ причины, это дѣло прямо австрійцевъ. Итакъ, 5-й корпусъ въ княжествахъ, 4-й въ Буковинѣ и Южной Галиціи, а 3-й, ежели нужно, въ Сѣверной, вотъ наше расположеніе. Другое было-бъ намъ невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ и буду отвѣчать. Иначе было-бъ, ежели-бъ австрійцы во-время просили нашей помощи, которая давно была готова, которую

я графу Булю предлагалъ. Теперь же, когда все испорчено, было-бъ глупо мнѣ поправлять русской кровью ихъ ошибки. Занявъ Галицію, мы освобождаемъ всѣ ихъ войска, тамъ оставшіяся, которыя могутъ быть обращены въ дѣло, и это уже не малая помощь, ибо мы отвѣчаемъ имъ за спокойствіе ихъ тыла.

Жаль очень, что Радецкій неосторожно заключилъ конвенцію перемирія и тѣмъ поставилъ императора въ необходимость ея не утверждать; боюсь, чтобъ дѣло симъ вновь не запуталось и не подало поводъ французамъ вмѣшаться. Вообще нами довольны, ежели къ сему приложить драку, ибо не стоитъ назвать войной, въ Голштиніи, мнимое министерство короля прусскаго и непонятныя соотношенія его къ другимъ государямъ въ Германіи и въ особенности съ Австріей. Оттого, ежели намъ вступать въ дѣло, то не иначе должно, какъ крайне осторожно, не теряя изъ виду прямыхъ интересовъ Россіи. Мнѣ кажется, что австрійцы не упоминаютъ объ занятіи Галиціи или изъ недовѣрчивости къ вліянію на одноплеменный намъ старый нашъ край, или они думаютъ, что мы можемъ войти въ Трансильванію изъ княжествъ, что просто глупо и смѣшно.

То и другое требуетъ объясненія, но не перемѣнитъ моей рѣшительности. Ежели они исполнятъ всѣ свои способы, и когда Галиція будетъ нами занята, равно какъ и Буковина, тогда другое дѣло.

Здѣсь нашелъ я все въ отличномъ духѣ и порядкѣ, такъ что сердцу отрада, и набираю этимъ зрѣлищемъ новыя силы на мою тяжелую юдоль! Что видѣлъ 17-ю дивизію—очень хорошо, Бутырскій полкъ—отличный полкъ въ арміи своей красой.

Дворецъ отдѣланъ чрезвычайно хорошо и достоинъ украшать Кремль.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Извини, любезный отецъ-командиръ, что пишу такъ дурно, я уморился отъ службъ и прочаго нераздѣльнаго съ здѣшнимъ бытомъ; крѣпко усталъ.

11.

Москва.

8-го (20-го) апрѣля 1849 г.

Едва отправилъ я къ тебѣ письмо мое 5-го (17-го) числа, какъ вслѣдъ за этимъ получилъ твое съ первымъ извѣстіемъ отъ Медема, что станутъ просить нашей помощи. Вчера же вечеромъ получилъ я твое письмо отъ 2-го (14-го), съ безсмысленнымъ австрійскимъ планомъ кампаніи. Мы съ тобой однѣхъ мыслей, любезный отецъ-командиръ, нахожу тоже, что планъ ихъ верхъ безумія. Ежели сами сладить не могутъ и хотятъ нашей помощи, то предоставь они мнѣ судить, какъ эту помощь подать. Наше вмѣшательство должно быть рѣшительное, все ниспровергающее, а не частное. Ничего не должно быть упущено при томъ, чтобы успѣхъ былъ обезпеченъ и скорѣе болѣе, чѣмъ мало, на то употребить способовъ, они же подъ рукой.

Соглашаюсь поручить Ридигеру начальство надъ сими войсками и чтобъ сначала вступили въ Буковину и Галицію 4 пѣхотныя и одна кавалерійская дивизіи, нахожу однако, что и остальныя двѣ дивизіи 3-го корпуса можно назначить туда же на случай дальнѣйшаго движенія въ Трансильваніи или Венгріи, дабы край занимать и тылъ обезпечивать. Въ такомъ случаѣ я двину отсюда двѣ дивизіи 6-го корпуса, а позднѣе и третьи и 6-ю легкую, дабы сей караулъ былъ у

насъ подъ руками, и не быть намъ озабочену насчетъ занятія нами западныхъ губерній, и не отвлекать резервныя войска отъ ихъ обязанностей при большомъ числѣ рекрутъ, которыхъ они формировать должны. Я велѣлъ послать къ тебѣ Берга, съ тѣмъ, чтобъ ты его снабдилъ полною инструкціей, и онъ съ тѣмъ бы ѣхалъ въ Ольмюцъ объяснить мои намѣренія и условія, на которыхъ я дѣйствовать и помогать имъ готовъ, въ противномъ случаѣ отвѣтить, что я ни во что не вмѣшиваюсь.

Ему же поручаю требовать, въ случаѣ нашего участія, довѣреннаго ихъ офицера, для нахожденія при тебѣ для всѣхъ объясненій. Признаюсь, крѣпко не хочется вступаться во все это. По примѣру прежняго, предвижу одну зависть, злость и неблагодарность и вѣрно не вмѣшался бы, ежели-бъ своя рубаха не была ближе къ тѣлу, т. е. ежели бы не видалъ въ Бемѣ и прочихъ мошенникахъ въ Венгріи не однихъ враговъ Австріи, но враговъ всемірнаго порядка и спокойствія, олицетворенныхъ мерзавцевъ, злодѣевъ и губителей, которыхъ истребить надо, для нашего же спокойствія.

Здѣсь, благодаря Бога, все прекрасно, вчера былъ въ новомъ дворцѣ маскарадъ, на которомъ вышло до 14 т. душъ, и все было тихо, радушно, весело, такъ что сердце у меня радовалось, а набрать новыхъ силъ на свое дѣло всегда надобно.

Полагаю 15-го (27-го) отсюда выѣхать, а буде Волга не задержитъ, прибыть 17-го (29-го) въ Петербургъ, гдѣ снова холера разыгрывается.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Прощай, мой любезный отецъ-командиръ, навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

12.

С.-Петербургъ.
11-го (23-го) апрѣля 1849 г. *Секретно.*

Надняхъ я получилъ твое письмо, мой любезный отецъ-командиръ, и душевно жалѣлъ, узнавъ, что ты нездоровымъ воротился.

Вѣроятно и ты не ушелъ отъ общаго здѣшняго грипа, который и теперь еще здѣсь въ силѣ.

Слава Богу, что тебѣ лучше, но поберегайся. Король прусскій, разжегши пожаръ, храбро объявилъ, что онъ будетъ его тушить,—прекрасно; но спрашивается, зачѣмъ же было разводить пожаръ? вотъ какъ я понимаю дѣло! Теперь весь вопросъ въ томъ, будетъ ли словесная твердость твердостію и на дѣлѣ, ежели такъ, то надежда еще есть, что борьба будетъ въ пользу его, но ежели будетъ послабленіе, то все и скоро пропадетъ. Во всякомъ случаѣ теперь явно, что въ краѣ, досель спокойномъ, сильномъ, ибо король и нація составляли одно, отнынѣ борьба власти съ подданными, съ народомъ,—итакъ, прежняя Пруссія исчезла навсегда!

Дѣло славянское развивается, оно важно по замысламъ въ будущемъ и кажется, что захвачено въ началѣ, оно продолжается и строго; шутить не будемъ. Здѣсь все тихо.

Обнимаю тебя душевно, жена тебѣ кланяется, цѣлую руку княгинѣ.

Твой навѣки доброжелательный

Н.

13.

Москва.
13-го (25-го) апрѣля 1849 г.

Вчера, вечеромъ, получилъ я твое письмо, любезный отецъ-командиръ, съ приложеніями.

Оно весьма важно, и я цѣлыя сутки обдумывалъ отвѣтъ. Полагаю, что скоро настанетъ намъ время дѣйствовать. Не одна помощь Австріи для укрощенія внутренняго мятежа, и по ея призыву, меня къ тому побуждаетъ, чувство и долгъ защиты спокойствія предѣловъ Богомъ ввѣренной мнѣ Россіи меня вызываютъ на бой, ибо въ венгерскомъ мятежѣ явственно видны усилія общаго заговора противъ всего священнаго и въ особенности противъ Россіи, ибо въ главѣ мятежа и главными орудіями его вѣчные враги наши, поляки. Теперь Австрія предоставляетъ мнѣ совершенно образъ и мѣру помощи.

Принявъ сіе согласіе за основаніе, я совершенно съ тобой согласенъ, что не въ примѣръ полезнѣе, занявъ Галицію и Буковину 4-мъ корпусомъ, 3-мъ корпусомъ, усиливъ его одной дивизіей 4-го корпуса и 4-й легкой дивизіей, дѣйствовать прямо чрезъ Дуклу на Пестъ въ тылъ или во флангъ венграмъ. Ежели Пестъ брошенъ, мы въ тылу у нихъ, ежели они отступили къ Тейсу, мы у нихъ во флангѣ, что можетъ быть лучше этого? Но забираться намъ къ Пресбургу вовсе не входитъ въ мои виды, удаляться намъ безъ пользы отъ базы нашихъ операцій, я не признаю той пользы, которую столь явно произвесть должно прямое дѣйствіе въ тылъ венграмъ. Для этого я желаю, чтобъ Ридигеръ имѣлъ не менѣе 4-хъ пѣшихъ дивизій и 2-хъ конныхъ, дабы силы его были значительны. По одной дивизіи 4-го корпуса въ Буковинѣ и Галиціи съ казаками, и буде нужно со 2-й уланской дивизіей, кажется, довольно. Все это объяснивъ Бергу, пошли его въ Ольмюцъ, чтобъ убѣдить тамъ въ пользѣ сего и чтобъ прислали тебѣ своего довѣреннаго офицера быть при тебѣ и рѣшить мѣры продовольствія.

Разумѣется, что кормить должны насъ они, но полагаю, что вѣрнѣе закупать намъ, за наличныя деньги или квитанціи, какъ думаешь лучше, но для окончательнаго раз-

счета потомъ съ ними. Принявъ сіе за основаніе, и буде австрійцы повторятъ просьбу начать, призвавъ Бога на помощь—разрѣшаю тебѣ вступать. Теперь дальше; желаю, чтобъ ты не связывался прежде начавшимися моими смотрами, а войска сбиралъ гдѣ имъ быть должно, чтобъ быть намъ въ боевомъ порядкѣ, смѣнивъ 3-й корпусъ 2-мъ, а сей 1-мъ. Мнѣ все равно, буду смотрѣть что гдѣ найду. Рѣши, надо ли тронуть влѣво гренадеръ, т. е. 2-ю дивизію въ Гродно, 3-ю въ Вильну и 1-ю въ Динабургъ? Не забудь и драгунъ. Велѣлъ приводить и 6-й корпусъ въ военное положеніе, дабы приблизить и имѣть подъ рукой. Сбирай и резервы его, на то нужно 4 мѣсяца, дабы ими занять Москву и имѣть готовый резервъ въ центрѣ Россіи.

Король прусскій проситъ меня его помирить съ Австріей, но могу ли сего достичь, когда правила, руководствующія обоими правительствами, противоположны. Австрія основываетъ свои дѣйствія на правомъ, а Пруссія не хочетъ явнаго разрыва съ революціей, какъ тутъ мирить можно? Но драться за ихъ ссоры *не будутъ* ни за однихъ, ни за другихъ. Вразуми Ридигера, сколь нужно ему будетъ дѣйствовать быстро, осторожно и рѣшительно, надо, чтобъ съ перваго удара нашего дѣло было переломлено въ пользу праваго дѣла. Надо, чтобъ какъ громомъ грянуло и все было кончено. Поляковъ не щадить, главныхъ сейчасъ судить по полевому уложенію и приговоръ исполнять на мѣстѣ. Венгровъ же передавать австрійцамъ, равно и всѣхъ италіанцевъ, французовъ и англичанъ. Разливъ Волги меня здѣсь задержалъ, онъ, надѣюсь, не измѣнитъ однако моего путешествія къ тебѣ, которое считаю очень нужнымъ. Вотъ покуда и все, что имѣлъ сказать.

Жена тебѣ кланяется, цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

14.

С.-Петербургъ.
18-го (30-го) апрѣля 1849 г.

Вчера, утромъ, подъ Новгородомъ повстрѣчался мнѣ твой фельдъегерь съ письмомъ отъ 12-го (24-го) числа, мой любезный отецъ-командиръ.

Весьма непріятная встрѣча, признаюсь. Можно было предвидѣть что безпутныя распоряженія кн. Виндишгреца должны были имѣть несчастный исходъ, который мы нынѣ должны поправить, и ежели-бъ послушали ихъ, то какъ-нибудь. Ты весьма благоразумно отвѣчалъ Шварценбергу, что безъ моего разрѣшенія ты требуемаго исполнить не можешь.

Такъ какъ успѣхи венгровъ приняли самый опасный размѣръ, то они явно заодно съ поляками, потому и намъ прямо угрожаетъ опасность, отказать въ помощи мы не можемъ, но дать и должны осторожно, дабы успѣхъ былъ елико можно безъ сомнѣнія.

Повторяю, мы должны явиться съ достаточными силами, чтобъ переломить дѣло и кончить.

Забираться подъ Вѣну не зачѣмъ ни въ какомъ случаѣ. Думаю, что при всѣхъ значительныхъ силахъ венгровъ, они вездѣ сильными въ одно время быть не могутъ и вѣроятно придется драться съ отдѣльными ихъ отрядами и потому идти, но быстро, разбивъ одинъ за другимъ, и такъ подвигаться впередъ между Дунаемъ и Тейсомъ, примѣрно по направленію къ Песту. Вѣроятно одно наше появленіе облегчитъ австрійцевъ, отвлекая часть венгровъ отъ главныхъ силъ на насъ, давъ возможность австрійцамъ перейти въ наступленіе и, можетъ быть, послужитъ къ конечному пораженію венгровъ. Ежели Богъ благословитъ и это будетъ, тогда война приметъ другой оборотъ, останется усмирить край, что уже не наше дѣло, а дѣло домашнее австрійцевъ. Мы же отойдемъ въ Галицію. Ежели только нужна будетъ

помощь австрійцамъ для покоренія Трансильваніи, тогда, кажется, можно будетъ дать ее изъ Буковины и южной Галиціи 10-ю и 11-ю дивизіями, теперь долженствующими занять сей край. Ежели дѣла примутъ хорошій оборотъ, то все должно скоро кончиться и тѣхъ силъ, которыя у тебя уже подъ рукой, будетъ на первый случай достаточно. Но я люблю разсчитывать навѣрное, и для того считаю очень нужнымъ усилить кавалерію приводомъ драгунскаго корпуса и 2-хъ донскихъ батарей къ Дубнѣ. Ежели дѣло потянется вдаль, очень будетъ полезно употребить сей отличный корпусъ на равнинахъ Венгріи, гдѣ онъ можетъ чудеса надѣлать! вотъ тебѣ копія съ моей записки кн. Чернышеву, насчетъ всѣхъ мѣръ, которыя по обстоятельствамъ считаю нужными. Возьми сейчасъ 2-ю гренадерскую дивизію къ себѣ въ резервъ, а 3-ю и 17-ю я двину въ Гродно и Вильну сейчасъ какъ готовы будутъ. Этотъ славный резервъ будетъ у тебя тогда подъ рукой и я буду спокойнѣе, знавъ его у тебя. 2-ю кирасирскую перевожу тоже въ Умань. При положеніи дѣлъ въ Германіи и ссорѣ Пруссіи съ Австріей, я того и гляжу, что дойдетъ у нихъ до драки, въ которой я участвовать не могу, но не хочу и чтобъ они передрались, и для того они должны знать, что на начинающаго несправедливо могу и я обратиться. Отъѣздъ мой попрежнему 1-го (13-го) мая, везу и Нессельроде, который мнѣ по обстоятельствамъ можетъ быть необходимъ. Что-то Бергъ привезетъ?

Обнимаю душевно и навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Цѣлую руку княгинѣ.

Слухи носятся, будто Бемъ изъ Трансильваніи намѣренъ вторгнуться въ Галицію, не мѣшало бы наставить Чегодаева, какъ ему на сей случай дѣйствовать.

15.

С.-Петербургъ.
23-го апрѣля (5-го мая) 1849 г.

Сегодня, утромъ, получилъ я, любезный мой отецъ-командиръ, письмо твое отъ 19-го апрѣля (1-го мая), за которое душевно благодарю. Приложенная записка и все, что передалъ тебѣ австрійскій полковникъ объ положеніи дѣлъ, дастъ оному гораздо еще грознѣе видъ, чѣмъ и полагать было можно, и можетъ о сю пору Вѣна уже въ рукахъ мятежниковъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ полагаю я, что ежели намъ вступать въ дѣло для подачи настоящей помощи, а не для одной диверсіи, должно сіе исполнить со всѣми силами на то нужными, и такъ, чтобы успѣхъ, елико можно, былъ несомнѣнный. Надо, чтобъ ты самъ велъ свои арміи на новую славу, на великодушную помощь; да поможетъ намъ Богъ, и ты будь его орудіемъ!

Сообщаю тебѣ мои мысли. Мы видимъ, что на австрійцевъ нѣтъ никакой надежды, дай Богъ, чтобъ они хоть Вѣну отстояли. Мы будемъ имѣть дѣло съ главными силами венгровъ, усиленныхъ канальями поляками и пришельцами со всѣхъ сторонъ. Надо все твое знаніе дѣла, все твое искусство на одолѣніе, но нужна и сила значительная, гораздо значительнѣе прежней. Полагаю, что тебѣ вступать должно въ Венгрію со 2-мъ, 3-мъ и одной пѣшей (полагаю 12-й) дивизіей 4-го корпуса, оставя 10-ю и 11-ю въ Галиціи и Буковинѣ, съ 4-ю легкой и всѣмъ драгунскимъ корпусомъ не менѣе какъ съ 8-ю казачьими полками.

Оставишь же въ Царствѣ 1-й корпусъ и 2-ю гренадерскую, и буде нужно ввести и остальныя двѣ, 7-ю легкую и 2-ю кирасирскую. Кажется 4-хъ дивизій пѣхоты, а буде нужно и 6, съ тремя кавалерійскими дивизіями должно быть достаточно для удержанія порядка въ Польшѣ, имѣя сверхъ

того не менѣе трехъ донскихъ полковъ и 2 гвардейскихъ казачьихъ. Вмѣстѣ съ симъ я велѣлъ гвардіи быть готовой выступить 1-го (13-го) іюня, равно какъ и 16-й и 18-й дивизіямъ слѣдовать съ 1-го (13-го) числа въ Могилевъ и Черниговъ, а 6 й легкой подъ Кіевъ. Ежели гренадеры должны будутъ оставить Вильну, вели ее занять одной резервной дивизіей 1-го или 2-го корпуса.

На Литвѣ надо будетъ оставить еще 2 донскихъ полка: одинъ для смѣны пѣхоты на прусской границѣ, другой въ резервъ. Ежели по ходу дѣлъ въ Европѣ нужно будетъ болѣе войскъ, тогда тронуть можно, не останавливаясь, 16-ю и 18-ю дивизіи и 6-ю легкую прямо на Брестъ въ Царство!

Занятіе Галиціи 4-мъ корпусомъ и 2-й уланской дивизіей дастъ намъ сильную превосходную базу операцій и, кажется, должно обезпечить наши собственные предѣлы отъ бунтовъ и прорыва шаекъ.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ. Конечно не мнѣ тебѣ начертать планъ, объ одномъ прошу, не увлекайся просьбами австрійцевъ, дай себѣ срокъ собрать всѣ условія успѣха и тогда съ Богомъ, дѣйствуй какъ на нашихъ враговъ быстро, по-русски. Не щади каналій. Ежели Вѣна и потеряна, дѣло ты исправишь, уничтоживъ гнѣздо бунта.

О прочемъ условимся при свиданіи.

Считаю очень важнымъ, чтобъ ты былъ силенъ кавалеріей и въ особенности казаками, жалѣю, что ихъ не болѣе при арміи, ими надо истреблять шайки по всѣмъ направленіямъ вокругъ арміи, дабы главныя силы не отвлекать отъ прямой цѣли.

16.

С.-Петербургъ.
27-го апрѣля (9-го мая) 1849 г.

Вчера, утромъ, прибылъ кн. Лобковицъ, вечеромъ наканунѣ письмо твое 21-го (3-го), цѣлый вчерашній день те-

леграфомъ всѣ плачевныя извѣстія изъ Вѣны, Дрездена и, наконецъ, о посылкѣ дивизіи въ Вѣну, а сейчасъ два твои письма отъ 25-го (7-го), съ подробностями причины сей посылки. Ты видишь, любезный отецъ-командиръ, что было мнѣ объ чемъ подумать и, признаюсь, была тяжелая дума.

Какъ уже по телеграфу тебѣ писалъ, такъ и теперь повторяю, крайне жалѣю объ посылкѣ дивизіи въ Вѣну; она Вѣны не спасетъ, а можетъ пропасть даромъ, тогда какъ нужнѣе чѣмъ когда, чтобъ были мы сосредоточены, и не иначе дѣйствовали какъ массой, могущей рѣшить дѣло. Мы теряли Москву, но не погибли, неужели Австрія, столь часто уже терявшая Вѣну, на сей разъ безъ нея обойтись не можетъ? Тогда какъ увѣрена въ близкомъ нашемъ появленіи въ тылу врага! Но дѣло прошедшее, я могу ошибаться и слишкомъ вѣрю и уважаю твое мнѣніе, чтобъ съ тобой спорить или препятствовать дѣйствовать по твоему убѣжденію, ты варшавскій герой, а я твой старый бригадный командиръ на парадной площади.

Теперь болѣе чѣмъ когда надо все намъ сбирать, чтобы было подъ рукой. Здѣсь все кипитъ, 15-го (27-го) мая гвардія выступаетъ двумя колоннами. Гренадеры уже тронулись, вели ихъ ввесть въ Царство, гвардію поставилъ въ Литвѣ до Бреста, ежели до того не надо будетъ вести дальше. Вотъ письмо короля прусскаго, оно дастъ ясное понятіе объ путаницѣ въ сей головѣ, и я его словамъ не вѣрю. Покажи онъ сперва хоть разъ на дѣлѣ, что онъ умѣетъ исполнить, что говоритъ. Полагаю ѣхать въ ночь на 2-е (14-е) и могу быть у тебя, думаю, 5-го (17-го), вечеромъ. Въ Лазенкахъ вели поставить внутренній караулъ отъ гвард. казачьяго полка, въ комнатѣ, въ которой стоятъ уборныя 7 — 0, которыя переставить по дверямъ круглой залы, и постъ, гдѣ они стояли, равно и на лѣстницѣ ко мнѣ, занимать казакамъ. Французскую республику я призналъ, ибо

они исполнили условія моего признанія. Желательно, чтобъ французское правительство осталось то ько при нынѣ руководительствующихъ имъ правилахъ. Нетерпѣливо жду, велѣлъ ли король прусскій, какъ говоритъ въ своемъ письмѣ, идти выручать Ситонскаго. Ежели будетъ такъ, то будетъ первый шагъ противъ революціи. Роховъ (Рохау) ѣдетъ со мной въ Варшаву, онъ прекрасный человѣкъ и мыслитъ по нашему; онъ умоляетъ короля на всякій случай подчинить корпуса въ Пруссіи г. Дона и въ Познани Бринека намъ, дабы, при возможномъ случаѣ возстанія, они могли бы получить отъ насъ наставленіе, какъ съ нами совокупно дѣйствовать. Подтверди Мирковичу и Бибикову строже имъ надо смотрѣть за всѣмъ и не опускать ничего. Здѣсь мы шайку нашихъ арестовали, слѣдствіе идетъ и объяснитъ намъ многое.

За симъ прощай, Богъ съ нами; будемъ готовы на все съ надеждой и покорностію волѣ Божіей! Обнимаю тебя душевно.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую руку княгинѣ. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

17.

Варшава.
10-го (22-го) іюня 1849 г.

Сегодня, утромъ, прибылъ Ливенъ съ твоимъ письмомъ изъ Бартфельда, мой любезный отецъ-командиръ, и ты можешь себѣ вообразить, какъ я его допрашивалъ. Слава Богу, что первый актъ кампаніи, и можетъ быть одинъ изъ самыхъ трудныхъ, совершенъ безъ выстрѣла, не думаю, чтобъ всякой арміи удалось сдѣлать въ одинъ переходъ все, что совершено войсками въ одинъ этотъ день! Кажется мнѣ, что мысль твоя укрѣпить Бартфельдъ, какъ для арміи, очень правильна.

Урокъ, заданный линейными казаками, кажется, отнялъ охоту держаться противъ Бартфельда и такимъ образомъ позиція у Кобылки, о которой такъ часто мы толковали, стоила намъ 2-хъ казаковъ убитыхъ и 2-хъ раненыхъ. Какъ бы хорошо было, ежели-бъ Эперіешъ и Кашау не дороже намъ обошлись! Надѣюсь, что движеніе Ридигера по данному тобой ему направленію весьма облегчитъ подступъ къ Эперіешу и нетерпѣливо ждать буду, чѣмъ кончится. Вчера, вечеромъ, получилъ я копіи съ донесеній къ тебѣ ген.-ад. Берга объ начатомъ наступленіи австрійской арміи и желаніе ихъ, чтобъ Граббе шелъ впередъ. Не смѣю предугадывать, что ты рѣшилъ, но думаю, что ты имъ отпустишь короткій «нѣтъ», ибо, сколько разумѣю, подобное движеніе Граббе, теперь, при составѣ его отряда, подвергнетъ его почти вѣрному разбитію.

Всѣ твои начертанія старался я въ точности выполнить. По сношенію личному съ Деномъ, выборъ точки для переправы избранъ тотъ самый, о которомъ говорено было; онъ весьма удобенъ; нашъ берегъ командуетъ, ширина не велика, и двухъ понтонныхъ парковъ съ излишкомъ достаточно. Понтонныя лошади приходятъ 20-го іюня (2-го іюля) и все будетъ отправлено. Дороги велю исправить: 1-й саперный баталіонъ отправляется на мѣсто, и Денъ посылаетъ надежнаго офицера для трасировки мостового прикрытія. Одинъ полкъ 2-й дивизіи велѣно поставить въ Краснихѣ. 2-й драгунской дивизіи послано повелѣніе своротить къ Дуклѣ и Змигроду, о чемъ предваренъ ген. Гамерштейнъ; 1-ю дивизію направилъ въ самую южную часть Люблинской губерніи, дабы въ случаѣ нужды и она была готова слѣдовать за 2-й; Шабельскаго вытребовалъ сюда для личныхъ приказаній. Два маршевыхъ баталіона 3-го корпуса 18-го (30-го) іюня будутъ въ Замостьѣ и сейчасъ прослѣдуютъ въ Дуклу; посылаю адъютанта ихъ осмотрѣть, а третій напра-

влепъ сюда, для 9-й дивизіи, на случай отправленія его по желѣзной дорогѣ къ своей дивизіи. Въ Калишѣ видѣлъ и любовался 3-й дивизіей и ея артиллеріей, она лучшая изъ всего, что видѣлъ; холера уменьшается. Здѣсь все нашелъ въ совершенномъ порядкѣ, три полка 2-й гренадерской дивизіи прибыли и глядятъ молодцами; но холерѣ они начали подвергаться. Погода стоитъ бурная и свѣжая.

Въ Парижѣ дѣла приняли благопріятный оборотъ и правительство приняло большую силу. Бунтъ въ Баденѣ одолѣвается войсками послѣ небольшихъ дракъ. Про Данію еще ничего не знаемъ.

Къ несчастію, здѣсь узналъ я, что внучка моя опять безнадежна! Горе наше велико.

Теперь дай мнѣ тебя побранить за то, что ты, вопреки моей усердной просьбѣ, изволилъ ѣздить за форпосты? Не грѣшно ли тебѣ всѣхъ насъ пугать! Что стоило бы подать цѣпь впередъ; охъ! отецъ-командиръ, не любишь ты меня, ежели моими усердными молитвами пренебрегаешь! Вспомни, кто ты и что на тебѣ! Не сердись на стараго твоего бригаднаго, онъ тебя ей-ей душевно любитъ!!! Неужели ты этого не знаешь!

Да хранитъ тебя Господь! Обнимаю отъ всей души.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Залуцкій взятъ и доставленъ въ Замостье; я велѣлъ привесть его сюда, и предамъ суду, а потомъ прощу. Княгиню видѣлъ сегодня, утромъ, всѣ здоровы.

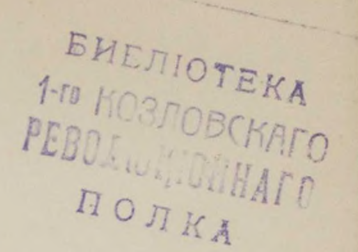
18.

Варшава.
14-го (26-го) іюня 1849 г.

Съ часъ тому, какъ я получилъ письмо твое, любезный отецъ-командиръ, изъ Эперіеша, и Бога благодарю, что и

до этого мѣста достигли безъ большой потери. Малыя большія дѣла только что разохотили и доказали, какимъ славнымъ духомъ оживотворены войска. Да хранитъ ихъ Господь! Ты съ радостію узналъ, полагаю я, о славномъ дѣлѣ, въ которомъ дивизія Панютина заслужила общее удивленіе и доказала, что мирное устройство, какъ мы его понимаемъ, есть залогъ порядка и успѣха. Пріятно читать, что про дивизію говорятъ австрійцы, посылаю завтра къ ней флигель-адъютанта Ахматова со спасибомъ Панютину, которому приказываю представить объ отличившихся и 30 знаковъ Военнаго Ордена для нижнихъ чиновъ. Какъ я радъ, что мы опять съ тобой сошлись мыслями объ требуемой диверсіи ген.-ад. Граббе и вообще о дѣйствіяхъ австрійцевъ; боюсь, чтобъ ихъ не поколотили. Отъ Лидерса и Гротенгельма я ничего не получалъ еще. Потребовалъ ли свою остальную кавалерію? Мысль твою сдѣлать демонстрацію на Токай нахожу очень глубокой; нельзя, чтобъ это движеніе не оттянуло венгровъ отъ австрійцевъ. Въ то же время и Елачичъ хотѣлъ угрожать Сегедину.

Дабы приготовить возможность генералъ-адъютанту Граббе позднѣе, когда пойдетъ подъ Пештъ, болѣе содѣйствовать сему движенію своимъ участіемъ въ сильныхъ демонстраціяхъ, я теперь же велѣлъ смѣнить полку принца Карла прусскаго, изъ Кельцевъ, Симбирскій въ Краковѣ, а Симбирскому, съ батареей и бригадою уланъ 1-й дивизіи съ конной батареей № 1, вслѣдъ за полкомъ, идти къ Граббе; все это къ нему примкнуть можетъ около 2-го іюля. Тогда онъ будетъ довольно силенъ, чтобъ наступать, когда въ томъ нужда будетъ. Въ фуражѣ онъ не нуждается. Здѣсь все въ порядкѣ. Вся 2-я гренадерская дивизія и 2 артиллерійскія бригады здѣсь; подходитъ и 3-я гренадерская и 7-я легкая. Больныхъ холерой меньше. У Панютина почти кончилась. Душевно ра-



дуюсь, что ты доволенъ Костей; ничего лестнѣе для него быть не можетъ, какъ добрый твой о немъ отзывъ.

Посылаю къ тебѣ съ письмомъ симъ сына Орлова. Прошу мнѣ присылать донесенія съ флигель-адъютантами, ибо они многое могутъ мнѣ объяснить на словахъ, чего я отъ фельдъегерей не добьюсь.

Богъ съ тобой, мой любезный отецъ-командиръ, обнимаю тебя отъ души.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Прошу за меня обнять Костю и поклониться всѣмъ нашимъ.

19.

Варшава.
16-го (28-го) іюня 1849 г

Сегодня, утромъ, неожиданно получилъ я твое письмо изъ Кашау и Бога благодарю, что и это мѣсто намъ досталось безъ боя! Жаль, что нельзя было достичь до непріятеля и наказать его за дерзость, но мнѣ кровь дорога и не могу не радоваться, что тамъ, гдѣ опасались мы, что ея много пролито будетъ, удалось и безъ того всего достигнуть. Дѣло гусаръ Ольги—молодецкое дѣло, надѣюсь, что ты достойныхъ наградилъ. Вчера получилъ отъ Берга копіи съ посланныхъ къ тебѣ бумагъ. Австрійцы какъ будто извиняются, что не начали 3-го (15-го) сами, тогда какъ, поколику помню, мы ихъ объ томъ и не просили, да и теперь не просимъ, покуда положеніе непріятеля не измѣнилось. Сегодня, утромъ, я получилъ рапортъ Граббе, который сіе подтверждаетъ, ибо со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи, что до 15-ти тыс. угрожаетъ Силейну и дефиле на Цивицъ. Граббе сему еще не вѣритъ, но полагаетъ сіе однако возможнымъ и потому проситъ велѣть бригаду уланъ изъ Кракова перевесть туда, въ

Андричоу и Бюгау, дабы обезпечить его тылъ и дорогу въ Ольмюцъ; равно желаетъ, чтобъ Симбирскій полкъ былъ къ нему присланъ. Первое я тотчасъ велѣлъ исполнить, ибо бригада туда прибыть можетъ только 24-го іюня (6-го іюля). Симбирскій же пошли тотчасъ, когда принца Карла успѣетъ изъ Кельцевъ прислать 2 баталіона въ Краковъ. Гусарскую бригаду 1-й легкой дивизіи посылай на мѣсто уланъ въ Мѣховъ когда 2-я артиллерійская бригада дойдетъ сюда, пошли по желѣзной дорогѣ одну легкую батарею въ Краковъ. Шабельскій прибылъ сего утра, все идетъ по новоданному направленію, и голова 2-й драгунской дивизіи уже вошла въ Галицію.

Пора тебѣ взять къ себѣ кавалерію и надѣюсь, что ты объ томъ уже далъ приказаніе оставленнымъ въ Дуклѣ; будетъ мало этого, драгуны скоро могутъ быть подъ рукой. Отъ Гротенгельма получилъ два донесенія. Онъ уже былъ подъ Быстрицей, имѣвъ два хорошихъ дѣла, но потерялъ хорошаго офицера Главнаго Штаба, своего оберъ-квартирмейстера. Жаль, что Урбанъ столь боленъ, что долженъ былъ остаться. Отъ Лидерса покуда ни слова. Нетерпѣливо жду, куда ты направишься. Молю Бога, чтобъ успѣхи наши продолжались, не стоя много крови. Кажется мнѣ, что ты весьма осторожно поступилъ, оставя Ридигера назади и составя отрядъ на правомъ флангѣ, доколь не объяснится, справедливы ли слухи, что непріятель затѣваетъ что-то противъ сей стороны. Съ каждымъ днемъ развязка дѣлается любопытнѣе, и я не могу довольно благодарить тебя, мой любезный отецъ-командиръ, что среди всѣхъ твоихъ заботъ не забываешь меня часто извѣщать о происходящемъ, оно мнѣ драгоцѣнно.

Здѣсь все тихо и исправно, новаго ничего. Завтра выступаетъ гусарскій короля виртембергскаго полкъ въ головѣ 7-й легкой дивизіи; послѣ завтра смотрѣть буду 2-ю гренадерскую.

Богъ съ тобой, мой любезный отецъ-командиръ, береги себя; обнимаю душевно.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Прошу обнять Костю.

Княгиню видѣлъ вчера, она здорова.

20.

Варшава.
19-го іюня (1-го іюля) 1849 г.

Во время обѣда прибылъ твой второй курьеръ изъ Кашау, любезный отецъ-командиръ. Изъ письма Кости я съ большимъ огорченіемъ узналъ, что ты наканунѣ чувствовалъ себя нездоровымъ; молю Бога, чтобъ нездоровье твое скоро прошло. Отрадно было мнѣ читать всѣ сдѣланныя тобой распоряженія и данный всему порядокъ и устройство, которые залогомъ успѣха. Направленіе и предписаніе, данное Чегодаеву, нахожу прекраснымъ; симъ Токай будетъ новымъ операціоннымъ базисомъ, куда бы ты далѣе ни шелъ, къ Пешту ли или къ Дебречину. Движеніе двумя корпусами на Миклошъ тоже превосходно, словомъ, учусь и радуюсь. Весьма осторожно и благоразумно укрѣпленіе всѣхъ главныхъ точекъ операціоннаго пути, ибо легко быть можетъ, что, en désespoir de cause, венгры обратятся къ партизанской войнѣ на семъ пространствѣ, и потому и на это мы готовы. Право, не догадываюсь, что венгры предпримутъ. Кажется мнѣ, какъ и прежде тебѣ говорилъ, что они хотятъ прикрыться Дунаемъ, и всѣми силами обрушатся на австрійскую армію, которая довольно неосторожно упрямится атаковать, не выжидая, чтобъ появленіе въ тылу непріятеля оттянуло хоть часть ихъ силъ и тѣмъ дало бы болѣе вѣроятія на успѣхъ.

Сегодня я получилъ донесенія Берга и копію съ его

глупаго и дерзкаго донесенія къ тебѣ; я на это ему послалъ полновѣснаго дурака, съ угрозой его смѣнить, ежели будетъ продолжать столь фальшиво понимать свое назначеніе. Прошу только въ твоемъ отвѣтѣ австрійцамъ укротить твой справедливый гнѣвъ, ты будешь дѣломъ отвѣчать на ихъ глупость, довольно и того, а мнѣ предоставь прочее. Копію съ самаго выговора Бергу представляетъ тебѣ Адлербергъ.

Теперь дальше; ты мнѣ пишешь, что буде пойдешь на Дебречинъ, то велишь Гротенгельму и Лидерсу ускорить движеніемъ, за Лидерса не опасаюсь, онъ молодецъ, остороженъ и силенъ, да и Елачичъ недалеко въ тылу у Бема.

Но Гротенгельмъ не слабъ ли, чтобъ отдѣльно дальше двигаться? Напротивъ, не думаешь ли, что Сакена можно-бъ было двинуть чрезъ одинъ изъ переваловъ, онъ ближе къ тебѣ и кажется мнѣ, скорѣе-бъ могъ хоть край очистить или занять въ твоемъ тылу или на лѣвомъ флангѣ, смотря куда ты поворотишь; и приведетъ 8 свѣжихъ баталіоновъ, 14 эскадроновъ и 32 орудія? Мысль эту передаю тебѣ, какъ мнѣ на умъ пришло. Съ другой стороны, чрезъ 15 дней, т. е. 1-го (13-го) іюля, голова драгунъ близъ Дуклы и, буде нужна, можетъ немедля слѣдовать далѣе по твоему назначенію.

Для партизанской войны это войско будетъ тебѣ сущій кладъ; можетъ быть скоро надо будетъ устроить этотъ родъ очистки края, когда дойдешь до равнинъ, которыхъ ты уже близокъ.

Сегодня отпустилъ Шабельскаго и велѣлъ ему стать своей корпусной квартирой въ Ясло, дабы ближе быть къ тебѣ и знать, что дѣлается. Ежели велишь ихъ посылать къ тебѣ, черезъ 10 дней, т. е. около 15-го (27-го) іюля, они могутъ быть одной дивизіей у тебя; другая 10-ю днями позже. Отъ Граббе покуда ничего не получилъ. Уланъ послалъ, чрезъ 5 дней они будутъ тамъ, куда Граббе имъ назначилъ слѣдовать,

т. е. въ Вильнѣ. Но быть можетъ, что до того венгры наступятъ, ибо они Тренчинъ вновь заняли.

Здѣсь все хорошо; вчера смотрѣлъ прибывшую 2-ю гренадерскую дивизію съ ея артиллеріей и былъ весьма доволенъ. Другія подходятъ, равно и 7-я легкая дивизія. Все тихо и смирно, холеры меньше. Но мы въ жестокомъ и глубокомъ горѣ, ибо наше несчастіе совершилось 16-го (28-го) числа. Горя сына и дочери и жены описать нельзя, мы горюемъ всѣ, но покоряемся безъ ропота волѣ Божіей и вѣримъ, что буде такъ Онъ устроилъ, то оно къ лучшему! Да хранитъ тебя Господь и армія; усердно объ томъ молю милосерднаго Бога, а ты, отецъ-командиръ, помни мою просьбу и берегись.

Обнимаю отъ всей души и навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Прошу обнять Костю.

Присылай мнѣ курьерами флигель-адъютантовъ; они на словахъ многое мнѣ передать могутъ, что отъ фельдъегерей не доберусь.

20-го (2-го). Сейчасъ прибылъ изъ австрійской арміи флигель-адъютантъ Бенкендорфъ съ письмомъ отъ императора, извѣщающимъ меня объ взятіи Рохда, послѣ небольшой канонады. Молодой императоръ самъ подвергался опасности, перейдя съ стрѣлками разобранный мостъ молодцомъ, но не слишкомъ осторожно. Въ письмѣ онъ настаиваетъ, чтобъ Граббе шелъ впередъ; я на это отвѣчать не буду, но Граббе предоставляю дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не исключая возможности и подвинуться, когда 4 баталіона, 2 батареи и 16 эскадроновъ его усилятъ и австрійская армія безпрепятственно дойдетъ до Коморна къ Пешту, и мостъ будетъ ими наведенъ между Пресбурга и Коморна для облегченія сооб-

щеній съ Чорнчемъ, оставленнымъ на лѣвомъ берегу Дуная. Ранѣе же Граббе было смѣшно и думать выдвигать впередъ.

Тогда же, напротивъ, онъ почти что примкнетъ къ правому флангу твоему, ежели пойдетъ на Оженъ.

21.

Варшава.
22-го іюня (4-го іюля) 1849 г.

Съ большою радостью получилъ я письмо твое, любезный отецъ-командиръ, посланное съ флигель-адъютантомъ Николаи. Молодецкое взятіе Токая, движенія Чегодаева на Дебречинъ, потомъ на Тисса Фюредъ, твое же на Миклошъ и Эрапу, все превосходно.

Непріятель, кажется, растаялъ, и дай Богъ, чтобъ было такъ отъ одного страха твоего появленія, тогда значитъ, что Богъ услышалъ молитвы мои, чтобъ щадилъ дорогую русскую кровь! Что далѣе. Разумѣю очень, сколь тебя стѣсняетъ затрудненіе въ продовольствіи; кажется, однако, по словамъ Николаи, что всѣ подвозы имъ встрѣчены исправно, и теперь, съ наложенной контрибуціей на Дебречинъ, можно надѣяться, что ни въ чемъ недостатка не будетъ. Ужасаетъ меня одна холера; чѣмъ скорѣе удалишься отъ Тейса, тѣмъ скорѣе, вѣроятно, ея избѣгнешь; у Елачича, который былъ уже въ Сегединѣ, холера сильно свирѣпствовала. Ты мнѣ ничего не пишешь, какія приказанія ты далъ Лидерсу и Гротенгельму? Граббе рапортъ получилъ я въ одно время съ твоимъ письмомъ; онъ бомбардируетъ курьерами австрійцевъ и Берга, чтобъ шелъ впередъ, на что очень умно отвѣчаетъ: когда буду въ состояніи, тогда пойду. Скоро, т. е. 5-го (17-го) іюля, весь его отрядъ будетъ собранъ, и тогда онъ и можетъ и долженъ тронуться впереди, ибо одно твое нахожденіе за Мишкольцомъ уже слагаетъ съ него часть лежавшей на немъ обязанности охранять Галицію, и повторяю, что, по

всѣмъ вѣроятіямъ, полагаю, что онъ близъ Пешта можетъ примкнуть или быть на высотѣ твоего праваго фланга.

Маршевые баталіоны для 2-го и 3-го корпусовъ выступятъ на-дняхъ, и тѣмъ оба корпуса получатъ усиленія болѣе 4-хъ тыс. человѣкъ. Ты велишь куда имъ слѣдовать изъ Дуклы.

Здѣсь все тихо и хорошо и я очень доволенъ. Благодарю за милости твои къ сыну и желаю, чтобъ былъ ихъ достоинъ. Твои всѣ здоровы, видѣлъ ихъ вчера. Прощай, мой любезный отецъ-командиръ, обнимаю тебя душевно, береги себя, Богъ съ тобой.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Про австрійскую армію послѣ Рохда ничего не знаю.

22.

Варшава.
27-го іюня (9-го іюля) 1849 г.

Сегодня, утромъ, прибылъ флигель-адъютантъ Глинка, любезный отецъ-командиръ, и крайне меня огорчило узнать, что причиной его опозданія было твое нездоровіе; молю Бога, чтобъ и слѣды сему исчезли, но самъ ты будь осторожнѣе въ пищѣ и въ особенности въ зелени, при свирѣпствующей холерѣ. Это стоитъ сраженій! Но буде воля Божія, слава Богу, что духъ въ войскѣ отъ сего не упалъ. Итакъ, Дебречинъ въ нашихъ рукахъ былъ и безъ боя! Крайне жаль, что нельзя было выполнить первой твоей мысли, 4-му корпусу оттуда слѣдовать на Фюредъ, вмѣсто огромнаго круга чрезъ Токай.

Рѣшимость твоя идти на Пештъ кажется мнѣ совершенно правильною; одного бы только желалъ, чтобъ ты въ это время невольной остановки употребилъ свою сильную кавалерію для партизанскаго дѣйствія, чтобъ тревожить непрія-

теля, держать его въ недоумѣніи и увеличить районъ продовольствія, столь необходимаго. Жаль будетъ, ежели наши сообщенія съ тобой прекратятся; такъ какъ ты желаешь, чтобъ Сакенъ съ отрядомъ шелъ на Дуклу и Эперіешъ и на него возлагаешь очистку Цикской долины и даже до Мишкольца, то я о семъ ему сейчасъ приказываю и направляю его сходно съ твоимъ повелѣніемъ. Вмѣняю ему въ обязанность однако только тогда идти въ Цикскую долину, ежели по приходѣ въ Бартфельдъ или въ Эперіешъ слухи объ присутствіи тамъ непріятеля въ значительныхъ силахъ подтвердятся; въ какомъ случаѣ онъ будетъ имѣть сейчасъ предметомъ поворотить направо по долинамъ и очищать ихъ, чѣмъ уже сообщеніе облегчится. Но буде слухи сіе окажутся или ложными, или преувеличенными, долженъ онъ будетъ слѣдовать прямо до Мишкольца, забирая съ собой все, что къ арміи слѣдовало и остановилось, а дойдя до Мишкольца, немедля открыть сообщенія съ тобой, очищая всю дорогу отъ казаковъ и уничтожая всѣ могущія быть шайки. Словомъ, съ этого мѣста онъ часовой твой и долженъ будетъ оттуда дѣйствовать en colonnes mobiles.

Теперь обращаюсь къ твоему плану. Кажется, что всѣ силы венгровъ подъ Коморномъ, даже и кавалерія ихъ тамъ сильна. Не доказываетъ ли это, что въ сей выгодной точкѣ они выжидаютъ удобной минуты броситься на австрійцевъ и разбить ихъ даже на правомъ берегу Дуная. Выждавъ твоего прихода подъ Пештъ, они могутъ и еще ждать, куда далѣе ты пойдешь? Ежели переправишься на правый берегъ, тамъ или въ иномъ мѣстѣ, они и тутъ выждутъ переправы, а сами лѣвымъ берегомъ отбросятъ что найдутъ и, обогнувъ уголъ Дуная, могутъ идти на Тисса-Фюредъ или Токай, однимъ словомъ, на Тейсу, избѣгая тебя и присоединивъ всѣ свои отдѣльныя силы. Тогда придется обратно переправляться и бѣжать за ними, ежели будетъ продовольствіе, не говоря

уже объ потерѣ нашихъ сообщеній и госпиталей и проч. Напротивъ, ежели возьмешь Пештъ безъ боя, думаю, что должно оставить тамъ цѣлый корпусъ, положимъ, 4-й, болѣе подавшій, а съ остальными двумя слѣдовать округъ Дуная по лѣвому берегу, на Коморнъ, куда примкнуть можетъ и Граббе; тогда будетъ у тебя 5 дивизій пѣхоты и двѣ съ половиной кавалеріи, примѣрно до 70-ти тыс. подъ ружьемъ. Или венгры тогда дадутъ сраженіе, чтобъ пробиться правымъ берегомъ сквозь австрійцевъ, или выйдутъ противъ тебя; въ этомъ случаѣ ты съ помощью Божіей ихъ разобьешь, но ежели они и пробьются сквозь австрійцевъ, зная, что Пештъ нами занятъ, они туда же пройти не могутъ, а должны будутъ искать спасенія ниже, правымъ берегомъ Дуная, имѣя австрійцевъ постоянно на своемъ правомъ флангѣ и угрожаемые быть прижатыми къ Дунаю, не имѣя на ономъ близкой переправы. Ежели Пештъ ты не оставишь занятымъ, тогда они свободно обратятся на него, переправятся и будутъ вновь свободны дѣйствовать по своему усмотрѣнію, а тебѣ останется или возвратиться тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ, или переправляться на правый берегъ безъ пользы.

Извини твоего стараго бригаднаго, что по присылкѣ тебѣ откровенно цѣлостію своего мнѣнія, можетъ быть и ошибочнаго, ты разсудишь и рѣшишь, какъ заблагоразсудится.

Ссоры съ генераломъ Гайнау у тебя быть не можетъ; на полѣ сраженія ты фельдмаршалъ, и случай сей уже предвидѣнъ; но и соединенія не предвижу, ибо, кажется мнѣ, васъ всегда Дунай будетъ раздѣлять.

Ежели Пештъ ты будешь постоянно сильно занимать, то я венграмъ не вижу болѣе спасенія, и можетъ быть Богъ благословитъ скорымъ концомъ. Всякій же маневръ, не занимая Пешта, признаться долженъ, буду считать крайне опаснымъ, отважнымъ, а можетъ быть и влекущимъ все дѣло неопредѣленно вдаль.

Новое дѣло артиллеріи Папютипа славно и дружба тамъ идетъ какъ лучше нельзя. Головомыленіе Бергу, надѣюсь, будетъ въ пользу и впередъ будетъ осторожпѣе писать.

Ты мпѣ пичего не пишешь, что ты велѣлъ Гротенгельму и въ особенности Лидерсу; кажется, что у него дѣла идутъ хорошо; хорошо бы во-время его снабдить приказаніемъ, куда ему паправиться? Пора бы ему знать твои памѣренія.

Здѣсь все хорошо и тихо и исправно. Не думаешь ли, что можпо-бъ было отправить наши сообщенія по дорогѣ, по которой дѣйствуетъ Граббе, ежели опъ имѣлъ удачу; опо было-бъ теперь ближе па Краковъ, чѣмъ кругомъ, чрезъ Кашау и Дуклу?

По расчету времени не думаю, чтобъ ты былъ въ Пештѣ ранѣе 7-го (19-го) іюля, а буде пойдешь паправо кругомъ къ Коморну, развѣ дойдешь туда къ 11-му (23-му) числу. Разсчитывая, что твое донесепіе объ томъ можетъ сюда быть только около 14-го (26-го) числа, я можетъ быть воспользуюсь симъ временемъ съѣздить въ Петербургъ, дней па 10, обнять жепу и дѣтей послѣ пашего горя, и имъ и мнѣ нужпо перевести духъ, а затѣмъ возвращусь сюда къ 14-му (26-му) числу. На время моего краткаго отсутствія поручу главное здѣсь начальство по военпой части генералу Сиверсу, на котораго вполнѣ положиться можно, а полицейскую думаю поручить гепералу Депу. Ежели бы случилось что-либо особо важное, то ворочусь по первому извѣстію ранѣе того.

За симъ обнимаю тебя душевно и молю тебя себя беречь. Да хранитъ тебя Господь!

Твой павѣки искренно доброжелательный

Н.

Прошу обнять за меня Костю.

23.
С.-Петербургъ.
3-го (15-го) іюля 1849 г.

Вчера вечеромъ прибылъ флигель-адъютантъ ген. Гейденъ съ письмомъ твоимъ, любезный отецъ-командиръ, отъ 26-го іюня (8-го іюля), изъ Мишкольца.

Крайне жалѣю, что холера продолжаетъ столь сильно свирѣпствовать; полагаю, однако, что при движеніи арміи, съ перемѣной мѣста и воздуха, она скоро потеряетъ свою губительную силу, чему служитъ примѣромъ отрядъ Граббе, который мнѣ донесъ, что, послѣ 4-хъ форсированныхъ маршей, исчезла она совершенно. Какъ кстати Граббе началъ, и кажется все у него было благополучно, ибо фельдъегерь отъ него чрезъ весь край проѣхалъ безъ всякаго конвоя. Урокъ, данный мусульманами и черкесами, тоже будетъ очень полезенъ, чтобы отучить отъ попытки къ партизанству. Отъ Лидерса я ничего не получалъ, но отъ Гротенгельма знаю, что Бемъ съ 15-ю тыс. занялъ Быстрицу и готовится вторгнуться въ Буковину; Гротенгельмъ проситъ помощи; я не могу ему дать никакой; Сакенъ долженъ быть уже въ походѣ къ Динклѣ, и быть можетъ, что Бемъ прорвется въ Галицію, хотя на время, ежели Лидерсъ, который слѣдилъ его, не успѣетъ его настичь. Надѣюсь, что Сакенъ, въ случаѣ извѣстія о семъ предпріятіи, самъ пріостановится, чтобъ прежде отразить ближнюю опасность, чѣмъ переходить горы.

Извѣстія отъ Граббе говорятъ, будто венгры въ силахъ у Вайцена, а вѣнскія извѣстія упоминаютъ о новомъ мостѣ, который они устроили ниже Пешта. Все это не очень ясно. Выйдутъ они къ тебѣ навстрѣчу, тѣмъ лучше, ибо съ Божіей помощію ты ихъ разобьешь; а ежели они пойдутъ на нижній Дунай, тогда, полагаю, что они подвергаются быть разбитыми на маршѣ австрійцами. Не могу думать, чтобъ венгры хотѣли броситься на лѣвый берегъ Дуная и обходить твой

правый флангъ, ибо они попадутъ въ тиски. Кажется, что послѣ взятія тобой Пешта имъ другого нѣтъ спасенія, какъ развѣ броситься па австрійцевъ и испытать разбить ихъ, и тогда искать переправы пиже Пешта; но и тутъ они у тебя не уйдутъ.

Я и здѣсь обремененъ дѣлами, и болѣе ими занятъ, чѣмъ время имѣю быть съ своими. Въ субботу, 9-го (21-го), думаю ѣхать назадъ въ Варшаву и могу быть тамъ 12-го (24-го) на своемъ мѣстѣ. Здѣсь все хорошо, кромѣ лѣта, котораго нѣтъ, и холеры, которая вновь усиливается.

Будь здоровъ и береги себя; важная нашла минута и съ нетерпѣніемъ жду, что милость Божія намъ даруетъ! Молю тебя себя болѣе беречь. Обнимаю тебя отъ души.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Прошу за меня обнять Костю.

Дѣло датское кончено, въ Берлинѣ ждутъ ратификаціи короля датскаго.

24.

Александрія, близъ Петергофа.
6-го (18-го) іюля 1849 г.

Вчера вечеромъ прибылъ посланный тобой офицеръ изъ отряда генерала Гротенгельма съ донесеніемъ объ прекрасномъ дѣлѣ 15-го и 16-го іюня, а сегодня, воротясь изъ Кронштадта, я нашелъ флигель-адъютанта Дубельта съ донесеніемъ Берга о новомъ прекрасномъ дѣлѣ подъ Коморномъ, въ которомъ опять наша артиллерія славно работала, и объ занятіи австрійскимъ отрядомъ Офена. Итакъ, вѣроятно сегодня ты безъ боя туда прибылъ и сошелся съ австрійской арміей. По письму Берга, тогда еще главная армія венгровъ была подъ Коморномъ. Ясно, что долго ей тамъ

оставаться нельзя, и тутъ вопросъ, куда же она пойдетъ? Но это мы съ тобой часто говорили и списывались. Кажется, что новыхъ обстоятельствъ не родилось, а они все еще были тамъ; итакъ и послѣдствій не предвижу другихъ, какъ прежде.

Ихъ послѣдняя попытка показываетъ, кажется, намѣреніе правымъ берегомъ Дуная прорваться и спуститься; но мостъ, какъ объявлено въ Дина-Фельдвари, снятъ отрядомъ, который изъ Попы туда пошелъ, и такъ мало вѣроятія, чтобъ могли пробиться туда съ успѣхомъ. Въ Гроссѣ мостъ они сняли, остается одно предположеніе, что они лѣвымъ берегомъ Дуная будутъ искать пройти мимо Граббе и твоего праваго фланга; но это движеніе можетъ рѣшить ихъ уничтоженіе, чего вполнѣ надѣюсь. Нѣтъ вѣроятія полагать, чтобъ они остались съ сильной кавалеріей умирать съ голоду подъ Коморномъ.

Бергъ пишетъ мнѣ также, что генералъ Гайнау обратился къ тебѣ насчетъ второй части кампаніи—это важное дѣло.

Прежде чѣмъ приступать къ разсужденіямъ объ этомъ, долженъ я обратиться къ происшедшему на лѣвой оконечности театра войны.

Послѣ удачнаго дѣла Гротенгельма 16-го (28-го) іюня, я имѣю донесенія отъ флигель-адъютанта Тимашева отъ 25-го іюня (7-го іюля), который при немъ, что Бемъ снова въ Быстрицѣ и ежедневно усиливается, и что Гротенгельмъ настоятельно проситъ усиленія, ибо Бемъ, говорятъ, рѣшительно намѣренъ прорваться въ Буковину или чрезъ *) . . . . . на Галицію. Между тѣмъ его усилить нечѣмъ. Съ уходомъ Сакена, не осталось въ той сторонѣ никакого резерва, ибо австрійцы ничего готоваго не имѣютъ.

Шабельскій въ сѣверной сторонѣ и довольно далеко. Лидерсъ же хотя и имѣлъ два хорошихъ дѣла, но за невоз-

*) Неразборчиво.

можностію провесть отрядъ Клама черезъ Ротентурмскій дефиле, долженъ былъ ждать подъ Кронштадтомъ до 3-го (15-го) іюля, дабы сдать австрійцамъ охраненіе всего края и его тыла, прежде чѣмъ рѣшиться наступить, имѣя сильное вооруженное населеніе въ своемъ тылу, и какъ не жалѣю, но не виню его въ сей осторожности.

Однако, сіе замедленіе дастъ, кажется, возможность Бему стянуть силы и точно угрожать Галиціи. Одинъ малый отрядъ Гротенгельма его удержать можетъ только прорваться въ Буковину, но чрезъ Делятинъ дорога ему открыта. Для сей причины я рѣшился приказать Сакену, буде слухи сіи справедливы, остановиться на входѣ въ Венгрію и вмѣстѣ съ Шабельскимъ отнюдь не допустить Бема ворваться въ Галицію, что повлекло бы самыя непріятныя послѣдствія. Они же довольно сильны вмѣстѣ, чтобъ предупредить сіе покушеніе. Теперь обратимся къ плану кампаніи. Диверсія изъ Буковины и княжествъ въ Трансильваніи была-бъ, конечно, полезное дѣло, но, кажется, оно не необходимо, да притомъ и силъ у насъ недостаточно, чтобъ вездѣ явиться превосходными и не оголять край позади. Объ учрежденіи управленія въ Царствѣ, во время отсутствія, подумай. Не вижу другого какъ Бибикова, на котораго вполнѣ полагаюсь, и временно замѣня его въ Кіевѣ Анненковымъ. Остающіяся войска въ Царствѣ можно подчинить Сиверсу, какъ человѣку вполнѣ надежному. Непонятно поведеніе короля виртембергскаго; говорятъ, что будто онъ къ тому былъ вынужденъ отказомъ войскъ за нимъ слѣдовать. Зато король баварскій началъ хорошо дѣйствовать, равно и гановерскій. Объявленіе короля прусскаго хорошо, ежели это принять можно какъ первый шагъ къ разрыву съ Франкфуртомъ, и ежели кончитъ пакостную войну съ датчанами. Сношенія наши съ Англіей и съ Франціей очень хороши, и съ этой стороны все въ порядкѣ. Отъ Граббе изъ Царьграда еще ничего не получалъ,

но знаю, что его прїѣздъ тамъ произвелъ полезное впечатлѣнie.

Важная настала минута, но, съ помощью Божiей и съ твоимъ дружескимъ совѣтомъ и содѣйствiемъ, не теряю надежды. Подтверди по войскамъ быть крайне осторожными въ обхожденiи съ жителями; войти въ сношенiе съ властями, чтобы запечатывали книжныя лавки и cabinets de lecture до истребленiя въ нихъ вредныхъ публикацiй и книгъ; прiостановить свободу книгопечатанiя необходимо во всемъ занятомъ нами краѣ.

Мой отъѣздъ попрежнему, и хотя уже войскъ кромѣ резервныхъ не найду въ Брестѣ, ѣду тѣмъ путемъ, чтобы ихъ видѣть. Думаю быть въ Варшавѣ 12-го (24-го). Жена тебѣ кланяется и радуется, что Богомъ тебѣ предоставлено укротить и сей бунтъ. Аминь.

Обнимаю тебѣ душевно. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Цѣлую руку княгинѣ.

Очевидно по мнѣ, что генералу Лидерсу предстоитъ не легкое дѣло, ибо къ Бему тянется все, что бѣжало отъ тебя, да и край сей самый враждебный. Австрiйцы желаютъ, чтобы мы сдѣлали отрядъ къ Гроссъ-Вардейну. Разберемъ, можно ли на это согласиться?

Ежели главная венгерская армiя тобой или австрiйцами будетъ разбита или уничтожена, дальнѣйшее пребыванiе всей нашей армiи въ Венгрiи считаю лишнимъ. Въ такомъ случаѣ, кажется мнѣ, могутъ 2-й и 3-й корпуса быть возвращены или въ Галицiю или въ Царство, направивъ 2-й корпусъ долинами Вага и другими на сѣверъ отъ Грана и Вайцена, а 3-й на Митнину и Эперiешъ, чѣмъ весь этотъ край будетъ очищенъ, а 4-й корпусъ, съ придачей 4-хъ казачьихъ полковъ и 2-хъ донскихъ батарей, полагалъ бы я на-

править прямо на Гроссъ-Вардейнъ, составя два сильные отряда, каждый изъ одного казачьяго полка съ 4-мя орудіями артиллеріи для очистки края. Этимъ рѣшительнымъ движеніемъ все, что держится противъ Лидерса и Гротенгельма, будетъ взято въ тылъ и, вѣроятно, дѣло скоро кончится.

Дабы же наше прямое сообщеніе съ 4-мъ корпусомъ по возможности сохранить, можно бы было оставить одну дивизію 3-го корпуса, эшелонами расположивъ въ Кашау и даже въ Дебречинѣ, придавъ казачій полкъ. Можно даже послать и одну драгунскую дивизію на Дебречинъ, дабы усилить кавалерію, которая быстрыми движеніями наибольше теперь будетъ полезна. Продовольствіе полное теперь послѣ жатвы можно брать отъ края, ибо, говорятъ, жатва и урожай хороши. Такимъ образомъ мы исполнимъ все, что только отъ насъ требовать было можно, болѣе не могу. По уничтоженіи главной венгерской арміи, надо будетъ дивизію Панютина воротить къ своему корпусу.

Вотъ все, что могу сказать, и думаю, что мы съ тобой сойдемся мыслями.

Буду ждать твоего мнѣнія. Это письмо пошлю къ тебѣ чрезъ Вѣну, ежели прямого съ тобой сообщенія не будетъ. Слава Богу, что холера стихаетъ у насъ. Береги себя.

Обнимаю отъ всей души; навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Обними Костю. Полагаю съ помощію Божіей ѣхать въ Варшаву 9-го (21-го) іюля.

25.

Варшава.
13-го (25-го іюля) 1849 г.

Слава Богу, мой любезный отецъ-командиръ, что войскамъ нашимъ былъ случай показать, что есть русская армія 1849-го года съ своимъ варшавскимъ героемъ.

Но мнѣ надо прежде увѣдомить тебя, въ какомъ порядкѣ вѣсти до меня доходили. Лишь только я сходилъ садиться ѣхать сюда обратно, прибылъ въ Александрію фл.-адъютантъ графъ Шуваловъ; отъ него узналъ я занятіе Пешта и посылку Бебутова подъ Вайценъ. Съ этимъ поѣхавъ, утромъ на другой день получилъ фельдъегера отъ Лидерса съ новымъ прекраснымъ дѣломъ его авангарда. Подъѣзжая къ Янову, встрѣтилъ я флигель-адъютанта Герценцвейга съ извѣстіями объ дѣлахъ подъ Вайценомъ. Прибывъ вчера вечеромъ въ Пултускъ, получилъ донесенія Шабельскаго, что всѣ распоряженія объ защитѣ границъ Галиціи имъ приняты, и копію съ твоихъ приказаній Сельвану и всѣмъ гарнизонамъ по пути. Сегодня утромъ донесеніе Сакена, который, не видя близкой опасности Галиціи, шелъ уже въ Бартфельдъ, и вѣроятно очень во-время поспѣетъ, чтобъ занять Гёргея, ежели онъ, за присутствіемъ 4-го корпуса въ Мишкольцѣ, бросился сѣвернѣе Кашау. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ флигель-адъютантъ Адлербергъ съ письмомъ твоимъ изъ Ашадъ, послѣ прекраснаго дѣла кавалеріи.

Жаль очень, что Гёргея арміи не было возможности уничтожить подъ Вайценомъ или послѣ сего дѣла. Кажется, что ежели бы генералъ Гайнау продолжалъ начатую переправу на лѣвый берегъ, хотя и былъ въ двухъ маршахъ назади, онъ все-таки бы поспѣлъ въ самую пору ударить венграмъ въ тылъ или по крайней мѣрѣ въ лѣвый флангъ, вѣроятно тогда бы армія Гёргея была уничтожена. Причины, зачѣмъ Гайнау не поспѣлъ, по моему мнѣнію, совершенно вздорны и даже непонятны.

Теперь есть вѣроятіе, что Гёргей можетъ уйти; развѣ 4-й корпусъ успѣетъ его предупредить въ Мишкольцѣ, и тѣмъ заставитъ броситься сѣвернѣе, гдѣ онъ опять можетъ быть настигнутъ имъ, Чегодаевымъ или Сакеномъ. Нахожу всѣ твои распоряженія весьма правильными. Вся твоя переписка

съ Гайнау и посылка генерала Фрейтага для разъясненія непонятныхъ движеній и затѣй генерала Гайнау, все это было весьма кстати. Надѣюсь, что посылка отряда въ Чолнокъ за корпусомъ, дѣйствовавшимъ у тебя въ тылу, австрійцами пополнится; кажется мнѣ весьма соотвѣтственнымъ сего требовать отъ нихъ и, кажется, должно препятствовать новымъ попыткамъ отъ сей стороны; но думаю, что летучій отрядъ нашъ въ направленіи на Поросло былъ бы необходимъ. Что будетъ дѣлать Гёргей? Такъ какъ и ты, не вѣрю Ридигеру, чтобъ все у него пришло въ такой разбродъ, чтобъ могъ онъ сдаться. Мнѣ кажется могутъ быть 4 случая:

1) Онъ успѣетъ обойти Чегодаева и уйдетъ за верховье Тейсы.

2) Онъ будетъ вновь разбитъ у Мишкольца или близъ Кашау и бросится назадъ, вздумавъ пробраться флангомъ на Эрхау, и тогда онъ опять пропалъ.

3) Онъ будетъ вновь разбитъ у Мишкольца или Кашау, и пойдетъ назадъ на Коморнъ, въ надеждѣ прикрыться австрійской арміей и переправиться на правый берегъ Дуная, чтобъ бѣжать на югъ.

4) И не вѣроятное, — en désespoir de cause бросится на Моравію или Шлезію.

Изъ сихъ 4-хъ предпололоженій первое кажется мнѣ вѣроятнѣе другихъ, и жаль будетъ, ежели пройдетъ, не бывъ ни задерженъ, ни вновь разбитъ. Прага же ведетъ его прямо къ гибели.

Намѣреніе твое идти со всей арміей на Дебречинъ и Гроссъ-Вардейнъ несогласно съ моимъ намѣреніемъ, ибо оно тебя съ арміей удаляетъ слишкомъ на югъ; тогда какъ одного или много двухъ корпусовъ, кромѣ Лидерса, за глаза на сіе достаточно будетъ, ежели армія Гёргея будетъ уничтожена; ежели же онъ успѣетъ уйти, тогда необходимо будетъ всѣми силами довершить дѣло, хотя крайне нехотя увижу и тебя и 4 корпуса арміи на сіе поглощенными.

Повторяю, ежели армія Гёргея будетъ уничтожена, не успѣвъ перейти Тейсы, тогда я желалъ бы, чтобъ 4-й корпусъ и ты воротились, оставя, буде можно, 2-й корпусъ въ сѣверной Галиціи, а 3-й и 4-й, поруча генералу Ридигеру, могутъ идти за Тейсу преслѣдовать остатки венгровъ и занимать нашу комуникаціонную линію отъ Бартфельда до Дебречина и далѣе на Гроссъ-Вардейнъ. Въ случаѣ необходимости тебѣ самому идти за Тейсу, намѣреніе твое переправиться въ Тисса-Фюретъ нахожу весьма дѣльнымъ, ежели оно возможно.

Блистательное дѣйствіе кавалеріи нашей заставляетъ меня повторить тебѣ мое мнѣніе, что дѣйствовать преимущественно елико можно партизанами, дабы отнять дерзость у непріятеля и въ него вселить страхъ. Генералъ Зассъ, по моему мнѣнію, не долженъ оставаться при арміи за ослушаніе, и его выслать надо. Генералъ Носовъ, шедшій съ Симбирскимъ полкомъ къ генералу Граббе и ослушавшійся, мной сюда вытребованъ для дачи отчета въ своемъ поступкѣ, и ежели не оправдается, отдамъ его подъ судъ. Надѣюсь, что генералъ Граббе въ тылу или на флангѣ Гёргея; теперь вотъ его роль, ибо за Краковъ ему уже нечего опасаться. Жаль, ежели онъ сего не исполнитъ. Здѣсь я нашелъ все въ совершенной тишинѣ и порядкѣ. Послѣ завтра буду смотрѣть гренадеръ. Дѣло датское кончено перемиріемъ. Радецкій готовился начать снова военныя дѣйствія противъ сардинцевъ за незаключеніе мира, какъ условлено. Сейчасъ изъ Вѣны получилъ, что Елачичъ, измѣной одного изъ своихъ офицеровъ, былъ разбитъ и отступилъ за Дунай, вотъ причина торопливости генерала Гайнау. Жаль мнѣ дивизіи Панютина, замучитъ ее. Желательно-бъ было положить предѣлъ ея прогулкамъ и сказать, что когда войска наши соединятся, то она должна быть возвращена.

Слышу, что тебѣ все нездоровится и крайне сему жалѣю;

ради Бога, берегись сколько можно, я ужъ и за то одно не желалъ бы тебя видѣть за Тейсомъ.

Доволенъ ли ты Костей, и каковъ былъ онъ подъ огнемъ?

Обнимаю тебя отъ души; навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Жена поручила тебя обнять. Обними за меня Костю.

Представь отличившихся къ наградѣ.

26.

Варшава,
16-го (28-го) іюля 1849 г.

Возвратясь со смотра гренадерскаго корпуса, я нашелъ флигель-адъютанта Васильчикова съ твоимъ письмомъ отъ 12-го (24-го) числа, за которое душевно благодарю, любезный отецъ-командиръ, но крайне скорблю о твоемъ нездоровіи, которое меня очень безпокоитъ; ради Бога, береги себя, не трать своихъ силъ безъ крайней нужды, и не принимай такъ горячо къ сердцу глупость и неумѣніе австрійцевъ.

Въ одномъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ я самъ тебѣ говорилъ, что по окончаніи дѣла съ Гергеевой арміей, я нахожу, что не нужно и даже неприлично долѣе тебѣ и части арміи оставаться въ Венгріи, а удаленіе всей нашей арміи далѣе Гросъ-Вардейна никакъ не хочу. Изъ сего ты видишь, что даромъ, что мы врознь съ тобой, но мысли наши сошлись. Я все надѣялся, что Гёргея удастся тебѣ уничтожить до перехода его чрезъ Тейсу. Ежели будетъ иначе, жаль будетъ, но скажу: да будетъ воля Божія, видно, что такъ должно было быть! — Рѣшимость слѣдовать 2-му корпусу прямо на Тисса-Фюретъ нахожу прекрасною и послѣдствія сего должны быть рѣшительны. Ежели Гёргей

уйдетъ, то преслѣдовать его двумя корпусами, кажется мнѣ, за-глаза достаточно, т. е. 3-мъ и 4-мъ; а 2-й бы полагалъ я воротить домой, занявъ покуда сѣверную Галицію. Когда же, Богъ дастъ, удастся разбить и прочихъ и взять Дебречинъ и Гросъ-Вардейнъ, тогда пора тотчасъ возвратить и 3-й корпусъ, оставя 4-й только до смѣны его австрійцами. Желалъ бы, чтобъ и дивизія Панютина тогда была возвращена. Ты совершенно правъ, и вчера еще я говорилъ графу Булю, что не понимаю *чѣмъ* и *какъ* они удержатъ Венгрію послѣ окончанія теперешней войны; ибо оно поглотитъ далеко болѣе войскъ, чѣмъ то число, что нынѣ въ дѣйствіи у нихъ, а другого войска не вижу за нимъ; да ежели-бъ и было, что же у нихъ останется противъ Германіи, чтобъ поддержать свое достоинство?

Завтра же буду о семъ писать чрезъ генералъ-адъютанта Берга, для доклада Императору. Итакъ, ты видишь, что мы въ этомъ однихъ мыслей, не сговорясь. Надѣюсь, что Граббе нагонитъ Гёргея; не будь онъ тутъ, стыдно ему будетъ. Зачѣмъ ты опять Засу, которымъ былъ недоволенъ, поручилъ преслѣдованіе Гёргея; я ему не вѣрю, а теперь менѣе, чѣмъ когда; Анрепъ былъ бы гораздо надежнѣе. Жаль, что, вѣроятно, Сакенъ не посмѣетъ задѣть Гёргея; а на Сельвана мало надѣюсь. Очень жаль будетъ, ежели ускользнетъ безъ разбитія; оно вновь подыметъ у нихъ духъ. Отъ Лидерса и Гротенгельма я съ тѣхъ поръ ничего не получалъ. Разбитіе Елачича сдѣлаетъ успѣхи Лидерса, ежели будутъ, гораздо еще важнѣе прежняго. Далъ ли ты имъ какія-либо новыя приказанія? Хрулева штука очень забавна. Вели поберечь гусарскій Оли полкъ и уланскій Константина Николаевича, ихъ больше трогаютъ, чѣмъ другихъ, которые почти не дрались.

Доходятъ слухи, что у насъ завелось потворство на грабежъ и мародерство, правда ли? Прошу тебя настоятельно

сдѣлать наистрожайшій примѣръ не только надъ грабителями, но и въ особенности надъ тѣми постыдными начальниками, которыхъ слабость или равнодушіе *къ моей волѣ*, изложенной ясно въ приказѣ моемъ, при вступленіи въ Венгрію. Подобнаго срама я и знать не хочу въ моей арміи.

Отвѣчай мнѣ на это. Жду тоже представленій о наградахъ отличившихся. Желалъ бы имѣть тоже подробное донесеніе объ дѣлахъ при Вайценѣ и въ преслѣдованіи, я объ нихъ знаю только въ общемъ очеркѣ.

Здѣсь все тихо и хорошо, и въ порядкѣ. Отправлены уже 4 маршевые баталіона, отсюда 3 для третьяго, 1 для второго корпусовъ, а изъ Дуклы пошелъ одинъ изъ выздоравливающихъ; имъ пополнятся ряды.

Затѣи венгровъ объ Костѣ или объ поступленіи подъ нашу державу тѣмъ только важны, что наподобіе поляковъ доказываютъ ихъ безсмысліе; но и сколь трудно будетъ устроить вновь край, при отсутствіи силы и безъ яснаго понятія, въ какомъ положеніи край. Это стоитъ будетъ трудовъ не менѣе войны.

Король Прусскій прислалъ мнѣ чрезъ Рохау настоятельную просьбу, его примирить съ Австріей; задача не легкая, доколь основанія вражды существуютъ безъ перемѣны. Впрочемъ, Пруссія день ото дня возвращается, опытомъ зла, къ здравому разсудку, но тихо, постепенно. Даже во многихъ мѣстахъ не хотятъ больше ни конституціи, ни выборовъ, а просто желаютъ воротиться къ прежнему порядку, и чудо! — Король самъ признался, да поздно, что этотъ оборотъ на прежнее былъ бы самое счастливое дѣло, но у него ни духа, ни головы нѣтъ, чтобъ сумѣть это сдѣлать. Ежели ты найдешь удобнымъ исполнить по моимъ предположеніямъ, то прошу тебя, когда ты опредѣлишь свое возвращеніе, велѣть и Костѣ возвратиться сюда. Нетерпѣ-

ливо ждать будутъ извѣстій, каковъ ты, уничтоженъ ли Гёргей и что рѣшилъ далѣе.

Да хранитъ тебя Господь и возвратитъ силы и здоровье, и молю тебя, береги себя. Обнимаю отъ всей души и навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

27.

Варшава,
19-го (31-го) іюля 1849 г.

Сегодня утромъ прибылъ сынъ твой и привезъ мнѣ пріятное извѣстіе объ удачной переправѣ въ Тисса-Фюретѣ и намѣреніи твоемъ сосредоточить тамъ армію къ 17-му (29-му) числу и идти на Дебречинъ.

Благодарю Бога, что твое мудрое соображеніе увѣнчалось успѣхомъ. На сей разъ надѣюсь, что плоды твоихъ трудовъ повлекутъ за собой и должное послѣдствіе уничтоженіемъ Гёргея, которому, кажется, трудно будетъ соединиться съ другими корпусами, мимо тебя. Ежели такъ будетъ, то далеко лучше будетъ, чѣмъ въ два удара, по прежнему соображенію, тогда полагалось кончить на Дунаѣ и за Тейсомъ.

Кажется, что Гёргею останется только три операціи: или дать сраженіе, или большимъ кругомъ идти на Трансильванію, или, наконецъ, попытаться прорваться въ Галицію на Стры или Делятинъ. Дабы сего быть не могло даромъ, я велѣлъ Шабельскому перейти самому въ Стры, расположивъ свой корпусъ правѣе и лѣвѣе себя. Къ сему я тѣмъ болѣе понужденъ былъ, что получилъ, въ одно время съ пріѣздомъ твоего сына, извѣщеніе, будто отрядъ венгровъ въ 5 тысячъ прорвался чрезъ Окна въ Молдавію, отбросивъ нашъ отрядъ, защищавшій сей дефиле, и что генералъ Моллеръ собиралъ ввѣренныя ему войска, чтобъ

остановить мятежниковъ. Надѣюсь, что дальнихъ послѣдствій сему не будетъ, ибо у генерала Даненберга довольно способовъ все это кончить.

Но это движеніе доказываетъ, что могутъ и въ другихъ мѣстахъ быть такія же пробы, а Гёргею не много выбора, и произвесть суматоху, бунтъ, довольно на нихъ похоже, какъ примѣромъ былъ Елгутъ на Литвѣ.

Фельдъегеря, о которомъ ты мнѣ пишешь, я не получалъ и опасаюсь, что онъ былъ перехваченъ.

Жду отъ Сакена и Граббе, могли ли они поспѣть вовремя, дабы исполнить твою волю подъ Токаемъ. Флигель-адъютантъ бар. Николаи и Глинка посланы были мной къ Сакену въ надеждѣ, что отъ него имъ легко можно будетъ достичь до главной квартиры. Надѣюсь, что они могли доѣхать невредимо до тебя. Крайне меня сокрушаетъ, что сынъ твой оставилъ тебя еще все нездоровымъ; боюсь, чтобъ дурной климатъ еще пуще тебя не разстроилъ; молю Бога, чтобъ возвратилъ тебѣ здоровье, но и самъ береги себя.

Далъ ли ты какое приказаніе маршевымъ баталіонамъ 3-го корпуса и таковому же 2-го корпуса, которые 17-го (29-го) числа были въ Дуклѣ; кажется мнѣ, что ежели въ нихъ нѣтъ крайней нужды на пополненіе рядовъ, то можно-бъ было имъ остаться въ гарнизонахъ по военной дорогѣ; а баталіонамъ дѣйствующихъ войскъ, тамъ оставленнымъ, можно-бъ было слѣдовать на присоединеніе къ этимъ полкамъ и дивизіямъ; войска наши вездѣ славно дерутся, жду твоихъ представленій, развѣ ты самъ, по твоей власти, наградилъ уже.

Про дѣйствія австрійцевъ мы съ тобой однихъ мнѣній, но ихъ не передѣлаешь; и такъ, il faut prendre le mal en patience, лишь бы общій результатъ былъ нами желанный; а то Богъ съ ними; Лидерсъ дѣйствуетъ очень хорошо, а

послѣднія дѣла и занятіе Германштадта прекрасно исполнилъ, лишь бы и тамъ опять австрійцы все не испортили.

Саша у меня, на дняхъ посылаю его въ Вѣну обратить вниманіе императора на будущее положеніе Венгріи и на необходимость усилить ихъ тамъ силу ко времени нашей смѣны. Да хранитъ тебя Господь, обнимаю душевно, навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Доволенъ ли ты Костей?

28.

Варшава,
25-го іюля (6-го августа) 1849 г.

Послѣ девяти дней томительнѣйшей безызвѣстности объ происходящемъ, прибылъ, наконецъ, сегодня утромъ флигель-адъютантъ Стюрлеръ, котораго ты, любезный отецъ-командиръ, отправилъ изъ Чеге предъ выступленіемъ въ Дебречинъ. Вижу изъ твоего письма, что ты крайне недоволенъ генералъ-адъютантомъ Граббе, полагаю, что когда узнаешь объ томъ, что у него происходило, ты перемѣнишь свои мысли. Весьма мнѣ жаль будетъ, ежели, какъ все вѣроятіе теперь есть, Гёргей успѣлъ уйти мимо нашей арміи въ Гросъ-Вардейнъ! Нѣтъ возможности мнѣ судить здѣсь объ ходѣ дѣлъ, по неполности получаемыхъ донесеній; но не могу понять отчего Чеодаевъ и Граббе вмѣстѣ не атаковали Гергея на позиціи, тогда какъ Сакенъ шелъ Гёргею въ тылъ; отчего Чеодаевъ былъ отозванъ, а Граббе атаковалъ одинъ.

Отчего, когда узнано было, что Гёргей еще 16-го (28-го) былъ на позиціи, а наши 2-й и 3-й корпуса на лѣвомъ берегу Тейсы, отчего не было возможно, какъ теперь на Дебречинъ, тогда на Токай идти, чѣмъ бы положеніе Гёргея было бы отчаянно; повторяю, сего здѣсь мнѣ

понять нѣтъ возможности. Дай Богъ, чтобъ удалось тебѣ настигнуть Гёргея подъ Дебречиномъ и одержать рѣшительную побѣду; того требуетъ честь оружія нашего, и душевно сего желаю, дабы мой отецъ-командиръ приплелъ новые лавры къ прежнимъ.

Не могу свыкнуться съ мыслей, чтобъ Гёргей отъ Коморна, мимо прежде праваго, потомъ лѣваго фланга нашей арміи, могъ очертить столь огромный кругъ невозбранно и очутиться на югѣ, гдѣ соединится съ прочими ихъ силами! Не дай Богъ такого результата противъ 120 тысячъ нашихъ храбрыхъ и несравненныхъ войскъ, тобою предводимыхъ. Ежели Богъ дастъ, какъ я надѣюсь, что ты Гёргея уничтожишь, тогда пора бы хоть 2-й корпусъ воротить, поручивъ ему очистить на пути сѣверную часть Венгріи, покуда Сакенъ съ своимъ отрядомъ очищать будетъ восточную. У генерала Лидерса и генерала Гротенгельма дѣла идутъ хорошо, и, вѣроятно, они уже соединились у Марошъ-Вашаргели, которое было брошено. Желаю знать, какія ты имъ далъ приказанія? Попытка Бема въ Молдавіи не удалась; наши храбро отбили.

Не забудь объ маршевыхъ баталіонахъ, остановить ли ихъ, или хочешь чтобъ они шли далѣе къ тебѣ? П.....*) австрійцевъ, велѣвъ отряду идти внизъ по Тейсѣ, чтобъ облегчить имъ переходъ. Не рано ли они затѣяли атаковать Шегединъ? Боюсь, чтобъ не досталось нашей дивизіи. Гайнау все проситъ, чтобъ ты его чаще извѣщалъ насчетъ расположенія нашей арміи; мнѣ кажется, что это и справедливо, и необходимо для общей связи. Зачѣмъ требуешь ты высылки австрійцами снарядовъ, имъ далеко, а наши парки у тебя подъ рукой, и отсюда безпрестанно пополняются. Вчера я велѣлъ въ запасъ послать и 16 лафетовъ, 8 батарейныхъ и 8 легкихъ; дабы и въ этомъ была помощь.

---

*) Неразборчиво.

Съ нетерпѣніемъ ждать буду будущаго твоего курьера, минута рѣшительна. Прощай, любезный отецъ-командиръ, Богъ съ тобой, обнимаю душевно.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Радъ, что ты доволенъ Костею, обними его. Ты мнѣ ничего не говоришь про здоровье свое?

29.

Варшава,
29-го іюля (10-го августа) 1849 года.

Вчера, вечеромъ, чрезъ воротившагося изъ Токая флигель-адъютанта князя Радзивила, мы словесно узнали объ дѣлѣ подъ Дебречиномъ, а сегодня, утромъ, прибылъ флигель-адъютантъ графъ Орловъ съ твоимъ письмомъ, чуть не попавъ въ руки инсургентовъ въ Нейтрѣ, ибо дороги нѣтъ между Песта и Вѣны за Вайценомъ изъ Коморна. Поздравляю, любезный отецъ-командиръ, съ побѣдою надъ Шандоромъ, и душевно радуюсь, что дождались дѣла. Вѣрю и всѣмъ трудностямъ, съ которыми бороться предстояло и предстоитъ; но жалѣю очень, что Гёргей съ арміей своей ушелъ; и пойму только совершенно тогда, когда ты мнѣ лично объяснишь, что здѣсь рѣдко понять можно.

Само собою разумѣется, что теперь помышлять нельзя объ возвращеніи которой-либо части арміи; напротивъ, нужно, чтобъ ты имѣлъ всѣ отъ насъ зависящія средства кончить кампанію *славно*, въ чемъ я и не сомнѣваюсь.

Итакъ, я и маршевые баталіоны не перестану подвигать впередъ сколько отъ меня зависѣть будетъ. Жалѣю объ ранѣ Купреянова, я велѣлъ ему назначить немедля пенсіонъ по ранѣ, сохранилъ ему содержаніе корпуснаго командира и помѣстилъ въ члены военнаго совѣта. Панютина назначилъ на его мѣсто, но думаю, что покуда его трогать нельзя отъ

дивизіи, доколь она отдѣлена къ австрійцамъ; а развѣ тогда, когда дивизія воротится къ нашей арміи. Такъ какъ отрядъ Сакена ты взялъ къ себѣ, онъ остается при двухъ полкахъ своихъ уланъ; кажется, ему можно временно поручить 2-й корпусъ. Я намѣренъ двинуть подвижные парки 2-го корпуса изъ Бреста и 4-го изъ Кіева, дабы были подъ рукой.

По прежнимъ свѣдѣніямъ ты меня извѣщалъ, что Сакена отрядъ намѣренъ ты былъ направить по подошвѣ горъ на Унгеръ и Мунночь, я тогда же велѣлъ Шабельскому съ своей стороны содѣйствовать сему; тѣмъ болѣе, что подтверждается по всѣмъ свѣдѣніямъ, что у венгровъ шайка усиливается во всей этой сторонѣ. Желательно, чтобъ ты велѣлъ ихъ разогнать; иначе они могутъ весьма легко тревожить одну нашу вѣрную коммуникаціонную линію. Крайне желаю, чтобъ ты могъ ускорить движеніе на Гросъ-Вардейнъ, ибо, кажется, тамъ можетъ быть развязка всему, въ особенности ежели успѣхи Лидерса будутъ и впредь столь же блистательны; тогда онъ съ Гротенгельмомъ скоро могутъ быть во флангѣ и почти въ тылу у венгровъ; а съ юга Гайнау и Елачичъ будутъ тоже напирать. Лидерсомъ и Гротенгельмомъ я очень доволенъ, они оба дѣйствуютъ отлично. Крайне жаль потери Скарятина, который былъ мнѣ вѣрный и близкій человѣкъ и отличный офицеръ, много обѣщавшій. Не бывъ свидѣтелемъ дѣйствій Анрепа и Заса, не могу объ нихъ судить; но странно мнѣ, что Ридигеръ смѣлъ возвращать команду лицу, котораго ты смѣнилъ, это противно порядку.

Не думаешь ли, что пора бы дать Чегодаеву другого начальника Штаба, чѣмъ Веселитскій, который на это мало способенъ? Скажи отъ меня мусульманамъ спасибо за ихъ службу и что имъ пожаловалъ Георгіевское знамя; а равно знамя Горскому дивизіону; они молодцы. Представь мнѣ вообще объ всѣхъ отличившихся во всѣхъ дѣлахъ; кажется,

артиллерія вездѣ дерется славно. Зато, что и потеря? больно читать!

Вчера былъ здѣсь князь Шварценбергъ, присланный императоромъ, чтобъ объяснить все положеніе ихъ дѣлъ; оно не блестяще; я ему откровенно все объяснилъ и не скрылъ твоихъ и моихъ мнѣній насчетъ будущаго положенія Венгріи и необходимости сообразить теперь же, чѣмъ они насъ смѣнятъ, и есть ли у нихъ довольно способовъ, чтобъ обезпечить спокойствіе края. Онъ говоритъ, что они оставятъ 100 тысячъ войска и весь край подъ военнымъ управленіемъ. Очень желаютъ, чтобы мы продолжали занимать Галицію, что я рѣшительно отклонилъ. Мы такъ и условились: по окончаніи войны противъ устроенныхъ армій, наша армія воротится домой; но дабы Галиція могла быть обезпечена, наши войска вдоль границы будутъ въ готовности въ нее войти при первой надобности. Теперь надо желать, чтобъ военныя дѣйствія могли ведены быть какъ возможно быстрѣе и настойчивѣе, чтобъ кончить до дурной погоды и дурныхъ дорогъ.

Иначе мы потеряемъ половину арміи отъ болѣзней и распутицы. Да поможетъ въ семъ Господь, а за Его помощію полагаюсь вполнѣ на моего отца-командира. Дай Богъ тебѣ силъ и здоровья.

Отцовское мое сердце радовалось, читая твои лестныя строки для сына. Счастливъ онъ, что могъ заслужить твое доброе мнѣніе, а еще болѣе, ежели изъ твоихъ рукъ удостоится ордена св. Георгія 4-й степени; не мнѣ его удостоивать, это принадлежитъ тебѣ, и я этимъ горжусь за сына.

Здѣсь все тихо и хорошо, кромѣ холеры, которая въ войскахъ усиливается. Прибылъ французскій посланный, извѣстный генералъ Ламорисьеръ; все, что онъ мнѣ говорилъ, прилично. Пруссія съ Австріей близки къ разладу, и я дол-

женъ ихъ мирить, дѣло не легкое, и для чего и молю Бога объ скорѣйшемъ окончаніи, дабы снова армію имѣть подъ руками и тѣмъ имъ сказать: «не дурачьтесь, а не то я васъ»!

Братъ здѣсь, равно и Саша, и все въ должномъ порядкѣ. Прощай, мой любезный отецъ-командиръ, обнимаю отъ души и навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Обними за меня Костю.

Кому полагаешь ты дать 8-ю дивизію на мѣсто генералъ-адъютанта Панютина?

30.

Варшава,
31-го іюля (12-го августа) 1849 г.

Хотя я не получалъ отъ тебя курьера, мой любезный отецъ-командиръ, считаю нужнымъ доставить тебѣ нѣкоторыя копіи съ оригиналовъ у меня хранящихся писемъ Кошута къ Бему, взятыя въ коляскѣ Бема, въ славномъ дѣлѣ Лидерса. Изъ сихъ писемъ увидишь ты, что хотѣли и что венграмъ не удалось нашимъ движеніемъ отъ Дуклы на Пештъ, и что они теперь еще хотятъ, что, быть можетъ, уже тебѣ извѣстно сдѣлалось по самымъ ихъ дѣйствіямъ.

Тутъ же ясно видно бывшее раздѣленіе силъ, и въ сколь стѣснительномъ финансовомъ они положеніи. По донесеніямъ изъ Вѣны, кажется, Гайнау ищетъ соединенія съ Елачичемъ.

Можетъ быть оно къ лучшему, дабы австрійская армія съ юга была достаточно сильна, чтобъ выдержать натискъ соединенныхъ силъ, ежели-бъ большая ихъ часть туда кинулась, въ надеждѣ съ ними легче справиться, чѣмъ съ нашей арміей. Имѣя внутреннюю линію, теперь венгры, кажется мнѣ, имѣютъ большую выгоду. Желательно, чтобъ Лидерсъ

могъ, сладивъ съ Бемомъ, предоставить всю Трансильванію однимъ австрійцамъ и, соединясь съ Гротенгельмомъ, угрожать съ праваго фланга непріятелю, тебѣ предстоящему, какъ ты будешь угрожать ихъ тылу, ежели они обратятся на австрійцевъ, и какъ слѣдовало бы австрійцамъ, ежели-бъ вся венгерская армія могла обратиться на насъ.

Нетерпѣливо жду, что ты рѣшилъ дѣлать; по этимъ письмамъ, Гросъ-Вардейнъ получаетъ еще болѣе важности. Сюда новаго ничего не дошло. Изъ Вѣны достовѣрно, что изъ Коморна вылазки или шайки совершенно прекратили прямое сообщеніе чрезъ Раабъ въ Пестъ. Доказательство, какъ хорошо мы дѣлаемъ, что не считали вовсе на продовольствіе оттуда, а готовимъ и живемъ своимъ.

Парки всѣ двинуты, кромѣ 11-го изъ Бреста, который потребовалъ нѣкоторой починки, что дней чрезъ 8 будетъ готово. Вмѣсто 200, я посылаю 400 артиллеристовъ изъ депо. Въ Кіевѣ велѣлъ готовить къ походу паркъ № 10-й; ранѣе мѣсяца однако врядъ ли лошади будутъ готовы. На-дняхъ отправляю еще 2 маршевые баталіона по желѣзной дорогѣ, одинъ сводной 9-й дивизіи, другой 4-й и 5-й, оба за 1000.

Холера у насъ усилилась, несмотря на всѣ мѣры. Миръ Австріи съ Сардиніей подписанъ и дастъ теперь возможность хоть часть войскъ оттуда обратить въ Венгрію.

Прошу тебя, вели меня почаще увѣдомлять объ происходящемъ, и поподробнѣе, оно мнѣ совершенно необходимо для всѣхъ соображеній и для всего.

За симъ Богъ съ тобой, мой отецъ-командиръ, дай Господи здоровья и побѣды, и да будетъ воля Божія!

Обнимаю тебя душевно, навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Прошу обнять за меня Костю.

31.

Варшава.

1-го (13-го) августа 1849 г.

Съ большою радостiю принялъ я отъ Меньшикова письмо твое отъ 28-го (10-го) числа, любезный мой отецъ-командиръ, узнавъ плоды побѣды подъ Дебречиномъ! Они важны, ибо намъ нынѣ уже извѣстно по перехваченнымъ бумагамъ, какую важность въ глазахъ венгерскаго революцiоннаго правительства имѣлъ Гросъ-Вардейнъ, а они и не думали теперь въ немъ держаться; это стоитъ второй побѣды!

Присовокупивъ къ тому побѣду австрiйцевъ падъ Дембинскимъ, можно только благодарить Бога за милосердное его вознагражденiе, за твое терпѣнiе и постоянство въ слѣдованiи начертанному плану, преодолѣвая всѣ препятствiя и непрiятности всякаго рода. Позволь же мнѣ тебя поздравить, благодарить отъ глубины души за новую важную заслугу отечеству, какъ исполнителю той священной обязанности, того призванiя, которое Россiя на себя принять должна была.

Нынѣ же предстоитъ довершить столь славно начатое, т. е. разбить главныя силы мятежниковъ, чѣмъ нашъ призывъ и на что мы вызвались кончится.

Мы надѣялись главную армiю, или Гёргея, уничтожить или на Дунаѣ, или при Тейсѣ. Хотя сильно разстроенная и два раза пораженная, она существуетъ и, соединясь съ другими, еще можетъ быть грозна, ежели мы одной Австрiи предоставимъ съ ней боротся. Одного нашего корпуса было-бъ довольно, предполагалъ я, тогда, когда армiи Гёргея болѣе-бъ не было; теперь, думаю, необходимо всей армiей довершить дѣло такъ, какъ для чести оружiя нашего желательно. Съ помощью Божiею вполнѣ въ томъ на тебя полагаюсь, и ежели только продовольствiе будетъ, то и, кажется, сему быть должно. Отъ тебя зависитъ оставить на линiи сообщенiя отъ Дебречина до Гросъ-Вардейна 2-й или 4-й корпуса, а съ

двумя другими, думаю, должно немедля двинуться къ Араду навстрѣчу австрійской арміи, дабы нанесть рѣшительный ударъ. Можно надѣяться, что Гайнау, соединясь съ Елачичемъ, будутъ довольно сильны, чтобъ встрѣтить венгровъ, не боясь разбитія, въ особенности ежели знать будутъ, что наша армія за венграми. Можетъ быть и самъ Лидерсъ будетъ уже близокъ къ содѣйствію, тогда, кажется, будетъ конецъ, по крайней мѣрѣ для насъ. Возвратить дивизію Панютина, полагалъ я, въ томъ случаѣ, ежели-бъ австрійская армія съ нашей сошлись подъ Гросъ-Вардейномъ; такъ какъ сего не было, а соединеніе быть можетъ подъ Арадомъ, то отпускъ или возвращеніе ея быть должно съ той поры, когда арміи соединятся.

Я счастливъ былъ, прочитавъ записку твою, я ни въ чемъ не ошибся, объясняю себѣ или отгадываю причину твоихъ дѣйствій по свѣдѣніямъ, иногда очень сбивчивымъ, которыя получалъ, и счастливъ тѣмъ, что ни минуты не ошибся, отгадывая намѣренія твои, хотя исполненіе могло имъ не соотвѣтствовать отъ частныхъ ошибокъ. Благодарю тебя и за терпѣніе твое ко всѣмъ дерзостямъ Гайнау и глупостямъ или неумѣнію Берга, послѣднее я приведу въ ясность и даромъ не пропущу; на перваго же плюю. Ты, и позволь мнѣ прибавить, и я, мы слишкомъ высоко стоимъ, чтобъ лай собаки насъ коснуться могъ, ему же хуже, ибо и Шварценбергъ признался, что онъ несносный человѣкъ—да другого у нихъ нѣтъ, въ томъ и бѣда!

Теперь къ другому. Желаю, чтобъ ты не покидалъ арміи, доколь не кончится рѣшительнымъ ударомъ подъ Арадомъ. Сына моего оставь при себѣ, или пришли обратно, какъ тебѣ за лучшее покажется. Расформировывать 2-й корпусъ не желаю. Идущіе маршевые баталіоны приведутъ всѣ баталіоны 3-го корпуса по крайней мѣрѣ въ 500 человѣкъ. Этого достаточно и не разстроитъ основаніе полковъ. Всѣ

ихъ резервы по этому разсчитаны и весьма успѣшно формируются. Кавалеріи, буде уже успѣла до 8-ми или 9-ти рядовъ въ взводѣ, составляя 96 эскадроновъ у тебя, 8 у Сакена и 16 у Граббе, кажется мнѣ, достаточно, когда кромѣ ея еще 7 полковъ казаковъ и 1 мусульманъ. Драгуны поздно бы пришли, да и беречь ихъ надо для возможнаго предстоящаго. Словомъ, наличныхъ у тебя силъ, съ подошедшимъ резервомъ и подходящимъ, считаю довольно для довершенія дѣла, когда и самый театръ войны значительно сузился. Кромѣ того надо принять въ разсчетъ и Лидерса и Гротенгельма, у которыхъ 22 эскадрона и 3½ полка казаковъ.

Когда, Богъ благословитъ, все наше дѣло кончится, думаю я Лидерса и Гротенгельма воротить: перваго въ Валахію, второго въ Буковину. 4-й корпусъ предлагаю тебѣ направить нѣсколькими колоннами на Стрый и Дельчинъ; 3-й корпусъ на Дуклу и въ сѣверную Галицію, доколь не объяснится, останешься ли въ Галиціи, а 2-й корпусъ полагалъ бы направить на Лейтенау и Неймаркъ, а потомъ, ежели можно будетъ воротить въ Царство, то ввести черезъ Краковъ 6-ю и на понтонный мостъ 4-ю и 5-ю дивизіи. Уланская бригада 2-й уланской дивизіи могла бы идти тоже на Стрый и потомъ на соединеніе къ двумъ другимъ полкамъ своей дивизіи. Такимъ образомъ, уходя, ты и край прочистишь.

Ты очень хорошо и правильно поступилъ насчетъ переговоровъ съ Гёргеемъ и Батіани, оно чисто, ясно и благородно.

Но опасенія твои вполнѣ раздѣляю, и тождественно объ томъ объявилъ князю Шварценбергу и самому императору, и, какъ ты знаешь, и Гайнау. Кромѣ того пошлю Сашу къ императору, чтобъ еще сильнѣе всю истину ему выставить. Мы все честно и благородно дѣлали и додѣлаемъ и Богъ тебя за это вознаградитъ. Всѣ твои представленія я утвердилъ; вели ускорить представленіемъ объ отличившихся. Да

укрѣпитъ тебя Господь, молю Его объ томъ вседневно и почти ежечасно.

Обнимаю отъ души, навѣки твой доброжелательный

Н.

Обними Костю. Завтра предъ войскомъ будетъ благодарственный молебенъ, и тоже во всемъ городѣ.

32.

Варшава.
4-го (16-го) августа 1849 г.

Слава и благодареніе милосердному Богу, слава и благодареніе тебѣ, мой любезный отецъ-командиръ, ты достигъ вознагражденія за твою твердость, за твое терпѣніе, что же мнѣ сказать тебѣ про то чувство, которое мной овладѣло при полученіи твоего радостнаго извѣстія? Я палъ на колѣни и благодарилъ Бога за то, что Онъ любитъ православную Россію, и благодарю тебя, Его орудіе, того, котораго вторично воля Его призвала на попраніе мятежа, и на сей разъ, къ счастію, безъ дальняго пролитія нашей драгоцѣнной русской крови. Да воздастъ тебѣ Господь за всѣ твои великія услуги, я же прижимаю тебя къ сердцу отъ благодарной души.

Въ знакъ моей признательности и благодарности предъ Россіей и той арміей, которую ты велъ на новую славу, я приказалъ тебѣ отдавать вездѣ и въ моемъ присутствіи всѣ тѣ почести военныя, которыя уставомъ опредѣлены моему лицу.

Сына моего Наслѣдника я посылаю сегодня съ симъ извѣстіемъ въ Вѣну къ императору и прошу помиловать Гёргея или дозволить мнѣ ему назначить пребываніе въ Россіи.

Ты прекрасно поступилъ во всемъ и я ничего не имѣю прибавить. Остается рѣшить, что дѣлать съ полками. Начальниковъ, положившихъ у насъ оружіе, вели подъ стро-

гимъ карауломъ доставить сюда. Прочихъ *нашихъ подданныхъ* отослать подъ конвоемъ въ Замосць, гдѣ будетъ можно ихъ участь рѣшить; галичанъ и прочій сбродъ надо передать австрійцамъ.

Возвращеніе войскъ распредѣлено тобой какъ я желалъ. Повторяю, что мое желаніе возвратить 2-й корпусъ въ Царство, 3-й корпусъ въ сѣверную Галицію, а потомъ полагалъ бы или въ Люблинскую губернію и на Волынь, или весь на Волынь. 4-й въ южную Галицію или на Подоль, гдѣ стоятъ его резервы. Всѣ резервы я придвину на мѣста, назначенныя для корпусовъ, такъ что скоро полки будутъ даже сверхъ комплекта, т. е. пѣхота; для кавалеріи и артиллеріи нужно еще два мѣсяца. Сдѣлавъ проектъ дислокаціи всей арміи, чѣмъ займусь завтра, сообщу тебѣ на разсмотрѣніе. Покуда я велѣлъ остановить посылку парковъ.

Полагаю, что, кончивъ съ Гёргеемъ и устроивъ обратное движеніе войскъ, ты воротишься скорѣе сюда, чего душевно желаю. Я здѣсь тебя дождусь, и потомъ тебѣ и мнѣ надо будетъ серьезно полечиться.

Сегодня же, утромъ, получилъ я донесеніе о новомъ славномъ дѣлѣ Лидерса; онъ геройски дѣйствовалъ и корпусъ его заслуживаетъ всякой похвалы.

Здѣсь все тихо и хорошо; поляки крѣпко призадумались. Холера все почти одинакова. Послѣ завтра будетъ благодарственный молебенъ при войскахъ. Благодарю, что велѣлъ ты Костѣ воротиться ко мнѣ, радъ буду его обнять.

Прощай, мой любезный отецъ-командиръ, да хранитъ тебя Господь; обнимаю тебя сердечно.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

Лидерсу, полагалъ бы я, по окончаніи дѣлъ въ Трансильваніи, возвратиться попрежнему въ Валахію и Молдавію.

33.

Варшава.
7-го (19-го) августа 1849 г.

Любезный мой отецъ-командиръ, вчера, поздно вечеромъ, прибылъ флигель-адъютантъ Герштенцвейгъ съ радостнымъ подтвержденіемъ сдачи Гёргея съ войскомъ, и сегодня предъ войсками отслужили благодарственный молебенъ и молились за тебя.

Я совершенно доволенъ всѣми твоими рѣшеніями и распоряженіями, по письму къ Ридигеру, Гергёя. Иного отвѣта и дать нельзя было; прочее зависитъ отъ австрійскаго императора; проститъ онъ, хорошо; ежели нѣтъ, то я дозволю Гёргею переселиться въ Россію; но никого, ни его, ни другихъ въ службу не приму, ибо они измѣнили своему государю, а такимъ у насъ въ рядахъ никогда мѣста не будетъ.

Записку твою про будущее положеніе Венгріи нахожу совершенно основательною и по всему согласенъ съ тобой, и передалъ сыну для доклада императору. Прочее отъ него одного зависитъ и до меня уже не касается, какъ и за послѣдствія не отвѣчаю ни въ какомъ случаѣ. Гёргея оставь у себя впредь до рѣшенія его участи. Но прошу настоятельно, чтобъ не было со всей этой сволочью никакихъ у насъ близкихъ сношеній, ибо легко отъ этого сближенія и наша молодежь заразиться можетъ. Они бунтовщики и намъ подло и низко съ ними сближаться, довольно и того, что ихъ милуемъ.

Изъ всѣхъ трофеевъ, буде есть знамена или штандарты, пришли ихъ сюда, прочее все слѣдуетъ возвратить *хозяину*, императору.

Удовлетворить прихоти венгровъ, сдавать крѣпости однимъ намъ, нахожу противнымъ разсудку и здравой политикѣ. Это не арміи въ полѣ, отъ упорства которыхъ война продлиться могла бы; армій не существуетъ, крѣпости рано или поздно

сдаться должны, и *сдаться своему законному государю*, а никому другому; угроза же ихъ поднять на воздухъ—смѣшна, а была-бъ серьезна, то туда имъ дорога, ибо столькими же канальями на свѣтѣ меньше будетъ, а казнитъ ихъ своя собственная рука.

Посылаю тебѣ четыре разныхъ проекта будущей дислокаціи арміи на выборъ; первая въ томъ случаѣ, ежели намъ необходимо будетъ оставаться па границѣ вооруженными, за глупостями пруссаковъ. Занимать ли Галицію, или нѣтъ—не дѣлаетъ разницы въ размѣщеніи войскъ, ибо ежели въ ней останемся, то хочу, чтобъ оставался 4-й корпусъ. Это размѣщеніе по первому проекту самое удобное для привода резервовъ, впрочемъ, буде обстоятельства мнѣ дозволятъ гвардію вести домой, тогда на зиму гренадеръ отведемъ на Литву, а въ Царствѣ будетъ просторпѣе, оставляя въ немъ одни 2-й и 3-й корпуса. Но теперь еще отводить гвардію не рѣшаюсь.

Пришли мнѣ скорѣе отвѣтъ, который проектъ избираешь; дабы, соображаясь съ тѣмъ, сейчасъ же двинуть резервы; каждый полкъ получитъ по 600 человѣкъ готовыхъ.

Когда тебя ждать сюда? Нетерпѣливо жду. Да хранитъ тебя Господь; душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Обними Костю; когда онъ будетъ назадъ?

Саблю Гёргея прошу въ арсеналъ въ Царское Село, равно и прочихъ начальниковъ.

Въ числѣ плѣнныхъ нашлись ли поляки и кто такіе? Есть ли тоже наши бѣглые?

34.

Варшава.
11-го (23-го) августа 1849 г.

Вчера, утромъ, прибылъ Истоминъ съ твоимъ письмомъ, мой любезный отецъ-командиръ, и вручилъ мнѣ всѣ знамена и штандарты. Слава Богу, дѣло идетъ быстро къ концу; сдача Арада и новая побѣда Лидерса даютъ полную къ тому надежду.

Сегодня же, утромъ, прибылъ Саша изъ Вѣны и привезъ мнѣ прилагаемыя здѣсь въ копіи два письма императора и инструкцію, императоромъ данную генералу Гайнау для руководства при разборѣ и участи плѣнныхъ; Гёргея императоръ прощаетъ, и я дозволяю тебѣ дать прочесть письмо съ помѣткой моей; вслѣдъ затѣмъ отправь его съ флигель-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ въ Вѣну прямо къ князю Шварценбергу; прочее исполни по желанію императора, взявъ строгія мѣры, чтобъ никакихъ безпорядковъ не произошло. Императоръ намѣренъ всѣхъ простить послѣ суда надъ бывшими офицерами его арміи; развѣ кто оговоренъ въ другихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Депутатовъ же и прочихъ гражданскихъ вели равномѣрно арестованными сдать австрійцамъ.

Этимъ считаю и дѣло конченнымъ. Пора намъ возвращать войска; я тебѣ послалъ свои проекты дислокаціи. Избравъ любой тебѣ, вели войскамъ возвращаться. Смѣна австрійскими гарнизонами можетъ быть удобно исполнена, ежели послѣдніе съ мѣстъ тронутся, войска 4-го корпуса изъ сѣверной Трансильваніи и восточной Венгріи, ибо имъ ближе потомъ слѣдовать на свои квартиры, въ особенности буде придется оставить сей корпусъ въ Галиціи, что еще ясно не рѣшено. Сѣверные же гарнизоны могутъ быть постепенно смѣняемы проходящими войсками 3-го и 2-го корпусовъ. Такимъ образомъ остановки не будетъ и войска скоро дойдутъ до границъ.

Отправленіе плѣнныхъ въ Пештъ полагалъ бы я возложить на казаковъ или на тѣ австрійскія войска, которыя были у тебя въ командѣ.

Сейчасъ прибылъ Костя и вручилъ мнѣ твое лестное для него письмо, за которое тебя душевно благодарю, любезный отецъ-командиръ, счастливъ онъ, что могъ удостоиться столь лестнаго отъ тебя отзыва; это ему на всю жизнь останется драгоцѣннымъ памятникомъ. Тебя же отъ глубины сердца благодарю за твои къ нему милости и особое попеченіе.

Теперь жду тебя нетерпѣливо; полагаю, что, кончивъ всѣ распоряженія какъ по сдачѣ плѣнныхъ, такъ и объ обратномъ движеніи арміи, остальное можешь передать или Ридигеру, или Горчакову и ѣхать сюда.

Я же тебя здѣсь во всякомъ случаѣ дождусь, хотя и мнѣ пора домой по всѣмъ дѣламъ.

Обнимаю душевно, навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Лидерсъ можетъ тоже по мѣрѣ возможности убираться въ Валахію и Молдавію.

35.

Варшава.
13-го (25-го) августа 1849 г.

Съ трудомъ берусь сегодня за перо, мой любезный отецъ-командиръ, не могу еще опомниться отъ новаго постигшаго насъ неожиданнаго несчастія. Я поручалъ Адлербергу тебѣ передать всѣ подробности; сегодня брату не хуже — вотъ покуда одно утѣшеніе, рука и языкъ немного свободнѣе, но положеніе его все крайне опасно. О себѣ не говорю, ты догадываешься самъ, что я чувствую и въ какомъ я положеніи!!!

Горе мое такъ глубоко, что насилу нахожу возможность радоваться постояннымъ добрымъ вѣстямъ изъ арміи. Сегодня получилъ донесеніе Лидерса о сдачѣ бывшаго корпуса Бема; итакъ, и тамъ намъ было суждено кончить дѣло; какъ за это не благодарить Бога, боюсь быть неблагодарнымъ, предаваясь горю; но эти чувства, радость и горе, до того во мнѣ борятся, что право съ трудомъ мысли сбираю!

Желалъ бы, чтобъ кромѣ нужнаго числа войскъ 5-го корпуса въ Трансильваніи, Клаузенбергѣ, Гросъ-Вардейнѣ и прочихъ мѣстахъ восточной Венгріи оставилъ ты 10-ю и 11-ю дивизіи и 2-ю уланскую, поруча всѣ сіи войска генералу Сакену, на котораго вполнѣ положиться можно, 12-я дивизія и 4-я легкая могутъ тогда съ Чеодаевымъ слѣдовать теперь же въ Галицію, а потомъ и далѣе, домой. Ежели, сверхъ того, нужно еще оставить одну дивизію въ сѣверной Венгріи, то полагалъ бы оставить 9-ю въ настоящемъ ея составѣ. Разумѣется, все это только до смѣны австрійцами и отнюдь не далѣе. Прочія же войска могутъ слѣдовать домой. Гвардію я возвращаю въ Петербургъ, гренадеръ — на Литву, какъ стояли. Прочее зависитъ отъ тебя; жду, какъ рѣшишь, чтобъ резервы направить туда, куда придется.

На сей разъ больше не пишу, силъ нѣтъ. Обнимаю душевно, и надѣюсь до скораго свиданія.

Да хранитъ тебя Господь.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

36.

Александрія.
6-го (18-го) сентября 1849 г.

Благодарю тебя за два письма, любезный мой отецъ-командиръ. Вотъ завтра 8 дней, что я сюда воротился и не

могу еще совершенно опомниться отъ постигшаго насъ несчастія, ты лучше всѣхъ судить можешь о моей потерѣ и оцѣнить ее въ полной мѣрѣ!

Душевнымъ мнѣ было утѣшеніемъ узнать сегодня, что потери наши гораздо менѣе, чѣмъ мы того опасались, за это Бога и тебя благодарю, оно мнѣ точно отрадой.

Такимъ образомъ нѣтъ нужды подводить резервные баталіоны въ той силѣ, какъ я предполагалъ сперва, и вся пѣхота будетъ въ полномъ комплектѣ и резервы останутся еще сзади довольно сильными и за отправленіемъ укомплектованія.

Напиши Медему, что я нахожу невозможнымъ и неприличнымъ Граббе долѣе оставлять подъ Коморномъ. Когда полагали, что присутствіе нашего отряда могло побудить къ сдачѣ, я соглашался, во избѣжаніе пролитія крови, подвесть Граббе ближе; теперь же, когда явное упорство мятежниковъ угрожаетъ необходимостью приступить или къ полной блокадѣ или къ осадѣ, унизительно-бъ было для Австріи требовать для столь маловажнаго дѣла нашей помощи. Потому я разрѣшилъ тебѣ приказать Граббе воротиться нынѣ же. Ему же прикажи отправить впередъ уланскую бригаду съ ея конной батареей, какъ тѣмъ, которымъ далѣе идти, а съ остальными войсками слѣдовать, какъ удобнѣе; самому оставить отрядъ, когда дойдетъ до Кракова. Турки струсили отъ присылки Радзивила и, кажется, поляковъ намъ отдадутъ. Про дѣла въ Римѣ я еще ничего не знаю; жаль будетъ, ежели досель благоразумное поведеніе Франціи измѣнится.

Здѣсь все тихо и хорошо. Ждемъ сегодня Елену Павловну; будущая недѣля будетъ намъ всѣмъ ужасная!

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

37.

Царское Село.
11-го (23-го) сентября 1849 г.

Благодарю тебя душевно, мой любезный отецъ-командиръ, за два твоихъ письма послѣ двухъ печальныхъ церемоній; теперь намъ будутъ предстоять четыре самыхъ тяжелыхъ дня!

Дай Богъ исполнить какъ слѣдуетъ послѣдній долгъ незабвенному брату и другу, лишь бы стало моихъ силъ; я хотя и здоровъ, но какъ бы чувствую, что весь мой составъ потрясенъ до основанія и осталась во мнѣ всегдашняя неувѣренность въ мои силы; сегодня въ первый разъ сѣлъ на коня прогуляться и насилу доѣхалъ.

Прежде еще полученія твоего послѣдняго письма, я тебѣ самъ выразилъ мысль, что нѣтъ ни нужды, ни приличія участвовать намъ въ осадѣ Коморна; кромѣ безполезности я нахожу, что оно было бы унизительно для австрійцевъ, которыхъ всѣ силы свободны нынѣ для военныхъ дѣйствій. Ежели слухъ объ отвѣтѣ Радецкаго императору справедливъ, то онъ достоинъ почтеннаго героя-старика.

Эрцъ-герцогъ Леопольдъ отзывается насчетъ Гайнау съ самой дурной стороны; онъ былъ у него подъ командой и говоритъ, что всѣ его подчиненные его ненавидѣли за грубый и сумасбродный нравъ. Не могу тебѣ выразить, сколь я радуюсь, что умершихъ такъ мало! Честь и слава твоему попеченію, и спасибо лѣкарямъ, свое дѣло хорошо исполнили. Теперь, съ прибытіемъ резервовъ, вся армія будетъ въ полномъ комплектѣ. Что же ты рѣшилъ про подвижные магазины; распустишь ли, продавъ лошадей, или какое распоряженіе предполагаешь? Въ первомъ случаѣ, полагалъ бы, и людей отъ нихъ зачислить въ ближайшіе гарнизонные баталіоны, т. е. въ Ново-Георгіевскій, Замосцскій и Гродненскій, съ обращеніемъ подъ ружье, на что они въ гарнизонъ бу-

дутъ годны, и ежели вновь потребуется, то опять оттуда легко могутъ быть взяты обратно.

Напиши мнѣ, въ какомъ порядкѣ будутъ найдены войска по возвращеніи въ наши предѣлы.

Жена тебѣ кланяется, цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

38.

Царское Село.
18-го (30-го) сентября 1849 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ-командиръ, за четыре твоихъ письма, изъ которыхъ послѣднее получилъ сегодня, вечеромъ.

Все совершилось! Утромъ отдали мы послѣдній долгъ дорогому брату, и вмѣстѣ съ нимъ исчезли въ могилу 50-ти лѣтняя дружба, всѣ младенческія и дѣтскія и юношескія воспоминанія, съ нимъ, моимъ спутникомъ и товарищемъ въ сей жизни! что мнѣ говорить тебѣ про мои чувства; молю Бога, чтобъ сподобилъ и мнѣ кончить какъ онъ, на службѣ; посвятясь ей съ юныхъ лѣтъ, я другой мысли не имѣю, какъ кончить тогда, когда я на нее болѣе неспособенъ буду! До того буду тянуть лямку сколько моихъ силъ и способностей станетъ, не унывая, но уповая на милосердіе Божіе, доколь Ему угодно будетъ, чтобъ я продолжалъ. Но больно изъ 4-хъ остаться одному мнѣ.

Дѣла наши съ турками приняли очень непріятный оборотъ, благодаря проискамъ канальи Стратфорта Канинга. Не знаю еще, какъ покончу; что рѣшу, тебѣ дамъ знать. Ежели-бъ не было этого, то началъ бы приводить хоть часть арміи въ

мирное положеніе, теперь же нельзя, развѣ по резервамъ что-либо уменьшу.

Я очень радъ добрымъ вѣстямъ объ здоровіи арміи и объ хорошемъ состояніи возвращающихся войскъ. Резервы уже тронулись, пошлю повѣрять, какъ слѣдуютъ, своихъ адъютантовъ. Третьяго дня видѣлъ, при въѣздѣ тѣла, резервы гвардіи въ самомъ отличномъ и превосходномъ состояніи, гренадеры слабѣе. Послѣ завтра я намѣренъ сдѣлать имъ общій смотръ.

По условію съ тобой, Гилленшмидта и Дена я назначилъ инспекторами; на мѣсто Гилленшмидта предлагаю тебѣ начальника артиллеріи 6-го корпуса, генералъ-лейтенанта Сухозанета. Онъ весьма хорошій, знающій и попечительный офицеръ. На мѣсто Дена назначаю Шильдера, у него останется Герстфельдъ по строительной части. Я самъ весьма жалѣю, что мнѣ не удалось видѣть ни Ивангорода, ни Бреста; но времени совершенно недостало.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

39.

Царское Село.

23-го сентября (5-го октября) 1849 г.

Благодарю, любезный отецъ-командиръ, за два твоихъ письма. Слава Богу, что все благополучно и войска въ порядкѣ возвращаются.

Ты очень хорошо отвѣчалъ Медему насчетъ настоянія моего объ возвращеніи отряда Граббе. Да, кажется, оно послужило къ добру, ибо употребили въ пользу для сдачи Коморна; любопытенъ знать, какъ было. Буду ждать нетерпѣливо, въ какомъ положеніи полки придутъ на мѣста; часть резервовъ уже тронулась, остановка была въ недостаткѣ

амуниціи. Изъ Константинополя мнѣ пишетъ Титовъ, что онъ и Штюрмеръ прекратили дипломатическія сношенія, что покуда оно не произвело никакого впечатлѣнія надъ турецкимъ правительствомъ и что они храбрятся, явно подстрекаемые Каннингомъ.

По содержанію везомаго письма отъ султана, рѣшу, приму ли Фуада-Эфенди, или нѣтъ. Мы не можемъ допустить явнаго нарушенія трактатовъ. Глупости, которыя разсказывалъ тебѣ Буль про вліяніе венгровъ на нашихъ, не заслуживаютъ никакого вниманія, ибо въ Вѣнѣ про это имъ знать нельзя; ты ближе всѣхъ это узнать можешь, и узнаешь, какъ мы съ тобой условились. Ежели и была такая работа, то вѣрно не на солдатъ, а на офицеровъ. Вчера смотрѣлъ весь гарнизонъ, 12 баталіоновъ гвардіи весьма хороши; 12 баталіоновъ гренадеръ сегодня; но все хорошее и надежное войско. Теперь приступлю къ смотру резервныхъ эскадроновъ и рекрутъ. Силы мои чуть-чуть поправились и головокруженія не было, хотя голова все болитъ, и на конѣ я плохъ.

По дѣламъ все идетъ въ порядкѣ, занимаюсь смѣтами и любопытствую знать, много ли у тебя осталось суммъ къ зачету, за время нашего заграничнаго похода, за которое время содержаніе арміи и госпиталей падаетъ на счетъ Австріи? Полагаю, что долженъ оставаться не одинъ милліонъ?

Жена тебѣ кланяется, цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

40.

Царское Село.
27-го сентября (9-го октября) 1849 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ-командиръ, за два письма; и благодарю Бога, что все благополучно идетъ, и

войска исправно возвращаются, несмотря на всѣ злостные разсказы иностранныхъ журналовъ. Надѣюсь, что приложено будетъ все должное стараніе всѣми частными начальниками исправить все, что должно было разстроиться походомъ, и жду донесенія объ инспекторскихъ смотрахъ, которые, надѣюсь, честно исполнены будутъ. Резервы уже тронулись, но назначенные въ 3-й корпусъ придутъ поздно за дальностію похода. Хорошо бы отправлять, что можно, по желѣзной дорогѣ, дабы хоть нѣсколько ускорить ихъ прибытіе, равно и возвращеніе кадровъ резервныхъ баталіоновъ.

Про резервы кавалеріи еще ничего не могу опредѣлительно сказать, ибо жду донесенія генерала Никитина. По первому и четвертому корпусамъ я разрѣшилъ отпуска; по 2-му и 3-му только однихъ поляковъ, ибо другимъ далеко. Вотъ безымянное письмо, которое сегодня получилъ Орловъ; содержаніе его довольно важно, передаю его тебѣ, чтобъ узнать твое мнѣніе, письмо это основательное, и въ такомъ случаѣ какъ тому помочь? Конецъ подъ Коморномъ не дѣлаетъ чести разсудительности австрійцевъ. Надѣюсь, что Граббе для пустой церемоніи не остановилъ покуда своего отряда. Конецъ Бема достоинъ этого канальи. Фуадъ-Эфенди прибылъ, я его еще не видалъ; говорятъ, онъ очень тихъ и скроменъ. Кажется, дѣла Австріи и Пруссіи приняли лучшій оборотъ и обойдется на сей разъ безъ ссоры; потому я намѣренъ кое-что привесть въ мирное положеніе, дабы нѣсколько уменьшить издержки, крайне обременительныя; какъ же исполнить, еще обдумываю. Вчера смотрѣлъ болѣе пяти тысячъ войска рекрутъ для гренадеръ, прекрасныхъ и весьма хорошо подготовленныхъ. Сегодня резервные дивизіоны кавалергардовъ и конной гвардіи, и былъ очень доволенъ.

Здѣсь все тихо и спокойно; на дняхъ начнется судъ надъ канальями открытаго весной заговора. Жена тебѣ

кланяется; цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

41.

Царское Село.
5-го (17-го) октября 1849 г.

Три дня тому, какъ получилъ твое письмо отъ 29-го сентября (11-го октября), любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю. Вѣсти объ благополучномъ возвращеніи войскъ меня крайне радуютъ; надѣюсь, что подробный осмотръ ихъ состоянія совершенно успокоитъ насъ насчетъ ихъ положенія. Думаю, что и отрядъ Граббе воротится не менѣе въ хорошемъ положеніи.

Поведеніе австрійскаго правительства непонятно; въ то время какъ они разстрѣливаютъ и вѣшаютъ добровольно намъ сдавшихся въ Арадѣ, въ Коморнѣ упорнымъ бунтовщикамъ даруютъ не только пощаду, но и выгодныя условія и даже свободный выѣздъ за границу!

Что значитъ такое противорѣчіе?

Вчера видѣлъ я Фуадъ-Эфенди съ повинной головой. Онъ тихъ, смиренъ, винитъ свое правительство и вызвался просить его согласиться на мое требованіе. Оно въ томъ, чтобъ ежели выдать не хотѣли намъ, такъ чтобъ выгнали отъ себя всѣхъ поляковъ, съ какими паспортами они бы ни проживали. Бема магометанство его не радуетъ, и всѣхъ ихъ онъ признаетъ крайне опасными для нихъ самихъ. Сегодня смотрѣлъ 8-й резервный и запасный баталіоны 1-й гренадерской дивизіи и былъ очень доволенъ; надежное войско. Начинаю стариковъ распускать по 1-е (13-е) апрѣля на первый разъ; между тѣмъ, 6 мѣсяцевъ настолько уменьшится смѣта, а ежели обстоятельства дозволятъ не сбирать, то отсрочу еще.

Вотъ покуда и все; новаго ничего здѣсь нѣтъ. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую руку княгинѣ и тебя душевно обнимаю. Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

42.

Гатчина.
12-го (24-го) октября 1849 г.

Три дня, какъ я получилъ твое письмо, любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю. Свинства англичанъ и французовъ болѣе и болѣе объясняются, но они меня ни мало не пугаютъ; напротивъ, я считаю счастливымъ для себя событіемъ, что они личину сбросили, и вся безстыдная злость ихъ на наше величіе обнаружилась. Теперь болѣе, чѣмъ когда, мы видимъ, что мы стоимъ одни, какъ скала посреди моря; ихъ злоба объ насъ разобьется, и наше презрѣніе отплатитъ за ихъ наглость. Все зависитъ нынѣ отъ того, турки изгонятъ ли поляковъ, или нѣтъ, ибо они сами на это вызвались; ежели будетъ такъ, то и дѣлу конецъ, но буде не исполнятъ, можетъ быть худо. Для того я всѣ свои мѣры готовлю къ апрѣлю и сроки отпусковъ опредѣлилъ по этому. Резервные баталіоны всѣ въ пути, резервнымъ же баталіонамъ 2-го и 3-го корпусовъ, по сдачѣ ими рекрутъ и по обмѣну людьми, нельзя будетъ воротиться ранѣе апрѣля. Да оно и хорошо, на случай похода будетъ покуда чѣмъ занять крѣпости и самую Варшаву.

Возвращать же зимой было-бъ перемучить людей понапрасну. Жду нетерпѣливо донесеній объ состояніи воротившихся войскъ, адъютанты мои поѣхали.

Въ воскресеніе жду сюда Преображенскій полкъ и намѣренъ его здѣсь встрѣтить; ѣду исправно. Здѣсь новаго ничего. Жена тебѣ кланяется. Цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

43.

Царское Село.
22-го октября (3-го ноября) 1849 г.

Благодарю, любезный отецъ-командиръ, за письмо твое отъ 15-го (27-го) числа и благодарю Бога, что все благополучно. Вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе насчетъ поведенія австрійскаго правительства, его фальшивость болѣе и болѣе обнаруживается.

Мой языкъ съ ними зато принялъ гораздо положительнѣйшее выраженіе и я называю всѣ ихъ дѣйствія заслуженнымъ именемъ. Со вниманіемъ прочелъ я твое возраженіе на отвѣтъ Берга Адлербергу; во многомъ съ тобой согласенъ, но не во всемъ, ибо не вѣрю злому умыслу Берга, а еще менѣе, чтобъ онъ имѣлъ тайное дерзкое намѣреніе—порицать; онъ глупо писалъ, глупо думалъ и глупо дѣйствовалъ, за что я ему и пропѣлъ все заслуженное; другого же во всемъ этомъ не вижу и недостойно-бъ было и подозрѣвать. Думаю, что наше турецкое несогласіе кончится миролюбно. Всѣ англійскія интриги не думаю, чтобъ ко другому привели, какъ къ смѣшной напрасной прогулкѣ флота ихъ 16 кораблей и за нимъ 7 французскихъ; столь смѣшная угроза обращается къ ихъ собственному стыду.

Дѣла въ Германіи ничуть не идутъ къ лучшему, кромѣ сближенія Австріи съ Пруссіей, все прочее въ совершенномъ смѣшеніи, и дерзость революціонной партіи все та же. Во Франціи, какъ пишетъ Киселевъ, все близко къ новому потрясенію. Ждутъ попытки президента объявить себя императоромъ, и, какъ будто изъ-подъ руки, англійское правительство тому покровительствуетъ, съ злымъ намѣреніемъ продлить смуты, которыя имъ менѣе страшны, чѣмъ сильная и спокойная Франція.

Адская политика!

Читалъ съ любопытствомъ первый отчетъ объ состояніи

войскъ; неисправности въ амуниціи легко будутъ пополнены, когда въ инспекторскихъ смотрахъ все приведено будетъ въ должную ясность, но главное—пополнить ряды, крайне слабые; настаиваю, чтобъ на это было обращено наистрожайшее вниманіе, ибо люди тутъ, но не на своихъ мѣстахъ, чему я былъ свидѣтель и съ вниманіемъ приводилъ въ порядокъ. Молю тебя, положи этому строгій конецъ. Гвардія приходитъ и, что я видѣлъ, въ блестящемъ видѣ; больныхъ не болѣе какъ отъ 25 до 30 чел. на полкъ, а здѣсь скоро будетъ вчетверо! Жена тебѣ кланяется. Цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

44.

Царское Село.
5-го (17-го) ноября 1849 г.

Благодарю тебя за письмо твое отъ 30-го (11-го), которое получилъ третьяго дня, мой любезный отецъ-командиръ. Какія бы ни были тайныя причины, побудившія австрійцевъ сдѣлать намъ предложеніе ликвидаціи, предложеніе это столь выгодно, что я, конечно, на него согласенъ. Желаю однако избѣгнуть всякихъ расчетовъ, или доплаты, или отдачи послѣ уплаты и потому хотѣлось бы мнѣ опредѣлить круглую достаточную сумму, напр., включая и Лидерса корпусъ, 4,500,000 серебромъ. Лишняго не будетъ, но и не придется намъ требовать доплаты, что было-бъ неудобно. На этомъ основаніи можемъ заключить дѣло. Французская и англійская эскадры получили приказаніе воротиться — стоило имъ ходить! Не глупо ли? Съ турками главное дѣло кончено, но буду отъ нихъ требовать отчета, зачѣмъ пустили англичанъ въ устье

Дарданеллъ; пропускать это не могу. Перемѣна министерства во Франціи покуда еще мирно обошлась, и какъ кажется оттого, что всѣ партіи боятся одной красной и отъ сей боязни не смѣютъ возбудить распри, дабы не подать случай красной партіи торжествовать. Ламорисьеромъ здѣсь я очень доволенъ: онъ ведетъ себя прилично и умно.

Германскія дѣла ничуть не идутъ къ лучшему; ежели пруссаки не откажутся отъ несчастнаго намѣренія созвать парламентъ въ Эрфуртѣ, быть бѣдѣ, и возобновятся всѣ прежнія сумасбродства, хотя ничѣмъ кончиться новымъ не можетъ, какъ ихъ разгономъ, ибо оно всѣмъ надоѣло, хорошимъ по безпутству, дурнымъ потому, что имъ этого мало, а хотятъ рѣзни, впрочемъ, кажется, что число здравомыслящихъ прибавляется. Гвардія болѣе половины уже воротилась, и все нашелъ въ отличномъ видѣ.

По намѣренію, уже прежде тебѣ объявленному, я замѣнилъ ген.-лейт. Глазенапа во 2-й легкой дивизіи ген.-лейт. Сталемъ, изъ гвардіи; рекомендую тебѣ его, какъ самаго отличнаго офицера во всѣхъ отношеніяхъ. Прошу припомнить о тайной запискѣ моей насчетъ генераловъ и офицеровъ, которыхъ будетъ полезно удалить. Теперь къ тому настала самая пора; у насъ запасъ весьма хорошихъ молодыхъ генераловъ, имъ пора открыть дорогу, удаливъ устарѣлыхъ и мало надежныхъ,

Очень радуюсь, что ты доволенъ видѣнными резервами. Кажется, идутъ хорошо и поступятъ точно въ ряды. Къ веснѣ будетъ готова и вторая комплектовка. Забочусь кавалерійскими резервами, тамъ дѣло потруднѣе, но также идетъ успѣшно, равно и въ артиллеріи. Здѣсь все тихо и спокойно, и новаго ничего.

Жена моя тебѣ кланяется; цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Читалъ ли ты въ австрійскомъ военномъ календарѣ описаніе похода въ Венгрію, стоитъ того; правдиво и хорошо писано.

45.

Царское Село.
7-го (19-го) ноября 1849 г.

Посылаю тебѣ съ этимъ письмомъ свиты моей ген.-м. Ефимовича по довольно непріятному дѣлу, которое вѣроятно тебѣ уже извѣстно. Вчера австрійскій посланникъ получилъ отъ Шварценберга копію съ письма къ нему графа Зичи, въ которомъ графъ Зичи ему доноситъ, что въ Венгріи подъ разными предлогами осталось много нашихъ офицеровъ, которые, оставаясь праздными, себя весьма дурно ведутъ, въ сношеніяхъ съ людьми наиболѣе извѣстными своимъ дурнымъ образомъ мыслей и сами отзываются весьма дурно объ австрійскомъ правительствѣ, и то и дѣло, что ссорятся съ австрійскими офицерами. Зичи проситъ немедленной ихъ высылки изъ Венгріи и говоритъ, что тебѣ объ этомъ доноситъ. Хотя и желаю думать, что все это преувеличено, что все дѣло кончится нѣсколькими шалунами, но все-таки нельзя не дать вѣры человѣку, какъ Зичи, и оно мнѣ до крайности непріятно.

Давъ самыя строгія предписанія, чтобъ всѣ чины были немедленно возвращены къ своимъ мѣстамъ, я въ правѣ былъ ожидать, что моя воля свято будетъ исполнена — отчего же вышло не такъ?

Требую немедленной присылки изъ каждаго полка, отдѣльнаго баталіона и артиллерійской бригады поименныхъ списковъ всѣхъ оставшихся за границей офицеровъ, съ озна-

ченіемъ причины ихъ отсутствія; таковыхъ же списковъ требую отъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и бригадныхъ штабовъ обо всѣхъ оставшихся офицерахъ всякаго званія и чиновникахъ, объ чемъ немедленно объяви приказомъ по арміи, съ присылкою ко мнѣ немедленно отъ каждой части и въ собственныя руки.

Ген.-м. Ефимовича посылаю въ Галицію и Венгрію повѣрить вѣрность сего доноса и изслѣдованія истины, и буде гдѣ кого найдетъ празднымъ, арестовать и выслать въ Варшаву, гдѣ ихъ предать арестованными суду. Двоихъ таковыхъ я самъ досталъ изъ Тарнова, не знаю, чѣмъ ихъ судъ кончится. Шутить этимъ не намѣренъ и требую твоего бдительнаго и строгаго содѣйствія. Легко быть можетъ, что чрезъ этихъ молодцовъ къ намъ заносится зараза, и стыдно-бъ намъ не умѣть этого предупредить. Повторяю, мнѣ это крайне непріятно и считаю возможнымъ для чести нашей и для безопасности духа арміи и прошу это унять.

Напиши мнѣ скорѣй, что тебѣ извѣстно и отчего сіе допущено.

Обнимаю отъ души, твой искренно доброжелательный

Н.

46.

С.-Петербургъ.
20-го ноября (2-го декабря) 1849 г.

Вотъ уже три дня, что получилъ твое письмо отъ 12-го (24-го) ноября, мой любезный отецъ-командиръ, и сегодня только успѣлъ отвѣчать. Душевно благодарю за присылку мнѣнія о генералахъ, буду ждать таковаго же о полковыхъ командирахъ и, буде можно, о штабъ-офицерахъ. Къ 6-му декабря самыхъ заслуженныхъ дивизіонныхъ начальниковъ перевожу въ Сенатъ; на мѣсто ихъ намѣренъ назначить

троихъ гвардейскихъ генералъ-лейтенантовъ, которые всѣ трое будутъ весьма надежные дивизіонные начальники: генералъ-лейтенантъ Добышевъ, котораго ты знаешь, ген.-л. Игнатьевъ и ген.-адъют. Алимонтъ; не знаю, которому отдать преимущество, ибо каждый весьма способенъ и надеженъ. Ген.-лейт. Купфера и Офенберга желалъ бы еще удержать при войскахъ, ибо они оба достойные офицеры, хотя и староваты. Отъ этихъ перемѣнъ произойдетъ большая тасовка генераловъ изъ мѣста въ мѣсто, и изъ полковыхъ командировъ многіе хорошіе получатъ бригады. Хорошо бы мнѣ знать, кто очередные изъ штабъ-офицеровъ въ полковые командиры. Сокрушаютъ меня тифусъ и холера; какъ бы сдѣлать, чтобъ вновь не похитили много жертвъ? Пришли мнѣ свѣдѣнія, сколько воротилось оставленныхъ за границей больныхъ, и много ли еще тамъ остается? Извѣстія изъ Берлина весьма дурныя; все идетъ большими шагами въ смыслѣ революціи отъ самаго правительства, это пишетъ Рохау, чего ожидать послѣ этого! И не правъ ли, что къ веснѣ мы быть должны готовы ко всему. Вотъ отчего настаиваю, чтобъ все было приведено какъ наискорѣе въ должный порядокъ. Турецкое дѣло наше все еще не кончается и не сомнѣваюсь, что Стратфортъ Каннингъ прилагаетъ все свое стараніе, чтобъ насъ поссорить.

Здѣсь новаго ничего, все тихо и въ порядкѣ. Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ. Прощай, навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

P. S. Письмо мое было уже отослано, какъ прибылъ фельдъегерь съ твоимъ, отъ 16-го (28-го), и душевно радуюсь, что надежда моя сбылась и что всѣ упреки австрійцевъ преувеличены и не подтверждаются, какъ они силятся доказать. Жалѣю, что ты меня сейчасъ при посылкѣ Опер-

мана о семъ не предупредилъ, тогда бы я зналъ, что намедни имъ отвѣчать, а до того я долженъ былъ отзываться невѣдѣніемъ, что мнѣ было крайне непріятно въ ихъ глазахъ. Но повторяю мою непремѣнную волю строго наказать виновныхъ въ безчинствахъ, какого бы рода ни были.

Объ тѣхъ же двухъ, которые мной изъ Тарнова взяты, нахожу, что дѣло слишкомъ долго тянется, ибо прошло сему болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Обнимаю.

Н.

47.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) декабря 1849 г.

Уже пятый день, что получилъ твое письмо отъ 29-го ноября (11-го декабря), мой любезный отецъ-командиръ, и не могъ до сего дня отвѣчать за разными помѣхами. Благодарю за присылку аттестацій полковыхъ командировъ; будетъ въ виду. Вчера вышли всѣ назначенія по перемѣнамъ, сходно перваго твоего донесенія, надѣюсь, что все будетъ къ добру, ибо и дивизіонные и бригадные командиры всѣ люди надежные. Очень радъ, что ты велѣлъ дѣятельно заняться приведеніемъ всего въ порядокъ и устройство; оно тѣмъ необходимѣе, что менѣе, чѣмъ когда-либо ручаться можно за то, что въ скоромъ времени послѣдуетъ.

Германскія дѣла хуже, чѣмъ когда и, по словамъ Мейндорфа, нѣтъ сомнѣнія, что готовится новая демократическая попытка. Всего болѣе опасаюсь я явнаго разрыва Австріи съ Пруссіей, ибо одно оно можетъ насъ скорѣе всего завлечь въ войну. Припомни, что я тебѣ говорилъ; наша роль будетъ тогда сказать имъ: «эй, ребята, не дурачься, а не то, я васъ!» Но, чтобъ такъ говорить, на что я рѣшился, мнѣ на-

добно, чтобъ къ 1-му (13-му) апрѣля армія была вся готова и комплектна. Недостатокъ людей пополнить можемъ, равно и лошадей. Но нужно, чтобъ и вся матеріальная часть была въ совершенной и блестящей исправности.

Вчера прибавилъ я порціи на всю армію; надѣюсь, что поможетъ войско держать сытымъ. Съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ я про безпорядки по сей части, бывшіе въ одномъ резервномъ баталіонѣ. Жду донесенія по слѣдствію и строго взыщу съ виновнаго въ злоупотребленіи и съ виновныхъ въ допущеніи подобнаго.

Сегодня узнали мы, что дочь твоя невѣста; жена и я отъ души тебя съ симъ поздравляемъ. Князя Лобанова очень хвалятъ.

Здѣсь новаго ничего; ждемъ разрѣшенія дочери ежеминутно. Дай Богъ, чтобъ все благополучно прошло. Прощай, мой любезный отецъ-командиръ; цѣлую руку княгинѣ и поздравляю.

Твой навѣки искренно доброжелательный

Н.

48.

С.-Петербургъ.
25-го декабря 1849 г. (6-го января 1850 г.)

Благодарю, любезный мой отецъ-командиръ, за письмо отъ 17-го (29-го), на которое только что сегодня успѣваю отвѣчать. Раздѣляю твое мнѣніе, что недостатокъ въ деньгахъ можетъ быть препятствіемъ Австріи и Пруссіи перессориться; но ежели не эта причина, то, полагаю, все это направленіе ихъ столь противно въ началахъ, что не могутъ никогда искренно сблизиться. Прусское стремленіе къ владычеству въ Германіи—способами революціонныхъ правилъ. Австрія же, сколько понять можно, покоряется только по необходимости послѣдствіямъ своей революціи, но все дѣ-

лаетъ, чтобъ избѣгнуть всѣхъ ея послѣдствій, и влiянія своего на Германію, вѣрно, охотно не уступитъ Пруссіи. А чтобъ вдвоемъ единогласно могли вести дѣла, это, кажется мнѣ, еще несбыточнѣе и, вѣроятно, все это окажется во-время или послѣ сейма въ Эрфуртѣ. Минута критическая настала для короля прусскаго признать свой промахъ: гадкую имъ дарованную конституцію, и тѣмъ погребсти навѣки монархію, ждемъ, что будетъ, но хорошаго не предвижу.

Скажи мнѣ, довольны ли солдаты прибавкой имъ порцій, и какія мѣры ты взялъ, чтобъ прибавка эта была имъ въ пользу? ибо при стоянкѣ по деревнямъ не могутъ они симъ пользоваться, и тутъ могутъ быть плутни. Думаю, что вездѣ, гдѣ люди не могутъ жить артелями, а кормятся артелями, надо, чтобъ порціи класть деньгами въ съѣстную сумму каждой роты, а не въ артельную для того, чтобъ во время сборовъ могли тѣмъ лучше кормиться. Напиши мнѣ про это. Поступокъ генерала Семекина меня крайне огорчилъ, и я радъ, что мы, не сговорясь, положили съ тобой одно рѣшеніе. Ефимовичъ тебѣ вѣрно донесъ про отзывъ Гайнау про нашихъ офицеровъ; ежели онъ то говорилъ, то нельзя не удивляться, откуда пошло несправедливое и обидное на насъ нареканіе!!!

Третьяго дня казнены наши преступники, изъ 22-хъ 4 только оказали раскаяніе; Петрашевскій же шутилъ! Злоба на нихъ большая. Сегодня былъ обыкновенный парадъ въ залахъ, для меня крайне грустный, ибо изъ 4-хъ я остался одинъ!!!

Жена тебѣ кланяется, цѣлую руку княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Навѣки твой искренно доброжелательный

Н.

Когда будетъ Туркулъ и зачѣмъ не ѣдетъ?

49.

Записка, собственноручно написанная Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

По расписанію австрійскихъ войскъ, присланному ген. Гамерштейномъ, видно, что у него подъ командой болѣе 30-ти тыс. войска.

Ежели-бъ войска сіи были въ полномъ устройствѣ, сила такая была бы довольно значительна, но такъ какъ большая часть сихъ войскъ резервная или еще въ формировкѣ, кажется мнѣ, что нужно-бъ было дать имъ иное расположеніе, болѣе сходное съ ихъ состояніемъ, болѣе удобное для отфирмованія, и наконецъ, такое, которое бы давало возможность самому главному начальнику имъ распоряжаться, смотря по обстоятельствамъ и надобности.

Полагаю, что за выходомъ гарнизоновъ Кракова, Тарнова, Бохни и войскъ въ Буковинѣ, прочіе должны-бъ быть оттянуты въ лагери, подъ Лембергъ и Перемысль.

Въ сихъ лагеряхъ войска довершили бы скоро свое образованіе, бывъ прилежно симъ занимаемы подъ глазами главныхъ начальниковъ, и числомъ своимъ составили два сильныхъ резерва, на всякій могущій быть случай. Разумѣется, что переходы горъ должны быть попрежнему заняты особыми отрядами, не изъ новонабранныхъ, но изъ старыхъ войскъ.

Отрядъ ген. Сакена, стоя между Замброва и Перемысля, прикрывалъ бы лагери и составлялъ имъ авангардъ.

III.

О причинахъ, побудившихъ къ отправленію войскъ по желѣзной дорогѣ въ Вѣну.

Варшава, мая 1849.

Отправляя въ Варшаву генералъ-лейтенанта графа Кабогу, австрійское министерство возложило на него, какъ главнѣй-

шую обязанность, исходатайствовать вспомоществованіе российскихъ Императорскихъ войскъ для спасенія отъ угрожающей опасности — паденія Вѣны въ руки мятежниковъ.

Едва графъ Кабога выѣхалъ изъ Вѣны, за нимъ отправленъ былъ курьеръ, который вручилъ ему на дорогѣ бумагу съ возобновленіемъ приглашенія отъ князя Шварценберга неотступно просить о неотлагательной высылкѣ войска по желѣзной дорогѣ, какъ единственнаго средства спасти столицу.

Тогда австрійцы не знали еще о соизволеніи Государя Императора принять прямое участіе въ войнѣ противъ мятежниковъ въ самой Венгріи.

По пріѣздѣ сюда графа Кабога, я объявилъ ему о воспослѣдовавшемъ только повелѣніи Его Императорскаго Величества. Но вмѣстѣ съ симъ я представлялъ о необходимости для меня слѣдовать плану, начертанному для перехода въ Венгрію, то графъ Кабога настоятельно, со слезами на глазахъ, просилъ меня о скорѣйшей помощи для столицы, какъ величайшей милости для своего отечества.

Послѣ свиданія въ Пресбургѣ съ генераломъ Вельденомъ, въ присутствіи генералъ-адъютанта Берга, князь Шварценбергъ, 3-го мая, мнѣ самъ писалъ, что скорая присылка войскъ одна можетъ спасти столицу; онъ присовокуплялъ, что обстоятельства перемѣнились и что, по дальнему разстоянію С.-Петербурга отъ Варшавы, если я буду ожидать повелѣній Государя Императора, то до полученія оныхъ австрійское правительство можетъ быть низвергнуто.

Генералъ-адъютантъ Бергъ, съ своей стороны, подтвердилъ, что положеніе австрійцевъ почти отчаянно; что генералъ Вельденъ не располагаетъ болѣе 40 тыс. человѣкъ и что армія его разобщена широкою рѣкою, Дунаемъ, что непріятель по крайней мѣрѣ вдвое сильнѣе австрійской арміи, что укомплектованіе австрійскихъ войскъ идетъ медленно и

что всѣ единогласно сознаются, что съ паденіемъ Вѣны сама имперія будетъ находиться въ величайшей опасности.

4-го мая, когда князь Шварценбергъ уже зналъ о предстоящемъ переходѣ нашихъ войскъ чрезъ границу и о планѣ военныхъ дѣйствій, онъ еще настаивалъ о необходимости скорой присылки войскъ и представлялъ, что если Государю Императору уже благоугодно подать Австріи руку помощи, то необходимо спасти столицу, сильно угрожаемую и съ паденіемъ которой вся имперія будетъ потрясена до основаній, и что безъ появленія отряда нашихъ войскъ въ Моравіи и скораго перевоза онаго по желѣзной дорогѣ, не только Вѣна, но и самая армія погибнутъ.

Генералъ Вельденъ въ рапортѣ своемъ, приложенномъ къ этому письму, доказывалъ, что онъ не находитъ себя въ состояніи защитить столицу отъ нападенія венгерцевъ, что даже недостаточно прибытія нашихъ войскъ чрезъ Дуклу, чтобъ спасти Вѣну.

Генералъ-адъютантъ Бергъ, въ донесеніи отъ того же числа, подтвердилъ показанія князя Шварценберга и присовокуплялъ, что, послѣ долгаго совѣщанія всѣхъ министровъ, рѣшено было представить мнѣ о необходимости защиты Вѣны, находящейся нынѣ въ величайшей опасности, и передавалъ слова князя Шварценберга, объявившаго, что съ паденіемъ столицы рушится и самое правительство.

Тогда только я рѣшился на отправленіе по желѣзной дорогѣ пѣхотной дивизіи съ 48-ю орудіями.

Я увѣренъ былъ, что если эти войска успѣютъ прибыть подъ Вѣну прежде ея занятія непріятелемъ, то появленіе оныхъ остановитъ нападеніе венгерцевъ.

Отказомъ же моимъ въ присылкѣ войска, о которомъ такъ настоятельно просило австрійское правительство, я опасался навлечь на себя негодованіе Государя Императора за неумѣніе воспользоваться властію, которою Его Императорскому

Величеству благоугодно было меня облечь, для спасенія столицы Австріи и съ нею монархіи.

IV.

a.

Копія съ секретнаго отношенія генералъ-адъютанта графа Адлерберга къ генералъ-адъютанту Бергу отъ 12-го мая 1849 г. № 5.

Въ дополненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Вашему Высокопревосходительству въ отношеніи моемъ отъ 11-го числа сего мѣсяца № 547, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ Вашему Высокопревосходительству:

1) Имѣя въ виду, прилагаемый у сего, Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше утвержденный и сообщенный императору австрійскому планъ дѣйствій россійской арміи въ Венгріи, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, наблюдать, чтобы со стороны австрійскаго правительства не было сдѣлано *безъ вѣдома нашего* ни малѣйшаго отъ онаго отступленія, сильно настаивая о точномъ его исполненіи, когда безъ особой въ томъ надобности будетъ предложено измѣненіе.

2) Если-бъ, по какимъ-либо непредвидѣннымъ причинамъ, оказалось необходимымъ сдѣлать въ семъ планѣ какое-либо измѣненіе, то безъ всякаго отлагательства тотчасъ же донести о томъ Его Императорскому Величеству и вмѣстѣ съ тѣмъ представить генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому на разрѣшеніе.

3) Извѣщать елико возможно чаще Государя Императора и генералъ-фельдмаршала: *a)* о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ австрійскихъ войскъ на всѣхъ театрахъ войны, *b)* о числѣ

и составѣ ихъ и *c)* о намѣреніяхъ императора Франца-Іосифа и распоряженіяхъ его по своимъ войскахъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь сообщить Вашему Высокопревосходительству для надлежащаго исполненія.

Вѣрно: дѣйств. стат. сов.
Суковкинъ.

Varsovie.
Le 9 (21) mai 1849.

6.

L'entrée des troupes russes en Hongrie s'effectuera sur deux colonnes:

La première colonne, aux ordres de l'aide de camp général Comte Rudiger, composée des 6me, 7me et 8me divisions d'infanterie et de la 3me division de cavalerie légère avec leur artillerie, de 3 régiments de Cosaques et d'une batterie d'artillerie à cheval du Don, se portera de *Yordanow*, par la vallée de *l'Aroa*, dans celle de la *Waag*, dans la direction de *Trentschin*. En s'approchant du point où la route tourne vers Trentschin, le général Rudiger tâchera d'entrer en communication avec la 9me division d'infanterie et renverra alors la 6me en Galicie.

Cette dernière division, en cas que l'ennemi ne se trouve pas en force dans la vallée conduisant vers Epéries et qu'elle soit suffisamment pourvue de vivres, pénétrera dans cette vallée et s'y arrêtera, essayant d'ouvrir une communication avec la seconde colonne.

Sur ces entrefaites la première colonne continuera son mouvement vers Trentschin, où elle devra établir son principal dépôt d'approvisionnement à l'aide de convois dirigés sur ce point, de *Hradisch*. De *Trentschin* cette colonne s'avancera selon les circonstances.

Si toutefois le gouvernement autrichien expédiait une quan-

tité suffisante de vivres au devant du général Rudiger, celui-ci, au lieu de marcher à *Trentschin*, pourrait, en attirant à lui la 9ᵐᵉ division d'infanterie, prendre directement le chemin de *Chemnitz* ou de Néitra afin de former ainsi l'aile gauche de l'armée autrichienne.

La deuxième colonne sera composée des 4ᵐᵉ, 5ᵐᵉ et 12ᵐᵉ divisions d'infanterie, des 2ᵐᵉ et 4ᵐᵉ divisions de cavalerie légère avec leur artillerie, plus 3 régiment de Cosaques et 2 batteries d'artillerie à cheval du Don, sous le commandement de l'aide de camp général Prince Gortchakoff.

Cette colonne se concentre aux environs de *Doukla* et se dirige par *Grab* et *Zboro* sur *Bartfeld* et *Epéries*. Elle se mettra en marche en même temps que la première colonne ou bien quelques jours plustôt. Sa destination est d'agir contre l'ennemi qui pourrait se trouver dans les hautes vallées à droite de la route et de menacer de prendre en flanc et à revers les troupes ennemies qui se trouveraient en face de Presbourg et de Komorn.

Le mouvement simultané des deux colonnes devra faciliter les opérations de l'armée autrichienne. Quant à celle-ci, il conviendrait à mon avis qu'elle prît l'offensive, premièrement dans le but d'effectuer sa jonction avec le général Rudiger, dans la direction qui se trouverait la plus convenable, et après cette jonction qu'elle attaquât l'ennemi de concert avec nous, afin de le battre et de le rejeter derrière Komorn. Une partie de l'armée autrichienne mettra ensuite le blocus devant cette place, tandis que le reste de cette armée se porterait par la rive droite du Danube pour débloquer Bude et reprendre possession de Pesth.

Pendant ce temps le Comte Rudiger marcherait aussi en avant, formant la gauche de l'armée autrichienne et débordant la droite de l'ennemi.

Tous ces divers mouvements peuvent commencer vers le

5 (17) juin. En supposant qu'il faille 8 jours pour parvenir de *Yordanov* à *Chemnitz* ou *Néïtra*, le général Rudiger pourrait être rendu dans l'un de ces endroits vers le 13 (25) juin.

Il serait opportun que l'armée autrichienne s'abstînt de toute opération décisive, avant que nos mouvements offensifs eussent reçu le développement nécessaire.

Le général en chef autrichien pourrait utiliser cet intervalle pour renforcer son armée et apporter l'ordre nécessaire dans toutes les parties du service. Mais si l'ennemi venait à se renforcer vis-à-vis du flanc gauche des Autrichiens, ainsi que le font pressentir les dernières nouvelles du théâtre de la guerre, il faudrait marcher à lui et le déloger de Trentschin et de la vallée de la Waag, pour empêcher qu'il ne fît une irruption en Moravie et ne mît hors d'état de fonctionner le chemin de fer de Vienne à Varsovie.

Afin de coopérer au mouvement supposé de nos alliés, il est nécessaire d'envoyer dès aujourd'hui au général Panutine l'ordre de se tenir entièrement à la disposition du général en chef autrichien et d'exécuter toute opération qui serait ordonnée par lui, tout en priant le général Welden d'employer la division du général Panutine de préférence comme réserve pour soutenir les troupes autrichiennes.

En tout cas, il serait à désirer que jusqu'à l'arrivée du général Rudiger, le général autrichien évitât de livrer bataille, hors les cas d'absolue nécessité ou à moins qu'il ne se présentât une occasion qui offrît toutes les chances de succès. Autrement il est plus prudent de rester sur la défensive, se bornant à couvrir la Moravie et à préserver de toute atteinte le chemin de fer qui est la source principale de nos moyens d'existence.

Mais quand la masse de nos forces aura été mise en mouvement, l'armée autrichienne devra absolument passer à l'offen-

sive, en manœuvrant par sa gauche sur *Trentschin*, à l'effet d'assurer sa jonction avec la colonne du général Rudiger.

Une fois réunies, les troupes alliées devront attaquer l'ennemi de concert et, après l'avoir défait, le pousser dans la direction de la *Théiss*.

En même temps la colonne du Prince Gortchakow, déjà descendue dans la plaine, du côté de Tokaï, contribuera à la ruine de l'ennemi, en balayant tout l'espace compris entre la *Théiss* et le pied des montagnes et se réunira par sa droite à la colonne du Comte Rudiger—par quoi doit se terminer la première période de la campagne.

De tout ce qui précède, il s'ensuit que le succès de toutes les opérations susmentionnées dépendra complètement de l'établissement de magasins à *Hradisch* à l'usage du corps du général Rudiger et de la régularité de ce point à Trentschin et au-delà, à la suite de ce corps.

Pour ce qui concerne la deuxième colonne, ses subsistances seront assurées au moyen des ressources de la Galicie et du Royaume de Pologne.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВОЕННО-ПОХОДНАЯ
КАНЦЕЛЯРІЯ.

Въ Варшавѣ
18-го мая 1849 года
№ 664.

Господину главнокомандующему дѣйствующею арміею

генералъ-адъютанта графа Адлерберга

РАПОРТЪ.

По Высочайшему повелѣнію, имѣю честь представить при семъ для свѣдѣнія Вашей Свѣтлости частное письмо тайнаго совѣтника Тенгоборскаго къ военному министру, отъ 13-го сего мая, о современныхъ происшествіяхъ въ Венгріи,

покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, письмо сіе по прочтеніи ко мнѣ возвратить.

Генералъ-адъютантъ графъ
Адлербергъ.

V.

Mon Prince,

Je viens de recevoir des lettres de Vienne du 2 (14) et du 4 (16) mai, dont voici quelques extraits, qui pourront peut-être intéresser Votre Excellence:

«On a l'intention d'offrir l'amnistie à tous les officiers qui servent dans les rangs de l'armée insurrectionnelle et qui retourneraient à leurs anciens drapeaux. Les ménagements avec lesquels on a traité, en dernier lieu, les officiers qui ont passé des rangs ennemis à l'armée Impériale, ont produit un très bon effet, 74 officiers viennent de quitter l'armée rebelle et sont rentrés dans le devoir.

«Les rédacteurs de tous les journaux ont reçu l'ordre de s'abstenir de toute nouvelle sur les mouvements de l'armée Impériale, hormis ce qui leur serait officiellement communiqué».

«Les habitants de Vienne se portent en masse à Hradisch pour voir les troupes russes (Hradisch est une station du chemin de fer à environ 4 milles de Gœding). Ceux qui en reviennent ne tarissent pas en louanges sur la belle tenue de ces troupes.

«Pesth est bombardé depuis 4 jours. Plusieurs maisons, entre autres celle du Comte Caroli, ont été réduites en cendres. La garnison de Bude, composée de 3,000 hommes, est constamment harcelée, tant du côté de Pesth, que du côté du Blocksberg (montagne qui domine la citadelle). On doute qu'elle puisse résister longtemps et l'on craint que le général Heinze

sera obligé de capituler, si la citadelle n'est pas bientôt débloquée.

«La conversion politique du Prince Nicolas Esterhazy fait depuis quelques jours le sujet de toute les conversations (le Prince Nicolas Esterhazy, qui a épousé Lady Sara Jersey, est le fils unique du Prince Paul, ci-devant Ambassadeur d'Autriche à Londres). Après avoir figuré comme rebelle contre son Roi, à la tête d'un détachement de Honweds, il sollicite maintenant du même Roi la faveur d'aller en Hongrie combattre les insurgés dans les rangs de l'armée Impériale. Il doit être attaché comme officier d'ordonnance auprès du général Prince Egmond Schwarzenberg. Cette conversion a fait d'autant plus de sensation, que depuis le mois de mars de l'année passée toute la famille Esterhazy, hommes et femmes, avait pris une couleur madgyare très tranchée. L'acte de déchéance n'a pas peu contribué à cette conversion. Cet acte de démence révolutionnaire a refroidi de beaucoup les plus chauds partisans de Kossuth, qui commence à s'en apercevoir. Il n'a pas encore osé remplacer sur les étendards de l'armée hongroise le chiffre du Roi Ferdinand V et il continue sa jonglerie en maintenant le soldat hongrois dans la persuasion qu'il combat pour son Souverain légitime. Il est à regretter qu'on n'a pas su jusqu'à présent profiter de cette circonstance pour détacher l'armée de la cause de son séducteur, et certes avec un peu d'adresse cela ne serait pas si difficile.

«Les meneurs de l'insurrection à Debreczin fondent leur espoir de succès sur les circonstances suivantes:

«Ils comptent sur les discussions entre les commandants des armées alliées, discussions qu'ils se proposent d'exciter et d'exploiter par la voie de la presse et par toutes sortes de stratagèmes. Sous ce rapport ils compteront probablement sans leur hôte et c'est plutôt contre eux qu'on peut rétorquer l'argument.

«Ils comptent aussi, et c'est en effet plus dangereux, sur

la fièvre hongroise qui fera, disent-ils, des grands ravages dans les rang des armées alliées, à l'approche des grandes chaleurs. C'est en effet un ennemi dangereux, contre lequel il faut se prémunir en prenant des mesures analogues, tant sous le rapport du régime alimentaire du soldat, que sous celui des organisations des ambulances et des pharmacies militaires, pour qu'elles soient bien approvisionnées de remèdes toniques et antifébriles.

«On écrit de Debreczin, la fièvre sera notre alliée, nous devons avant tout chercher à traîner la guerre en longueur, en attendant tranquillement les nouveaux événements et les nouvelles complications politiques qui ne manqueront pas de surgir et dont nous saurons profiter.

«Le négociateur prussien Baron Canitz est arrivé ici. Il a pour mission de représenter au Cabinet Autrichieu l'urgente nécessité de s'entendre sur la marche à suivre dans les affaires d'Allemagne, et de provoquer des explications franches et catégoriques sur les intentions de l'Autriche, et sur l'attitude qu'elle veut prendre vis-à-vis de l'Allemagne. Lorsque ces points seront bien établis, le négociateur prussien doit obtenir du Cabinet de Vienne, qu'en sauvegardant tous les droits et tous les intérêts de l'Autriche, on laisse à la Prusse la main libre, pour agir selon les circonstances pour le bien et l'intérêt commun, afin de pacifier l'Allemagne et de consolider le principe monarchique, d'une manière incompatible avec les exigences incontestables de l'époque. Un des points principaux de cette négociation est de tomber d'accord avec l'Autriche sur la question de la représentation. On part à Berlin de ce point de vue, qu'il est indispensable d'instituer un Parlement pour tous les pays allemands, quelle que soit la puissance à laquelle ils appartiennent, et l'on espère obtenir sur ce point l'adhésion de l'Autriche.

«Le Baron Canitz n'a eu jusqu'à présent qu'une entrevue

avec le Prince Schwarzenberg, dont il paraît très satisfait, et il compte sur le plein succès de sa négociation».

Je vous prie, mon Prince, de vouloir bien agréer les assurances de ma respectueuse considération.

Tęgoborski.

P. S. Voici ce qu'on m'écrit encore dans une autre lettre:

«Le général Vogel est heureusement arrivé à Warin avec tout son corps, après avoir eu constamment à combattre de nombreuses bandes de guerillas depuis Epéries jusqu'au Thalweg de la Waag. Vogel et Benedek se sont admirablement tirés, par des marches hardies et bien combinées, de la situation la plus dangereuse, car ils ont mille fois couru le risque d'être écrasés par des forces supérieures. Cette marche occupera une belle page dans les annales militaires.

«Les nouvelles de la Servie sont assez mauvaises. Il paraît que le but principal des insurgés est, maintenant, de tomber de tous les côtés sur le corps de Iellachich».

Le 13 mai, 1849.

VI.

Май, 1849 годъ.

La personne chargée de la direction de la haute police auprès de l'armée Impériale qui va franchir les frontières des Etats autrichiens, devra porter toute son attention et toute son activité sur les deux points principaux suivants.

1) Sur tout ce qui a rapport à l'armée des Hongrois et au pays qui va devenir le théâtre de la guerre.

2) Sur la personnalité et les menées secrètes des nombreux émissaires et émigrés polonais qui se trouvent dans l'armée rebelle et qui y exercent une si puissante et si pernicieuse influence.

Par rapport au premier point il faudra, en conséquence, tâcher d'obtenir des renseignements aussi exacts que possible sur la force, la dislocation et la composition (tant pour ce qui concerne la nationalité que l'armement)—des troupes rebelles, sur leurs moyens de subsistance, sur l'esprit dont elles sont animées, sur les chefs qui les commandent et sur le plus ou le moins d'accord qui règne entre ces chefs.

Il faudra, de plus, s'instruire avec soin de la disposition d'esprit des populations qui habitent les contrées où l'armée Impériale cantonnera momentanément ou qu'elle se proposera de parcourir, tâcher de connaître les habitants qui y exercent le plus d'influence et signaler ceux d'entre eux qui appartiennent au parti des rebelles, ainsi que ceux restés dévoués au gouvernement légitime. Comme il se trouve, sans aucun doute, au sein même de l'armée insurgée des militaires de tout grade entraînés uniquement par un concours de circonstances funestes vers la cause révolutionnaire et qui conservent des sympathies profondes pour leur souverain légitime, on devra s'appliquer, avec un soin tout particulier, à lier des intelligences avec ces individus, afin d'exploiter leurs bonnes dispositions, pour obtenir des éclaircissements sur la position, la force et les projets des insurgés.

Dans le cas où des officiers de l'armée rebelle se décideraient à abandonner la cause révolutionnaire et se présenteraient à nous, il faudrait les accueillir avec douceur et leur promettre de les recommander à la clémence de Sa Majesté l'Empereur.

De cette manière on pourrait non seulement obtenir par ces individus des renseignements précieux, mais ils pourraient même servir à étendre nos intelligences secrètes dans le camp ennemi et y provoquer d'autres défections. Enfin il faudra également ne pas négliger de recueillir des renseignements sur la

nature des chemins, ainsi que sur les ressources de tout genre que le pays peut offrir à l'armée.

Quant au second point, la tâche des agents sera:

De prendre des informations sur tous les Polonais qui jouent un rôle plus ou moins marquant dans l'armée rebelle.

De signaler spécialement ceux des individus, appartenant à cette nation, qui sont originaires du Royaume.

De tâcher de découvrir si, par quelle voie et avec qui nommément ils entretiennent des intelligences criminelles dans le Royaume.

Varsovie
mai, 1849.

VII.

a.

Копія съ бумаги, писанной Высочайшею рукою.

Господину генералъ-адъютанту Бергу.

Предписываю вашему высокопревосходительству донести императору австрійскому, что 5-го (17-го) іюня всѣ наши колонны могутъ двинуться въ горы. Симъ движеніемъ наше обѣщаніе будетъ исполнено, и настало время австрійской арміи перейти къ наступленію.

Но наши колонны, по положительной волѣ Государя Императора нашего, не тронутся *ни на шагъ впередъ*, буде австрійское правительство не исполнитъ справедливаго требованія, которое лично Государь Императоръ объявилъ австрійскому министру графу Булю для передачи въ Вѣну.

Нѣтъ приличія, нѣтъ и благоразумія, двигать россійскую армію на борьбу съ возмутителями, тогда какъ въ тылу арміи, въ Галиціи, свободно до сихъ поръ проживаютъ среди войскъ

нашихъ наши измѣнники, возмутители, изгнанники и пришельцы со всѣхъ концовъ Европы. Самое достоинство австрійскаго правительства должно-бъ было не допускать того, чтобъ имъ *мы* бы указывали; *долгъ* его былъ давно взять противъ того сильныя мѣры.

Досель мѣстныя власти, не имѣя никакого по сему наставленія, ничего не дѣлаютъ и время проходитъ въ однихъ отрицаніяхъ неимѣнія разрѣшеній въ руководство.

Донесите о семъ императору австрійскому, и подтвердите, что доколь не получено будетъ удовлетворительнаго отвѣта, Государь Императоръ не двинетъ своихъ войскъ.

Варшава.
30-го мая (11-го іюня) 1849 г.

VIII.

а.

Его Императорское Величество въ присутствіи своемъ въ Варшавѣ, іюня 1-го дня 1849 года, соизволилъ отдать слѣдующій приказъ.

Ребята!

Новые труды, новые подвиги вамъ предстоятъ! Мы идемъ помочь союзнику усмирять тотъ же мятежъ, который, попранный вами за восемнадцать лѣтъ въ Польшѣ, вспыхнулъ вновь въ Венгріи. Съ помощью Божіею, вы явитесь тѣми же православными воинами, какими русскіе всегда и вездѣ были: страшные врагамъ всего священнаго, великодушными къ мирнымъ жителямъ. Вотъ чего ждетъ отъ васъ вашъ Государь и наша Святая Россія. Впередъ, ребята, за нашимъ варшавскимъ героемъ — на новую славу! Съ нами Богъ!

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*Николай*».

Съ подлиннымъ вѣрно: генералъ-адъютантъ
графъ Адлербергъ.

б.

Приказъ по арміи.

Друзья-товарищи!

Довѣренность, которою Государь Императоръ, по случаю предстоящихъ военныхъ дѣйствій, соизволилъ удостоить насъ въ Высочайшемъ приказѣ своемъ отъ 1-го сего іюня, постараемся оправдать исполненіемъ нашего долга и неусыпными трудами, которыхъ отъ насъ требуютъ вѣра, преданность Государю и любовь къ отечеству.

Слава, покрывшая русское оружіе въ предшедшія войны, да сопутствуетъ намъ къ сокрушенію враговъ законнаго порядка. Я вмѣстѣ съ вами увѣренъ, что ожиданія Монарха не будутъ тщетны, и мы заслужимъ вновь лестное вниманіе къ намъ всемилостивѣйшаго нашего Государя.

Ребята! говорятъ, что будто непріятель боекъ, но вы знаете, что мы и сами не уступимъ ему.

Съ нами Богъ!

IX.

Monsieur le Maréchal,

J'ai l'honneur d'accuser à Votre Altesse le reçu de la dépêche de Gyöngyös du 1er (13) juillet.

J'avais déjà acquis la conviction qu'une grande partie

des forces ennemies sous les ordres de Georgëy venait de quitter Komorn, en suivant le cours du Danube vers Waitzen.

J'avais décidé en conséquence de passer avec la majeure partie de mon armée sur la rive gauche du Danube, de poursuivre l'ennemi, de tâcher de le mettre entre deux feux en le poussant vers l'armée de Votre Altesse.

Maintenant, d'après les données communiquées par Votre Altesse, mon passage sur la rive gauche du Danube serait une mesure trop tardive pour en réaliser le but.

Il me semble donc que, si Votre Altesse voulait bien se charger de la tâche de poursuivre et d'anéantir les forces ennemies sur la rive gauche du Danube, il me resterait celle de m'avancer pour me mettre en communication et soutenir le Ban de Croatie, menacé par des forces qui pourraient devenir considérables, et abandonné à lui-même.

Toutefois, si Votre Altesse se trouvait disposée à agréer mon opinion, il serait absolument nécessaire qu'un corps d'armée des troupes de Votre Altesse soit destiné à cerner Komorn sur la rive gauche, pour me permettre de disposer de celles qui en ce moment sont employées à cet effet.

Le premier objet des opérations, Bude-Pesth, étant occupé, il est urgent de poursuivre, de détruire les forces ennemies; en se dispersant à des directions différentes, elles ont évidemment le but de prolonger et de propager la guerre dans les contrées éloignées du pays.

Il est donc urgent de ne pas leur laisser le temps d'organiser et de réaliser ce plan de défense.

Les forces imposantes dont Votre Altesse dispose lui permettent, tout en destinant un corps d'armée pour cerner Komorn sur la rive gauche, d'en conserver assez pour écraser l'ennemi dans le nord de la Hongrie.

Ce n'est que si Votre Altesse voulait bien ordonner le blocus de Komorn sur la rive gauche du Danube, que je pour-

rais me faire joindre par celles qui se trouvent actuellement destinées à cet objet, et ce n'est qu'alors que je me trouverais en forces suffisantes pour continuer mes opérations vers le midi.

J'ose espérer que Votre Altesse trouvera, dans sa haute sagesse, à propos de m'en faciliter les moyens, en faisant cerner Komorn sur la rive gauche, soit par le corps d'armée du général Grabbe, soit par d'autres troupes.

Agréez, Monsieur le Maréchal, l'assurance de ma haute considération.

Votre très humble serviteur
HAYNAU.

Quartier-général de Nagy Igmond,
le 3 (15) juillet 1849.

X.

Varsovie,
le 20 juin (2 juillet) 1849.

Copie.

Monsieur le général,

Sa Majesté l'Empereur a pris connaissance de Votre rapport en date d'Altenbourg, le 15 (27) juin, ainsi que de l'office que Votre Excellence m'a fait l'honneur de m'adresser le même jour.

Appelé, d'ordre Suprême, à vous faire connaître l'impression que la lecture de ces deux pièces a laissée à notre Auguste Maître, je m'acquitte de ce devoir, non sans Vous exprimer le regret que j'éprouve d'avoir à Vous faire une communication dont le contenu est de nature à Vous affecter de la manière la plus pénible.

En adressant à Monsieur le Maréchal Prince de Varsovie le rapport sub. № 58 que Vous avez placé en copie sous les yeux de l'Empereur, Vous ne Vous êtes point borné à Vous rendre l'organe d'une prétention inadmissible.

Vous avez cru pouvoir prendre sur Vous de Vous en constituer le défenseur et Vous l'avez fait d'une manière qui a dû, à juste titre, mécontenter le Prince de Varsovie. Notre Auguste Maître Vous désaprouve hautement. L'Empereur m'ayant ordonné d'en informer Votre Excellence et de lui transmettre le jugement que dans sa haute sagesse Sa Majesté Impériale a porté tant sur le fond que sur la forme de Votre rapport susmentioné, je ne saurais plus fidèlement remplir cette volonté Suprême qu'en transcrivant textuellement l'annotation que l'Empereur a tracée de Son Auguste main sur le rapport de Votre Excellence.

«Dire au général Berg que je trouve le ton de son office «aussi inconvenant que ridicule; le Maréchal a informé l'Em«pereur d'Autriche à l'égal de moi-même de tout ce que le «Maréchal *savait*. Les opérations ultérieures ne sont pas encore «décidées, par la raison fort simple qu'elles dépendent en grande «partie *de ce que fait et où se trouve l'ennemi*. Le Maréchal «conduit les opérations d'après *le plan général* arrêté et con«venu; il n'est donc pas possible, *à moins d'être un ignorant*, «de vouloir que le Maréchal *fixe la date* de mouvements qui «peuvent changer dans un cadre donné, selon les diverses cir«constances. J'ordonne de la manière la plus positive au gé«néral Berg d'être plus circonspect, faute de quoi j'aviserai à «le remplacer par quelqu'un qui saura mieux remplir son de«voir et mes intentions».

Telle est, Monsieur le général, la haute décision de Sa Majesté l'Empereur. Elle est trop explicite pour que je puisse me permettre d'y rien ajouter, si ce n'est de vous dire encore une fois, Monsieur le général, combien je suis peiné du mécontentement de notre Auguste Maître que vous avez eu le malheur d'encourir.

Sa Majesté n'a pas été plus satisfaite du contenu de l'office que Votre Excellence m'a adressé personnellement et qui est

relatif à la demande formée par le gouvernement autrichien d'un envoi de boulangers russes auprès de la division du général Panutine.

L'Empereur a vu avec surprise que Votre Excellence ait pu laisser ignorer au Prince de Schwartzenberg qu'il n'existe point dans notre armée une corporation de boulangers, tandis qu'il doit vous être bien connu, Monsieur le général, que chez nous tout soldat est bottier, boulanger, tailleur, etc., que la troupe confectionne elle-même tout ce dont elle a besoin et que le pain est fait par des soldats détachés, quand besoin il y a, sous le nom de *хлѣбопеки*.

Pour ce qui concerne l'augmentation du nombre de nos artilleurs à Olmütz, j'ai l'honneur d'informer Votre Excellence que la demande du gouvernement Autrichien se trouve déjà remplie sur ce point, 70 artificiers avec un officier ayant été envoyés à Olmütz immédiatement après la réception de Votre premier office à ce sujet.

Recevez, Monsieur le général, l'assurance de ma haute considération.

Signé: le Comte W. d'Adlerberg.

XI.

Son Altesse le Prince de Varsovie, Feld-Maréchal des armées Impériales de Russie.

Monsieur le Maréchal,

Ce matin, sur mon chemin de N. Igmand à Bitske, j'ai reçu le billet, en date du 5 (17) juillet, par lequel Votre Altesse a bien voulu m'informer qu'elle avait forcé l'ennemi de quitter

Waitzen et que l'armée Impériale russe le poursuit. Tout comme je ne pouvais m'attendre à un autre résultat, dès que l'ennemi oserait faire face à vos troupes, de même suis-je convaincu que la poursuite est tellement vigoureuse que l'ennemi y perdra une partie de ses bagages et de son artillerie.

Je me permets encore une fois de Vous prier, Monsieur le Maréchal, d'ordonner qu'on ne perde pas de vue la rive droite du Danube, dans le cas que l'ennemi rentrât avec beaucoup de force à Komorn.

J'ai déjà eu l'honneur d'annoncer à Votre Altesse que je marche avec toutes mes troupes disponibles sur Pesth — où je serai demain — pour me réunir au Ban au plus tôt que possible.

Comme il s'agit non seulement de finir cette guerre, mais aussi de la finir au plus vite possible, je crois oser prier Votre Altesse de vouloir bien détacher un corps d'armée par Szolnok vers Gross-Wardein, ce qui rétablirait bientôt la communication avec les troupes qui opèrent en Transylvanie, et ce qui ne pourrait manquer d'être de la plus grande utilité pour amener une heureuse et prompte issue de cette campagne.

Je plains sincèrement que la distance qui sépare les deux quartiers généraux soit si grande et que les circonstances ne me permettent pas de m'éloigner de l'armée pour présenter en personne mes respects à Votre Altesse, comme je le désire depuis longtemps. Je dois d'autant plus y renoncer que les rapports du général Ramberg m'informent qu'on a déjà rencontré des troupes appartenant aux corps de Dembinski et de Perczel près de Maglod, à peu près à la hauteur d'Üllö, sur la route de Szolnok, lesquels auront probablement pris cette direction pour se réunir à Georgëy, qui en attendant, grâce aux mouvements de Votre Altesse, a été refoulé.

Veuillez, Monsieur le Maréchal, agréer l'expression de mes

sentiments de la plus haute considération et de profond respect, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

de Votre Altesse

le très humble et très obéissant serviteur

HAÏNAU.

Au quartier général Bitske
le 6 (18) juillet 1849.

XII.

Reçu le 2 (14) juillet 1849.

S. A. M. le Maréchal Prince de Varsovie.

Monsieur le Maréchal,

La lettre que Votre Altesse m'a rendu l'honneur de m'adresser de Miscolcz le 23 juin (5 juillet) vient de m'être remise dans l'instant. Je m'empresse, Monsieur le Maréchal, de vous en offrir mes plus sincères remercîments et d'ajouter l'assurance que je suis vivement flatté de ce qu'un si illustre capitaine juge favorablement les opérations de l'armée confiée à mon commandement.

En pareil temps j'ai l'honneur de porter à la haute connaissance de Votre Altesse—l'ennemi continuant à rester avec ses forces principales à Komorn—je suis par conséquent obligé de m'arrêter devant cette forteresse avec trois corps d'armée et la division du lieutenant-général Panutine. J'ai fait jeter un pont sur le Danube près de Sovad, au-dessus de Komorn, lequel a été achevé le 7 courant; de sorte que je suis maintenant maître des deux rives, et à même de manœuvrer selon les exigences du moment.

J'ai dirigé, il y a quelques jours, vers Bude et ses environs des corps détachés du troisième corps d'armée, qui occuperont cette ville en même temps que les avant-troupes de Votre Altesse entreront à Pesth.

Il est probable que l'ennemi, qui a lui-même brûlé le pont de Gran, et qui ne pourrait à la longue subsister à Komorn, tente de gagner Waitzen, sur la rive gauche du Danube, en ne laissant à Komorn qu'une garnison suffisante pour la défense. Dans ce cas je laisserai devant la place un corps assez fort pour la bloquer efficacement, et je me rendrai avec tout le reste de mes troupes sur la rive gauche à la poursuite de l'ennemi. Pour assurer un succès complet à cette opération, et pour tous les cas, je crois devoir prier Votre Altesse de détacher aussi de Votre côté un corps sur Waitzen, dont l'occupation me semble décisive.

Avec un concours tellement efficace que celui de l'armée russe sous le commandement de son célèbre Chef, d'après les succès déjà obtenus des deux côtés, je crois oser présager que la partie essentielle de la campagne sera finie vers la moitié du mois prochain.

Veuillez, Monsieur le Maréchal, agréer l'expression de mes sentiments de haute considération et de profond respect, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

Monsieur le Maréchal

de Votre Altesse
le très humble serviteur
HAÏNAU.

Au quartier général de N. Igmond
le 10 juillet (28 juin) 1849.

Въ г. Варшавѣ,
28 августа дня 1849 г.
№ 194.

XIII.

a.

Приказъ по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ.

Всемогущему Богу угодно было посѣтить насъ еще новымъ несчастіемъ — еще воззвать въ горнія селенія Свои одну душу нашего семейства. Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Главнокоман-

дующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, почилъ въ Бозѣ послѣ трудной болѣзни въ Варшавѣ, сего 28-го августа; прослуживъ полвѣка вѣрою и правдою Государю и почти двадцать три года командуя отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ и пять лѣтъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами.

Покоряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, я съ искреннимъ и горькимъ душевнымъ прискорбіемъ возвѣщаю объ этомъ горестномъ событіи гвардейскій и гренадерскій корпуса.

Плачьте, ребята, соединимъ всѣ вмѣстѣ слезы наши у Престола Всемогущаго. Его Высочество былъ справедливѣйшій начальникъ и попечительнѣйшій отецъ вашъ, плачьте и молитесь Милосердному Богу, да приметъ и успокоитъ Онъ душу Его во святыхъ своихъ обителяхъ.

Прочитать этотъ приказъ во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ, при собраніи всѣхъ нижнихъ чиновъ и отслужить панихиды за упокоеніе души въ Бозѣ почившаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ Александръ.

XIII.

б.

Главн. квар. г. Варшава.
Августа 30 дня, 1849 г.
№

Приказъ дѣйствующей арміи.

Среди торжества оружія нашего, Всевышній промыслъ ниспослалъ тяжкое испытаніе Августѣйшему Дому Государя Императора. 28-го августа почилъ въ Бозѣ Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Съ глубокою горестію объявляю войскамъ объ этой великой потерѣ. Я имѣлъ счастіе съ юношескихъ лѣтъ Его Императорскаго Высочества быть близкимъ къ Нему. Армія наполнена офицерами, воспитанными подъ благодѣтельнымъ Его попеченіемъ; артиллерія наша образована и устроена Его незабвенными трудами. Сколько воспоминаній для вѣчной нашей благодарности!

Соединимъ слезы и мольбы наши предъ Богомъ, объ упокоеніи высокой души усопшаго. Награда дѣламъ Его на небесахъ и въ потомствѣ.

Подписалъ: генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій,
графъ Паскевичъ-Эриванскій.

XIII.

в.

Милостивый Государь
Князь Иванъ Федоровичъ.

Въ духовномъ завѣщаніи въ Бозѣ почившаго Государя Великаго Князя Михаила Павловича, совершенномъ 20-го мая 1843 года, между прочимъ, изображено:

«Душевно благодарю Его Свѣтлость князя Ивана Федоровича Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго, за его двадцатипятилѣтнее доброе ко мнѣ расположеніе и прошу его принять отъ меня *двѣ колонны желтаго мрамора и мозаичный столъ*, пожалованные мнѣ Его Святѣйшествомъ покойнымъ папою Піемъ VII, во время путешествія моего по Италіи въ 1818—1819 годахъ, когда Его Свѣтлость сопровождалъ меня, въ качествѣ руководителя; прошу генералъ-фельдмаршала сохранить эти вещи и въ память сего

путешествія, и въ изъявленіе моей къ нему всегдашней преданности и признательности».

«Если я кого-либо обидѣлъ, или изъ моихъ подчиненныхъ, или по другимъ моимъ соотношеніямъ, то отъ всей души искренно прошу ихъ простить меня и вѣрить мнѣ, что я никогда не хотѣлъ огорчить ихъ съ умысломъ».

О таковой волѣ въ Бозѣ почившаго Государя Великаго Князя Михаила Павловича я, по повелѣнію Его Императорскаго Величества донося Вашей Свѣтлости, имѣю честь почтительнѣйше присовокупить, что завѣщанныя Его Высочествомъ вещи будутъ доставлены къ Вашей Свѣтлости отъ управляющаго Гофмейстерскою частію Двора Его Императорскаго Величества.

Съ отличнѣйшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Вашей Свѣтлости

всепокорнѣйшимъ слугою

І. Ростовцовъ.

Душеприкащикъ въ Бозѣ почившаго Государя Великаго Князя Михаила Павловича.

13-го октября 1849 г.
Въ С.-Петербургѣ.

Его Свѣтлости кн. И. Ѳ. Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому.

XIV.

Писано со словъ князя Варшавскаго, въ мартѣ 1850 г.

Я долго думалъ, какъ могло австрійское правительство осмѣлиться въ прошедшемъ году прислать князя Шварценберга съ просьбою объ удаленіи меня изъ арміи. Здравый смыслъ

говоритъ, что столь дерзкое предложенiе не родилось въ головѣ князя Шварценберга, онъ видимо былъ только орудiемъ кабалы, на челѣ которой стоялъ графъ Нессельроде, желавшiй замѣстить меня другомъ своимъ Воронцовымъ. Мысль эта подтверждается прибытiемъ въ Варшаву Воронцова почти въ одно время съ Шварценбергомъ, несмотря на то, что присутствiе главнокомандующаго было тогда необходимо на Кавказѣ, потому что въ лѣтнее время предпринимаются важнѣйшiя экспедицiи.

Безошибочно можно сказать, что предположенiе объ удаленiи меня изъ армiи было условлено между канцлеромъ и княземъ Шварценбергомъ во время перваго пребыванiя его въ Варшавѣ.

Вѣроятно, канцлеръ не постыдился увѣрить легкомысленнаго австрiйца, что отзывъ мой изъ армiи вещь сбыточная, дѣйствуя въ этомъ случаѣ не какъ русскiй министръ, но какъ природный нѣмецъ, онъ далъ ему почувствовать, что когда я командую русскою армiею, то Австрiя неминуемо должна играть второстепенную роль, наконецъ, что неуживчивый характеръ мой будетъ на каждомъ шагу оскорблять австрiйцевъ, словомъ сказать, что для пользы и славы Австрiи весьма желательно бы было, чтобы другой, но не я, командовалъ русскою армiею.

Иначе нельзя истолковать прибытiе князя Шварценберга въ Варшаву, особенно при тогдашнемъ положенiи Австрiи, существованiе коей зависѣло единственно отъ Россiи.

Повторяю, на основанiи только однихъ обѣщанiй Нессельроде осмѣлился князь Шварценбергъ прибыть сюда съ подобнымъ предложенiемъ.

XV.

а.

Изъ прилагаемаго въ подлинникѣ рапорта генералъ-адъютанта Панютина, отъ 31-го іюля № 288, съ описаніемъ дѣйствій ввѣренной ему дивизіи въ сраженіи 28-го іюля (9-го августа) при Темешварѣ, Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите, что дивизія эта въ четвертый разъ спасаетъ австрійскую армію.

Необдуманное движеніе генерала Гайнау на Темешваръ подвергало австрійскую армію совершенному разбитію, не принося никакой общей пользы для кампаніи. Онъ зналъ, что чрезъ недѣлю я приду въ эти мѣста со всѣми силами, и ему слѣдовало, по отношеніи непріятеля отъ Тейсы, остановиться. Но онъ также зналъ, что войска, находящіяся противъ него, очень слабы духомъ: оттого онъ пошелъ за ними и чуть не проигралъ Темешварское, очень незначущее, сраженіе.

Конечно, если бы Гайнау и проигралъ сраженіе, мои вѣрно расчитанныя движенія во всякомъ случаѣ окончили бы войну. Но къ чему же и по какой причинѣ генералъ Гайнау оставилъ Коморнъ и Пештъ и, набравъ войска, которыя ему за Тейсомъ совсѣмъ не были нужны, такъ лѣзъ?

Онъ для того это дѣлалъ, чтобы потомъ сказали, что все сдѣлали австрійцы, а не русскіе. Такъ совѣтовалъ ему и главный совѣтъ. Говорятъ, что генералъ Гайнау ничего не предпринималъ безъ совѣта генерала Берга.

XV.

6.

Copie.

Temesvar.
Le 8 (20) août 1849.

Monsieur le Maréchal,

Je me suis donné beaucoup de peine pour apprendre par les prisonniers le nombre des troupes rebelles que l'armée autrichienne a combattues depuis Szégédin, et j'ai appris, en confrontant et en examinant avec soin les différentes indications, qu'effectivement, le 5 août à Szörrey, près de Szégédin, sous les ordres du révolutionnaire Dembinsky ont combattu les chefs rebelles Wisocky, Kmettry, Vecsey, Desseffi avec 35,000 hommes bien armés (sans compter le landsturm mal armé).

Après le 5 août, cette armée a été renforcée par le corps

de Vetterforst d'environ	15,000 hommes.
par celui du Siège de Temesvar . . .	8,000 »
et par celui de Bem	20,000 »
Total.	78,000 hommes.

La perte de l'armée ennemie à Szörrey, à Mako et près de Kanisa a été évaluée à 8,000 hommes, ce qui donne à l'ennemi pour le jour de la bataille (9 août) de Kis-Becskerek, près de Temesvar, le nombre de 70,000 hommes.

On voit que Kossuth et Dembinsky avaient réellement concentré toutes leurs forces, ainsi qu'ils l'avaient annoncé.

Georgëy devait se réunir à eux par Arad. La manœuvre qui à la bataille de 9 août a rejeté l'armée rebelle sur la route de Lougos et qui par là les a séparés de Georgëy, a donc effectivement porté un coup mortel à l'insurrection, de même que la soumission de Georgëy a précipité la fin de la guerre.

La masse des prisonniers augmente si rapidement, que le Baron de Haïnau m'a dit ce soir qu'il y en avait déjà d'après les rapports officiels 22,000 hommes.

J'ai cru devoir soumettre ces renseignements à Votre Altesse pour compléter les notions précédentes.

Veuillez agréer, etc., etc.

Signé : général Berg.

XV.

б.

Traduction d'une lettre de l'aide de camp général de Berg, au commandant en chef de l'armée autrichienne du Danube en date d'Esseg le 25 août 1849.

Lorsque je lus le 20 au matin dans le cabinet de Votre Excellence le bulletin № 8, je me permis, sur la manière dont il y était fait mention de la soumission de Georgëy, une observation; vous défendîtes la rédaction du bulletin. L'objet me sembla de peu d'importance, je ne crus donc pas devoir le relever davantage.

Le 21 au matin Votre Excellence se rendit à Arad, — je partis moi-même pour Titel. Je dois supposer que la grande quantité d'affaires qui devaient être expédiées le 21, dernier jour de notre réunion à Temesvar, fut la cause que l'Etat-Major ne me communiqua point le bulletin № 9, et que je n'en eus pas connaissance autrement. Ce n'est qu'aujourd'hui, à Esseg, que ce bulletin m'est parvenu, et je ne puis cacher à Votre Excellence que sa lecture m'a laissé une impression bien pénible.

J'ai vu qu'il n'y est fait nulle part mention de la grande

influence que l'armée Impériale russe a exercée sur toute la campagne; on n'en parle que pour faire entendre que Georgëy a su lui échapper; on y dit ensuite que ce chef rebelle, entouré de tous les côtés, a mis bas les armes; mais on n'ajoute point qu'il s'est soumis à un corps d'armée russe et que, s'il ne l'avait pas fait, il s'exposait à être anéanti; le bulletin cite plus loin les six batailles dans lesquelles l'armée autrichienne du Danube a triomphé de l'ennemi.

Votre Excellence n'ignore pas que, comme témoin de ces glorieuses journées, je me suis toujours plu à rendre dans mes rapports la plus éclatante justice à la brave armée du Danube. Il m'a été d'autant plus pénible de voir que le 9me bulletin passait entièrement sous silence les 16 braves bataillons russes et leur artillerie si supérieurement servie, qui combattaient avec l'armée du Danube et dont la coopération a été *décisive* dans *quatre* des batailles mentionnées. Il aurait été juste et équitable de faire dans le 9me la mention que les troupes Impériales russes ont si glorieusement méritée.

Un bulletin signé par le commandant en chef d'une armée et destiné à être livré à la publicité est un document d'une haute gravité; chaque parole doit y être mûrement pesée.

En ma qualité de général russe, chargé de servir d'organe entre les deux armées Impériales, et, le cas échéant, de sauvegarder les intérêts russes au quartier général autrichien, il devient de mon devoir de m'adresser dans cette circonstance à Votre Excellence pour protester de la manière la plus solennelle contre l'esprit dans lequel tout le 9me bulletin me paraît conçu, parce qu'il passe entièrement sous silence la coopération décisive et prépondérante des forces russes qui formaient une partie si importante de l'armée autrichienne du Danube.

Pendant le séjour de deux mois que j'ai fait au quartier général de Votre Excellence, elle a exprimé journellement

avec chaleur son admiration pour l'Empereur, mon Auguste Maître; tous les jours vous avez parlé, M. le Baron, avec une profonde reconnaissance du secours généreux par lequel Sa Majesté Impériale a sauvé la monarchie autrichienne; souvent et à chaque occasion vous vous êtes empressé de reconnaître les services par lesquels la division Impériale russe a coopéré au succès de votre glorieuse campagne.

Je n'ai aucun motif pour mettre en doute la sincérité de vos sentiments; pourquoi donc cet esprit du 9me bulletin qui doit froisser douloureusement tout guerrier russe?

Pour effacer cette impression, et Votre Excellence doit le désirer autant que moi, je me permettrai de lui adresser la proposition suivante:

«De faire paraître dans le plus bref délai possible un bulle-«tin final, dans lequel Votre Excellence ferait avec une entière «justice la part de l'influence décisive que les armées russes «en général ont exercée sur la marche et l'issue de la guerre «contre les rebelles hongrois, et dans lequel il serait fait une «mention *particulière* de la division Impériale russe, qui a «combattu dans les rangs de l'armée du Danube en laissant «à cette division la part de l'honneur qui lui revient à si «juste titre du résultat glorieux de la campagne.

«J'ai appris à connaître Votre Excellence comme un guer-«rier éminent et comme un homme équitable et ami de la «vérité. Je suis donc persuadé qu'elle acceptera ma proposition, «et qu'elle la mettra à exécution. Le but des efforts de tous «les hommes haut placés doit être d'éviter tout ce qui peut «faire naître le désaccord et la méfiance entre deux armées, «qui peut-être seront appelées plus d'une fois encore à com-«battre ensemble contre les tentatives toujours renaissantes «du parti révolutionnaire.»

Recevez, etc.

Секретно.

XV.

г.

Милостивый Государь

Князь Иванъ Федоровичъ.

По волѣ Государя Императора, имѣю честь представить Вашей Свѣтлости для прочтенія:

1) Копію съ Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мною генералъ-адъютанту Бергу, вслѣдствіе письма къ Вамъ, Милостивый Государь, австрійскаго главнокомандующаго барона Гайнау отъ 25 іюля (6-го августа), которое было Вами представлено Его Величеству.

2) Отвѣтъ генералъ-адъютанта Берга и

3) Переводъ съ нѣмецкой депеши генералъ-адъютанта Берга къ барону Гайнау, въ которой онъ протестуетъ противъ послѣдняго 9-го бюллетеня австрійской арміи и требуетъ изданія другого, въ которомъ бы было изложено сильное вліяніе, которое имѣло на блистательный результатъ кампаніи мощное вмѣшательство Августѣйшаго Императора нашего и рѣшительныя дѣйствія войскъ, Вашею Свѣтлостію предводительствуемыхъ.

Государь Императоръ изволитъ надѣяться, что эти бумаги оправдаютъ въ глазахъ Вашей Свѣтлости дѣйствія генералъ-адъютанта Берга, исполнявшаго возложенныя на него порученія всегда съ усердіемъ, хотя не всегда съ должнымъ приличіемъ и осторожнымъ соображеніемъ, которыя, впрочемъ и могли недоставать въ трудномъ и щекотливомъ положеніи, въ которомъ онъ находился при австрійскомъ главнокомандующемъ, столь крутого нрава. Государь Императоръ, съ Своей стороны, находитъ генерала Берга виновнымъ въ томъ, что онъ не въ самомъ началѣ донесъ прямо

Его Величеству о встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ и столкновеніяхъ.

Покорнѣйше прося Вашу Свѣтлость, по минованіи надобности, означенныя бумаги мнѣ возвратить, пользуюсь случаемъ для возобновленія вамъ, Милостивый Государь, искренней преданности и совершеннаго высокопочитанія.

Графъ В. Адлербергъ.

№ 2748.
24-го августа 1849 г.

XVI.

Copie de la lettre du Comte François Zichy au Feld-Maréchal Prince de Varsovie.

Mon Prince,

Je me sens aussi honoré que profondément pénétré de la nouvelle preuve de confiance que Votre Altesse daigne me donner en m'assurant qu'elle ne préjuge rien sur mon rapport au sujet de l'affaire des officiers russes qui, pour cause de blessures ou de maladies, sont restés en Hongrie, avant d'avoir reçu de ma part des explications nécessaires.

Ces explications, je puis les donner à Votre Altesse en quelques lignes, et j'ose la supplier de ne point douter de ma véracité et de ma loyauté.

Lors de mon dernier voyage en Hongrie, j'acquis la certitude que beaucoup d'officiers russes, restés dans le pays pour cause de blessures ou de maladies, se trouvaient, en partie faute de moyens pécuniaires, dans l'embarras pour quitter le pays et retourner chez eux. Comme il s'agissait de leur procurer les moyens de partir et de faciliter leur voyage, j'ai

dû en faire un rapport à mon ministre; or ce rapport, je certifie à Votre Altesse que je l'ai fait précisément dans les mêmes termes que ceux dont je me suis servi en lui parlant à ce même sujet. Je n'ai abordé que la question pécuniaire et je n'ai parlé ni pu parler en aucune manière de la conduite de ces officiers, bien moins encore de l'influence politique de leur séjour dans le pays. Ce rapport fut écrit avant mon dernier voyage à Varsovie. Pendant mon dernier séjour dans cette ville j'eus l'honneur de parler à ce sujet à Votre Altesse, et ensuite de faire à mon ministre un nouveau rapport pour lui communiquer la décision qu'elle avait prise, et les ordres qu'elle avait jugé à propos de donner.

Voilà les faits tels qu'ils sont; toute autre manière de les présenter est complètement fausse et ne saurait être dictée que par la malveillance la plus positive.

Je supplie Votre Altesse de daigner agréer l'expression des sentiments de haute considération et de reconnaissance de son très humble et très obéissant serviteur.

XVII.

Marbourg.
Le 15 (27) 1849.

Monsieur le Maréchal,

J'ai eu l'honneur de recevoir l'ordre de Votre Altesse № 745 du 9 (21) août et je me suis arrêté dans mon voyage pour avoir celui de lui soumettre les explications qu'elle veut bien me demander.

Le 4 (16) le général Boutourline avait quitté Témesvar pour se rendre à Arad.

Le 5 (17) au matin, vers les 8 heures, je me rendis chez

le général en chef autrichien pour lui dire qu'un aide de camp, le lieutenant Prince Bariatinsky, avait la commission de lui raconter les détails de la soumission de Georgëy et qu'il avait l'ordre de repartir sur-le-champ.

J'entrai chez le Baron de Haïnau, qui était très agité et qui me raconta qu'on lui avait donné la nouvelle que la garnison d'Arad devait amener des valeurs considérables de l'Etat sous prétexte de biens particuliers lui appartenants; il me dit qu'on l'avait assuré que la couronne de Hongrie de Son Auguste Maître se trouvait au nombre des valeurs qu'on devait soustraire; il me raconta que la veille il avait déjà fait saisir un transport de voitures qui renfermaient des métaux non monnayés en très grande quantité. Il était très excité. Il parla beaucoup de ses devoirs de conserver les valeurs appartenant à l'Etat et finit par me dire qu'il venait d'ordonner au Comte Schlick de s'opposer au départ de la garnison qui, selon le Baron Haïnau, allait amener la couronne de Hongrie; car dans tout ce qu'il disait avec grande violence et en divaguant comme un homme en fièvre chaude, la couronne de Hongrie était l'idée fixe et dominante qui l'occupait exclusivement.

Je lui répondis là-dessus avec beaucoup de sang-froid et en faisant bien sentir chaque parole:

Si vous avez ordonné de mettre la moindre entrave, quelque minime qu'elle soit, à ce que fera le général Boutourline, je vous conseille de la révoquer à l'instant et je vous dirai le pourquoi. Le général Comte Rudiger et le général Boutourline n'agissent et ne peuvent agir que selon les instructions et les ordres qu'ils ont reçus du Prince de Varsovie. Or, si vous voulez entraver ce que fait le général Boutourline, vous vous opposez au fond au Maréchal. Ceci ne peut pas être votre intention.

Il fut frappé par la simplicité de cette observation et me

répondit sans hésiter: vous avez raison. J'ordonnerai au Comte Schlick de laisser faire le général Boutourline.

Toute cette conversation ne dura pas dix minutes.

J'introduisit le Prince Bariatinsky; la narration de la soumission de Georgëy fut faite. Le général Baron de Haïnau écrivit de sa propre écriture trois lignes au Comte Schlick, dont le sens était de laisser faire le général Boutourline et en lui recommandant les bagages. Il remit lui-même le papier au lieutenant Prince Bariatinsky en le priant de se rendre sans délai à Arad. Je reconduisis le Prince Bariatinsky chez moi et lui répétai que l'affaire des bagages tenait extrêmement à cœur au général en chef.

Environ vingt minutes plus tard je repassai chez le Baron de Haïnau. Il était pour moi d'une humeur très amicale et paraissait fort content d'avoir expédié ce dernier ordre au Comte Schlick.

J'avais d'abord vu avec satisfaction qu'il s'était rendu à mon observation sans hésiter un instant et de très bonne grâce, et je voyais avec plaisir qu'il était complètement revenu de l'idée plus qu'inconvenante de vouloir entraver les affaires du général Boutourline. Je me félicitai d'avoir converti le général en chef si facilement, tandis que le Baron de Haïnau, étant un homme très entêté et très emporté, m'avait habitué d'avoir avec lui souvent de très longues discussions, quand il s'agissait de le faire revenir sur quelque chose.

En écrivant au général Boutourline et en apprenant que j'avais fait révoquer toute opposition, j'ai bien cru avoir aplani le sujet de quelque discussion désagréable et très inconvenante de la part de l'autorité autrichienne pour retenir le départ de la garnison, mais il ne s'est jamais présenté à mon esprit la pensée que j'avais arrêté et fait révoquer une opposition *à main armée.* J'ai trouvé que la seule discussion sur le départ de la garnison serait un objet de la plus haute

inconvenance de la part des Autrichiens et qu'il fallait absolument l'écarter, mais si j'avais pu supposer qu'il pouvait être question d'une opposition à main armée, j'aurais écrit bien autrement au général Boutourline. J'en aurais fait sur-le-champ mon rapport à Votre Altesse et j'aurais fait bien autre chose encore.

Le lendemain le général Boutourline m'écrivit qu'il avait tout terminé à sa satisfaction avec le Comte Schlick; que l'occupation de la place (et par conséquent le départ de la garnison rebelle) était déjà un fait accompli avant même que le courrier fût arrivé à Arad.

Cette nouvelle me prouva que l'ordre primitif du Baron de Haïnau au Comte Schlick, et que j'avais écarté si facilement, ne pouvait être que très peu signifiant et très peu catégorique; je n'en parlai donc plus et personne ne m'en parla pendant tout le reste de mon séjour au quartier général autrichien.

En faisant expédier l'ordre de ne pas entraver les dispositions du général Boutourline et de ne s'opposer en rien au départ de la garnison, je n'ai jamais cru avoir écarté avec une si grande facilité un véritable malheur politique et une extravagance plus qu'inqualifiable, mais je me félicite à présent beaucoup d'avoir été vigilant, parce que j'ai ainsi prévenu, si un tel ordre a réellement existé, une complication effroyable, il est vrai, sans savoir moi-même toute la portée de ce que j'avais le bonheur de faire ce jour-là pour le maintien de la bonne intelligence entre les deux armées.

Je saisirai toutes les occasions qui pourront se présenter à moi pour apprendre secrètement le véritable fond de cette affaire très importante et plus qu'extravagante et extraordinaire.

Agréez, Monsieur le Maréchal, les hommages de ma très haute considération et de mon respectueux dévouement.

A Son Altesse Monsieur le Prince de Varsovie.

XVIII.

Mon Prince,

J'aurais peine à dépeindre à Votre Altesse la sensation aussi immense que joyeuse qu'ont produite ici les heureuses nouvelles renfermées dans les lettres qu'elle m'a fait l'honneur de m'adresser le 16 août (4 septembre). Vainqueur dans tant de batailles, il Vous était réservé, mon Prince, la gloire d'amener sans effusion de sang inutile la soumission inconditionnelle d'une notable partie de l'armée des insurgés. Cet éclatant succès, dû au prestige de Votre nom autant qu'à la valeur de vos armes, sera fécond, je l'espère, en résultats heureux pour la prompte pacification de la Hongrie. Les conseils qu'il a plu à Votre Altesse de nous offrir, afin d'accélérer l'obtention de ce but salutaire, seront pris par le gouvernement de l'Empereur dans toute la considération qu'ils méritent. Allier la clémence à une sage fermeté—voilà comment Sa Majesté l'Empereur Nicolas a défini le problème que nous avons à résoudre. Les mesures que nous allons prendre dans le but d'essayer cette solution, obtiendront, j'ose m'en flatter, le suffrage de Votre Altesse.

L'Empereur, mon Auguste Maître, attend avec impatience la nouvelle de la remise des prisonniers ainsi que du matériel de guerre rassemblé à Gross-Wardein afin de mettre le général Baron de Haïnau au plustôt dans le cas de procéder selon les intentions de Sa Majesté.

Profitant volontiers de l'offre obligeante de Votre Altesse, l'Empereur a fait partir pour Komorn le colonel Anitschkow, accompagné d'un officier autrichien. La lettre de Georgëy, dont le colonel Anitschkow est porteur pour Klapka, déter-

minera celui-ci, je l'espère, à suivre l'exemple de soumission que lui a donné son ami.

Permettez-moi, mon Prince, en terminant de vous offrir mes félicitations sincères de la grand-croix de l'ordre de Marie-Thérèse dont Sa Majesté l'Empereur vient de vous décorer. Cette croix, Votre Altesse le sait, est considérée dans l'armée autrichienne comme la plus haute récompense à laquelle puisse aspirer la vertu militaire. Il n'y a dès lors qu'une voix pour proclamer que cette décoration ne saurait être mieux placée que sur la poitrine de Votre Altesse.

Agréez, Monsieur le Maréchal, l'assurance de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être

de Votre Altesse

le très humble et très obéissant serviteur

Schwarzenberg.

XIX.

a.

Князь Иванъ Федоровичъ. Достохвальное и знаменитое служеніе ваше Престолу и Отечеству, ознаменованное громкою военною славою, служило мнѣ ручательствомъ успѣха нашего оружія въ войнѣ, предпринятой для поддержанія правъ моего августѣйшаго союзника императора австрійскаго Франца-Іосифа и къ усмиренію вспыхнувшаго въ Венгріи мятежа. Вы вполнѣ оправдали ожиданія мои и всей Россіи. Дѣйствуя съ примѣрнымъ благоразуміемъ въ краѣ, взволнованномъ мятежомъ, заботясь неусыпно о снабженіи войскъ всѣми военными потребностями и принимая всѣ мѣры къ надлежащему обезпеченію нашихъ сообщеній, — вы успѣли вѣрными шагами и съ самыми незначительными потерями

достигнуть предположенной цѣли. Нынѣ главный вождь, коему мятежнымъ венгерскимъ правительствомъ вручена была неограниченная власть, положилъ предъ вами оружіе. Съ душевнымъ удовольствіемъ вижу также, что, зная живѣйшее желаніе моего сердца, вы постоянно съ отеческою попечительностію заботились объ успокоеніи больныхъ и раненыхъ, запечатлѣвшихъ кровію исполненіе своего долга. Важныя послѣдствія, пріобрѣтенныя побѣдоносною арміею, подъ начальствомъ вашимъ состоящею, поведутъ безъ сомнѣнія къ упроченію въ Венгріи законной власти и надлежащаго порядка. Во изъявленіе моей душевной и искренней признательности за столь незабвенныя заслуги ваши, я повелѣлъ, чтобы всѣ Россійскія войска и въ мѣстахъ моего пребыванія—отдавали вамъ ту же самую почесть, которая по уставу опредѣлена только мнѣ. Повелѣніе это послужитъ доказательствомъ всѣмъ и каждому моего высокаго благоволенія, съ коимъ пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный

друг̆ъ вашъ Николай.

Въ Варшавѣ,
августа 4-го дня 1849 г.

Schönbrunn.
Le 22 août 1849.

XIX.

б.

Письмо къ фельдмаршалу австрійскаго императора.

Monsieur le Prince de Varsovie,

C'est avec une satisfaction aussi vive que légitime que j'ai appris les heureuses nouvelles que Votre Altesse a bien voulu m'annoncer par sa lettre du 4 (16) août.

La valeureuse armée que vous commandez, et qui est habi-

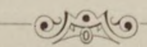
tuée à vaincre sous vos auspices, Monsieur le Maréchal, a brillamment justifié dans la campagne de Hongrie l'antique réputation dont elle jouit. Votre Altesse elle-même a acquis sur le champ de bataille de nouveaux titres à la haute satisfaction de Sa Majesté l'Empereur, mon Auguste Ami et allié, comme à ma reconnaissance la plus profondément sentie. Ce qui met le comble à vos mérites, Prince, c'est le beau succès que vous venez de remporter. Avoir amené, en épargnant le sang des braves, la soumission inconditionnelle d'une partie considérable de l'armée des insurgés, voilà un triomphe qui vaut bien des lauriers sanglants. En témoignage public et éclatant de ma plus vive gratitude, je remets ci-près à Votre Altesse les insignes de grand-croix de mon ordre militaire de Marie-Thérèse.

Certes, Monsieur le Maréchal, si je n'avais à suivre que l'impulsion de mon cœur, j'étendrais volontiers un voile impénétrable sur le passé pour m'occuper uniquement de la recherche des moyens propres à fermer les plaies saignantes qu'une révolution impie a faites à la malheureuse Hongrie. Je ne saurais toutefois oublier que j'ai aussi des devoirs sacrés à remplir envers le reste de mes peuples et que le bien général de mon Empire m'impose des obligations et des égards qu'il ne m'est pas permis de perdre de vue. Quoi qu'il en soit, Votre Altesse m'a rendu justice, en supposant que plus serait large la part que la juste appréciation de tous ces graves intérêts réunis me permettrait de faire à la clémence, d'autant plus complet serait mon bonheur.

Recevez, Monsieur le Maréchal, les assurances nouvelles de la haute estime et du sincère attachement avec lesquels je suis

Votre bien affectionné

François-Joseph.



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

(КЪ ТЕКСТУ ШЕСТОГО ТОМА).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

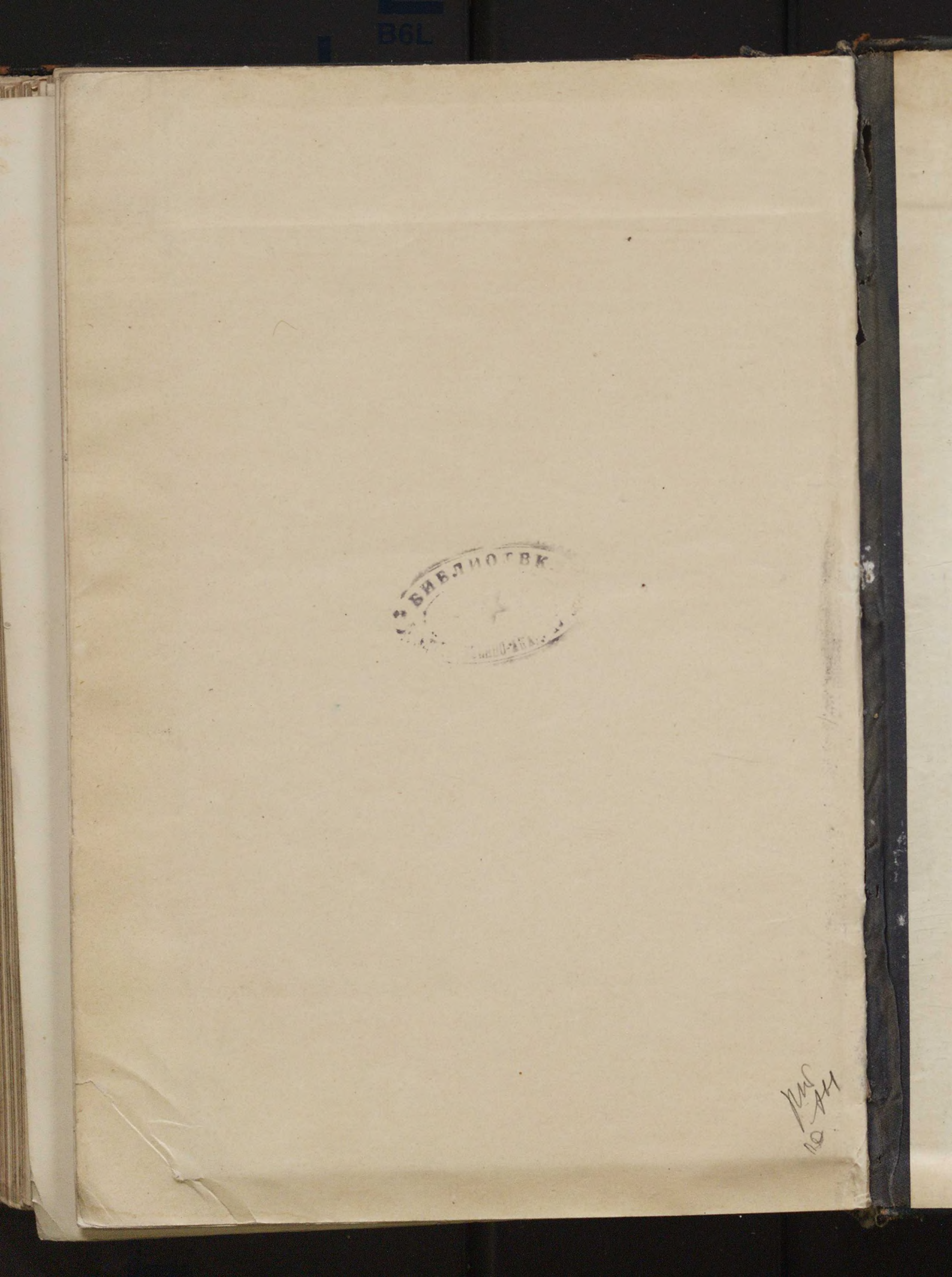
Ч.

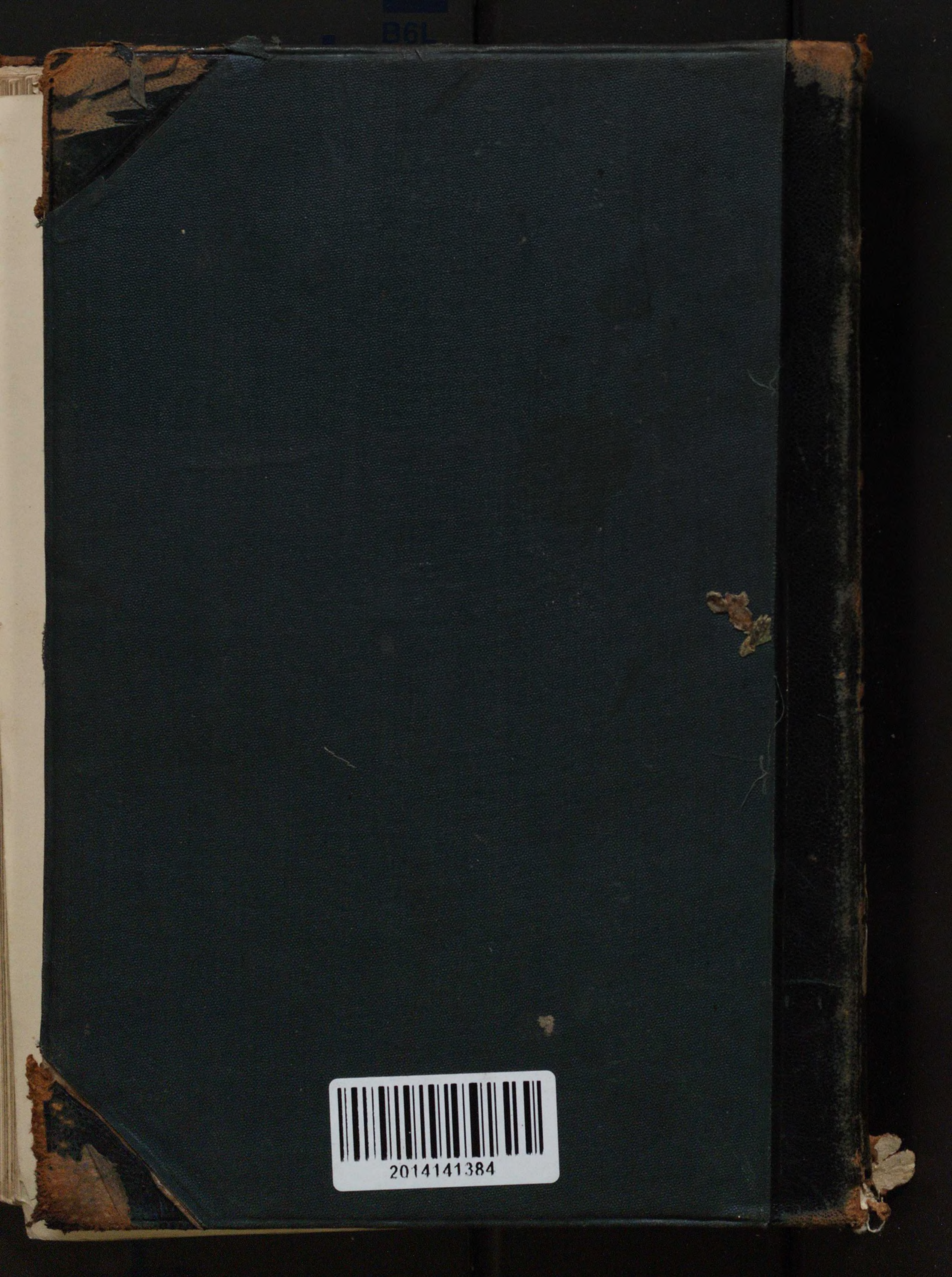
КАРТА
ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ ВЕНГРІИ И ТРАНСИЛЬВАНІИ
1849 г.

Масштабъ.

Верст. 40 30 20 10 0 40 80 120 верстъ

Автолит. Ф. Кремера, Мѣщанская 21, СПБ.


БИБЛИОТЕК


2014141384